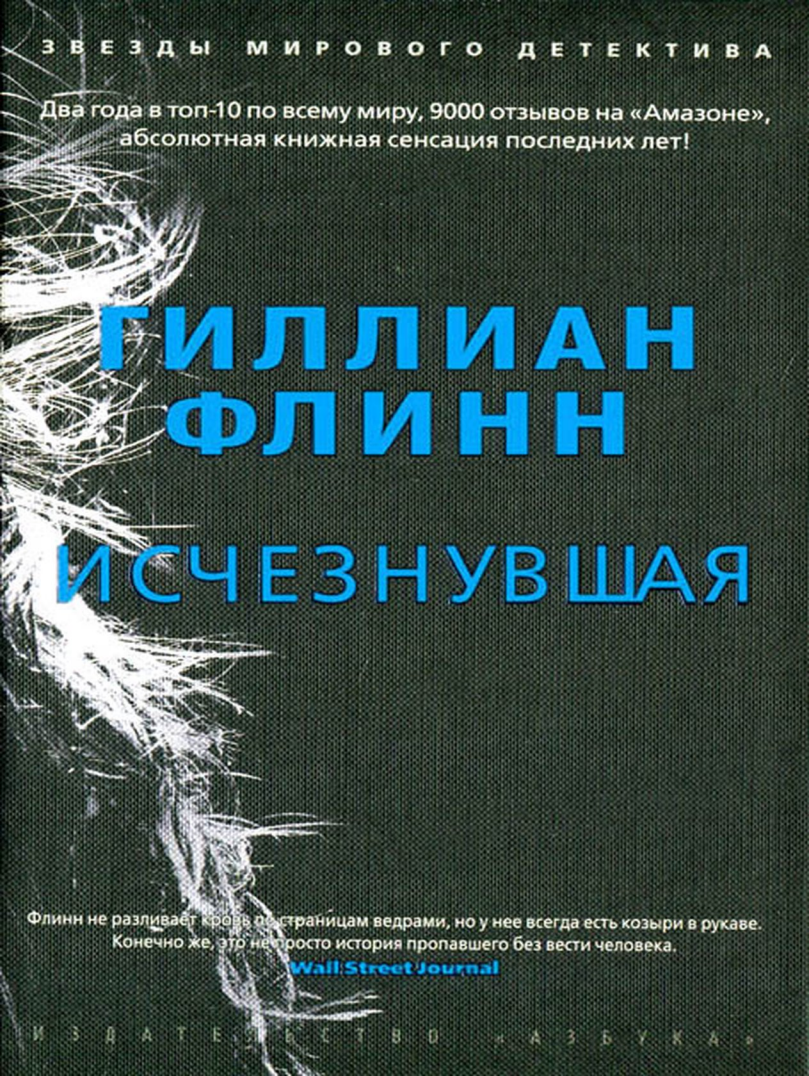
ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА
Два года в топ-10 по всему миру, 9000 отзывов на «Амазоне», абсолютная книжная сенсация последних лет!
ГИЛЛИАН ФЛИННН
ИСЧЕЗНУВШАЯ
Флинн не разливает кровь по страницам ведрами, но у нее всегда есть козыри в рукаве. Конечно же, это не просто история пропавшего без вести человека.
Wall Street Journal
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Исчезнувшая
Гиллиан Флинн

Аннотация
Гиллиан Флинн. ИСЧЕЗНУВШАЯ
Часть первая. ПАРЕНЬ ТЕРЯЕТ ДЕВУШКУ
Ник Данн
Эми Эллиот
Ник Данн
Эми Эллиот
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн

Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Часть вторая. ПАРЕНЬ НАХОДИТ ДЕВУШКУ
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн

Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Часть третья. ПАРЕНЬ ВОЗВРАЩАЕТ ДЕВУШКУ. (ИЛИ НАОБОРОТ)
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Ник Данн
Эми Эллиот-Данн
Благодарности

Аннотация

От автора — лауреата множества престижных литературных премий, чьи произведения опубликованы в 28 странах, на все книги писательницы приобретены права на экранизацию. Два года в топ-10 по всему миру! 10 000 восторженных откликов на Amazon.com! Абсолютная книжная сенсация последних лет!

Все было готово для празднования пятилетнего юбилея супружеской жизни, когда вдруг необъяснимо пропал один из виновников торжества. Остались следы борьбы в доме, кровь, которую явно пытались стереть, — и цепочка «ключей» в игре под названием «охота за сокровищами»; красивая, умная и невероятно изобретательная жена ежегодно устраивала ее для своего обожаемого мужа.

И похоже, что эти «ключи» — размещенные ею тут и там странные записки и не менее странные безделушки — дают единственный шанс пролить свет на судьбу исчезнувшей. Вот только не придется ли «охотнику» в процессе поиска раскрыть миру и пару-тройку

собственных малосимпатичных тайн?

Гиллиан Флинн
ИСЧЕЗНУВШАЯ

Тебе, Бретт, мое большое солнце,
тебе, Флинн, мое маленькое солнце
Любовь — вот бесконечная переменная
нашего мира; ложь, ненависть и даже
убийство вобрала она в себя, она — таит
в себе противоположности, она — пре-
красная роза с ароматом крови.

Иллюзия. Тони Кашнер

Часть первая
ПАРЕНЬ ТЕРЯЕТ ДЕВУШКУ

Ник Данн

Тот день.

Когда я представляю свою жену, то прежде всего вижу голову. Увидев ее впервые с затылка, я решил: в форме черепа есть что-то умилительно-округлое. Он напоминал спелый орех или окатанный камень со дна реки. В Викторианскую эпоху сказали бы: голова идеальной формы. Я узнаю эту голову где угодно.

Глядя на нее, с легкостью можно представить череп.

И то, что внутри. Об этом я тоже думаю — о ее разуме. Мозг с уймой извилин, по которым стремительными многоножками бегают мысли. Подобно ребенку, я воображаю, как вскрываю череп Эми и разматываю, как клубок, извилину за извилиной, прочесываю их, пытаясь найти и выловить мысли.

«Эми, о чем ты думаешь?» — вот вопрос, который я чаще всего задавал за время нашей семейной жизни. В основном не вслух, а мысленно. Думаю, такие вопросы клубятся, словно грозовые тучи, над каждой супружеской парой.

«О чем ты думаешь? Что чувствуешь? Кто мы? Что сделали друг для друга? Что еще нам предстоит сделать?»

Мои глаза открылись ровно в шесть утра. Не затрепетали ресницы, как птичьи крылья, не наступило медленное пробуждение, нет. Обыденный механический процесс. Как будто фокусник распахнул черный ящик. Только что мир окутывала тьма, и вдруг — бац! — свет. На часах горели цифры — 6:00. Редкое событие. Обычно я не просыпаюсь в круглое время. Мои побудки беспорядочны: то в 8:43, то в 11:51, то в 9:26… У меня вообще беспорядочная жизнь.

И в этот круглый миг, в 6:00, солнце перевалило через выстроившиеся на горизонте дубы, явив себя строгим летним владыкой. Его лик вспыхнул по ту сторону реки, к нашему дому протянулся длинный сияющий палец и уперся прямо в меня сквозь хлипкие занавеси грозным жестом: тебя увидели и уже не спустят глаз.

Я уткнулся носом в подушку на нашей нью-йоркской кровати, привезенной в новый дом. Мы все еще называли его новым домом, хотя переехали больше двух лет назад. Арендованный коттедж на берегу Миссисипи был вызывающе роскошным, как загородный дворец нувориша.

Сюда я стремился с самого детства, жизнь в большом городе тяготила меня.

Дом, где все знакомо до мелочей… но моя жена его ненавидит.

«Может, мне душу оставлять при входе?» — осведомилась она, едва появившись здесь.

Тогда Эми настояла не на покупке, а на аренде дома в моем родном штате Миссури, всерьез рассчитывая, что надолго мы не задержимся. Но сдаваемые дома столпились именно здесь, в крошечном городе-призраке, разоренном кризисом. Недвижимость переходила в собственность банков, падая в цене до немыслимых пределов. Коттеджные поселки в окрестностях закрывались порой раньше, чем успевали открыться. С моей стороны это был компромисс, но Эми так не считала. Она называла мой поступок прихотью эгоиста, предательской, как удар ножом исподтишка. Оказывается, я перетащил ее из настоящего города с его кипучей жизнью в глушь и дикость, заточил среди деревенщины, над которой она привыкла потешаться.

Я всегда считал, что для достижения компромисса к нему должны стремиться обе стороны. Но почему-то все наши компромиссы были односторонними. Один из нас обязательно оставался

недовольным. И как правило, это была Эми.

Не надо злиться на меня, Эми. Не надо называть это «миссурийской катастрофой». Злись на экономику, на невезение, на моих родителей, на своих родителей, на Интернет и на интернет-пользователей.

Я привык зарабатывать писательским трудом, сочинять романы, сценарии для кинофильмов и телевизионных программ.

Когда-то люди читали с бумаги, и я жил не тужил. Я приехал в Нью-Йорк в конце девяностых; в ту пору престиж писательского труда уже дышал на ладан. В Нью-Йорке автор на авторе сидел и автором погонял. И это были самые настоящие писатели, поскольку хватало журналов, газет, книжных издательств. Интернет тогда казался экзотической зверюшкой в отдаленном уголке информационного мира — кинь ей горстку корма и любуйся, как она пляшет на коротком поводке; не надо бояться, что однажды ночью подкрадется и прикончит тебя. Подумать только! Было время, когда вчерашний выпускник колледжа приезжал в Нью-Йорк и зарабатывал на жизнь литературой. Разве мы могли предполагать, что осваиваем ремесло, которое уже через десять лет станет никому не нужным?

Целых одиннадцать лет у меня была востребованная работа, а потом раз — и пропала. По всей стране хирели вместе с экономикой и закрывались журналы. Писатели (то есть писатели моего типа — трудолюбивые беллетристы, вдумчивые философы, недостаточно гибкие, чтобы уйти в блогеры и городить всякую чепуху, в большинстве своем упрямые старые гордецы) исчезали, подобно создателям дамских шляпок или извозчичьих кнутов. Наше время ушло. Через три недели после того, как я получил от ворот поворот, лишилась работы и Эми. Могу представить, как она заглядывает мне через плечо и ухмыляется, читая строки, где я рассуждаю о своей карьере, о неудачах и увольнениях. Все ее отношение к моим рефлексиям помещается в одной фразе. «Как это типично, — говорит она. — Как это на тебя похоже, Ник».

Эти слова звучат как рефрен. Чтобы упасть в ее глазах, достаточно показаться похожим на меня.

Два взрослых безработных человека, мы блуждали по ржавым бруклинским пескам в носках и пижамах, наплевав на будущее, расшвыривая нераскрытые конверты по столам и диванам, поедая сливочное мороженое, с десяти и до полудня, а после обеда отсыпались.

А однажды зазвонил телефон. На другом конце провода была моя сестра-двойняшка. Марго тоже потеряла работу в Нью-Йорке и вернулась домой. Девочка вечно опережала меня на шаг, даже когда получала пинки от судьбы-злодейки. Она звонила мне из старого доброго Карфагена, штат Миссури, из дому, где мы выросли. Прислушиваясь к голосу Марго, я видел ее десятилетней, с волосами как копна, в шортах на помочах, сидящую на дедовском причале. Она горбилась, смахивая на старую подушку, и внимательно следила за белесой, как рыба, ногой, которой болтала в воде. Марго всегда была очень сосредоточенной девочкой.

Добрым, даже можно сказать ласковым, голосом она сообщила удручающую новость. Наша несгибаемая мама умирала. У отца дела обстояли не лучше, его отвратительный разум и ничтожная душа угрюмо брели в серую мглу посмертия. Но по всему выходило, что мама и в этот раз его переплюнет. Врачи давали ей шесть месяцев, ну самое большее год. Я узнал, что Го беседовала с доктором без свидетелей и тщательно записала его слова своим неразборчивым почерком. И теперь, пытаясь расшифровать заметки, неизменно срывалась на плач.

Ее смущали сроки и дозировки.

— Ну, мать его растак, поди вспомни, что он имел в виду! Что значит — девять?! — восклицала она, и я решился.

Вот она — цель, задача. Лежит на ладони у сестры, будто спелая слива. Я едва не закричал от восторга и облегчения:

— Я возвращаюсь, Го! Мы едем домой. Тебе не придется тащить все на себе.

Она не поверила. Я услышал ее вздох в трубке.

— Го, я серьезно. Почему бы и нет? Здесь меня ничто не держит.

— А что скажет Эми? — буркнула она.

Вот об этом я и не подумал. Просто решил, что суну в чемодан свою нью-йоркскую жену с ее нью-йоркскими увлечениями и нью-йоркской гордыней, уволоку ее от нью-йоркских корней, из буйного и полнокровного Манхэттена в городишко на берегу Миссисипи, и дело с концом.

Я еще не понимал, какой я глупец и оптимист. Я тогда совершенно не умел трезво глядеть на мир. И не представлял себе, в какую передрягу вляпаюсь.

— Эми будет не против. Эми…

Тут я должен был сказать что-то вроде: «Эми любит нашу маму», но не смог, так как за все вре-

мя нашего супружества они почти не общались. Несколько встреч оставили у обеих неприятный осадок. После каждого разговора Эми несколько дней не могла успокоиться: «Что она имела в виду?» Как будто наша мама — первобытная охотница. Заявилась из прерий с мешком бизоньего мяса и предлагает меняться, а Эми не может понять, на что именно.

Эми не хотела знакомиться с моей семьей, не хотела видеть мою родину, но почему-то переезд не казался мне плохой идеей.

Когда подушка нагрелась от дыхания, мои мысли двинулись в другом направлении. Нынешний день не годится для сожалений или копания в прошлом, его нужно провести активно. Снизу доносились давно позабытые звуки — Эми готовила завтрак. Гремели дверцы шкафов (литавры!), звенели стаканы и консервные банки (колокольчики!), дребезжали кастрюли и жестяные коробки (тарелки!). Кулинарный оркестр достиг крещендо и энергично устремился к финалу. Форма для запекания свалилась на пол, отскочила и стукнулась о стену — это цимбалы. Этим утром на завтрак меня ожидает нечто особенное. Например, блинчики. Блинчики — это и есть нечто особенное в понимании Эми.

Сегодня пятая годовщина нашей свадьбы.

Босиком я прошлепал к лестнице и прислушался, зарывшись пальцами ног в ворс однотонной ковровой дорожки, которую Эми не любила из принципа, и задумался: готов ли я присоединиться к жене? Сама она на кухне не догадывалась о моих сомнениях и что-то меланхолично напевала. Что-то очень знакомое. Я попытался вспомнить: это что-то фольклорное или колыбельная? А потом понял! Это тема из сериала «Чертова служба в госпитале МЭШ». «Самоубийство не причиняет боли, оно приносит много перемен…» И я пошел вниз.

На пороге кухни потоптался, глядя на жену. Ее желтые, как сливочное масло, волосы, собранные в пучок на затылке, весело взбрыкивали. Эми посасывала обожженный палец и мурлыкала под нос. Обычно она пела про себя, поскольку я не знал человека, хуже, чем она, запоминающего стихи. Когда мы справляли первую годовщину, по радио крутили песню группы «Генезис»: «She seems to have an invisible touch, yeah».[1] А Эми вместо этого напевала: «She takes my hat and puts

[1] Примечания: 1

«Кажется, она обладает невидимым прикосновением, да» (из песни «Invisible touch»).

it on the top shelf».[2] Когда я спросил: «Ну, как ты до этого додумалась, ведь ни малейшего же сходства?» — жена ответила: ей представляется, что женщина, о которой речь, так любит своего мужа, что бережно хранит его шляпу на самой верхней полке. Я знал, что она любит меня, поэтому тогда был вполне удовлетворен таким объяснением.

Есть нечто трудносовместимое в теплых воспоминаниях и нынешних прохладных отношениях.

Эми, внимательно следя за пузырящимся на сковороде блинчиком, что-то слизнула с запястья. Она выглядела сногсшибательно, как и положено моей жене. Если сейчас обниму ее, то почувствую запахи ягод и сахарной пудры.

Оглянувшись на меня, стоящего в застиранных трусах-боксерах, с волосами как у Хита Майзера из «Года без Санты», она оперлась о кухонный стол и протянула:

— Ну, с добрым утром, трудолюбивый мой.

Горечь со страхом подступили комком к горлу. И я подумал: «Ладно, иду».

Я вечно опаздывал на работу. Мы с сестрой сделали большую глупость, когда вернулись в

---

[2] Примечания: 2

«Она берет мою шляпу и кладет на верхнюю полку».

родные края. Совершили поступок, о котором мечтали с детства. Мы открыли бар. Деньги одолжили у Эми. Восемьдесят тысяч долларов. Когда-то эти деньги были для нее сущим пустяком, но теперь — почти все ее состояние. Я клятвенно пообещал все вернуть, и даже с процентами. Ведь я не из тех мужчин, которые живут за счет жены. Сразу представил себе отца, брезгливо скривившего губы от одной такой мысли. И его уничижительную фразу: «Да, есть много разных мужиков, но ты самый никчемный из всех».

Но на самом деле мы приняли правильное решение, пошли на оправданный риск. Оба мы, Эми и я, нуждались в новой карьере, а этот бизнес как раз по мне. Пока она отвергает одно предложение за другим, нам нужен стартовый капитал, а где его взять, если не в «стабилизационном фонде Эми»? Подобно тому как я арендовал коттедж проекта «Макмэншн», я вложился в бар, в то символическое место из детских представлений, куда допускаются только взрослые.

Может быть, именно поэтому, оставшись без средств к существованию, я был так настойчив в намерении приобрести бар. Он напоминал, что я все-таки взрослый мужчина, человеческая единица, способная приносить пользу, хоть моя

карьера пошла прахом. Ошибки я не повторю. Пускай бесконечные стада «востребованных» писателей продолжают скулить и жаловаться — на Интернет, на кризис, на американского потребителя, предпочитающего пялиться в телик, или гонять видеоигры, или переписываться в социальных сетях, рассказывая о пролившемся где-то дождике! Но никто не откажется за глотком-другим бурбона провести конец жаркого дня в прохладном полутемном баре. Мир никогда не бросит пить.

Наш угловой бар представлял смешение всех вкусов и стилей. Особенно бросалась в глаза массивная викторианская стойка, где драконы и ангелы словно пытались высунуть головы из дуба, — довольно экстравагантная работа резчика по дереву в пору засилия пластика. Признаться, остаток убранства выглядел как полное дерьмо. По дрянному кусочку от каждого десятилетия минувшего века: линолеум эпохи Эйзенхауэра, покоробленный, как пережаренный гренок; весьма неприглядная панельная обшивка стен словно шагнула из домашнего порно семидесятых; галогеновые светильники на полу — дань памяти моей комнате в общежитии в девяностые. Но окончательный дизайн получился на удивление

уютным и довольно веселеньким — обстановка меньше напоминает бар, чем если бы она была тщательно продуманной. Парковка у нас общая с кегельбаном, и, когда распахиваются двери, грохот шаров аплодирует входящему посетителю.

Бар мы назвали просто: «Бар».

— Лучше прослыть стебщиками, чем креативными банкротами, — рассуждала сестра.

Да, мы мнили себя хитровыделанными ньюйоркцами… О том, что название — тонкая шутка, догадались, может быть, двое-трое клиентов, но погоды они не сделали. То есть никаких сверхприбылей.

А мы-то навоображали себе местных, чешущих затылки: «Эй, зачем вы назвали свое заведение „Баром“?» Но первая же посетительница, дамочка в бифокальных очках и розовом спортивном костюме, заявила: «А мне нравится название. Вроде как ту кошку у Одри Хепберн в „Завтраке у Тиффани“ звали просто Кошка».

С тех пор мы гораздо меньше заносились, и правильно делали.

Я свернул на парковку, подождал, пока в кегельбане не случится страйк — спасибо, спасибо, друзья мои! — и вылез из машины. Пока еще мне нравились здешние виды — глаз не замылился. И

почта из белого кирпича по ту сторону улицы (теперь закрытая по субботам), и скромное здание цвета беж — городская администрация (тоже временно закрытая). Небогатый и вовсе не большой город. Дьявольщина, даже собственного имени у него не было! В штате Миссури два Карфагена, между ними сотни миль, и наш, промышленный, Северный, меньший из тезок. Странный городок возник в 1950 году на месте рабочего поселка, а потом слегка разросся на почве научно-технического прогресса. Здесь родилась и прожила всю жизнь моя мама, поставила на ноги меня и Го, так что город имеет историю. По крайней мере, для меня.

Шагая в сторону бара по стоянке с пробивающимся сквозь щели в бетонных плитах бурьяном, я глядел на реку за дорогой. Вот что я всегда буду любить в нашем Карфагене. Мы и поселились не на безопасном пригорке с видом на Миссисипи, а на самой Миссисипи. Я мог спуститься по тропинке, прыгнуть в воду с трехфутового обрыва и уплыть в штат Теннесси. Каждая новостройка в деловой части словно показывала линию, до которой доходили разливы шестьдесят первого, семьдесят пятого, восемьдесят четвертого, девяносто третьего годов прошлого века, седьмого,

восьмого, одиннадцатого годов этого столетия.

Сейчас не было половодья, но в реке угадывались мощные течения. По дороге к берегу цепочкой спускались люди. Мой взгляд скользил по их ногам и плечам, ни на ком не задерживаясь. И вдруг один пешеход поднял голову. Темное лицо, словно овальный клок черноты. Я отвернулся.

Возникла настойчивая, просто необоримая потребность нырнуть в убежище. Пока я проделал положенные двадцать шагов, шея взмокла от пота. Солнце все еще сияло в небе подобно сердитому глазу. «Тебя увидели!»

Кишки мои сжались в узел, и я зашагал быстрее. Очень хотелось выпить.

Эми Эллиот

8 января 2005 года.
Страницы дневника.

Тра-ля-ля! Я улыбаюсь, как обретшая семью сирота, когда это пишу. Даже слегка неудобно, что я такая счастливая, будто болтающая по телефону девчонка из онлайн-комиксов «Техниколор», еще бы добавить волосы, собранные в конский хвост, да речевой пузырь над головой: «Я познакомилась с мальчиком!»

Но ведь это правда. Самая настоящая правда жизни. Да, я встретила парня — высокого, сильного, прекрасно одетого, с чувством юмора и крутой задницей. Позвольте мне подробно описать всю сцену, поскольку она достойна быть сохраненной в памяти потомков. О нет! Только не думайте, что я нафантазировала себе потомство! Фи!

Но все по порядку. Новый год еще не наступил, но было до него рукой подать. Зима: рано темнеет, на улице собачий холод.

Кармен, одна из моих новых подружек — так себе подружка, чуть-чуть; бывают подружки, которым неудобно отказывать, — пригласила

меня в Бруклин, на вечеринку с писателями. Мне нравятся вечеринки с писателями, мне нравятся писатели, я родилась в семье писателей, я сама писатель. Мне все еще в кайф, как пишется это слово — ПИСАТЕЛЬ — в любом документе, в любой анкете, где есть вопросы о роде моей деятельности. Ну, допустим, я составляю персональные опросники, а не даю главные новости на первую полосу, но все равно, как мне кажется, этого достаточно, чтобы заявить: я писатель. Работа в журнале — временная, она нужна, чтобы оттачивать навыки, копить наблюдения и вникать в детали. Чтобы потом не болтали, будто я такая же бестолковая, как и все писаки. Лучше один раз увидеть, и все такое. Снова наползает улыбка удочеренной сиротки: ну согласитесь, все это не так уж маловажно. Я серьезно считаю, что мои анкеты сами по себе поднимают меня на более высокий профессиональный уровень. Разве я не права?

> На вечеринке вы попадаете в окружение настоящих и даже талантливых писателей, которые сотрудничают с высококлассными, важнющими газетами и журналами. А вы зарабатываете тем, что

составляете анкеты для женского листка. Когда вас спрашивают насчет профессии, вы:

а) смущаетесь и мямлите: я всего-навсего автор глупых викторин;

б) обижаетесь: я настоящий писатель, а сейчас я в поисках серьезных предложений; кстати, сами-то чем промышляете?

в) с гордостью рассказываете о своих достижениях: я готовлю персональные опросники, используя глубокие познания в психологии; у меня степень магистра, между прочим, и кстати, еще один факт: я прототип героини популярной книжной серии для детей, вы об «Удивительной Эми» разве не слышали? Нет? Ну, тогда курите бамбук, снобы!

Ответ: в), и только в).

Но хватит об этом.

Вечеринку устраивал один из друзей Кармен, промышляющий журнальными рецензиями на тему киноискусства. Весьма забавный малый, по утверждению той же Кармен. Я боялась, как бы она не затеяла меня с кем-нибудь свести. Мне неинтересны запланированные знакомства.

Нужно, чтобы мужчина сидел в засаде и нападал неожиданно, этакий хищный зверь-любовник. Иначе тушуюсь. Изо всех сил стараюсь быть обворожительной, потом лезу вон из кожи, чтобы настоящей обворожительностью замаскировать фальшивую обворожительность, и наконец превращаюсь в Лайзу Минелли. Танцую в трико с блестками и умоляю полюбить меня. Котелок, джаз-хэнд и улыбка на тридцать два зуба.

Нет, я понимаю Кармен, которая липнет к своему приятелю. Он ей нравится, и это отлично.

Мы поднимаемся на три пролета по раздолбанным ступенькам и заходим в душное помещение, полное писателей. Куча солнцезащитных очков и растрепанных шевелюр, ковбойских рубашек и водолазок всех цветов радуги, черные суконные пикоты свалены на банкетку, и вся эта гора сползает на пол. На стене постер «Побега» на немецком («Ihre Chance war gleich Null!»).[3] Из стереоколонок поет Франц Фердинанд: «Take Me Out».

Парни толкутся у карточного столика, где составлена вся выпивка, подливают себе после каждой пары глотков, так как выпивки мало, а

---

[3] Примечания: 3
«Их шансы равны нулю!» *(нем.)*

в большой семье клювом не щелкают. Я протискиваюсь между ними, подставляя пластиковый стаканчик, словно уличный музыкант, получаю горсть кубиков льда и пару глотков водки от парня со слащавым лицом, одетого в футболку «Космические захватчики».

Вскоре на всех остается бутылка убойно-зеленого яблочного ликера. Это если, как с иронией заметил хозяин, кто-нибудь не сгоняет за выпивкой. Но самопожертвование маловероятно — каждый утверждает, что именно он бегал в прошлый раз. Здесь послерождественская вечеринка, гость напраздновался до тошноты, он ленив и недоволен одновременно. Вечеринка, где слишком много пьют и долго подбирают мудреные выражения в спорах, выдыхая сигаретный дым в форточку даже после того, как хозяин просит выйти на улицу. Мы уже сказали друг другу все на тысяче вечеринок в минувшие праздники, и говорить больше не о чем, но мы скучаем тут все вместе, потому что не хотим идти на мороз; у нас ломит кости от хождения по лестницам в метро.

Я бросила Кармен с ее щеголем-дружком — они что-то обсуждали в углу кухни, ссутулившись и сблизив лица так, что смахивали на сердечко с

валентинки. Ну и ладно. В желудке посасывало, и я размышляла, где добыть еды, озираясь в центре комнаты, как ребенок, впервые попавший в закусочную. Но уже практически ничего не осталось. Какие-то обломки картофельных чипсов на дне огромной тарелки фирмы «Таппервар». Блюдо с овощным ассорти из супермаркета — привядшая морковь, пожухлый сельдерей и спермовидный дип-соус — стояло на кофейном столике нетронутым, если не считать торчащие из еды окурки, точно дополнительные призы.

Меня часто тянет на импульсивные поступки. А что, если прыгнуть в партер прямо с театрального балкона? А что, если поцеловать по-французски бродягу, сидящего напротив в вагоне метро? А что, если усесться на пол посреди шумной вечеринки и съесть все, что ни есть на этом блюде, включая хабарики?

— Не ешьте ничего отсюда, — произносит голос.

Это он (па-па-па-ПАМ-М-М!), но я еще не знаю, что это он (па-па-ПАМ-М-М!). Пока я знаю, что это парень, который заговорил со мной. У него налет самовлюбленности, такой же, как у ироничного чувака в футболке, только этому самомнение более к лицу. Передо мной тип мужчины, который

умеет себя подать, умеет понравиться женщине, умеет трахнуть ее как следует. А я не прочь потрахаться как следует! Жизнь все время подсовывает мне три типа мужчин. Опрятные члены Лиги плюща, которые мнят себя персонажами романов Фицджеральда. Прилизанные парни с Уолл-стрит, у которых знак доллара не только в глазах, но и в ушах, и во рту. И утонченные интеллигентные мальчики, до того манерные, что тебя постоянно разбирает смех. Персонажи Фицджеральда в постели склонны к бессмысленному подражанию порно, много шума, акробатики и никакого толку. Финансисты слабы и быстро отворачиваются. Деликатные умники трахаются так, словно сочиняют математический рок, — эта рука отбивает аккорды здесь, а этот палец задает басовый ритм тут.

Я не слишком ли развратной выгляжу? В паузе пересчитываем, сколько их было. Одиннадцать? Неплохо… Но мне всегда казалось, что двенадцать — вот хорошее, солидное число. Если закругляться, то на нем.

— Нет, правда, — продолжает номер двенадцать (Ха!). — Отойдите подальше от подноса. У Джеймса есть еще кое-что в холодильнике. Целых три вида блюд. Как относитесь к маслинам

с горчицей? Маслина там, правда, только одна, но все-таки…

«Маслина там, правда, только одна, но все-таки…» Не пик остроумия, но бывают такие особые шутки, для внутреннего употребления, которые с годами становятся все забавнее. Это из-за ностальгии. Я представляю, как год спустя мы будем шагать по Бруклинскому мосту на закате и кто-нибудь из нас обязательно шепнет: «Маслина там, правда, только одна, но все-таки…» И мы будем хохотать.

Тут я спохватываюсь. Ужас! Если бы он догадался, чего я себе намечтала на целый год, то бежал бы без оглядки, а это в мои планы не входит.

Я много улыбаюсь, но это в основном потому, что он супер. Красавец — глаз не оторвать; просто шизеешь от такого великолепия. Подмывает обратиться с неуклюжим: «Сам-то хоть знаешь, какой ты обалденный?» И дальше завяжется беседа. Держу пари, все записные ловеласы терпеть его не могут. Он напоминает богатенького подонка из подростковых фильмов восьмидесятых. Такой задирает чувствительных неудачников, пока не получит тортом в физиономию, — и вот он стоит дурак дураком, а взбитые сливки текут ему за стиляжно поднятый воротник.

Но этот парень так себя не ведет. Его зовут Ник. Хорошее имя, оно помогает ему выглядеть симпатичнее и нормальнее. Да он такой и есть. Когда Ник представляется, я отвечаю:

— Да, это удачное имя.

Он улыбается и пускается в рассуждения:

— Верно. Ник как раз тот парень, с которым можно просто попить пива. Тот парень, который не помнит, тошнило ли вас в его машине. Ник!

Он выдает подряд несколько жутких каламбуров. Я улавливаю от силы три четверти цитат из кинолент. А может, и две трети. (Узелок на память: взять в прокате «Верняк».) Он снова наливает мне спиртного, даже не спрашивая разрешения, при этом находит более-менее пристойный стакан. Он претендует на меня, он пометил меня: «Я успел первым, теперь она моя». И это здорово. Особенно после моего последнего нервного, мягкотелого парня эпохи победившего феминизма. У Ника широкая улыбка — улыбка сытого кота. Как будто он сейчас выплюнет лимонные перья канарейки Твити. Он не спрашивает, чем я зарабатываю на жизнь, и это очень тонкий ход. (Между прочим, я писательница, чтоб вы знали.) Он беседует со мной на плавном говорке уроженцев Миссури. Рассказывает, что родился и вырос

на окраине Ганнибала, на родине Марка Твена, где тот черпал вдохновение для «Тома Сойера». Рассказывает, как подростком работал на пароходе — ужин и джаз для туристов. А когда я смеюсь — нагловатая, своевольная нью-йоркская девчонка, которая никогда не рисковала съездить в эти огромные внутренние штаты, штаты, где живут совсем иные люди, — он сообщает, что Миссури — волшебный край, в мире нет земли красивее, нет штата величественнее. При этом глаза его такие озорные, а ресницы такие длинные! Легко представить, каким он был в детстве.

Мы уезжаем в одном такси. Уличные фонари делают дорогу полосатой, даже кружится голова. Шофер давит на газ, будто мы уходим от погони, но в двенадцати кварталах от моего дома мы застреваем в классической неожиданной нью-йоркской пробке. Ныряем из такси в холод и пустоту.

Что потом? Ник провожает меня домой, легонько обнимая за талию, а наши лица зябнут. Свернув за угол, мы видим, как местная пекарня разгружает сахарную пудру, — мешками, как цемент, их заносят в подвал. Призрачные тени грузчиков плывут в белесом сладком мареве. Улица качается под ногами, Ник притягивает меня к

себе и улыбается. Берет мой локон и пропускает между пальцами. Дважды дергает, будто звонит в колокольчик. Его ресницы припорошены пудрой, а потом он склоняется и слизывает сахар с моих губ, словно пробует меня на вкус.

Ник Данн

Тот день.

Я толкнул двери нашего бара и окунулся в полумрак, сделав первый за этот день по-настоящему глубокий вдох. Поймал запахи сигарет и пива, специфический аромат бурбона, застоявшуюся вонь пережаренного попкорна. Внутри сидел один-единственный клиент — привычное место за дальним концом барной стойки занимала старушка Сью, которая каждый четверг приходила сюда с мужем, пока тот не умер месяца три назад. Она продолжала появляться по четвергам, ни с кем не разговаривала, а просто сидела с пивом и кроссвордом, соблюдая привычный ритуал.

Моя сестра работала за стойкой. Волосы она закрепила заколкой, как девочка-простушка; покрасневшие руки ополаскивали бокалы мыльной водой и наливали в них пиво. У Го стройная фигура и необычные черты лица; трудно назвать ее непривлекательной. Нужно только уделить минутку и оценить по достоинству широкие скулы, аккуратный нос и круглые глаза. В ту эпоху, когда в фильмах снимались подобные типажи,

мужчины сдвигали бы перед ней на затылок фетровые шляпы, присвистывали и восклицали: «Вот это я понимаю!» Лицо королевы такой экзотики, как кино тридцатых годов, не всегда соответствует нашим представлениям о феях сего времени, но моя сестра, сколько я ее помню, нравится мужчинам, и это одновременно вселяет в меня гордость и тревогу за Го.

— А мясной хлеб с паприкой сейчас еще делают? — спросила Го вместо приветствия, не поднимая глаз, просто догадавшись, что это я зашел.

Я ощутил умиротворение, как всегда в ее присутствии. Может быть, наше дело и не приносит большой прибыли, но живы будем — не помрем.

Го — моя двойняшка. Я так часто произносил эти слова, что они превратились в молитву, в успокоительную мантру. Мы родились в семидесятые, когда двойняшки были столь же редки, как единороги или эльфы. Похоже, мы чувствуем друг друга телепатически. Во всем мире не найдется еще человека, с которым я ощущал бы такое близкое сродство. Мне не нужно объяснять ей свои поступки. Я не растолковываю, не переживаю, не мучусь сомнениями. Я не говорю ей всего с некоторых пор, да и никому не говорю всего, но

я ей говорю все, что можно сказать. Девять месяцев мы провели спина к спине, прикрывая друг друга. Это стало привычкой на всю жизнь. И мне все равно, что она девчонка, — правда, странное отношение для такого застенчивого паренька?

Что еще сказать? Марго всегда была крута.

— Мясной хлеб с паприкой — это колбаса такая, что ли? — спросил я. — Наверное, еще делают.

— Надо бы нам прикупить немного, — проговорила она, выгнув бровь. — Интересно, что за штука.

Не задавая вопросов, она плеснула мне крепкого пива в кружку сомнительной чистоты. Заметила, что я рассматриваю испачканный ободок, поднесла бокал к губам и слизнула пятно, оставив капельку слюны. Поставила передо мной на картонный квадратик:

— Так лучше, мой повелитель?

Го всегда считала, что я был родительским любимчиком. Просто потому, что я мальчик, единственный ребенок, чье появление планировали, а она пробралась в этот мир незаконно, вцепившись в мою лодыжку. Нежеланный гость, а для нашего отца так весьма нежеланный гость. Она считала себя лишней, особенно в детстве, влача жалкое существование: редкие обновки из

магазинов готового платья, ограничения в расходах, всеобщая жалость. Во многом ее рассуждения совпадали с истинным положением дел. Я это вполне допускаю.

— Да, моя жалкая рабыня. — Я царственно повел рукой.

И принялся за пиво. Нужно посидеть и выпить пару бокалов. А лучше три. Мои нервы пошли вразнос с самого утра.

— Что с тобой? — спросила Го. — Какой-то ты взвинченный.

Она брызнула в меня пеной, в которой воды было гораздо больше, чем мыла. Внезапно заработал кондиционер, взъерошив волосы на наших головах. В баре мы проводили больше времени, чем необходимо. Он стал для нас кружком по интересам, которого в детстве мы были лишены. Однажды ночью, подвыпив, мы вскрыли старые коробки в подвале дома нашей мамы. Тогда она еще бодрилась, но смерть уже стучалась в двери. Желая хоть как-то отвлечься, мы вытащили и разобрали все игрушки и настольные игры под аккомпанемент охов и ахов, в перерывах между глотками баночного пива. Получилось этакое августовское Рождество.

После смерти матушки Го перебралась в ее ста-

рый дом, а игрушки мы потихоньку перетащили в наш «Бар». Например, неожиданно для меня на табурете появилась кукла Земляничный Шоткейк, практически лишившаяся аромата, — мой давешний подарок Го. А на угловую полку встал маленький «шевроле эль камино» фирмы «Хот вилс», без одного колеса, — ее ответный подарок.

Мы даже подумывали организовать вечер настольных игр для посетителей, хотя большинство наших клиентов были слишком дряхлы, чтобы восхищаться воспоминаниями о «Голодных бегемотиках» или игре «Жизнь» с малюсенькими пластмассовыми автомобилями, которые надо заполнять родителями и детьми размером с булавочную головку.

«Что-то я не запомнил, как ты выиграл». (Афоризм дня от «Хасбро».)

Го снова налила мне пива, а потом и себе. Веко на ее левом глазу слегка опустилось. Время близилось к полудню, к 12:00, и я задался вопросом: это который у нее нынче бокал?

Марго пережила ухабистое десятилетие. Моя сестра — финансистка с мозгом космического инженера и духом наездника родео — в конце девяностых закончила колледж и перебралась в Манхэттен. Она одна из первых доткомовских

феноменов — срубила сумасшедшие деньги, а потом угодила в Интернет-пузырь двухтысячного. Но катастрофа не сломила Го. Возраст у нее был ближе к двадцати, чем к тридцати, и выглядела она что надо. Во втором акте жизненной драмы она получила ученую степень и окунулась в теневой мир банковских инвестиций. Держалась в середнячках — ничего чересчур роскошного, ничего предосудительного, — но потеряла работу очень скоро, в 2008 году, когда финансовая система пошла к черту. Я даже не знал, что сестра покинула Нью-Йорк, пока она не позвонила из маминого дома со словами: «Я сдаюсь». Я уговаривал вернуться, льстил самолюбию, но Го отвечала лишь напряженным молчанием. Повесив трубку, я, озабоченный, совершил паломничество в Бауэри и там, в квартире сестры, увидел ее любимый фикус по имени Гарри умирающим, с облетевшей листвой, изгнанным на площадку пожарной лестницы. Тогда я понял, что она не собирается возвращаться.

Казалось, работа в баре взбодрила ее. Она вела бухгалтерию, разливала пиво. Довольно регулярно тянула мелочь из банки для чаевых, зато и работала больше, чем я. Мы старались не вспоминать прежнюю жизнь. Мы Данны, мы делаем

свое дело и, как ни странно, довольны судьбой.

— Ну и что? — спросила Го.

Обычно этими словами она и начинала разговор.

— А…

— Что «а»? «А» — это плохо? Ты неважно выглядишь.

Я пожал плечами, и сестра внимательно посмотрела мне в лицо:

— Эми?

Легкий вопрос. Я снова пожал плечами — проверенный временем знак «а что поделать?».

Го состроила удивленное лицо и, опираясь локтями о барную стойку, расположила подбородок на ладонях — приготовилась отпустить шпильку насчет моей семейной жизни. В этом занятии она поднаторела.

— Так что за проблема?

— Трудный день. Всего-навсего трудный день.

— Ты слишком трясешься над ней. — Го закурила, пустила струйку дыма мне в лицо. Она курила по одной сигарете в день. — Все женщины чокнутые.

Моя сестра не относила себя к женщинам и даже само это слово всегда произносила с насмешкой.

Я дунул навстречу дыму, возвращая его хозяйке.

— У нас сегодня юбилей. Пять лет.

— Вау! — Го запрокинула голову. Она была у нас подружкой невесты — вся в нежно-фиолетовом, волосы цвета воронова крыла украшены аметистами, а мать Эми помогала ей наряжаться, но какой-то там юбилей, по ее мнению, не стоил того, чтобы напрягать память. — Черт побери! Твою мать, красавчик! Так быстро… — Она опять дунула дымом в мою сторону — пассивный способ заработать рак легких. — И она что, собирается устроить… ну, как вы это называете… мусоросборку?

— Охоту за сокровищами, — поправил я ее.

Моя жена обожала игры. По большей части те, которые требовали умственных усилий, но и обычные игры тоже. В каждую нашу годовщину она тщательно организовывала сложные поиски клада. Каждый ход требовал разгадки некоего ключа, и с каждым шагом я продвигался все дальше и дальше, пока в конце концов не получал заслуженную награду. Я думаю, ее папаша устраивал для ее мамаши подобные развлечения в юбилейные дни, и не думайте, что я не считаю себя обязанным выполнять гендерную роль. Но

я рос не в семье Эми, а в своей, а потому отлично помню последний подарок отца маме — тяжелый утюг, даже без обертки или коробки, мрачно выставленный на кухонный стол.

— Будем держать пари, как она разозлится на тебя в этом году? — спросила Го, улыбаясь над краем бокала.

В охоте за сокровищами с Эми меня подстерегала вечная проблема — я никак не мог угадать нужный ключ. В нашу первую годовщину, еще в Нью-Йорке, я отыскал два из семи. И это был лучший год!

Первая загадка гласила:

Местечко это — мама не горюй,
Но был хорош в осенний вторник поцелуй.

Так ощущает себя ребенок на экзамене по грамматике. За несколько томительных секунд ты перелопачиваешь свои мозги сверху донизу, тщетно пытаясь догадаться, что бы это значило. И тебя, словно неуча, охватывает паника.

— Ирландский бар в неком определенном месте, — подсказывала Эми.

Я закусил губу и пожал плечами, озираясь по сторонам, будто ответ должен появиться в нашей

гостиной. Эми дала мне еще одну, очень длинную, минуту.

— Мы заблудились под дождем. — Теперь в ее голосе проскользнула нотка раздражения.

Я сдался.

— «Макманнз», Ник! Помнишь, как мы заблудились под дождем в китайском квартале и мечтали найти сухое местечко? Думали, что спрячемся возле статуи Конфуция, но у них там целых два Конфуция, поэтому мы нырнули в первый попавшийся ирландский бар, лишь бы спрятаться от проклятой сырости, хлопнули по несколько стаканчиков виски, а потом… Потом ты сгреб меня в охапку и поцеловал. И это было…

— Точно! Но если бы ты сделала ключом упоминание о Конфуции, то я…

— Важна не статуя! А заведение! И тот миг. Я ведь думала, это было просто нечто! — Последние слова она произнесла в ритме детской песенки — когда-то мне это казалось очень милым.

— А это и было нечто. — Я притянул Эми к себе и поцеловал. — Тот чмок у меня специально для таких вот праздников. Так давай же сходим в «Макманнз» и повторим поцелуй.

Широкоплечий и бородатый, похожий на медведя, бармен из «Макманнза», заметив наше

появление, оскалился, набулькал нам виски и продекламировал следующую загадку:

От грусти, наверное, я не умру —
Есть место, которое лечит хандру.

Это целебное место не могло быть ничем иным, кроме как статуей в Центральном парке, изображавшей Алису из Страны чудес, о которой Эми мне рассказывала. Рассказывала много раз, поэтому облегчила задачу, стоящую перед нерадивым учеником. Я не забыл ничего из тех разговоров. Честное слово, не забыл. Хотя у меня есть такой грешок — все преувеличивать. Я всегда считал свою жену обалденной. В хорошем смысле этого слова. В ее присутствии теряешь возможность трезво мыслить. Просто находишься рядом, видишь ее, слышишь и не всегда обращаешь внимание на то, что именно она говорит. Вроде бы надо, а не получается.

К тому времени, как день склонился к вечеру и мы подобрались к моменту вручения настоящих подарков — бумажных, как и полагается в первую годовщину свадьбы, — Эми перестала со мной разговаривать.

— Я люблю тебя, Эми. Ты же знаешь, что люблю, — говорил я ей в спину, лавируя среди удив-

ленных туристов, которые целыми семейными стайками жадно глазели на нас, забыв обо всем.

Эми пронизывала толпу, запрудившую Центральный парк, ловко уворачиваясь от ополоумевших прохожих, и у нее прекрасно получалось — бегуны на роликах, родители на корточках, малыши, едва начавшие ходить, а потому шатающиеся, как пьянчуги, всегда выскакивали только передо мной, мешая идти. Я пытался поймать ее за руку. Она повернулась ко мне с каменным лицом, и я привел единственный довод, показавшийся мне разумным:

— Эми, я не понимаю, почему должен доказывать свою любовь, запоминая все, что ты делаешь, и все, что говоришь? Если я так не поступаю, это не значит, что мне не дорога наша совместная жизнь!

По соседству клоун надувал воздушный шар в виде какого-то зверя, мужчина покупал розу, ребенок лизал мороженое. А у нас рождалась новая, незабываемая традиция — Эми уходила вдаль, оставляя меня за бортом как нечто недостойное усилий. Вот вам и счастливая, в задницу, годовщина.

— Пять лет… небось взбеленится нешуточно, — продолжала Го. — Надеюсь, ты для нее самый

лучший подарок приготовил.

— Это дело у меня в списке срочных.

— А что символизирует пятилетний юбилей? Бумага?

— Это первый год — бумажная свадьба, — ответил я.

В конце той мучительной охоты за сокровищами Эми одарила меня шикарным писчим набором: вверху каждого листа вытиснены мои инициалы, а сама бумага такого сливочного цвета, что я боялся испачкать пальцы. В ответ я вручил жене ярко-красного воздушного змея из бумаги, с изображением парка, пикников, теплых летних деньков. Ни ей, ни мне подарок не понравился, мы ждали чего-то другого. Вот такой получился о-генриевский рассказ наоборот.

— Серебряная? — угадывала Го. — Бронзовая? Слоновокостная? Ну, помогай же мне…

— Деревянная. Не знаю, что можно придумать романтичного из древесины.

Сью покинула свое место за стойкой, аккуратно сложив газету и оставив рядом с пустым бокалом пятидолларовую бумажку. Когда она вышла, мы с сестрой обменялись грустными улыбками.

— Я придумала, — сказала Го. — Возвращайся домой, трахни ее так, чтобы мозги через уши

вылезли, а потом дай ей по морде хером и скажи: «Лучший подарок для бляди — палка!»

Мы захохотали, а после почти одновременно покраснели. Такие скабрезные шутки не для сестер, и Го просто наслаждалась, швыряя мне их, как гранаты. Именно поэтому в школе ходили слухи, что мы любовники. Близнецовый инцест. Со стороны казалось, мы ведем себя слишком интимно: свои особые шуточки, перешептывание на вечеринках и тому подобное. Я не уверен, стоит ли об этом распространяться, но, чтобы не быть неверно истолкованным, скажу: мы с сестрой никогда не были любовниками и даже мысли об этом не возникало. Просто мы очень близкие друзья.

Го устроила целую пантомиму, изображая, как я трахаю жену.

Они с Эми нипочем не смогли бы подружиться. Каждая стремилась завоевать полное господство на облюбованной территории. Го привыкла занимать место альфа-самки в моей жизни, а Эми привыкла быть альфа-самкой вообще по жизни. Для людей, успевших пожить в одних и тех же городах — вначале в Нью-Йорке, а потом здесь, — они почти не знали друг друга. Порхали по моей судьбе вышколенными театральными

актрисами: одна взбегает на сцену, другая спускается с противоположной стороны. А если вдруг оказывались одновременно в одном месте, то обе моментально замыкались.

Прежде чем мы с Эми узаконили отношения, я время от времени слышал отзывы Го:

«Это странно, но я никак не могу разобраться, что это вообще за человек».

Или:

«Ты просто на себя не похож, когда она рядом».

И еще:

«Есть существенная разница между любовью к женщине и любовью к придуманному образу женщины».

И наконец:

«Очень важно, сможет ли она сделать тебя счастливым».

Тогда Эми удалось сделать меня счастливым.

И она выразила собственные постулаты, что касается Го:

«В ней чересчур много миссурийского, не находишь?»

Или:

«Тебе нужен особый настрой для нее».

И еще:

«Она не слишком нуждается в тебе, но, сдается,

больше у нее никого нет».

Я рассчитывал, что они сблизятся, когда мы вернемся в Миссури, забудут разногласия ради того, чтобы быть рядом со мной. Ни одна не попыталась. Го была юморнее, чем Эми, поэтому борьба между ними велась не на равных. Эми умна, проницательна и саркастична. Она могла разозлить меня, могла отпустить тонкую остроту, зато Го всегда заставляла меня смеяться. А это опасно, когда человек заставляет тебя смеяться над собственной женой.

— Го, я думал, мы договорились, что ты не будешь упоминать мои гениталии всуе, — сказал я. — С учетом наших родственных отношений у меня вообще нет никаких гениталий.

Зазвонил телефон. Го хорошенько приложилась к пиву, закатила глаза и улыбнулась.

— Конечно он здесь, секундочку! — И для меня изрекла: — Карл!

Карл Пелли жил через дорогу от нашего с Эми дома. Вышел на пенсию три года назад. Развелся два года назад. Приехал в наш пригород сразу после развода. Раньше он был коммивояжером — товары для детских праздников, — и я догадывался, что он, сорок лет прокантовавшись по мотелям, ощущал себя дома не вполне уютно. В

бар он заходил каждый день с пакетом острых гамбургеров «Харди» и жаловался на отсутствие денег до тех пор, пока я не предложил ему наливать первый стакан за счет заведения. Просто я узнал о Карле еще кое-что: он был безобидным, но неизлечимым алкоголиком. Ему хватило благоразумия поверить, что мы не пытаемся слить в него просроченные напитки, хотя поначалу подобные предположения имели место. Целый месяц Карл не пил ничего, кроме «Зимы» года этак 1992-го, в пыльных бутылках, которые мы обнаружили в подвале. Когда тяжелое похмелье удерживало старика дома, он обязательно находил повод для звонка.

«Ники, у вас почтовый ящик переполнен. Может, посылка пришла?»

«Ники, дело к дождю, а у вас окна открыты. Может, стоит их закрыть?»

Каждый раз причина была вымышленной. Просто Карлу позарез хотелось услышать перезвон бокалов, бульканье выпивки.

Я потряс возле трубки стакан с колотым льдом, так чтобы Карл мог вообразить порцию джина.

— Привет, Ники, — раздался блеклый голос. — Извините за беспокойство. Я просто подумал, нужно вам сообщить: двери вашего дома на-

распашку и кошка на улице. Наверное, так не должно быть…

Я уклончиво хмыкнул.

— Я бы сходил и проверил, — продолжал Карл, — но мне слегка нездоровится.

— Не переживайте, — ответил я. — Мне уже все равно пора возвращаться.

Путь по Ривер-роуд, ведущей прямо на север, занял у меня не больше пятнадцати минут. Иногда, въезжая в наш пригород, я невольно вздрагиваю. Слишком много домов пялятся пустыми глазницами окон — дома, что никогда не знали хозяев, или дома, имевшие владельцев, но видевшие их изгнание. Дома, ставшие пустыми, обезлюдевшие.

Когда мы с Эми переехали сюда, немногочисленные соседи соизволили нас навестить. Одинокая мамаша трехлетнего карапуза пришла со сковородой. Молодой отец тройни прибыл с упаковкой пива (его жена осталась дома с малышами). Заглянула пожилая верующая пара из ближайшего дома. И — куда же без него? — приплелся Карл из дома напротив. Мы сидели на задней веранде и любовались рекой. Обсуждали невеселые вещи: ипотечный кредит с плавающей ставкой, кредиты под нулевой процент, нулевую

предоплату. Потом все обратили внимание, что только у нас с Эми есть выход к реке, зато нет детей.

— Всего лишь вдвоем? В таком большом доме? — удивилась одинокая мамочка, выдавая каждому порцию яичницы-глазуньи.

— Всего лишь вдвоем, — подтвердил я с улыбкой, отправляя в рот полужидкий желток.

— Вам будет одиноко.

Тут она не ошиблась.

Четыре месяца спустя мадонна с младенцами проиграла свою ипотечную войну и исчезла посреди ночи. Их дом так и остался пустовать. На окне гостиной все еще красовалась бабочка, нарисованная детской рукой. Яркие цвета фломастеров «Мэджик» медленно выгорали на солнце. Однажды вечером, недавно, возвращаясь домой, я заметил позади картинки бородатое и грязное лицо, колышущееся в темноте, как печальная аквариумная рыба. Он догадался, что я его вижу, и скрылся в глубине дома. Назавтра я оставил бумажный пакет с сэндвичами на нижней ступеньке крыльца. Еда простояла неделю нетронутой, превращаясь в вонючую кашу на жарком солнце, пока я не выбросил эту гниль.

Царила тишина. В нашем пригороде всегда ти-

шина. Только я приближался к дому под урчание автомобильного двигателя. Кот действительно сидел на ступеньках. Все еще на ступеньках, через двадцать минут после звонка Карла. Вот это уже странно. Эми любила кота. Она удалила питомцу когти и никогда не выпускала его из дому. Все потому, что усатая тварь по кличке Бликер отличалась умильностью и чрезвычайной глупостью. Несмотря на чип слежения, упрятанный в жирных волосатых складках, он бы моментально исчез навсегда, оказавшись на улице, и хозяйка это прекрасно знала. Кот проковылял бы прямиком к Миссисипи — пум-пурум-пум-пум — и поплыл бы вниз по течению, к Мексиканскому заливу, чтобы свести счеты с жизнью в брюхе голодной акулы-быка.

Хотя вряд ли. Ему не хватало мозгов, чтобы спуститься хотя бы по лестнице. Бликер торчал на краю крыльца — толстый, но гордый часовой, а может, олицетворение лени.

Когда я покинул автомобиль, Карл появился на ступеньках своего дома. Так я и шел, ощущая на себе взгляды старика и кота, вдоль ряда красных пионов, сочных и мясистых, хоть рви да ешь.

Я уже отрезал было коту путь к бегству, как вдруг увидел, что дверь открыта. Карл не ска-

зал, насколько широко, но теперь я отлично разглядел. Не приоткрыта, типа «я выскочила на минутку выбросить мусор», а распахнута настежь и зловеще зияет.

Карл, ожидая моего ответа, застыл по ту сторону дороги как некое гротескное произведение изобразительного искусства, и я чувствовал, что надо притвориться Озабоченным Мужем. Постояв на середине лестницы, я нахмурился, а потом взбежал, перешагивая через две ступеньки и выкрикивая имя жены.

Ответом было молчание.

— Эми, ты дома?

Я поднялся в верхние комнаты. Никакой Эми. Гладильная доска разложена, на ней включенный утюг.

— Эми!

Я спустился бегом, заметив через открытую дверь, что Карл никуда не делся — таращится, упирая руки в боки. Завернув в гостиную, я нажал кнопку выключателя. На ковре сверкали осколки стекла от кофейного столика. Тумбочки опрокинуты, книги рассыпались по полу на манер игральных карт. Даже тяжелая антикварная оттоманка лежала кверху брюхом, короткие толстые ножки торчали, как у мертвого зверя. А

посреди всего этого беспорядка валялись блестящие ножницы.

— Эми!

Я носился по дому, выкрикивая ее имя. Через кухню, где кипел чайник, в подвал, потом в пустующую гостевую комнату, наконец выскочил наружу через черный ход. Пересек задний двор и взбежал на узкий лодочный причал. Перегнулся через край, чтобы убедиться: ее нет в нашей лодке. Однажды я нашел ее там, лежащую лицом к солнцу, с закрытыми глазами. Тогда я долго любовался женихой красотой на фоне сказочной реки, а потом Эми неожиданно открыла голубые глаза, но ничего не сказала. Промолчал и я. Просто развернулся и ушел в дом.

— Эми!

Ее не было на реке, ее не было в доме, ее не было нигде.

Эми исчезла.

Эми Эллиот

18 сентября 2005 года.
Страницы дневника.

Ну надо же. Угадайте, кто вернулся? Ник Данн, парень с бруклинской вечеринки, целующийся в сахарном облаке и исчезающий. Восемь месяцев, две недели и два дня — просто слов нет. А потом вдруг снова появляется, будто так и было задумано. Рассказывает, что потерял номер моего телефона. Записной книжки в кармане не оказалось, поэтому он записал на старом билете, сунул билет в карман джинсов и постирал. В результате бумажка превратилась в мокрый комок целлюлозы, удалось различить только цифры 3 и 8. (Это он так утверждает.)

Потом вдруг работа поглотила его без остатка, а когда отпустила, был уже март — так поздно, что он постеснялся меня разыскивать. (Это он так утверждает.)

Конечно, я разозлилась. Ух как я разозлилась! Но сейчас не в этом дело. Позвольте мне реконструировать событие. (Это я говорю.) Сегодняшний день. Сентябрьские порывистые ветры.

Время обеденное; я иду по тротуару Седьмой авеню и плотоядно созерцаю контейнеры в витринах закусочных — бесконечные пластиковые упаковки с нарезанной дыней обыкновенной, дыней канталупой, дыней медовой (лежат себе на льду, как дневной улов рыболовецкого судна) — и вдруг чувствую, как меня обгоняет человек, а потом краем глаза замечаю: опа! Это же он! Парень из «Я познакомилась с мальчиком!».

Не сбавляя шага, вы поворачиваетесь к нему и говорите:

а) Я вас знаю? (Сдержанно, но с вызовом.)

б) Ну ничего себе! Я так рада тебя видеть! (Безвольно, как половая тряпка.)

в) Убирайся и займись онанизмом. (С горькой злостью.)

г) Приветик, Ник, ты ведь никуда не торопишься? (Легко, игриво, непринужденно.)

Ответ: г).

И вот теперь мы вместе. Вместе, вместе! Так легко и хорошо.

Он поинтересовался, найдется ли у меня свободное время. А оно найдется! Просто вчера

вечером состоялась презентация книги моих родителей. «Удивительная Эми и главный день». Ух! Ранд и Мэрибет не устояли. Если уж они не смогли выдать замуж свою дочь, то выдали ее тезку! Да, это двадцатая книга. Удивительная Эми теперь замужняя дама. Ы-ы-ы-ы-ы… Кому это понравится? Никто не хотел, чтобы Удивительная Эми выросла, а я — меньше всех. Расти предоставьте мне, а ее законсервируйте вместе с гольфами и бантиками, мое литературное альтер эго, живущее под обложкой дешевого покетбука, моего мистического двойника, которого все принимают за меня.

Но Эми — хлеб с маслом для семейства Эллиот, она служила нам верой и правдой, поэтому предки решили, что я не смею завидовать ее счастью. Само собой, она вышла замуж за старого доброго Способного Энди, и они будут жить, как мои родители, — долго и счастливо.

Омрачил атмосферу праздника только невероятно малый стартовый тираж. В восьмидесятые каждая новая «Удивительная Эми» обычно выходила по сто тысяч экземпляров. Сейчас только десятка. Потому презентация не отличалась особым размахом. А это, прямо скажем, неприлично. Каков, по-вашему, должен быть банкет в честь

вымышленного персонажа, которого выпустили в жизнь шестилетней малюткой и благополучно довели до возраста тридцатилетней невесты, а она все еще разговаривает как ребенок? «Футы! — подумала Эми. — Мой дорогой женишок наверняка становится жутким брюзгой, когда не получает желаемого…» Серьезно, это цитата. А целиком текст вызывает желание хорошенько врезать коленом прямо в непорочное влагалище моей тезки. Книжка — для ностальгирующих теток, которые выросли на приключениях Удивительной Эми, но мне почему-то кажется, что вряд ли они захотят читать новинку. Я-то, конечно, прочла. И дала рукописи свое благословение, как это уже случалось много раз. Ранд и Мэрибет опасались, что я могу расценить брак Эми как насмешку над моим собственным сидением в девках. «Я, между прочим, придерживаюсь мнения, что женщина не должна выходить замуж раньше тридцати пяти», — заявила моя мама, окрутившая папу в двадцать три года.

Мои родители всегда переживали, что я могу принять образ Эми слишком близко к сердцу, — не читай о ней слишком много, говорили они. И все же я заметила, что всякий раз, когда я пасую перед чем-то в жизни, Эми с честью выходит из

сложной ситуации. В двенадцать лет я окончательно забросила скрипку, а Эми в следующей книге предстала как музыкально одаренная личность. («Фу-ты… Скрипка — это, конечно, тяжкий труд, но тяжкий труд закаляет тело и душу!») В шестнадцать я сорвалась с чемпионата по теннису среди юниоров, чтобы провести выходные с друзьями на берегу моря, и вскоре Эми нашла себя в спорте. («Фу-ты… Мне, конечно, нравится отдыхать с друзьями, но я же подведу себя и команду, если не появлюсь на турнире».) Обычно это бесило меня страшно, но после поступления в Гарвард (кстати, Эми тоже безошибочно выбрала альма-матер моих родителей) мне все стало казаться слишком нелепым, чтобы заморачиваться. Раз уж мои родители, оба детские психологи, выбрали по отношению к родному ребенку подобного рода пассивную агрессию, то пускай они и варятся в собственной глупости, а я буду прикалываться над ними. И над всем остальным.

Презентация показалась мне такой же шизофреничной, как и книга. Проходила она в «Блюнайте», возле Юнион-сквера, полутемном салоне с гнутыми стульями и зеркалами в стиле ар-деко, — предполагается, что они заставят вас почувствовать себя Яркой Молодой Штучкой.

Джин и мартини на покачивающихся подносах в руках у официантов с приклеенными улыбками. Жадные журналисты усмехаются и переминаются с ноги на ногу в ожидании халявного хавчика и бухла — напьются-нажрутся и свалят куда-нибудь еще.

Мои родители прохаживаются по салону рука об руку, история их любви неразделима с историей Удивительной Эми. Супружеская пара, чей творческий процесс плодотворен на протяжении четверти века. Родственные души. Так они называют себя, и в этом есть немалая доля истины. Могу поручиться, поскольку изучаю их много лет, с самого детства. В их общении нет острых углов, никаких конфликтов; они движутся по жизни будто сросшиеся медузы — инстинктивно расширяются и сжимаются, плавно перетекая в полости друг друга.

Говорят, что ребенка из распавшейся семьи ожидают тяжелые испытания, но и ребенка от идеального, волшебного брака подстерегают свои ни с чем не сравнимые трудности.

Само собой, мне приходится восседать на бархатной банкетке в углу зала, вдали от суеты, поэтому я могу дать интервью жалкой кучке журналистов-стажеров, которые получили от

редакторов задание «поймать цитату».

> Что вы почувствовали, когда узнали, что Эми выходит замуж за Энди? Ведь вы все еще не замужем?
>
> Этот вопрос я услышала от:
>
> а) придурковатого лупоглазого юнца, кое-как водрузившего ноутбук на сумку;
>
> б) разодетой зализанной фифы на шпильках фасона «поимей меня»;
>
> в) рьяной татуированной девчонки в прикиде рокабилли, которая оказалась куда внимательнее к судьбе Эми, чем я могла бы ожидать от поклонников этой музыки;
>
> г) все вышеупомянутые.
>
> Ответ: г).

Я сказала:

— О, я так рада за Эми и Энди, я желаю им счастья. Гы-гы-гы…

А вот мои ответы на прочие вопросы. В случайном порядке.

— Да, некоторые черты Эми списаны с меня, а остальное — творческий вымысел.

— Да, я сейчас одинокая и успешная. Никакого Способного Энди в моей жизни нет.

— Нет, я не думаю, что в книге об Эми упрощаются отношения мужчин и женщин.

— Нет, я не могу сказать, что «Удивительная Эми» — однодневка. Она ближе к классике.

— Да, я сейчас одинока. Никакого Способного Энди в моей жизни нет.

— Почему Эми Удивительная, а Энди всего лишь Способный? Да ладно, разве вы не знаете многих успешных, даже обалденно успешных женщин, связавших свою жизнь с Простым Джо или Способным Энди? Это шутка, не записывайте…

— Да, я одинока.

— Да, мои родители — родственные души, можно и так сказать.

— Да, я хочу, чтобы однажды это произошло со мной.

— Да, я не замужем, козлина…

И снова одни и те же вопросы, и так много раз. Я пыталась притворяться, что репортеры заставляют меня задуматься. Они пробовали притворяться, что я заставляю задуматься их. Хвала Господу за бесплатные напитки.

А потом вдруг — надо же, как скоро! — оказывается, что больше нет охотников со мной говорить. Больше никто не хочет со мной говорить. И де-

вушка, специалист по пиару, притворяется, что это и к лучшему: а теперь можете наслаждаться приемом. Я ввинчиваюсь в жиденькую толпу, где мои родители работают на публику. Их лица сияют — Ранд улыбается, показывая зубы, словно доисторическое чудовище, Мэрибет бодро кивает, напоминая курочку. Они стоят рука об руку, смеются вместе, радуются вместе, трепещут вместе. А я подумала: как же отвратительно я одинока.

Я шагаю домой, всхлипывая время от времени. Мне почти тридцать два. Не старуха, особенно для Нью-Йорка, но факт остается фактом — прошли уже годы с того времени, как я по-настоящему кому-то нравилась. Вполне вероятно, что я встречу кого-нибудь и полюблю, но все меньше и меньше шансов, что я полюблю достаточно сильно, чтобы выйти замуж. Я устала гадать, с кем я буду рядом, да и буду ли с кем-то?

У меня много друзей, состоящих в браке. Не тех, кто счастлив в браке, а просто много друзей женаты или замужем. Счастливых, подобно моим родителям, из них очень мало.

Они так сокрушаются по поводу моего одиночества! Еще бы! Умная, симпатичная, милая девушка, с разносторонними интересами и

увлечениями, с крутой работой и любящими родителями. И скажем так, при деньгах. Они хмурят брови и притворяются, что подумают, с каким бы мужчиной меня познакомить. Но все мы знаем: знакомить не с кем, всех хороших давно разобрали. И я догадываюсь: тайком они полагают, будто что-то не так со мной, какой-то изъян не позволяет мне удовлетворять мужчин, а им не позволяет удовлетворить меня.

Те, кто не живут душа в душу, а просто пристроились, сокрушаются еще больше. Так не бывает, говорят они, чтобы не найти себе пару. Отношения между полами далеки от совершенства — кто-то притворяется влюбленным, чтобы было с кем спать, кому-то нужен собеседник или просто человек, рядом с которым можно смотреть телевизор, кто-то расчетливо подчиняется супругу — да, сладкий мой, конечно, сладкий мой, — и на все согласен. «Он выполняет твои просьбы, — думаю я, — просто потому, что не дает себе труда задуматься и возразить. Твои мелкие требования для него обременительны и унизительны, и однажды он переспит с хорошенькой молодой сотрудницей, которой от него ничего не надо, а твое сердце будет разбито». Нет, мне подавай мужчину, не уходящего от борьбы, мужчину, который

не будет тыкать меня носом в мои слабости, но такого, кому мои слабости будут нравиться хоть немного. И еще. Не надо подталкивать меня к тому виду взаимоотношений, когда супруги постоянно клюют друг друга, маскируя оскорбления под шутки, а сами закатывают глаза или когда «понарошку» цапаются в присутствии друзей, стараясь перетянуть их на свою сторону конфликта. Ужасные отношения «если бы только». «Этот брак был бы счастливым, если бы только…» Думаю, вы и сами можете продолжить список, который получится на удивление длинным.

Таким образом, я понимаю, что не обязана вступать в брак, но от этого мне не легче. Поскольку все мои подруги уже замужем, я провожу пятничные вечера дома, в одиночестве, за бутылкой вина и экзотической едой собственного приготовления. Вроде бы прекрасно — как будто я сама себе идеальная пара. А потом блуждаю по бесконечным вечеринкам и барам, вооруженная идеальным макияжем и многообещающей парфюмерией, и предлагаю себя как необычный десерт. Я желаю встретиться с мужчиной симпатичным и умным, с совершенным мужчиной, но чувствую себя так, будто нахожусь за границей и пытаюсь объясниться, добиваюсь, чтобы меня

поняли и узнали. Разве не это суть любых взаимоотношений: понять кого-то, быть понятым самому? «Он меня понимает. Она меня понимает». Разве это не то самое заклинание?

Потом весь вечер вы страдаете с якобы совершенным мужчиной — оттого, что ваши шутки могут быть неверно истолкованы, остроумные замечания идут со скрипом или застревают совсем. А бывает так — он понимает, что вы пошутили, но не знает, что ответить, и держит вашу хохму на ладони, как отхаркнутую словесную мокроту, чтобы позже тайком вытереть о брючину. И вы битый час пытаетесь познакомиться поближе, узнать друг друга получше и выпиваете больше, чем следовало бы. В конце концов возвращаетесь домой, в холодную постель, и думаете: «Ничего, все нормально». И вся ваша жизнь — длинная цепочка из таких вот «нормально».

И вдруг вы нарываетесь на Седьмой авеню на Ника Данна, когда собираетесь купить нарезанную кубиками дыню… И бах! Вы знаете, что подходите друг другу. Причем вы оба. У вас общие воспоминания: «Маслина там, правда, только одна, но все-таки…» Сердца ваши бьются в унисон. Тук-тук. Вы подходите друг другу. И внезапная картина перед мысленным взором:

чтение в постели и вафли по воскресеньям, смех без причины и его губы прижаты к вашим. И не хочется больше возвращаться к череде «нормально». Да и не получится. Вы думаете: «Это на всю оставшуюся жизнь. Вот оно наконец».

Ник Данн

Тот день.

Вначале я дожидался полицейских на кухне, но от вони сгоревшего чайника так першило в горле, что я с трудом удерживался от рвоты. Поэтому пришлось перебраться на крыльцо, где я уселся на верхнюю ступеньку, заставляя себя сохранять спокойствие. И по-прежнему не оставлял попыток вызвать Эми по мобильному телефону. Получал голосовые сообщения от автоответчика, что она перезвонит, как только сможет. Эми всегда перезванивала. Прошло три часа, я оставил пять сообщений, но моя жена так и не перезвонила.

Я не ждал ее возвращения. Так мог и полиции заявить. Эми никогда бы не оставила чайник на плите. Или дверь нараспашку. И не бросила бы недоглаженную вещь. Эта женщина изойдет на дерьмо, но никогда не бросит начатого проекта — дрессировку мужа-раздолбая, к примеру. На фиджийском пляже в наш медовый месяц, туча тучей, она продралась через миллион страниц «Хроник заводной птицы», бросая уничижи-

тельные взгляды на меня, поглощавшего в это время триллер за триллером. После нашего возвращения в Миссури, после потери работы ее жизнь свелась к бесконечной череде мелких и, в общем-то, бессмысленных дел. Платье было бы отутюжено обязательно.

И еще следы в гостиной, которые, вне всяких сомнений, свидетельствовали о борьбе. Я знал, что Эми не позвонит. Я ждал начала следующего акта драмы.

Наступало самое лучшее время дня. В июльском небе ни единого облачка. Медленно садящееся солнце направляло лучи на восток, делая пейзаж золотистым и хмельным, как на полотнах фламандских живописцев. Подъехала полиция. Казалось, я наблюдаю картину со стороны: я, сидящий на ступеньках, вечерняя птица, поющая в ветвях, и два копа, неторопливо покидающие автомобиль, как будто выбрались на пикник за город. Они выглядели почти детьми, немного за двадцать, самоуверенные и равнодушные, привыкшие успокаивать расстроенных родителей, чьи детишки не вернулись домой к положенному времени. Темноволосая, с длинной косой испанка и чернокожий парень с выправкой морпеха. Пока меня здесь не было, в Карфагене прибави-

лось цветных, но не сказать чтобы очень. Все еще существует серьезное разделение профессий по цвету кожи. Люди, с которыми я имел дело в повседневной жизни, могли работать экспедиторами, санитарами, почтальонами. Копами. «Этот город такой белый, что не по себе становится», — призналась как-то Эми, которая в бурлящем Манхэттене числила одного афроамериканца в друзьях. В ответ я обвинил ее в показушной мультикультурности, в использовании этнических меньшинств в качестве фона, но успеха не добился.

— Мистер Данн? — заговорила женщина. — Я офицер Веласкес. Это офицер Риордан. Как мы понимаем, вы беспокоитесь о своей жене?

Риордан свысока озирал окрестности, посасывая леденец. Я заметил, как его глаза проследили за стремительным полетом птицы над речной гладью. Потом он резко повернулся ко мне. Скривившиеся губы давали понять: он видит то же, что видят и все остальные, — физиономию, по которой так и хочется врезать. Мне, простому парнишке из рабочей ирландской семьи, досталось тело гламурного подонка. Чтобы чуть-чуть смягчить впечатление, я много улыбаюсь, но срабатывает это не всегда. В колледже я даже

заказывал очки с простыми, без диоптрий, стеклами, рассчитывая придать себе приветливый вид, не вызывающий агрессии. «Ты что, не врубаешься, что стал еще членообразней?» — спросила Го, после чего я выкинул очки и стал улыбаться старательнее.

— Зайдите в дом и посмотрите сами, — махнул я копам.

Они поднялись по ступенькам, сопровождаемые писком переговорных устройств и поскрипыванием форменных ремней. Стоя на пороге гостиной, я указал на разгром.

— О! — воскликнул офицер Риордан и хрустнул пальцами.

Скуку с него как рукой сняло.

Риордан и Веласкес уселись за обеденный стол и, склонившись над бумагами, задали мне все полагающиеся предварительные вопросы: кто, где, как долго? Их уши, что называется, стояли торчком. Выслушав меня, патрульные сделали звонок, и Риордан сообщил, что следователи выехали. Что ж, имею основания гордиться: мои слова приняты всерьез.

Когда Риордан, дважды спросив, не видел ли я в течение дня поблизости от дома каких бы то ни было незнакомцев, третий раз напомнил о

группе карфагенских бродяг, зазвонил телефон. Рванувшись через комнату, я схватил трубку.

— Мистер Данн, — сообщил угрюмый женский голос, — это пансионат «Комфорт-Хилл»…

В этом заведении мы с Го поселили нашего отца, страдающего от болезни Альцгеймера.

— Я не могу говорить, перезвоню позже! — рявкнул я и повесил трубку.

Администраторша «Комфорт-Хилла», неулыбчивая, некоммуникабельная, вызывала у меня отвращение.

Скорее всего, нехватка денег, проклятая нехватка денег являлась причиной того, что персонал никому не создавал комфорта и даже не улыбался. Я понимал, что зря злюсь на этих людей. Просто меня бесила одна лишь мысль, что отец все еще на этом свете, тогда как мама лежит в земле.

Согласно очередности, в этом месяце чек должна была отправлять Го. И я уверен, что июль — ее месяц. Впрочем, как уверен и в том, что она уверена: в июле очередь моя.

Го как-то сказала, что мы, должно быть, подсознательно забываем посылать по почте чек, поскольку не хотим вспоминать о человеке, который является нашим отцом.

Когда я рассказывал Риордану о незнакомце,

которого видел в брошенном соседями доме, зазвонил дверной звонок. Мне этот звук показался таким будничным, как если бы я ждал разносчика пиццы.

Вошли два бесконечно усталых детектива. Мужчина стройный, даже тощий, с лицом, сужающимся к подбородку, как капля. Женщина показалась мне жуткой уродиной — просто ходячий кошмар. Круглые глазки, как пуговки, длинный нос, кожа вся в черных точках, длинные жидкие волосы цвета извалявшегося в пыли кролика. Меня растили три женщины: бабушка, мама и ее сестра. Они всегда были веселыми и здоровыми, ладными и крепкими. Но красавицами их никто бы не назвал. Эми стала первой красивой женщиной в моей жизни.

Уродливая заговорила, почти слово в слово повторяя офицера Веласкес:

— Мистер Данн? Я детектив Ронда Бони. Это мой напарник, детектив Джим Джилпин. Как мы поняли, вы беспокоитесь насчет своей жены?

Мой желудок довольно громко заурчал в ответ, но все притворились, что не услышали.

— Мы осмотримся тут, сэр? — проговорил Джилпин.

Я обратил внимание на тяжелые мешки под

его глазами и седину в усах. Рубашка не была измятой, но сидела на нем криво; казалось, от него должно вонять сигаретами и дешевым кофе, хотя он пах мылом «Диал».

Я провел их до гостиной и указал еще раз на следы погрома, среди которых копошились на коленях двое молодых копов, как будто рассчитывали найти что-то важное. Бони указала мне на кресло в столовой, подальше от признаков борьбы.

Там Ронда Бони, не спуская с меня внимательных воробьиных глазок, обрушила на мою голову ту же череду вопросов, что немного раньше — Веласкес и Риордан. Тем временем Джилпин ползал на коленях, изучая гостиную.

— Вы позвонили друзьям или родственникам, к которым ваша жена могла отправиться в гости?

— Я… нет, еще нет… Мне казалось, надо дождаться вас.

— О?! — Бони улыбнулась. — Позвольте, я угадаю — родительский любимчик.

— Что?

— Вы в детстве.

— У меня есть сестра-близнец.

Я ощутил, как что-то внутри сжалось. Почему? Любимая ваза Эми лежала на полу целая и

невредимая, закатившись под стену. Свадебный подарок. Работа японских мастеров, моя жена прятала вазу раз в неделю перед приходом уборщика, опасаясь, что он разобьет.

— Это только мое предположение — почему вы дожидались нас. Привыкли, что кто-то всегда берет на себя ответственность, — сообщила Бони. — Примерно как мой младший брат. Все зависит от того, кто за кем родился. — Она небрежно черкнула в блокноте.

— Ладно. — Я сердито пожал плечами. — Вам сказать, кто я по гороскопу, или приступим к делу?

Но Бони, любезно улыбаясь, молчала и смотрела.

— Я ждал вас, чтобы начать поиски, потому что она наверняка не в дружеской компании. — Я указал на беспорядок в гостиной.

— Мистер Данн, вы живете здесь два года? — спросила сыщица.

— В сентябре будет два.

— А приехали откуда?

— Нью-Йорк.

— Город?

— Да.

Она указала наверх, безмолвно спрашивая

разрешения. Я кивнул и пошел следом. Джилпин двинулся за нами.

— Там я был писателем, — ляпнул я, прежде чем успел прикусить язык.

Даже спустя два года я не хотел, чтобы люди знали, каково мне жилось в Нью-Йорке.

Бони:

— Звучит солидно.

Джилпин:

— О чем писали?

Я растянул ответ, поднимаясь.

— Я писал для журналов (ступенька), писал о поп-культуре (ступенька), писал для мужских журналов (ступенька).

Наверху я обернулся и увидел, что Джилпин смотрит в сторону гостиной.

— Поп-культура? — переспросил он и пошел вверх. — Что это?

— Популярная культура, — ответил я. Бони терпеливо нас дожидалась. — Кинофильмы, телевидение, музыка, но знаете… не высокое искусство, не претенциозное.

Я поморщился. Претенциозное? Высокопарно получилось. Нужно, наверное, перевести этим простакам с моего английского тире впитанного на Восточном побережье, на их английский тире

народный говор Среднего Запада. «Ну, я позырю кинишко и чего-нибудь настрочу про него, типа мнение».

— Она любит кино, — заявил Джилпин, указывая на Бони.

— Ага, люблю, — кивнула она.

— Сейчас я хозяин «Бара» в центре города, — сообщил я.

Хотел добавить, что немного преподаю в колледже, но вдруг показалось, что говорить об этом сейчас было бы лишним.

Бони заглянула в ванную комнату, оставив меня и Джилпина в коридоре.

— «Бар»? — говорила она. — Я знаю это заведение. Туда хочется заглянуть. Очень правильное название. Звучит как-то так…

— Похоже на умный ход, — подсказал Джилпин.

Бони зашагала к спальне, мы потянулись за ней.

— Жизнь среди пива не так уж плоха, — сказала она.

— Иногда ответ находят на дне бутылки, — заметил я и поморщился — так неуместно это прозвучало.

Мы вошли в спальню.

— Ну, это не про меня, — хихикнул Джилпин.

— Видите, как утюг стоит? — спросил я.

Бони кивнула, распахнула двери нашей гардеробной и, включив свет, принялась шарить между платьями и рубашками. Вдруг она неразборчиво буркнула и, нагнувшись, подняла коробку, тщательно обернутую серебристой бумагой.

Мои кишки свернулись в узел.

— Чей-то день рождения? — спросила она.

— Годовщина нашей свадьбы.

Бони и Джилпин дернулись, как пауки, но притворились, что ничего не было.

К тому времени, как мы вернулись в гостиную, молодые офицеры уже ушли. Джилпин опустился на колени, пожирая глазами перевернутую оттоманку.

— Гм… — заговорил я. — Кажется, у меня мандраж…

— Я вас ни в чем не обвиняю, Ник, — сказал Джилпин.

Его бледно-голубые глаза сковывали, лишали воли.

— Что-то можно сделать? Ну, чтобы найти мою жену. Я имею в виду, раз она явно пропала…

Бони подошла к свадебному портрету на стене: я в смокинге, улыбка в тридцать два зуба прикле-

илась к лицу, рука неестественно обнимает Эми за талию; белокурые волосы моей жены завиты и распушены, ее фату вздымает бриз Кейп-Кода, глаза открыты чересчур широко, потому что она всегда в последний миг моргала и сдерживалась изо всех сил. Прошли всего сутки после Дня независимости — запах серы от фейерверков смешивался с ароматом моря. Лето.

На мысе было прекрасно. Я хорошо помню, как за несколько месяцев до того обнаружил, что Эми, моя подруга, весьма богата, что она единственный ребенок в семье очень талантливых авторов. Своего рода икона, на которую я молился с детства посредством книжной серии о ее тезке — «Удивительной Эми». Она рассказала о себе спокойным, будничным тоном, как будто я только что вышел из комы. Как будто ей часто приходилось говорить эти слова раньше и всякий раз с аховым результатом, — возможно, о богатстве она рассказывала бы с большим энтузиазмом, если бы не понимала, что сама не слишком много усилий потратила для его достижения.

Эми выложила свою подноготную, а потом мы отправились к Эллиотам в дом на берегу Нантакет-Саунда, который является официально зарегистрированным историческим памятни-

ком, а оттуда махнули поплавать на яхте, и я думал: «Я, парень из Миссури, лечу над океаном с людьми, которые видели куда больше моего. Даже если начну сейчас наверстывать, будучи взрослым, то все равно не наверстаю». Но это не вызывало ревности, напротив, была радость. Я никогда не стремился к богатству или славе. Мои родители не были великими мечтателями, они не видели в своем чаде будущего президента. Нет, мои прагматичные предки прочили мне карьеру средней руки клерка, более или менее зарабатывающего на жизнь. И мне с головой хватало близости к Эллиотам, катания с ними по Атлантике и возвращения в их шикарно отреставрированный дом, который в 1822 году построил капитан китобойного судна; и там я буду есть экологически чистые продукты, названий которых мне даже не выговорить. Например, киноа. Помню, я предположил, что киноа — это рыба.

Мы играли свадьбу на пляже в густо-синий летний день, ели и пили под белоснежным тентом, полоскавшимся, как парус, а через несколько часов я увлек Эми во тьму, поближе к волнам, потому что все казалось совершенно волшебным, а сам я как будто превратился в мерцающий свет. Касаясь кожи, прохладный туман вернул меня в

реальный мир, а Эми вернула меня в золотистое сияние под тентом, где небожители вкушали амброзию. И наши взаимоотношения были ровней этому празднику.

— А у вас очень симпатичная жена. — Бони наклонилась, чтобы рассмотреть Эми получше.

— Да, она красавица, — ответил я, прислушиваясь к веселому урчанию живота.

— Которая у вас годовщина?

— Пятая.

Я переминался с ноги на ногу, желая, чтобы хоть что-то делалось. Меня не устраивало, что сыщики обсуждают достоинства моей жены, — лучше бы они пошли и отыскали мою долбаную жену. Но я не говорил этого вслух. Я очень часто молчу, даже когда следовало бы высказаться. Держу злость в себе и постепенно нагреваюсь до точки кипения. В погребах моей души хранятся сотни бутылок ярости, отчаяния, страха, но вы никогда не догадаетесь об этом, глядя на меня.

— Пять лет — срок серьезный, — кивнул Джилпин и спросил: — Позвольте, я отгадаю. Конечно же «Хьюстон»?

Он назвал самый классный ресторан в городе. «Вам в самом деле стоит побывать в „Хьюстоне“», — сказала моя мама, едва мы вернулись

из Нью-Йорка. Она считала, что это заведение — настоящая карфагенская жемчужина, способная удовлетворить взыскательные вкусы моей жены.

— Конечно «Хьюстон».

Так я солгал полиции в пятый раз. И это было только начало.

Эми Эллиот-Данн

5 июля 2008 года.
Страницы дневника.

Меня переполняет любовь! Я опухла от страсти! Я раздулась от преданности! Я счастлива, я шмель брачного энтузиазма. Я непрестанно жужжу вокруг своего мужчины, заботясь и суетясь. Я получила удивительный статус. Я стала женой. Я обнаружила, что веду безмозглые разговоры — неестественные и бесполезные, но только так я могу произнести его имя вслух. Я стала женой, я стала занудой, я рассталась с кредитной карточкой Молодой Независимой Феминистки. А мне плевать! Я веду его чековую книжку, я расчесываю ему волосы. Я стала такой старомодной, что, наверное, скоро начну использовать слово «бумажник», выходить из дому в твидовом пальто, мазать губы красной помадой и посещать салон красоты. Но меня это не волнует. Кажется, все имеет значение, любое событие может обернуться забавной историей, рассказанной за обедом. «Дорогой, я сегодня насмерть задавила бомжа, ха-ха-ха! Вот потеха!»

Ник похож на крепкую выпивку — он любому событию дает правильный взгляд. Не другую точку зрения, а именно правильный взгляд. С Ником я поняла: на самом деле не имеет значения, что счет за электричество будет оплачен на несколько дней позже, а мой последний опросник получился не ахти. (Он называется «Каким бы деревом вы хотели стать?» Я не шучу. Что до меня, то я — яблоня. Но это не имеет значения.) Не имеет значения то, что новая книга об Удивительной Эми провалилась с треском: рецензии злобные, а продажи после вялого старта и вовсе скисли. И не имеет значения, в какой цвет я покрасила стены комнаты, и чем занимаюсь на последней работе, и сколько часов провожу в дороге, и перерабатывается ли мусор, который мы сдаем в переработку. (Нью-Йорк, а ну как на духу: перерабатывается?) Все это не важно, потому что я нашла свою половинку. Это Ник, вальяжный и флегматичный, смышленый, остроумный и не приученный усложнять. Счастливый и незатасканный. Милый. С большим членом.

Все, что мне не нравилось в себе, отодвинулось в дальний уголок подсознания. Возможно, больше всего я люблю в нем то, как он меня создает.

Не пробуждает мои чувства, а именно создает.

Я счастлива. Я игрива. Я игрушка. Я чувствую себя счастливой и полностью удовлетворенной. Я жена! Мне непривычно произносить эти слова. (Нет, серьезно, насчет переработки отходов, Нью-Йорк, ты хоть подмигни.)

Мы совершаем всяческие глупости. Например, на прошлых выходных отправились в штат Делавэр, поскольку ни я, ни он ни разу не занимались сексом в Делавэре. Позвольте мне описать эту сцену, чтобы сохранить ее для потомков. Мы пересекаем границу штата, на знаке надпись: «Добро пожаловать в Делавэр!», и еще: «Маленькое чудо», и еще: «Первый штат», и наконец: «Беспошлинная продажа товаров».

В Делавэре живет много богатых людей.

Я указываю Нику на первую попавшуюся грунтовку, мы трясемся пять минут, пока не оказываемся в окружении сосен. Он откидывает спинку водительского кресла. Я задираю юбку. Белье я не надела. Вижу, как его рот приоткрывается, а лицо расслабляется, взгляд твердеет, — так бывает всегда, когда он готов. Я забираюсь сверху, спиной к Нику, упираясь в ветровое стекло. Руль прижимается ко мне, и, когда мы начинаем двигаться, клаксон вторит, попискивая в такт. Мои ладони скрипят по стеклу. Мы с Ником мо-

жем заниматься этим где угодно — ни он, ни я не боимся случайных свидетелей. Наоборот, мы скорее гордимся собой. Потом едем обратно. Я закинула босые ноги на приборную панель и грызу копченую говядину.

Мы любим свой дом. Дом, который построила «Удивительная Эми». В смысле, этот домик из бурого песчаника купили для нас мои родители за гонорары. Он стоит на бруклинских ржавых песках, рядом с набережной, широкими окнами глядя прямо на Манхэттен. Его купили мои родители. Это оригинально, это вызывает легкое чувство вины, но не слишком. Я всегда боролась с образом испорченной богатой девочки и старалась многое делать сама.

Мы сами выкрасили стены внутри, потратив два выходных, — «весенняя зелень», «светлая желтизна» и «синий бархат». Получившиеся цвета не отвечают замыслу, но мы притворяемся, что нам нравится. Мы наполняем дом безделушками с барахолок, скупаем пластинки для проигрывателя. Вчера вечером сидели на старом персидском ковре, пили вино и крутили виниловые диски, а небо потемнело, и Манхэттен зажег огни. Тогда Ник сказал: «Так я себе всегда это представлял. Вот именно так я себе все и представлял».

По выходным мы болтаем под четырьмя слоями ткани; желтое, как солнце, стеганое одеяло греет нам лицо. Даже половицы радуют. Две старые доски звонко окликают нас, когда мы идем к дверям. Мне нравится это. Мне нравится, что это наше, что у нас есть целая история покупки старинного торшера или корявой глиняной кружки, которая стоит рядом с кофейником, но в ней никогда ничего не лежало, кроме старой канцелярской скрепки. Я трачу целые дни, чтобы придумать для Ника маленькие радости. Например, покупаю мятное мыло, которое ляжет на его ладонь, как теплый камешек, или готовлю для него форель, как напоминание о том времени, когда он работал на пароходе. Я знаю, что выгляжу смешно. Но мне это нравится, хотя я и помыслить не могла, что стану смешной в угоду мужчине.

Это радость. Я даже восхищаюсь его носками, которые он умудряется оставлять в совершенно невероятных местах, как будто их растаскивает по дому щенок.

Сегодня наша первая годовщина, и меня переполняет любовь. Хотя окружающие продолжают убеждать нас, что первый год семейной жизни очень и очень труден, как будто мы наивные дети, решившие пойти на войну. Вовсе даже не

труден. Мы предназначены друг для друга. Сегодня наша первая годовщина, и Ник уйдет с работы сразу после обеда — его ждет подготовленная мной охота за сокровищами. Все ключи касаются нас двоих, наших совместных прошлогодних похождений.

Когда замерзнет милый муженек,
Дадим ему вкуснятины глоток.

Ответ: суп том-ям, «Тайтаун», Президент-стрит. Шеф будет ждать нас там с дегустационной тарелкой и следующей загадкой.

А еще «Макманнз» в Чайна-тауне и статуя Алисы в Центральном парке. Грандиозное путешествие по Нью-Йорку. А завершим мы его на Фулстон-стрит, купим на рыбном рынке парочку шикарных омаров. В такси я буду держать контейнер с ними на коленях, пока Ник нервно ерзает рядом. Мы вернемся домой, и я сварю их в новой кастрюле на нашей старой плите, приложив все навыки девочки, которая проводила каждое лето на Кейп-Коде, а Ник будет хихикать и притворяться, что боится морских раков, прячась за кухонной дверью.

Я предложила заказать гамбургеры. Ник хотел выбраться во что-нибудь пятизвездочное, с мно-

жеством блюд и чопорными официантами. Так что омары — прекрасный компромисс. А компромисс — это, как нам твердят (твердят и твердят), прежде всего умение уступать друг другу. И это главное в браке.

Мы съедим омаров с маслом и займемся сексом прямо на полу, а джазовая певица со старинной пластинки споет нам далеким, как с другого конца туннеля, голосом. Мы будем медленно пьянеть от любимого виски Ника. А потом я вручу ему подарок — писчий набор, о котором он мечтал, фирмы «Крейн и К°». На этой бумаге густо-сливочного цвета отлично смотрится четко отпечатанная зеленым, как охотничий камуфляж, санс-серифом монограмма. Необходимая вещь для писателя, преподнесенная женой писателя. Может, и ей достанется пара любовных записок на этой бумаге?

А потом, не исключено, мы снова займемся сексом. А попозже вечером все-таки закажем гамбургеры. И еще хорошего виски. И — вуаля! — мы самая счастливая пара в округе! А еще говорят, что брак — тяжелый труд.

Ник Данн

Та ночь.

Бони и Джилпин решили перенести нашу беседу в здание полиции, которое больше всего напоминало отделение хиреющего комьюнити-банка. Там меня, совершенно не желающего шевелиться, оставили в покое на сорок минут. Изображать спокойствие — тоже своего рода форма покоя. Я сутулился над столом, опустив подбородок на руки, и ждал.

— Вы не хотите позвонить родителям Эми? — спросила Бони.

— Не хочу пугать их. Но если мы в течение часа не получим никаких известий, то я буду звонить.

Наш разговор пошел по третьему кругу.

Наконец-то копы вернулись и уселись за стол напротив меня. Я с трудом удержался от смеха — настолько происходящее напоминало сериалы, которые крутят по телику. Точно такую же комнату я видел десять лет назад, переключая по вечерам каналы кабельного. Два копа, утомленные и напористые, действовали как киногерои.

Сплошная фальшивка. Полиция Диснейленда. Бони держала в руках бумажный стаканчик с кофе и папку — полицейская бутафория. У меня голова закружилась от осознания того, что все вокруг притворяются. Давайте поиграем в «Пропавшую жену»!

— Все нормально, Ник? — спросила Бони.

— Да, нормально. А что?

— Вы улыбаетесь.

Плиточный пол закружился у меня перед глазами.

— Прошу прощения… Просто все это…

— Я знаю, — кивнула Бони, бросая на меня взгляд, напоминавший пощечину. — Все это слишком непривычно. Я знаю. — Она откашлялась. — Прежде всего мы бы хотели убедиться, что вам здесь удобно. Вы нужны нам, чтобы узнать как можно больше. Получить максимум информации. Будет лучше, если мы получим ее прямо сейчас, но вы можете уйти в любое время, я не вижу проблемы.

— Все, что вам угодно.

— Ладно, отлично. Спасибо. Итак, приступим. Для начала я хотела бы устранить все возможные помехи. Если вашу жену похитили — а мы пока не знаем этого наверняка, — то надо поймать

виновника и прижать его как следует. Загнать его в тупик.

— Верно.

— Поэтому мы должны вас проверить, это на самом деле довольно быстро и несложно. Чтобы тот парень не смог потом заявить, что мы вами не занимались. Понимаете, о чем я?

Я машинально кивнул, хотя, признаться, не вполне догадывался, к чему она клонит. Но изо всех сил старался показать готовность к сотрудничеству.

— Как скажете.

— Мы не пытаемся обвинить вас, — вмешался Джилпин. — Просто хотим сделать все как положено.

«И начинаете с меня…» — подумал я.

Виноват всегда муж. Это каждый знает. Так почему бы им прямо не сказать: «Мы подозреваем вас, потому что вы муж». Кто виноват? Муж. Да хоть «Дэйтлайн» посмотрите.

— Ладно, отлично, Ник, — сказала Бони. — Для начала мы хотели бы взять мазок с внутренней поверхности вашей щеки, чтобы отделить ваш биоматериал в доме от чужого.

— А это понадобится?

— Не сомневаюсь. Также надо проверить ваши

руки, не осталось ли продуктов сгорания пороха. Просто на всякий случай.

— Постойте, постойте… Вас что-то наводит на мысль, что мою жену…

— Нет-нет, Ник! — прервал меня Джилпин.

Он придвинул стул к столу спинкой и уселся верхом. Я задумался: все копы так делают? Или какой-то умный актер первый раз устроился в этой позе, а потом полицейские взялись его копировать? Просто потому, что со стороны выглядит круто?

— Это всего лишь положенная процедура, — продолжал Джилпин. — Мы не хотим упустить ни одной мелочи. Проверим ваши руки, возьмем мазок. Надо осмотреть и ваш автомобиль…

— Само собой. Все, что угодно.

— Спасибо, Ник. Мы искренне вам благодарны. Некоторые люди усложняют нам работу просто потому, что имеют такую возможность.

Ну уж я точно прямая противоположность этим ребятам. Отец привил мне в детстве одну неистребимую привычку. Он всегда выискивал, что бы могло его разозлить. Из-за этого моя сестра сосредоточилась на защите и даже не пыталась никогда сделать что-то запрещенное. А меня он превратил в подхалима, пресмыкающегося перед

теми, у кого есть малейшая власть. Мама, папа, учителя… «Все, что вам угодно, все, чтобы облегчить вам работу, сэр или мэм». Мне требовался непрестанный поток всеобщего одобрения. «Ты готов на все — на ложь, воровство, черт побери, на убийство, лишь бы убедить людей, что ты отличный парень», — сказала как-то Го. Мы стояли в очереди за кнышами в пекарне «Йохан Шиммель», недалеко от прежней нью-йоркской квартиры моей сестры. Я прекрасно помню этот вечер — аппетит сгинул, будто его и не было. А все потому, что ее слова попали точно в цель. Прежде я не осознавал этого своего качества. И я сказал себе: «Никогда не забуду этот миг, он отложится в моей памяти навечно».

Мы с полицейскими вели почти светскую беседу о фейерверках Четвертого июля и о погоде, а тем временем другие копы проверили мои руки, потерли ватной палочкой во рту. Ничего особенного, будто к дантисту сходил.

Когда все закончилось, Бони поставила передо мной еще один стаканчик кофе и сжала плечо:

— Прошу извинить. Это наихудшая часть нашей работы. Вы не против ответить прямо сейчас на несколько вопросов? Это в самом деле важно.

— Да, конечно, давайте начнем.

Она положила на стол тонкий цифровой диктофон:

— Не возражаете? Это только для того, чтобы не задавать одни и те же вопросы по нескольку раз.

Она хотела записать мои слова, чтобы потом ловить меня на противоречиях. Наверное, следовало обратиться к адвокату, но я всегда считал, что помощь защитников нужна тем, кто действительно совершил преступление.

— Ничего страшного, — кивнул я.

— Итак, Эми… — начала Бони. — Как долго вы живете здесь вдвоем?

— Скоро будет два года.

— И она родом из Нью-Йорка. Города.

— Да.

— Она работала? Нашла работу? — спросил Джилпин.

— Нет. Она привыкла писать персональные опросники.

— Опросники? — переглянулись детективы.

— Для подростковых журналов, для женских журналов, — ответил я. — Хотите узнать, насколько вы ревнивы? Пройдите наш тест, и вы поймете. Парни не обращают внимания? Ответьте на наши вопросы, и станет ясно почему!

— Круто! — восхитилась Бони. — Я люблю такие

анкеты. Но не знала, что этим можно зарабатывать на жизнь.

— Уже нельзя. Все, Интернет набит под завязку бесплатными опросниками. Эми работала профессионально. Она имела магистра по психологии… Простите. — Я неловко рассмеялся над своей оговоркой. — Она имеет степень магистра по психологии. Но умное не одержит верх над бесплатным.

— И что дальше?

— Дальше мы перебрались сюда. — Я пожал плечами. — Она постоянно сидела дома.

— О! — чирикнула Бони, будто узнала что-то приятное. — Так у вас есть дети?

— Нет.

— Гм… Тогда чем она занималась с утра до вечера?

Этого я тоже не знал. Моя жена всегда отличалась тем, что постоянно что-то делала, чему-то училась. Когда мы только начали жить вместе, она освоила французскую кухню, показав навыки суперскоростного владения ножом и приготовив говядину по-бургундски. На ее тридцать четвертый день рождения мы отправились в Барселону, и она ошеломила меня, рассыпаясь трелями разговорного испанского, который за

несколько месяцев выучила тайком. Эми обладала блестящим ненасытным интеллектом и любознательностью. Но ее одержимость всегда подпитывалась стремлением к состязанию. Ей требовалось ослеплять мужчин, а женщины чтобы лопались от ревности. Конечно, Эми может готовить блюда французской кухни, болтать по-испански, заниматься садом, вязать, бегать марафонские дистанции, разбираться в котировках акций, летать на спортивном самолете и при этом выглядеть как топ-модель на подиуме. Ей всегда нужно быть Удивительной Эми. Но здесь, в Миссури, женщины закупают продукты в «Таргете», готовят простую здоровую еду и шутят о том, как плохо они помнят испанский, который учили в школе. Состязания их не интересуют. Постоянные порывы Эми встречались доброжелательными, но немного жалостливыми улыбками. И для моей жены-чемпионки это стало, возможно, одним из самых тяжелых ударов.

Город довольных жизнью неудачников.

— У нее много хобби, — ответил я.

— Вас ничего не беспокоило? — спросила Бони слегка напряженно. — Например, выпивка или легкие наркотики? Я не хочу сказать, что ваша жена могла злоупотреблять. Просто гораздо боль-

ше домохозяек, чем вы можете себе представить, увлекаются допингом. Дни тянутся очень долго, когда сидишь дома одна. Кто-то пьет, кто-то глотает таблетки… Речь, конечно, не о героине, но легкие болеутоляющие средства… Тут в округе их раздобыть не проблема.

— Наркоторговля как с цепи сорвалась, — добавил Джилпин. — А у нас в полиции прокатилась волна сокращений — одна пятая личного состава. В общем, беда.

— Одной домохозяйке, вполне добропорядочной, в прошлом месяце зуб выбили из-за оксиконтина, — подвела итог Бони.

— Ну, Эми может, конечно, выпить стакан вина, но наркотики — нет.

Бони смотрела так, что стало ясно: она ожидала другого ответа.

— А есть у нее здесь близкие подруги? Для гарантии надо бы поговорить с кем-нибудь из них. Не обижайтесь. Иногда муж может ничего и не знать о наркотиках. Людям свойственно стесняться зависимости. Особенно женщинам.

Подруги… В Нью-Йорке Эми заводила и теряла их еженедельно. Чем-то они напоминали ее проекты. Вначале она могла прожужжать о них все уши. Ах, Паула! Она дает уроки пения, у нее ужас-

но хороший голос! Эми училась в Массачусетсе, в закрытой школе. В те времена мне нравилось ловить новоанглийские выражения в ее речи: «ужасно хороший». Ах, Джесси! Она изучает курс дизайна одежды! Но с другой стороны, когда я спрашивал жену о Пауле или Джесси месяцем позже, она так таращила глаза, будто слышала эти имена впервые.

Кроме того, были мужчины, которые всегда роились вокруг Эми, предлагая небольшие услуги, на которые муж оказался не способен. Например, починить ножку от стула или найти, где продается ее любимый зеленый чай. Эти мужчины, она уверяла, были всего лишь друзьями, всего лишь добрыми друзьями. Эми держала их достаточно далеко, чтобы не злить меня, и достаточно близко, чтобы подскочили, помани она только пальцем.

А в Миссури… Боже мой! Я в самом деле не знал. И сообразил только сейчас. «Ты, Ник, самая настоящая задница», — подумал я. Два года мы прожили в Карфагене, и после суматошных первых месяцев, когда знакомятся, ходят в гости и говорят каждому встречному «здрасте», Эми ни с кем не общалась регулярно. У нее была моя мама, которая уже умерла, и я, и наши беседы обычно

проходили в пикировках — нападение и защита. Однажды, год назад, мы сидели дома, и я спросил ее с нарочитой учтивостью: «Как вам нравится Северный Карфаген, миссис Данн?»

«Новый Карфаген, вы хотите сказать, сэр?» — ответила она.

Я не решился спрашивать, откуда взялось это название, но Эми явно использовала его в уничижительном смысле.

— У нее есть несколько старых друзей, но почти все они живут на востоке.

— Ее родственники?

— В Нью-Йорке. Городе.

— И вы до сих пор не позвонили никому из этих друзей? — спросила Бони с недоуменной улыбкой.

— До сих пор я занимался тем, что выполнял ваши распоряжения. У меня не было времени.

Я подписал разрешение отслеживать операции с кредитными и банкоматными картами, а также звонки с мобильного Эми. Я сообщил детективам номера телефонов Го и Сью, вдовы, которая видела меня в «Баре» и могла сказать, во сколько я приехал.

— Родительский любимчик… — покачала головой Бони. — Нет, вы в самом деле напоминаете

моего младшего брата. — Пауза. — Клянусь, это комплимент.

— Она его любит до безумия, — пояснил Джилпин, который что-то небрежно черкал в записной книжке. — Итак, вы покинули дом в семь тридцать утра, а появились на людях в «Баре» около полудня. И все это время провели на берегу.

Примерно в десяти милях севернее нашего дома есть участок берега — не слишком приятное скопление песка, ила и осколков пивных бутылок. Мусорные контейнеры переполнены пластиковыми стаканчиками и использованными подгузниками. Но там стоит стол с наветренной стороны, и если сидеть при солнечной погоде и глядеть лишь на реку, не обращая внимания на все остальное, то можно получать удовольствие.

— Я иногда приезжаю туда с кофе и бумагой и пишу. Летом почти каждый день.

Нет, на пляже я ни с кем не разговаривал. Нет, никто меня там не видел.

— Да, это тихое место, — согласился Джилпин. — Особенно в будние дни.

Если полиция поговорит с кем-то, кто знаком с моими привычками, то быстро выяснится, что я очень редко появляюсь на пляже и почти никогда не приношу с собой кофе. Я слишком белокож да-

же для ирландца и слишком нетерпелив, чтобы медитировать, разглядывая свой пупок. В общем, я не создан для пляжного отдыха. А полицейским я сказал, что был там, просто потому, что такое предложение прозвучало в то утро от Эми: шел бы ты на реку, посидел бы наедине с мыслями о нашей совместной жизни. Сегодня утром, когда мы расправились с приготовленными моей женой блинчиками, она наклонилась и сказала: «Сейчас мы переживаем нелегкие времена. Ник, я все еще люблю тебя и понимаю, что мне нужно серьезно поработать над собой. Я хочу быть для тебя хорошей женой, и чтобы ты был для меня хорошим мужем, и чтобы мы были счастливы вместе. Но нужно решить, чего же хочешь ты».

Свою речь она наверняка готовила заранее, поэтому с гордостью улыбнулась, закончив говорить. Как всегда, когда Эми предлагала какую-нибудь милость, я подумал: «Конечно, она все срежиссировала. Ей нужен мой образ и неистовый поток и чтобы ветер ерошил мне волосы, а я бы вглядывался в горизонт и думал о нашем будущем». Мне нельзя просто взять и махнуть в «Данкин донатс».

«Но нужно решить, чего же хочешь ты».

К несчастью для Эми, я уже все решил.

Бони бодро произнесла:

— А вы можете сказать, какая группа крови у вашей жены?

— Ммм… Не знаю, пожалуй.

— Вы не знаете группу крови своей жены?

— Может быть, ноль? — попытался угадать я.

Детектив нахмурилась, а потом сделала громкий выдох, как на занятиях йогой:

— Ладно, Ник. Кое-какие меры мы уже приняли.

И перечислила их все: банковская ячейка Эми под наблюдением, ее фотография разослана, кредитная карточка отслеживается. Допрашиваются все преступники, ранее обвиненные в сексуальных преступлениях. Опрашиваются наши немногочисленные соседи. Домашний телефон прослушивается на случай требований выкупа.

Я не знал, как нужно отвечать. Пришлось напрячь память. Что в фильмах обычно говорит муж в таких случаях? Все зависит от того, виноват он или чист как младенец.

— Не могу сказать, что вы меня успокоили… Как считаете, она похищена или просто сбежала? — Я знал приблизительную статистику, знал из того же полицейского кино, в котором сейчас как будто играл главную роль. Если за первые

сорок восемь часов не найдут следов, то, скорее всего, их не найдут вообще. Первые сорок восемь часов — критический срок. — Поймите, у меня жена пропала! Пропала моя жена!

Я понял, что сейчас впервые произнес эти слова так, как следовало, — испуганно и сердито. В моем отце постоянно смешивались разные человеческие чувства: горечь, ярость, презрение. Борясь всю жизнь, чтобы не стать похожим на него, я развил в себе способность не демонстрировать отрицательные эмоции вообще. Это еще одно свойство, делавшее меня похожим на овощ. В моем животе могли свиваться в клубок скользкие угри, но никто не догадался бы об этом по моему лицу и уж тем более по моим словам. На самом деле это доставляло значительные трудности: или постоянный контроль, или совсем никакого контроля.

— Ник, мы проверяем все с чрезвычайной тщательностью, — заверила Бони. — По нашей просьбе ребята из лаборатории поехали к вам домой, чтобы собрать информацию, которая позволит нам двигаться дальше. А вы прямо сейчас можете побольше рассказать о своей жене. Какая она?

На язык просились обычные слова, уместные

в устах мужа: милая, добрая, хорошая, замечательная.

— Что значит какая? — переспросил я.

— Опишите ее как личность, — пояснила Бони. — Например, что вы купили ей на годовщину? Ювелирное украшение?

— Ничего не успел купить, — ответил я. — Собирался заехать в магазин днем.

Я ждал, что детектив засмеется и снова скажет «родительский любимчик», но она промолчала.

— Ладно. Ну тогда просто расскажите о ней. Она смирилась с бездеятельностью? Она… как бы выразиться? В ней очень много нью-йоркского? Она могла вести себя с кем-то резко? Могла оскорбить человека?

— Не знаю. Она, конечно, не идеальна, но и не груба. Не настолько, чтобы кто-нибудь захотел… причинить ей вред.

Так я солгал полиции в одиннадцатый раз. У Эми хватало грубости, чтобы сильно обидеть кого угодно по поводу и без повода. Это я говорю о сегодняшней Эми, лишь отдаленно напоминавшей ту веселую и легкомысленную девчонку, которой я делал предложение руки и сердца. Произошла довольно жуткая метаморфоза. Спустя несколько лет после свадьбы старая кожа вдруг свалилась

на пол, и из нее шагнула новая, нервная и ожесточенная Эми. Моя жена перестала быть моей женой, она стала клубком колючей проволоки, который я, как ни старался, не мог распутать одеревенелыми пальцами. Деревенскими пальцами. Пальцами деревенщины, не приспособленной для такой трудной и опасной работы, как понимание Эми. Когда я показывал ей кровавые раны, она вздыхала и обращалась к своей тайной, хранимой в уме записной книжке, куда заносила все мои промахи, все разочарования, все недоработки и недостатки. А моя прежняя Эми, черт побери, была веселой. Она была веселой! И меня заставляла смеяться. Я уже начал забывать… И сама смеялась. Смех зарождался внизу горла, а потом рассыпался, словно звонкие наперстки. Самый лучший вид смеха, на мой взгляд. Она избавлялась от своих обид, разбрасывая их горстями, будто птичий корм. Вот они есть, а вот их уже нет.

Она не была тем существом, в которое превратилась сейчас. Существом, которого я боялся больше всего на свете. Злая женщина. Я всегда терялся рядом со злыми женщинами. Они поднимали в моей душе мерзкую муть.

— Она властная? — подсказывал Джилпин. —

Любит доминировать?

Я мысленно представил календарь Эми, расписанный на три года вперед, и если бы вы взглянули на ближайший год, то увидели бы планы: дерматолог, дантист, ветеринар.

— Она любит все планировать. Ничего не делает под влиянием сиюминутной прихоти. Ей нравится составлять списки необходимого. Добиваться цели. Вот потому-то мне кажется странным…

— Ну да, тут и умом тронуться можно, — сочувственно проговорила Бони, — если вы сами не такой же. Вы мне кажетесь личностью типа Б.

— Я, пожалуй, несобранный, — признался я, а потом добавил подобающе: — Мы дополняем друг друга. — И глянул на стенные часы.

Бони тронула меня за рукав:

— Послушайте, почему бы вам не позвонить родителям Эми? Уверена, они оценят.

Время перевалило за полночь. Родители Эми ложатся в девять, они всегда хвастались своим обыкновением рано почивать. Мой звонок оторвет их от седьмого сна. Сотовый они выключают без пятнадцати минут девять, поэтому Ранд Эллиот будет вынужден подняться с кровати и пройти в дальний конец коридора, к стационар-

ному телефону, повозиться с очками, включить настольную лампу. При этом в мыслях переберет все причины, по которым его среди ночи разбудили звонком, все благопристойные причины, по которым он мог бы кому-то понадобиться.

Я дважды набирал номер и вешал трубку, не дождавшись ответа, прежде чем услышал «алло». Это оказалась Мэрибет, а вовсе не Рэнд. Ее низкий голос загудел в моем ухе.

— Мэрибет, это Ник, — сказал я и растерялся.

— Что случилось, Ник?

Я перевел дух.

— Что-то с Эми? Скажи мне!

— Я… мм… Простите, я должен был позвонить…

— Да говори же, черт побери!

— М-мы н-не можем найти Эми… — заикаясь, признался я.

— Ты не можешь найти Эми?

— Я не знаю…

— Эми пропала?

— Мы не вполне уверены. Мы пока еще…

— Как давно?

— Мы не уверены. Я ушел из дому утром, вскоре после семи часов…

— И ты ждал до ночи, чтобы позвонить нам?

— Простите, я не хотел…

— Господи! Сегодня вечером мы играли в теннис. В теннис! А могли бы… Господи! Полиция знает? Ты сообщил в полицию?

— Я звоню вам из участка.

— Дай мне их начальника, Ник. Пожалуйста.

Послушный, как ребенок, я протянул трубку Джилпину:

— Моя теща желает с вами побеседовать.

Разговор с Эллиотами сделал из детектива настоящего чиновника. Теперь невероятная новость — Эми пропала — начала распространяться.

Возвращаясь в комнату, где мы беседовали, я вдруг услышал голос своего отца. Иногда, в особенно неприятные мгновения, он звучал в моей голове. Но это был настоящий живой голос. Слова походили на пузыри болотного газа, поднимающиеся из вонючей трясины: «Сука, сука, сука…» Выжив из ума, отец обращался так к любой женщине, которая хотя бы чуть-чуть раздражала его: «Сука, сука, сука…» Заглянув в конференц-зал, я увидел его, сидящего на скамье у стены. Когда-то он смотрелся здорово. Красивый, осанистый, с ямочкой на подбородке. Мужчина мечты, как охарактеризовала его однажды моя тетя. Теперь

же он сидел, бормоча, на полу, белокурые волосы спутаны, штаны грязнющие, а руки исцарапаны, словно он пробирался сквозь колючий кустарник. Полоска слюны блестела на подбородке, будто там проползла улитка. Он сжимал и разжимал все еще крепкие пальцы. Рядом стояла, скривив рот и напряженно выпрямив спину, офицер полиции, стараясь не реагировать на его слова: «Сука, сука, сука… Слышь, ты? Сука?..»

— Что происходит? — обратился я к ней. — Это мой отец.

— Вам позвонили?

— Позвонили?

— Чтобы вы пришли и забрали отца, — проговорила она раздельно, будто я был слабоумным мальчишкой.

— Моя жена пропала. Я здесь уже несколько часов.

Она взглянула на меня, ни в малейшей мере не смягчившись. Я видел, что она колеблется, не поступиться ли гордостью и не принести ли извинения, но потом отец завел свое: «Сука, сука, сука», и благородный порыв как рукой сняло.

— Сэр, с вами весь день пытаются связаться из «Комфорт-Хилла». Ваш отец сбежал сегодня утром по пожарной лестнице. Он исцарапался, но

в целом невредим. Можете убедиться. Мы обнаружили его несколько часов назад в невменяемом состоянии, он брел по Ривер-роуд. А потом пытались дозвониться вам.

— Но я был здесь! Почему, черт побери, никто не сообщил мне!

— Сука, сука, сука… — твердил отец.

— Сэр, прошу не разговаривать со мной в таком тоне.

— Сука, сука, сука…

Бони распорядилась, чтобы полицейский — на этот раз мужчина — отвез отца к месту его проживания, таким образом мне удалось от него избавиться. Когда бессвязно бормочущего старика сажали в автомобиль, мы стояли на крыльце полицейского участка. И все это время он ни разу не дал понять, что узнал меня. Когда машина тронулась, даже не оглянулся.

— Ну, парни, не пора ли закругляться? — спросила детектив.

— По-моему, пора.

Таким образом, полиция покончила с расспросами, и меня отправили домой приблизительно в два часа ночи, с напутствием хорошенько выспаться и явиться к двенадцати в участок для пресс-конференции.

Я попросил подвезти меня к дому Го, поскольку знал, что она не ляжет спать, не откажется выпить со мной по чуть-чуть и сделает сэндвич. Как ни печально, это все, чего я в тот момент желал: чтобы женщина сделала мне сэндвич и не задавала вопросов.

— Не хочешь пойти и поискать ее? — спросила Го, когда я поел. — Можем поездить по округе.

— Бесполезно, — вяло ответил я. — Где ее искать?

— Ник, это в самом деле очень серьезно.

— Я знаю, Го.

— Так будь решительнее, Лэнс. Прекрати свое траханое «мю-мю-мю». — Этим звуком, одновременно шлепая губами и по-дурацки закатывая глаза, она с самого детства высмеивала мою бесхарактерность. При этом еще произносила мое официальное имя. Ни один парень с моей внешностью не может зваться Лэнсом. Го сунула мне в руки порцию виски. — Выпей еще, и хватит. Похмелье тебе завтра ни к чему. Куда же, мать ее, она могла задеваться? Блин, меня уже тошнит… — Она налила и себе, а потом, потягивая виски, зашагала по кухне. — А ты не допускаешь, Ник, что какой-то парень увидел ее на улице и захотел похитить? Стукнул по голове и…

— Стукнул по голове? Ну какого хрена ты так говоришь?

— Ну, извини, не хотела сгущать краски. Просто… Не знаю, я просто пытаюсь рассуждать. Мало ли психов на улицах. — И добавила в стакан еще виски.

— Кстати, о психах, — вспомнил я. — Папа снова нынче дал деру. Его нашли на Ривер-роуд и отвезли в «Комфорт-Хилл».

Она пожала плечами — ну и ладно. За истекшие полгода наш отец удирал из пансионата три раза. Го прикурила сигарету.

— Неужели мы не можем пойти и кого-нибудь расспросить? — сказала она. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Го, ну что ты заладила?! — воскликнул я. — Тебе надо, чтобы я себя чувствовал сраным импотентом! Я совершенно без понятия, как надо действовать в такой ситуации! Типа, если ваша жена пропала, наберите сто один… Что потребовали полицейские, я сделал. Я всегда делаю, что от меня требуют.

— Ну да, конечно, — проворковала Го, давно задавшаяся целью выковать из меня бунтаря.

Ни черта у нее не выйдет. Мальчишкой я вовремя возвращался из школы домой. Когда был

писателем, всегда укладывался в условленные сроки, даже если это было необязательно. Я уважаю правила. Когда следуешь правилам, жизнь протекает без проблем.

— Мать-перемать! Через несколько часов снова переться в участок, можешь дать хоть немножко отдыху? Неужели не видишь, что я боюсь до усеру?

Секунд пять мы играли в гляделки, а потом Го буркнула: «Ну, извини» — и еще раз наполнила мой стакан. Села рядом, положив ладонь на плечо.

— Бедная Эми, — прошептала она.

Эми Эллиот-Данн

21 апреля 2009 года.
Страницы дневника.

Бедная я. Позвольте мне описать место действия. Кэмпбелл, Инсли и я в Сохо, обедаем в бистро «Табло». Огромный пирог с козьим сыром, бараньи фрикадельки и свежая руккола — я не уверена, что справимся. Но мы стараемся. Пообедав, уходим в маленький кабинет, который зарезервировала Кэмпбелл, — там можно отдыхать, развалившись на диване, который не слишком отличается от того, что стоит, скажем, у вас в гостиной. Это здорово, чувствуешь себя счастливой, совершая иногда глупые, но общепринятые поступки.

Мы все одеты излишне нарядно, в дорогих платьицах, в туфлях на очень высоких каблуках. Клюем по чуть-чуть с крошечных тарелочек пищу такую же декоративную и невещественную, как и мы сами.

Мы решили позвать наших мужей, чтобы выпить по стаканчику спиртного. Таким образом, мы предаемся послеобеденному ничегонеде-

ланью, потягивая мохито, мартини и в моем случае — бурбон, которые принесла официантка с личиком, так и просящимся на роль в фильме «Девушка, только что высадившаяся из рейсового автобуса».

Да, не будет лишним заметить, что сегодня вторник, и налегать на спиртное мы не собираемся. У Инсли и Кэмпбелл есть кое-какие дела на завтрашнее утро, а мне нужно работать. Таким образом, большая ночная гулянка не светит, и постепенно становится скучно. Мы разошлись бы, если бы не ждали мужей. Кэмпбелл все поглядывает на свой «Блэкберри», Инсли с разных ракурсов инспектирует собственные икры. Первым прибыл Джон — улыбка до ушей, громкие извинения в адрес Кэмпбелл, каждую из нас целует в щечку. Этот мужчина целый час перся через весь город, стоял в огромных пробках только для того, чтобы выпить с нами один коктейль. Теперь он может торопливо утолить жажду и отправиться домой вместе с женой. Джордж появляется минут на двадцать позже, робкий, напряженный; он коротко оправдывается, рассказывая о проблемах на работе. Инсли рыкнула на него:

— Ты опоздал на сорок минут!

— Да, это так! — огрызнулся он. — Но я зараба-

тываю для нас деньги!

Потом эти двое почти не разговаривали друг с другом, беседуя со всеми остальными.

Ника все нет и нет, на звонки он не отвечает. По просьбе Кэмпбелл мы ждем еще сорок пять минут. «Должно быть, на последней минуте он получил какой-то очень срочный заказ», — говорит она, улыбаясь своему старому доброму Джону, которому никакие форс-мажоры не помешают примчаться к супруге. Инсли на мужа уже не злится, так как осознает, что он не самый большой мудак в нашей компании. «Ты уверена, милочка, что он не может даже эсэмэс прислать?»

Я же сохраняю улыбку:

— Поди угадай, что у него за дела. Ничего, мы с ним дома поговорим.

И тут мужчины вконец расстраиваются: как, неужели можно просто взять и не приехать? Может, есть причина? И что, никаких обид и скандалов?

Ладно, парни, вам этого не понять.

Мы с Ником иногда смеемся, хохочем вовсю, вспоминая, какие ужасные вещи женщины заставляют делать мужчин, чтобы те доказали любовь. Бесцельная работа, бесполезные жертвы,

бесконечные мелкие уступки. Мы называем таких мужей дрессированными обезьянками.

Вернется Ник домой, потный и соленый, насосавшийся пива на бейсбольном стадионе, а я устроюсь у него на коленях, расспрошу об игре, о том, хорошо ли провел время его друг Джек. И мой муж ответит: «О, ему сегодня пришлось побыть дрессированной обезьянкой — у бедной Дженнифер была „реально тяжелая неделя“, и он поехал домой».

Или его приятель, который не может выпить с друзьями, потому что нужно подъехать к бистро, где его девушка обедает со своей подружкой из другого города. Откосить невозможно, а то как же она похвастается обезьянке: «Смотри, какой вышколенный — по первому же звонку примчался».

Надевай это, не надевай то. Выполни эту работу по дому прямо сейчас, выполни эту работу по дому, едва появится свободная минутка, а значит, надо понимать, прямо сейчас. И не раздумывая, не колеблясь отказывайся от любимых привычек — только так ты можешь доказать, что я для тебя дороже всего на свете. Это женский аналог состязания «у кого струя длиннее». Расфуфыренными павами кочуем из книжных клубов на

коктейль-пати, но мало на свете вещей, способных доставить женщине радости больше, чем возможность придумывать новые и новые жертвы, на которые мужчина должен идти ради нее. Напиши об этом в опроснике, и «О, это просто крутейший кайф!».

Я счастлива, что не состою в этом клубе. Я не участвую в эмоциональном принуждении, не заставляю Ника играть счастливо-пришибленную роль — кивать, как китайский болванчик, ходить день-деньской с приклеенной улыбкой, беспрекословно выносить мусор, — в общем, изображать сладенького муженька. Мужчина мечты каждой женщины созвучен образу идеальной женщины в воображении мужчины — пылкая, нежная, любит секс и крепкие напитки.

Мне нравится считать себя достаточно зрелой и опытной, чтобы понимать: Ник любит меня всегда. И не требовать постоянных подтверждений. Мне не нужно помыкать жалкой дрессированной обезьяной, чтобы поднять себя в глазах подруг. Я разрешаю ему быть самим собой, и меня это нисколько не напрягает.

И я не знаю, почему женщины считают, что это так трудно.

Когда после обеда я возвращаюсь домой на

такси, рядом останавливается автомобиль, из которого выходит Ник. Он ожидает меня на тротуаре, с широченной улыбкой на лице:

— Малыш!

Я с разбега кидаюсь ему в объятия, Ник прижимается небритой щекой к моей щеке.

— И что ты делал сегодня вечером? — спрашиваю я.

— Ребята затеяли в покер играть после работы, ну, я и решил посидеть с ними. Надеюсь, ты не в претензии?

— Конечно, — киваю я. — Надеюсь, это поинтереснее, чем мой случай.

— А с кем ты встречалась?

— Да с Кэмпбелл, Инсли и их дрессированными обезьянками. Скукотища. Ты счастливо отделался. Нет, в самом деле, просто везунчик.

Ник подхватывает меня на руки — на свои сильные руки — и несет по ступенькам.

— Боже, как я тебя люблю, — шепчет он.

А потом мы занимаемся сексом, пьем крепкие напитки и сладко спим до утра, зарывшись в простыни, на нашей огромной мягкой кровати. Бедная я, бедная.

Ник Данн

Один день спустя.

Совета Го, что касается выпивки, я не послушал. Прикончил в одиночку оставшиеся полбутылки, но все никак не мог успокоить расшалившиеся нервы. Казалось, вот-вот засну, и тут адреналин давал мне пендаля. Глаза закрывались, голова опускалась на подушку, но в следующий миг я видел свою жену: светлые волосы слиплись от крови, она плачет, слепая от боли, и ползает по полу в нашей кухне, и повторяет мое имя: «Ник, Ник, Ник!»

Я отхлебывал снова и снова из горлышка, тщетно пытаясь погрузиться в сон. Сон, он как кот: приходит тогда, когда ты перестал обращать на него внимание. Я лакал виски и повторял мысленно: «Прекрати думать. — Глоток. — Освободи разум. — Большой глоток. — Прямо сейчас, без шуток, освободи разум. — Глоток. — Завтра ты должен быть бодрячком, ты должен выспаться!» Большой глоток.

Я забылся зыбким сном ближе к рассвету и через час проснулся с похмельем. Не то похмелье,

от которого ты не способен даже шевельнуться, но все равно неслабое. Я был унылым и ватным. Тугодумным. Может быть, все еще слегка пьяным. Я с трудом забрался в «субару», принадлежавшую Го; ноги отказывались идти, словно чужие. Да, своего автомобиля я на время лишился, полиция забрала его для тщательной экспертизы, как и мой ноутбук. Просто формальность, как меня уверяли. Я поехал домой, чтобы переодеться во что-нибудь поприличнее.

Три полицейские машины торчали в окрестностях моего дома, а рядом крутились мои немногочисленные соседи. Карла не было, но присутствовали богомолка Джен Теверер и Майк, отец тройни трехлетних карапузов — Тринити, Тофера и Талуллы. («Я ненавижу их всех только из-за их имен», — сказала как-то Эми, очень придирчивая ко всему новомодному. Кстати, когда я заметил, что одно время ее имя было очень популярным, она заявила: «Ник, но ты же знаешь историю моего имени!» Но я так и не понял, что она имела в виду.) Джен кивнула издали, не глядя мне в глаза, зато Майк подошел сразу, едва я покинул автомобиль.

— Мне очень жаль, дружище. Если могу чем-то помочь, только скажи. Все, что угодно. Кстати,

сегодня утром я выкосил бурьян, так что хотя бы об этом ты можешь не беспокоиться.

Мы с Майком по очереди косили заброшенные участки в нашем квартале. Там, где жильцы разъехались, частые ливни превратили дворы в настоящие джунгли, в них кишмя кишели еноты. Эти зверюги мелькали везде — жрали помои по ночам, пробирались в подвалы, сидели на наших верандах, словно деревянные болванчики. Конечно, изничтожение зарослей не вынудило их уйти, но тварей хотя бы стало видно.

— Спасибо, Майк, — кивнул я. — Спасибо.

— Да уж, дружище, — вздохнул он. — Моя жена в истерике с тех пор, как узнала о вашей беде.

— Сожалею, — ответил я. — Мне пора. — Я указал взглядом на дверь.

— Все сидит и плачет, глядя на фотографии Эми.

Я слегка сомневался, что полиция ночью выложила в Интернет тысячи фотографий только для того, чтобы выдавить слезу из домохозяек вроде жены Майка. И вообще я никогда не сочувствовал истеричкам.

— Э, я тут спросить хотел… — начал Майк.

Я похлопал его по плечу и снова посмотрел на дверь, будто подгоняемый неотложными делами.

Прежде чем сосед успел задать хоть какой-то вопрос, я взбежал на крыльцо и постучал в дверь собственного дома.

Офицер Веласкес проводила меня наверх, в мою собственную спальню, в мою собственную гардеробную, мимо серебристой коробки с так и не врученным подарком, и разрешила выбрать вещи. Вороша шмотки под внимательным взглядом этой молодой женщины с длинной косой, я сильно смущался. И в конце концов взял что попало — слаксы и рубашку с коротким рукавом. Бизнес-кэжуал, как будто собрался на писательский конвент.

Можно сделать интересную заметку о том, какую выбрать одежду, когда твой любимый человек бесследно пропал, подумал я. Жадного до нестандартных сюжетных ходов борзописца во мне не могло искоренить ничто.

Затолкав вещи в сумку, я обернулся и взглянул на коробку с подарком, стоявшую на полу:

— Можно посмотреть, что там?

Веласкес замялась, но решила перестраховаться:

— Нет, сэр, прошу прощения. Лучше не стоит.

Но я заметил, что оберточная бумага аккуратно разрезана:

— Но ведь ее проверяли?

Она кивнула.

— Если вы уже смотрели… — Я шагнул мимо офицера в сторону коробки.

— Сэр, я не могу вам позволить. — Она заступила мне дорогу.

— Смех, да и только. Это же мне подарок от жены.

Обойдя ее, я наклонился, взявшись одной рукой за коробку, но Веласкес обхватила меня поперек груди, удерживая. В тот же миг ярость затопила мой разум. Хоть я всю жизнь старался быть похожим на маму, характер отца зачастую прорывается, вызывая ужасные мысли и отвратительные слова.

— Сэр, здесь место преступления, вы…

«Безмозглая сука!»

Неожиданно в комнате оказался ее напарник Риордан. Я вырывался как мог — хорошо-хорошо, мать вашу! — но они стащили меня вниз. Женщина стояла на коленях возле крыльца, разглядывая ступеньки — не иначе, в поисках следов крови. Она внимательно посмотрела на меня и уступила дорогу.

По пути к Го я постарался взять себя в руки. Этот случай стал первым в бесконечной череде

досадных дурацких поступков со стороны полиции в ходе следствия. Я подчиняюсь правилам, которые могу понять, а не правилам без тени смысла. Поэтому мне нужно было успокоиться. «Не противодействуй копам, — твердил я себе. — И в случае необходимости повторяй: не противодействуй копам».

Войдя в полицейское отделение, я сразу наткнулся на Бони.

— Ник, ваши родственники со стороны жены здесь, — сказала она таким голосом, будто предлагала теплый маффин.

Мэрибет и Ранд Эллиот стояли рука об руку посреди здания, как будто позировали перед фоторепортерами. Все как обычно. Я привык видеть их, поглаживающих друг другу руки, прижимающихся щекой к щеке, чмокающих в подбородок. Когда гостишь у Эллиотов, все время приходится кашлять — приготовьтесь, я вхожу, — поскольку их можно застать где угодно милующимися. Расставаясь даже ненадолго, они целовались в губы. Проходя мимо жены, Ранд хлопал ее по заднице. Такие отношения были для меня в диковинку. Мои родители развелись, когда мне исполнилось двенадцать лет, и, по моим ранним воспоминаниям, прилюдно могли обменяться разве что

невинным поцелуем в щеку. На Рождество, на день рождения. Сухими губами. Даже в лучшую пору их брака отношения больше всего напоминали деловые.

— У нас закончилось молоко.

— Куплю сегодня.

— Мне нужно, чтобы ты выгладила это как следует.

— Выглажу.

— Это что, так трудно — купить молока?

Молчание.

— Ты опять забыла вызвать водопроводчика.

Вздох.

— Черт побери! Надень свое проклятое пальто, выйди из дому и немедленно купи это проклятое молоко! Сейчас же!

Такими приказами мой отец, менеджер среднего звена в телефонной компании, в лучшем случае донимал мою маму, как своего нерадивого подчиненного. А в худшем? Нет, он никогда не бил ее, но лютая злоба могла наполнять дом сутками и неделями, делая воздух влажным и густым, мешая дышать. Отец ходил выпятив челюсть, ни дать ни взять жаждущий реванша боксер, и скрипел зубами так громко, что звук разносился по всему дому. Швырял вещи, но не

в нее, а рядом с ней. Я уверен, он убеждал себя: «Ни за что ее не ударю». Я уверен, он никогда не считал себя жестоким. Но отец превратил нашу семейную жизнь в бесконечное путешествие по неровным дорогам с водителем, затаившим в душе злобу, в отпуск, который не приносил радости. «Не вынуждай меня разворачивать машину!» Да пожалуйста, разворачивай!

Не думаю, что отец относился так исключительно к маме. Ничуть не меньше его раздражала любая женщина. Он считал женщин глупыми, легкомысленными, надоедливыми. «Вот тупая сука». Этими словами он характеризовал любую женщину, вызвавшую его недовольство, — водителя, официантку, школьную учительницу. Моих учительниц он, пожалуй, и в глаза-то не видел никогда, на родительские собрания не ходил — «вонючее бабье царство», как он выражался. Я помню, как в 1984 году кандидатом в президенты стала Джеральдина Ферраро, а мы всей семьей смотрели за обедом телевизор, когда прозвучала эта новость. Моя мама, моя хорошая добрая мама погладила Го по голове и сказала: «Вообще-то, здорово, по-моему». Тогда папа выключил телевизор и заявил: «Это розыгрыш! Ты же видишь, что это дурацкий розыгрыш. Все равно что обезьяну

усадить на велосипед».

Прошло еще пять лет, и мама решила, что с нее довольно. Однажды, вернувшись из школы, я не застал отца. Еще утром он был, а после обеда собрался и ушел. Мама усадила нас с сестрой за обеденный стол и объявила: «Мы с вашим папой решили пожить пока порознь». Го расплакалась и закричала: «Тогда я ненавижу вас обоих»! Но вместо того, чтобы убежать к себе в комнату и там нарыдаться вдоволь, как и положено после таких слов, подошла к маме и обняла ее.

Вот так мой отец ушел, а моя слабая, изнуренная мама располнела и стала выглядеть просто счастливой. Как сдувшийся воздушный шар, в который подкачали воздуха. В течение года она превратилась в веселую, бодрую, добрую хозяйку, какой оставалась до самой смерти. «Слава Богу, что вернул нам прежнюю Морин», — сказала ее сестра, как будто до того женщина, растившая нас, была самозванкой.

Что касается отца, то с тех пор я общался с ним раз в месяц по телефону, очень сдержанно рассказывая о своей жизни. Об Эми он спросил один-единственный раз: «Ну и какова она, твоя Эми?» Вопрос не подразумевал иного ответа, кроме: «Она прекрасна».

Он оставался угрюмо-отстраненным и после шестидесяти, медленно погружаясь в слабоумие. «Если приходишь раньше всех, никогда не опоздаешь» — вот жизненный девиз моего отца. Но он распространился и на болезнь Альцгеймера. Постепенно отец опускался все ниже и ниже, и в конце концов пришлось поместить нашего независимого женоненавистника в огромный дом, провонявший насквозь куриным бульоном и мочой и где его окружали и ухаживали за ним только женщины. Ха!

Наш отец был ограниченным человеком. По крайней мере, так всегда говорила наша добрая матушка. Он ограниченный, но никому не желает вреда. И все-таки вред он нам причинил. Я сомневаюсь, что моя сестра когда-нибудь выйдет замуж. Когда она грустная, раздраженная или сердитая, ей необходимо побыть одной — боится, что мужчина посмеется над женскими слезами. И я такой же. Все хорошее, что во мне есть, я перенял от мамы. Могу шутить, могу смеяться, могу поддразнивать, могу хвалить и помогать… Я могу быть светлым, как солнце в ясный день, но я не могу одного — иметь дело с рассерженной или плачущей женщиной. Тогда я ощущаю, как во мне самым отвратительным образом вскипает

отцовская ярость. Эми могла бы многое рассказать об этом. Нет, она точно рассказала бы все, если бы не пропала.

Я увидел Ранда и Мэрибет всего лишь за миг до того, как был замечен ими. И я подумал: не злятся ли они на меня? Я совершил непростительный поступок, не позвонив им сразу. Из-за моей трусости родители Эми провели вечер, как и собирались, — теплая погода, скачущие по корту желтые мячики, поскрипывание кроссовок, обычный вечер четверга, — а в это время пропала их дочь.

— Ник, — произнес Ранд Эллиот.

Он сделал три широких шага в мою сторону и, когда я уже готовился принять удар, обнял изо всех сил.

— Ты как, держишься? — шепнул он мне в шею, покачал немного, потом тоненько всхлипнул, проглотил рыдание и сжал мою руку. — Мы обязательно найдем Эми, Ник! У нас нет иного выхода. Просто поверь в это!

Несколько секунд Ранд Эллиот сверлил меня голубыми глазами, а затем снова всхлипнул три раза подряд — казалось, икает, — и тут Мэрибет протиснулась к нам сквозь толпу и спрятала лицо под мышку мужа.

Когда мы с тестем рассоединились, она посмотрела на меня снизу вверх огромным круглыми глазами и произнесла:

— Это просто… просто кошмар. Как ты, Ник?

Мэрибет говорила «как ты?», это была не простая любезность, а жизненно важный вопрос. При этом она смотрела мне в лицо, и я не сомневался: теща очень внимательно следит за каждым моим движением. Миссис Эллиот полагала, что каждый поступок должен быть рассмотрен, оценен и классифицирован. Любая мелочь что-то означает, любой пустяк может оказаться полезным. Мама, папа и дитя, продвинутые люди с учеными степенями по психологии, с девяти утра до полудня выдавали на-гора больше глубоких выводов, чем многие люди за месяц. Я никогда не забуду, как однажды за обедом отказался от вишневого коблера, а Рэнд вдруг склонил голову набок и сказал:

— Ага! Тут у нас иконоборец! Презирает легкий символический патриотизм!

Я хотел отшутиться: мол, вишневый коблер — не самое любимое мое блюдо, а Мэрибет коснулась руки Рэнда:

— Это из-за развода его родителей. Все те вкусняшки, десерты и прочее, которые принято есть

за семейным столом, вызывают у Ника отрицательные эмоции.

Это казалось глупым, но льстило невероятно. Люди тратили столько сил, чтобы разгадать мою натуру.

Ответ: я просто не люблю вишни.

Близилась половина двенадцатого. В полицейском участке стояла какофония. Звонили телефоны, кричали люди. Женщина, чьего имени я не расслышал и у которой рассмотрел только раскачивающуюся копну волос, вдруг оказалась рядом со мной. Я понятия не имел, как долго она находилась поблизости.

— …И самое главное, Ник, нужно привлечь людей к поискам Эми, надо им показать: у нее есть семья, ее любят и хотят. Все будет под контролем. Ник, вам нужно будет… Ник?

— Чего?

— Люди захотят услышать заявление ее мужа.

Через все помещение ко мне бежала Го. Она проводила меня до управления, потом отправилась в «Бар», но пробыла там не больше получаса, а теперь вернулась, как будто не видела меня неделю, и лавировала между столами, не обращая внимания на молодого офицера, которому наверняка поручили провести ее внутрь спокой-

но и без шума.

— Пока все хорошо? — спросила Го, крепко обнимая меня одной рукой. Но в семейке Данн никогда не получалось правильно обниматься — ее палец ткнулся мне в правый сосок. — Жалко, что мама сейчас не с нами, — шепнула она, будто читая мои мысли. — Нет новостей? — произнесла сестра, отстранившись.

— Ничего. Мать его! Ничего…

— Похоже, ты не слишком хорошо себя чувствуешь.

— Я чувствую себя как сраное дерьмо. — Хотелось добавить, что я поступил как полный идиот, не прислушавшись к ее словам о выпивке.

— Я бы тоже прикончила бутылку. — Сестра похлопала меня по спине.

— Так, уже пора, — волшебным образом материализовалась женщина из прессы. — Получится неплохая передача на выходные, на Четвертое июля.

Она проводила нас в мрачный конференц-зал — алюминиевые жалюзи, складные стулья и стайка скучающих репортеров — и заставила подняться на сцену. Меня охватила неловкость, будто я произношу третью речь на второстепенной бизнес-встрече, когда аудитория заполнена

усталыми людьми, только и думающими о том, как бы вырваться на обед. Но репортеры приободрились, увидев меня — молодого, прилично одетого парня. Потом администраторша водрузила на подставку картонку с наклеенной увеличенной фотографией Эми. Восхитительный портрет. Глядя на него, хотелось воскликнуть: «Как может быть женщина столь прекрасна?»

Она могла, она прекрасна. Я не отрываясь смотрел на фотографию моей жены, а в это время репортеры защелкали и зажужжали камерами. Я вспоминал тот день в Нью-Йорке, когда разыскал ее после долгой разлуки. Тогда я увидел только светлые волосы и затылок, но сразу узнал Эми. Я воспринял это как знак. На своем веку мне случалось видеть миллионы голов, но я сразу распознал изящный череп Эми, плывущий впереди по Седьмой авеню. Я понял, что это она, понял, что нам суждено быть вместе.

Сверкали вспышки. Я встрепенулся и огляделся по сторонам. Происходящее казалось сюром. Так часто говорят люди, описывая что-то необычное. Раньше я думал: «Ну откуда вы, мать вашу, можете знать, что такое сюр?» Похмелье давало о себе знать. Левый глаз пульсировал, словно сердце.

Фотокамеры продолжали щелкать, кинока-

меры — жужжать. Два семейства, поджав губы, стояли рядом. Из всех нас только Го немного напоминала живого человека. Остальные — биороботы, клонированные и растыканные туда и сюда. Эми на картинке и то выглядела более живой. Всем нам доводилось видеть подобные пресс-конференции, когда бесследно пропадали другие женщины. И теперь мы сами вынуждены играть в спектакле для прессы — взволнованная, но преисполненная надежд родня. Мутные от кофеина глаза, руки — как у тряпичных кукол.

Прозвучало мое имя, аудитория затаила дыхание. Шоу начинается.

Позже, просматривая новости, я не узнавал свой голос. И едва-едва узнал лицо. Последствия пьянки меня не красили — не человек, а мешок с дерьмом. Я очень боялся, что голос будет дрожать, а потому фразы получались рублеными, будто я читал срочное сообщение. «Мы хотим, чтобы Эми вернулась домой целая и невредимая…» Совершенно фальшиво и неубедительно. С таким же успехом я мог произносить случайные числа.

Ранд Эллиот подошел и попытался спасти меня:

— Наша дочь Эми — жизнерадостная, всеми любимая девочка. Это единственный ребенок в

нашей семье. Она умная, красивая и добросердечная. Удивительная Эми — вот она кто. Мы хотим, чтобы она вернулась. И Ник хочет, чтобы она вернулась.

Он положил ладонь мне на плечо, промокнул платком глаза. И я невольно ожесточился, во мне снова заговорил отец: «Мужчины не плачут».

— Мы все хотим ее вернуть, — продолжал Ранд. — Вернуть в семью, к родным и близким. Наш координационный пункт будет находиться в гостинице «Дэйз».

Позже в газетных новостях появились фотографии Ника Данна, мужа пропавшей женщины, который стоял истуканом рядом с тестем. Руки скрещены на груди, остекленевший взгляд. Он выглядел почти скучающим рядом с плачущими родителями Эми. Дальше было хуже: моя запоздалая реакция. Стремление показать, что я не говнюк, я неплохой парень, несмотря на пустой взгляд и надменное лицо придурка. Вот она, откуда ни возьмись, улыбка, о которой просил Ранд. Улыбка, так необходимая для его дочери.

Улыбка убийцы.

Эми Эллиот-Данн

5 июля 2010 года.
Страницы дневника.

Я не собираюсь ругать Ника. Я не ругаю Ника. Я отказываюсь — отказываюсь! — становиться сварливой, рассерженной девчонкой, сыплющей упреками. Когда я выходила замуж, то дала себе два обещания. Первое: не делать из него дрессированную обезьяну. Второе: никогда, ни при каких обстоятельствах не говорить: «Это меня устраивает — что ты решил вернуться домой попозже, что на выходные отправился на мальчишник, что решил сделать что-то, чего тебе хочется», а потом пилить его за то, что он воспользовался моим потворством. И вот теперь я нахожусь в опасной близости от черты, за которой могу нарушить оба обещания.

И все же… Сегодня третья годовщина нашей свадьбы, я сижу в доме одна-одинешенька, кожу на лице стянуло, как маску, от слез. А все потому… Ладно, потому что. Просто сегодня днем я получила голосовую почту от Ника и сразу заподозрила неладное. Я поняла это наверняка,

когда услышала, что звонит он из своей любимой забегаловки, а на заднем фоне звучат мужские голоса. Ник сперва долго молчал, как будто не решался начать разговор, а потом я услышала его голос, слегка неразборчивый и уже ленивый от выпивки. Я поняла, что сейчас разозлюсь, — дыхание участилось, губы поджались, плечи напряглись. Мне не хотелось впадать в ярость, но все равно она накатывала. Разве мужчинам не знакомо это чувство? Ты не хочешь злиться, но оно сильнее тебя. Все потому, что хороший обычай разбит вдребезги. Или, может, обычай — не самое правильное слово? Привычка? Обряд? Правда, обычай-привычка-обряд, наш юбилей, похерен по уважительной причине. Я все понимаю, я не возражаю. Слухи не врали. Шестнадцать сотрудников из журнала, где работает Ник, сегодня уволены. Треть всего штата. Ника пока оставили, но он чувствует себя обязанным угостить остальных. Эти парни набились в такси и покатили по Второй авеню, притворяясь, будто им все нипочем. Некоторые отправились домой, к женам, но большинство осталось. Ник собрался всю ночь нашей годовщины, до утра, колесить по стриптиз-барам и дешевым кафе, флиртуя с двадцатидвухлетними девчонками («Моего

друга только что уволили, нужно, чтобы кто-нибудь его утешил»). И эти отныне безработные провозгласят Ника великим человеком, так как он оплачивает их выпивку со своей кредитки, которая связана с моим банковским счетом. Ник прекрасно проведет время вместо празднования нашей годовщины, о которой он даже не упомянул в сообщении. Просто сказал: «Я помню, у нас были кое-какие планы, но…»

Я как девчонка-малолетка. Навоображала себе, что у нас есть семейные обычаи. Разбросала по всему городу коротенькие любовные записки, напоминающие об очередном годе, прожитом вместе. Я представляю себе мой третий ключ, в Центральном парке, приклеенный скотчем в нижнем углу буквы «V» скульптуры LOVE Роберта Индианы. Завтра какой-нибудь скучающий двенадцатилетний турист, волочась позади родителей, сорвет его, прочитает, пожмет плечами и швырнет в урну, как обертку от жевательной резинки.

Я придумала исключительное завершение охоты за сокровищами, а кому теперь оно нужно? Великолепный винтажный портфель. Кожа. Ведь третья годовщина свадьбы — кожаная. Подарок, полезный для работы. Возможно, это не самая

лучшая идея, особенно сейчас, когда там далеко не все безоблачно… А на нашей кухне, как всегда, ждут своего часа два живых омара. Ну, или как я предполагала, что как всегда. Надо позвонить мамочке и спросить, протянут ли лобстеры до завтра, удивленно ползая в коробке, или мне, слегка окосев от вина, следует ополчиться против них и сварить в кастрюле без всякой стоящей причины. Я убью двух ракообразных, которых даже не стану есть.

Позвонил папа, чтобы поздравить нас с годовщиной. Я взяла трубку, намереваясь изображать спокойствие, но, едва начав разговор, сорвалась на плач — ужасный плач обиженного птенца: «мваа-ваа-гваа-ваа-ва». Поэтому пришлось признаваться, что же случилось. Он посоветовал откупорить бутылку вина и хорошенько клюкнуть. Папа всегда ратовал за целебную меланхолию пополам с самокопанием. Но ведь Ник наверняка рассердится, услышав, что я пожаловалась Ранду, который по-отечески похлопает его по плечу и скажет: «Ники, я слышал, тебе пришлось набраться в годовщину свадьбы на стороне». Ник узнает и будет на меня дуться. Он хочет, чтобы мои родители видели в нем совершенство. Когда я рассказываю, какой у них безупречный зять, он

прямо-таки сияет от счастья.

Но не сегодня вечером. Я знаю, я знаю, что веду себя как ребенок.

Пять часов утра. Встает солнце, почти такое же яркое, как уличные фонари, которые только-только выключились. Мне всегда нравится этот миг, конечно, если я не сплю. Порой вытаскиваю себя из кровати и брожу по рассветным улицам, легонько постукивая каблуками. Тогда кажется, будто я наблюдаю нечто особенное. А вот и фонари погасли! Спешу заявить: в Нью-Йорке три или четыре часа утра вовсе не тихое время, слишком много народу возвращаются из баров, вызывают такси, кричат в свои мобильники, спеша накуриться перед сном. А вот пять утра — наилучший час. Даже цоканье твоих каблучков по тротуару кажется противозаконным. Люди попрятались по бетонным коробкам, и весь город принадлежит тебе.

И вот чем все закончилось. Ник вернулся домой после четырех утра, насквозь пропитавшись вонью пива, сигаретного дыма и яичницы. Настоящая плацента из вони. Я не спала, дожидаясь его; голова трещала после просмотра уймы серий «Закона и порядка». Мой муж уселся на оттоманку и молча взглянул на мой подарок, лежащий на

журнальном столике. Я пристально смотрела на него. Ник явно не собирался просить прощения — многое пошло сегодня наперекосяк.

Единственное, чего я хотела, — коротенького «спасибо».

— С прошедшей годовщиной, — начала я.

Он глубоко, со стоном, вздохнул:

— Эми, у меня был самый дерьмовый день в моей жизни. Не заставляй в придачу ко всему мучиться совестью.

Ника вырастил отец, который никогда, ни при каких обстоятельствах не оправдывался. И уж коли мой муж чувствует, что провинился, то переходит в наступление. Я знаю это и обычно стараюсь переждать.

— Я просто сказала: с праздником.

— Ну да, с праздником, скотина, и спасибо за то, что позабыл обо мне в такой прекрасный день.

Мы сидим молча около минуты, мой желудок скручивается в узел. Я не хочу в этом споре быть плохой. Я этого не заслужила. Наконец Ник встает.

— Ладно, как все прошло? — тупо спрашиваю я.

— Как прошло? Это просто жопа. Шестнадцать моих друзей сейчас безработные. Так жалко…

Скорее всего, через несколько месяцев и меня вышвырнут.

Друзья. Половина парней, о которых он говорит, не были даже его приятелями. Но я не возражаю.

— Ник, знаю, тебе сейчас страшно, но…

— Зато тебе не страшно, Эми. Тебе не бывает страшно. Это нам, остальным, не позавидуешь.

Ну вот, завел шарманку. Ника бесит, что мне никогда не приходилось заботиться о деньгах и не придется. Он считает, что от этого я мягче, чем все вокруг, и тут я с ним не стану спорить. Но все-таки я работаю. Хожу на работу и с работы. Некоторые мои подруги вообще никогда не работали — они отзываются о людях, вынужденных трудиться, с жалостью, как о толстой девушке «с таким милым лицом». Они придвинутся поближе и шепнут в манере актера Ноэла Коуарда: «Ну конечно, Эллен у нас работяга». Они не принимают это всерьез, поскольку я в любой миг, как только захочу, могу уволиться. Я готова целыми днями слоняться по благотворительным комитетам, улучшать домашний интерьер, возиться в саду, и мне кажется, что эти занятия ничуть не хуже других. Женщины делают немало полезных дел, которые почему-то принято считать никчемными. Но я работаю.

— Ник, я на твоей стороне. Мы будем вместе, что бы ни случилось. Мои деньги — это твои деньги.

— А как же брачный контракт?

Он пьян. Он всегда вспоминает о брачном контракте, когда пьян. Злость моя возвращается. Я говорила ему сотню раз — и не одну сотню! — что брачный контракт всего лишь бизнес. Его не существует ни для меня, ни для моих родителей, только для их адвокатов. В нем ничего не говорится о нас с Ником.

Он прошагал на кухню, вывернул мятые доллары из бумажника на кофейный столик, скомкал квадратик бумаги для записей и швырнул его в мусорное ведро вместе с мятыми чеками.

— Это дерьмовая тема для обсуждения, Ник.

— Это дерьмово по ощущениям, Эми.

Он идет к нашему бару — острожной, неуверенной походкой хмельного человека — и наливает себе виски.

— Утром плохо будет, — замечаю я.

Ник поднимает стакан, будто пьет за мое здоровье.

— Тебе никогда этого не понять, Эми. Просто не дано понять. Я работаю с четырнадцати лет. Я не ездил в спортивные лагеря или лагеря для творческой молодежи и не занимался с репети-

торами. Вместо всего этого дерьма, обычного для вас, ньюйоркцев, я протирал столы в молле и косил лужайки, ходил на пароходе до Ганнибала и одевался ради туристов, как сраный Гек Финн. Я чистил сковородки для десерта «воронка» по ночам.

Меня разбирает смех, если не сказать дикий хохот. Еще немного, и он прорвется наружу, заразит Ника, и мы будем смеяться вместе, пока не забудем этот разговор. Ох уж это благоговейное оглашение послужного списка! Выйдя замуж за Ника, я твердо усвоила: простой человек должен заниматься черт знает чем, чтобы заработать себе на жизнь. Теперь я всегда приветливо машу наружным рекламщикам в костюмах, изображающих какую-нибудь еду.

— Я впахивал круче всех в журнале только для того, чтобы попасть в штат. Двадцать лет ишачил как проклятый, а теперь все висит на волоске. И я не знаю, какие гребаные меры принимать, если я не хочу вернуться на родину и снова стать речной крысой.

— А не староват ли ты изображать Гека Финна? — сказала я.

— Эми, а не пошла бы ты в жопу?!

С этими словами Ник уходит в спальню. Раньше

он не произносил ничего подобного, но ругательство настолько легко сорвалось с языка, что я осознаю то, о чем никогда не задумывалась. Он наверняка так думал. И много раз. Не думала, что стану женщиной, которую посылает подальше собственный муж. Мы обещали друг другу никогда не засыпать в плохом настроении. Уступайте, договаривайтесь и не ложитесь в постель сердитыми — вот три совета, которые всегда давали и будут давать новобрачным. Но с недавних пор мне кажется, что на уступки иду только я, попытки договориться ни чему не приводят, а Ник не задумываясь ложится в кровать сердитым. Он способен глушить свои эмоции, ему это как кран повернуть. Вот уже храпит.

А я могу удержаться, хотя это не мое дело, и Ник рассвирепеет, если узнает. Я наклоняюсь над мусорным ведром и вытаскиваю чеки. Только так могу выяснить, где же он шлялся всю ночь. Два бара и два стриптиз-клуба. Легко представить себе, как он сидит там, болтая обо мне с друзьями. А он наверняка говорил обо мне, иначе мелкое, грязное оскорбление не вылетело бы с такой готовностью. Потом я воображаю, как он сидит в более дорогом стриптиз-клубе, из тех, которые предназначены доказывать мужчинам, что они

правят миром, а женщины обязаны им служить. Плохая акустика и оглушительная музыка. Так задумано, чтобы никто не мог просто беседовать. Женщина с дряблыми сиськами усаживается на колени моему мужу (а тот поклянется, что это просто для прикола). Волосы рассыпались у нее по спине, губы влажны от блеска. По мнению Ника, ничего такого, что могло бы меня задеть. Невинные мужские забавы. Он думает, что я просто посмеюсь над этим, что не стану брать в голову.

Потом я разворачиваю смятый квадратик бумаги для записей. Вижу женский почерк — Ханна и номер телефона. Жаль, что имя не такое дурацкое, как в кинофильмах. Прочитав «Кэнди» или «Бэмби», не говоря уже о Мисти с сердечком над обоими «i», я бы только глаза выпучила. Но эта Ханна — реальная женщина, наверное, такая же реальная, как и я. Ник никогда не изменял мне — он клялся в этом, — но я знала, что возможностей у него предостаточно. Я могу спросить его об этой Ханне, и он, конечно же, ответит, что понятия не имеет, почему ей в голову взбрело дать свой телефон, а вежливость не позволила ему отказаться от записки. И это может быть правдой. А может и не быть.

Если Ник изменяет, то никогда в этом не признается. Ведь в последнее время он думает обо мне все меньше и меньше. Вот, предположим, смотрит на меня через стол за завтраком, как ни в чем не бывало зачерпывая ложкой хлопья, и думает, какая же я дура. А разве можно уважать дуру?

И я снова плачу. Теперь уже с запиской от Ханны в руке.

Очень по-женски, правда? Всего лишь один мальчишник, и мысли о возможной измене способны разрушить брак.

Я не знаю, что мне делать, даже предположить не могу. Чувствую себя чем-то средним между визгливой скандалисткой и выжатой половой тряпкой. Не знаю, на кого из них я похожа больше. Я не хочу злиться. Даже не понимаю, а надо ли мне разозлиться? Прикидываю, может, собраться и переехать в гостиницу, пусть для разнообразия он поревнует.

Так я раздумываю несколько минут, а потом резко выдыхаю и вхожу в нашу пропитавшуюся алкогольными испарениями спальню. Когда я укладываюсь на кровать, Ник поворачивается и обнимает одной рукой, утыкаясь носом мне в шею. И мы одновременно говорим: «Прости

меня».

Ник Данн

Один день спустя.

Полыхнули фотовспышки. Я стер с лица улыбку, но недостаточно проворно. Жар охватил шею, капельки пота выступили на носу.

«Ты дурак, Ник, дурак».

К тому времени, как я окончательно взял себя в руки, пресс-конференция завершилась. Выходя вслед за Эллиотами под участившимися вспышками, я опустил голову пониже. Едва ли не у самого выхода я заметил, что Джилпин рысит через зал и машет мне рукой:

— Всего на минутку, Ник!

Ведомый им, я вернулся в полицейский участок.

— Мы проверили все дома поблизости от вашего и нашли один взломанный. Похоже, ночевали бродяги. Сейчас мы ищем там возможные следы. Да, и еще в одном доме, на окраине вашего квартала, обитали незаконные жильцы.

— Я хотел сказать, что это и меня волновало, — признался я. — Бездомные сейчас где угодно ночуют. Почти весь город оказался без средств к

существованию. Люди обозлены.

До прошлого года компания «Риверуэй молл» оставалась градообразующим предприятием Карфагена. Она сама по себе представляла город в миниатюре. Там работали четыре тысячи человек — пятая часть населения. Основали ее в 1985 году, чтобы привлечь покупателей со всего Среднего Запада. До сих пор помню день открытия компании. Мы с Го, мамой и папой наблюдали за праздником из задних рядов толпы, стараясь не отходить далеко от стоянки. Где бы папа ни находился, он должен был иметь возможность быстро убраться. Даже на бейсбольных матчах мы парковались у самого входа и уходили после восьмой подачи, из-за чего мы с Го всегда капризничали, обиженные и перегревшиеся на солнце. Нам никогда не удавалось посмотреть окончание матча.

Но на этот раз удаленное расположение нашей семьи сыграло на пользу, поскольку позволяло видеть всю картину праздника целиком. Нетерпеливо переминающаяся толпа, мэр, взобравшийся на бело-голубой помост. Летели громкие слова: гордость, прибыль, процветание, успех. Все мы стали солдатами на поле битвы за права потребителя, вооруженными чековыми книжками в

виниловых обложках и стегаными кошелками. И вот двери распахнулись. Рывок в охлажденную кондиционерам и атмосферу. Музыка, улыбающиеся продавцы, многие из которых были нашими соседями. Мой отец превзошел самого себя в этот день, отстояв очередь, чтобы купить нам по запотевшему бумажному стаканчику с напитком «Оранж Джулиус».

На протяжении четверти века «Риверуэй молл» оставался местом для прогулок и отдыха. А потом обрушился кризис, уничтожая один за другим торговые центры, пока целый городок магазинов не обанкротился. Сейчас на двадцати миллионах квадратных футов живет только эхо минувших дней. Ни одна фирма не претендовала на освободившиеся площади, ни один бизнесмен не рискнул вложить деньги в возрождение комплекса, никому не нужны стали люди, некогда там работавшие. Включая мою мать, потерявшую место в «Шу-би-ду-би». Два десятка лет, проведенные на коленях за сортировкой коробок и примеркой обуви на влажные ноги, а потом увольнение без всяких церемоний.

Крушение, постигшее торгово-развлекательный центр, обанкротило и весь Карфаген. Люди теряли не только рабочие места, но и жилье. И

никто не предвидел улучшения в обозримом будущем. Никто не взялся бы предсказать, чем все закончится. В детстве нам с Го никогда не удавалось увидеть финал, но теперь, похоже, получится. У всех получится.

Всеобщее банкротство как нельзя лучше соответствовало состоянию моей души. Вот уже несколько лет я маялся от скуки. И было это не временной скукой непоседливого ребенка (хотя я немногим и отличался от него), а всеобъемлющей, всепоглощающей безнадегой. Казалось, я никогда не увижу ничего нового и интересного. Эпоха открытий миновала. У нас совершенно деривативное общество (хотя употребление слова «деривативное» в критическом значении само по себе дериватив). Мы первое поколение, которое никогда ничего не увидит в первый раз. Таращимся на чудеса света, но замылившийся глаз не позволяет восхищаться ими по-настоящему. Мона Лиза, пирамиды, Эмпайр-стейт-билдинг. Звери в джунглях охотятся, айсберги тают, вулканы извергаются. Но я не могу припомнить ни одного по-настоящему удивительного события, которое видел бы своими глазами, а не в кино или по телевизору. Проклятые рекламные ролики. Вы помните эту кошмарную слащавую песенку

«Se-e-en It All»? Я-то как раз все вижу. И самое страшное — отчего буквально едет крыша — это то, что вторичное восприятие всегда кажется благом. Картинка ярче, угол зрения самый выгодный, ракурс камеры и саундтрек управляют эмоциями особым образом, который недоступен в реальной жизни. Не знаю, являемся ли мы в тот момент людьми, все те, кто составляет обычное большинство, выросшее перед телевизором, а теперь окунувшееся в Интернет. Если нас предают, мы знаем, что должны сказать. Если умирает любимый человек, мы знаем, что должны сказать. Если хотим изобразить остряка, или дурака, или жуткого умника, мы знаем, что должны сказать.

Все мы работаем по одному старому заезженному сценарию.

Очень трудно в наше время быть личностью, просто реальной, настоящей личностью. Каждый из нас собирает по штриху от разных образов, коим несть числа, — вместо того, чтобы оставаться самим собой.

И среди всеобщего притворства как можно говорить о родстве душ? Ведь у нас нет настоящих душ.

Доходило до того, что я порой задавался вопросом: реальный ли я человек или нечто иное? Я бы

что угодно совершил, чтобы снова почувствовать себя настоящим человеком.

Джилпин, открыв дверь, впустил меня в ту самую комнату, где мы беседовали ночью. Посреди стола стояла коробка в серебристой упаковке — подарок Эми.

Я опешил, уставившись на нее, настолько зловещей показалась мне эта вещь в новой обстановке. В сердце закрался страх. Почему я не обнаружил ее раньше? Я должен был обнаружить ее раньше.

— Пройдите, пожалуйста, — сказал детектив. — Нам бы хотелось, чтобы вы взглянули на это.

Я развернул упаковку так осторожно, будто ожидал обнаружить там отрезанную голову. Но нашел только конверт из плотной синей бумаги. Первый ключ.

— Представьте себе наше замешательство, — усмехнулся Джилпин. — Разыскиваем пропавшего человека и вдруг находим тут записку с загадкой.

— Моя жена любила играть в охоту за сокровищами…

— Точно! В годовщины вашей свадьбы. Ваш тесть упоминал об этом.

Я открыл конверт и вынул лазурный листок

бумаги — из письменных принадлежностей Эми, — сложенный пополам. Горечь подступила к горлу. Все эти охоты за сокровищами в конечном итоге сводились к одному-единственному вопросу: «Кто же такая Эми?» (О чем думает моя жена? Какие события истекшего года показались для нее значимыми? Какие случаи осчастливили ее? Эми, Эми, Эми… Думать нужно только об Эми.)

Первый ключ я читал со стиснутыми зубами. И без того небось кошмарно выгляжу, а тут еще воспоминания об атмосфере, в которой прошел последний год нашей супружеской жизни.

Хочу быть твоей ученицей,
Учитель, красавец, мудрец.
Отдам тебе разум и тело,
Не нужно букетов, за дело.
Зови на ковер в кабинет
Скорей, доказать я хочу —
Чему-то и я научу.

Как привет из другой жизни. Если бы дела разворачивались по замыслу моей жены, то вчера она вертелась бы неподалеку от меня, пока я читал бы эти стишки, и сгорала от нетерпения,

как от лихорадки. «Ну, разгадай… Ну, разгадай меня».

И в завершение она непременно спросила бы: «Итак?»

— О! Я, кажется, разгадал загадку! — воскликнул я. — Скорее всего, она имеет в виду мой рабочий кабинет в колледже. Я там преподаю. Ха! Думаю, это правильный ответ. — Прищурившись, я перечитал записку. — В этом году она решила не слишком мудрить с заданием.

— Если хотите, я вас отвезу, — сказал Джилпин.

— Не стоит, я взял машину Го.

— Тогда я поеду следом.

— По-вашему, это важно?

— Конечно. Нам нужно узнать о ее передвижениях за день-два до исчезновения. Это совершенно необходимое дело. — Он взглянул на бумагу. — А знаете, это, должно быть, приятно. Как в кино — поиски клада. Мы с женой дарим друг другу открытки и что-нибудь вкусное. Но в вашей семье, похоже, все обстоит куда лучше. Вы не теряете романтику в отношениях.

После этого Джилпин потупился и, глядя на носки туфель, позвенел ключами от автомобиля.

Руководство колледжа выделило мне кабинет

размером с гроб, где с трудом помещались письменный стол, два стула и несколько полок. Мы с детективом пробирались туда сквозь толпу студентов с летних курсов — и совсем юных (скучающих, но деловых, живо нажимающих кнопки телефонов, вводя сообщения или скачивая музыку), и людей взрослых, серьезных, — должно быть, уволенные сотрудники молла пытались строить новую карьеру.

— А что вы преподаете? — спросил Джилпин.

— Журналистику. Работу в редакции журнала.

Девочка, набиравшая на ходу эсэмэску, едва не врезалась в меня. Шагнула в сторону, даже глаз не оторвав от мобильника. Неужели я такой старый и неинтересный?

— Я думал, вы больше не занимаетесь журналистикой.

— Кто умеет — делает, кто не умеет — учит других, — улыбнулся я.

Отперев двери, я ступил в затхлую, пыльную атмосферу кабинета. Из-за летних каникул я не был здесь уже несколько недель. На столе лежал конверт — несомненно, вторая загадка.

— Ключ вы всегда при себе носите, с другими? — спросил Джилпин.

— Ну да.

— Как Эми могла завладеть им, чтобы войти сюда?

Я надорвал край конверта.

— У нас дома есть запасной. — Эми сделала дубликаты со всех моих ключей — я вечно забывал, где их оставил; это относилось и к кредитным карточкам, и к мобильным телефонам. Но признаваться в этом сыщику не хотелось. — А почему спрашиваете?

— Просто интересуюсь, мог ли кто-нибудь видеть, как она сюда прошла. Сторож или еще не знаю кто…

— Тут не живет Фредди Крюгер, я бы заметил.

— Не видел ни одного фильма о нем, — сообщил Джилпин.

Внутри конверта лежали две сложенные бумажки. На одной нарисовано сердечко, а на второй — ключ.

Две записки. Мои кишки скрутились в узел. Один бог знает, что Эми хотела сказать. Я развернул бумагу с сердечком и, не дожидаясь, когда детектив приблизится, впился глазами в строки.

Мой любимый муж!

Думаю, прекрасной идеей было использовать этот храм знаний для того,

чтобы сказать тебе, какой ты замечательный. Не буду излишне многословна. Я восхищаюсь твоим умом — загадочная статистика и анекдоты, странные факты и поразительная способность цитировать кинофильмы, остроумие и логика. Прожив несколько лет вместе, супруги могут позабыть, какими замечательными они считали друг друга вначале. Я помню, как мы повстречались впервые, как ты ослепил меня, поэтому хочу уделить минутку и заверить, что я все помню и не устаю повторять: ты ВЕЛИКОЛЕПЕН.

Я сглотнул слюну. Джилпин, читавший через мое плечо, вздохнул:

— Славная женщина. — А потом откашлялся. — Гм… а это ваше?

Незаточенным концом карандаша он подцепил предмет женского нижнего белья — красного цвета шелковые кружевные трусики, которые висели, приколотые кнопкой под кондиционером.

— Ох, черт побери. Весьма неловко…

Но Джилпин ждал объяснений.

— Понимаете… мы с Эми… Ну ладно, вы же прочли ее записку. Мы некоторым образом… Ну,

знаете, иногда в отношения стоит внести немного остроты.

— О, я понял! — Детектив сверкнул улыбкой. — Похотливый профессор и непослушная студентка. Я понял. Вы в самом деле поступаете правильно.

Я потянулся к белью, но Джилпин уже выудил из кармана прозрачный пакет и сунул трусики туда.

— Простая предосторожность, — пояснил он.

— Только не это! — взмолился я. — Эми умрет, если… — Я оборвал фразу.

— Не волнуйтесь, Ник, это всего лишь положенная процедура. Вы даже не представляете, насколько мы связаны правилами. Перестраховка на перестраховке, до смешного доходит. Так что же говорит наша подсказка?

Я снова позволил ему прочитать записку поверх моего плеча. Запах свежести, исходящий от сыщика, мешал сосредоточиться.

— Так что же из этого следует? — повторил он.

— Понятия не имею, — соврал я.

Избавившись наконец-то от Джилпина, я бесцельно проехал по шоссе, а потом набрал номер на мобильном. Звонок не приняли. Сообщение я не стал оставлять. Прибавил газку, как будто

куда-то тороплюсь, и через сорок пять минут вернулся в город, чтобы встретиться с Эллиотами в гостинице «Дэйз». Прошагал через вестибюль, битком набитый участниками съезда Среднезападной ассоциации аутсорсинговых компаний по расчету заработной платы — везде, где только можно, стояли дорожные сумки, а их владельцы попивали бесплатные прохладительные напитки из пластмассовых стаканчиков, хрипло смеялись и обменивались визитками. Поднялся в лифте с четырьмя лысеющими мужчинами в летних рубашках, с круглыми животами женатиков, туго обтянутыми ремнем.

Мэрибет открыла дверь, не прекращая разговаривать по мобильному. Кивнула в сторону телевизора и шепнула мне:

— Там есть лоток с колотым льдом. Если хочешь, бери, дорогой.

А потом направилась в ванную и закрыла за собой дверь, продолжая болтать.

Она присоединилась ко мне через несколько минут, успев как раз к началу пятичасовых новостей из Сент-Луиса. Выпуск был посвящен пропаже Эми.

— Великолепная фотография, — прокомментировала Мэрибет, глядя на экран, откуда взирала

на нас моя жена. — Люди увидят ее и поймут, какова Эми на самом деле.

Портрет Эми удался на славу, спору нет, но использовать его все же не следовало. Казалось, что женщина с фотографии следит за тобой, как со старинного портрета в доме с привидениями, и даже поводит глазами слева направо.

— Нужно передать полиции несколько простых фотографий, — сказал я. — Обычных бытовых фотографий.

Эллиоты одновременно кивнули, но ничего не сказали, глядя в экран. Когда передача закончилась, Ранд проговорил:

— Что-то тошно мне.

— Я тебя понимаю, — заверила его Мэрибет.

— А ты как себя чувствуешь, Ник? — спросил Ранд, наклоняясь вперед и опираясь руками о колени, будто хотел встать с дивана, но не было сил.

— Сказать по правде, я в полном разладе. Никогда не чувствовал себя таким беспомощным.

— Все хотел спросить: как насчет ваших работников? — Ранд все-таки поднялся, подошел к мини-бару и налил себе имбирного пива. — Кто-нибудь чего-нибудь хочет?

Я покачал головой, а Мэрибет попросила со-

довой.

— Может, чуть-чуть джина, детка? — Голос тестя раскатисто завибрировал на последнем слове.

— Да. Конечно. Непременно. — Мэрибет закрыла глаза и сложилась пополам, опустив голову между коленями, глубоко вздохнула и вернулась в прежнюю позу, как будто выполнив упражнение йоги.

— Отдал полный список, — сказал я. — Но вряд ли стоит искать среди них — бизнес у нас вполне спокойный.

Ранд приложил ладони к щекам и поднял, собирая кожу складками ниже глаз.

— Само собой, Ник, мы проделаем то же с нашими бизнес-партнерами.

Мэрибет и Ранд упрямо именовали свою книжную серию «Удивительная Эми» бизнесом, что не могло не казаться мне сущей глупостью. Детская книжка о девочке, на обложке которой нарисована мультяшная версия моей Эми. Но несомненно, для них книжная серия являлась семейным предприятием, крупным капиталовложением. На этих книгах в течение двух десятилетий воспитывались младшие школьники, главным образом из-за контрольных опросов в конце каж-

дой главы.

Например, в третьем классе Эми взяла в оборот своего приятеля Брайана, который перекармливал черепаху из живого уголка. Вначале пыталась урезонить его самостоятельно, но мальчишка продолжал упорствовать в своем заблуждении. У Эми не оставалось иного выхода, как накапать учительнице: «Миссис Тибблиз, я не хочу показаться ябедой, но не знаю, как быть. Я пробовала убедить Брайана, однако пришло время посоветоваться с кем-то из взрослых…»

Варианты ответа:

1. Брайан заявляет Эми, что она плохой товарищ, и перестает разговаривать с ней.

2. Ее робкая подружка Сьюзи говорит, что Эми не должна жаловаться учителю, а пусть лучше тайком от Брайана убирает лишнюю еду.

3. Главная соперница Эми, Джоанна, уверяет, что Эми просто ревнует и хочет сама кормить черепаху.

4. Эми ничего не желает слушать — она уверена, что поступила верно.

Какой ответ правильный?

Можно не ломать голову — Эми всегда права. И не думайте, что я не приводил этот аргумент в спорах с моей Эми. Приводил, и не раз.

Контрольные опросы — написанные двумя дипломированными психологами, которые вдобавок такие же родители, как и вы! — щекотали тщеславие покупателей, а их целью было выявление личностных черт ребенка. Кто ваш малыш? Неисправимый эгоист, невосприимчивый к критике, вроде Брайана? Бесхребетное существо, как Сьюзи? Завистница, похожая на Джоанну? Или само совершенство, точно Эми? Книги стали чрезвычайно модными среди возрождающегося класса яппи. Они казались наипрочнейшим оплотом системы воспитания. Кубиком Рубика от педагогики. И Эллиоты разбогатели. Достаточно привести один пример: каждая школа Америки желала заполучить книгу об Удивительной Эми в свою библиотеку.

— Вы полагаете, что этот случай может быть как-то связан с бизнесом «Удивительная Эми»? — спросил я.

— Да есть несколько человек, которых не лишне было бы проверить, — начал Ранд.

— Вы думаете, — хохотнул я, — что Джудит Вёрст похитила Эми для Александра и теперь у

него не будет «ужасных, кошмарных, невыносимых и отвратительных дней»?

Ранд и Мэрибет повернули ко мне вытянувшиеся лица. Да, зря я выдал эту безвкусицу, но мой мозг часто рождал и не такие глупости в самый неподходящий момент. Не всегда получается контролировать извержение психических газов. Вот точно так же я напевал про себя «Бони Морони», стоило увидеть приятельницу из полиции. «Тоща, как макароны», — гремело в голове, в то время как детектив Ронда Бони убеждала меня в необходимости обыскать реку. Защитный механизм, внушал я себе, непредсказуемый защитный механизм. И рад бы прекратить…

Я принял изысканную позу и заговорил со всей вежливостью и осторожностью, как будто мои слова — тончайший и драгоценный фарфор.

— Простите меня, пожалуйста, сам не понимаю, зачем я это сказал.

— Мы все устали, — заключил Ранд.

— Мы потребуем, чтобы полиция взяла под наблюдение Вёрст, — сказала Мэрибет, пытаясь шуткой смягчить ситуацию. — И за этой стервой Биверли Клири тоже.

— Мне следует кое-что вам сказать, — начал я. — Копы обычно в таких случаях…

— Начинают поиск преступника с мужа, — прервал меня Рэнд. — Я сказал им, что это напрасная потеря времени. Они задавали много вопросов…

— И были очень настойчивы, — добавила Мэрибет.

— Так они уже говорили с вами? Обо мне? — Я подошел к мини-бару и небрежно плеснул в стакан джина. Глотнул три раза подряд и тут же почувствовал себя еще хуже. Желудок пополз вверх, к горлу. — О чем спрашивали?

— Не причинял ли ты Эми боль когда-нибудь, не жаловалась ли Эми, что ты ей угрожаешь, — перечислила Мэрибет. — Не обманывал ли ты ее с любовницей. Разве это похоже на Эми? Я ответила, что ни о чем подобном мы не слышали вообще.

— Ник, — Рэнд положил ладонь мне на плечо, — вот что мы хотим сказать тебе в первую очередь. Мы знаем, что ты никогда не причинил бы Эми и малейшего вреда. Я даже поведал детективам историю, как ты спасал мышь в пляжном домике, когда она попалась в ловушку-липучку. — Он глядел на Мэрибет, словно она не знала об этом случае, и теща слушала с преувеличенным вниманием. — Целый час вылавливал, а потом вынес паршивого грызуна за город. Разве такой парень

способен сделать больно своей жене?

Я почувствовал накатившую волну стыда и в течение секунды был готов разрыдаться.

— Ник, мы любим тебя, — закончил Рэнд, сжимая напоследок мое плечо.

— Это так, Ник, — эхом вторила Мэрибет. — Ты нам как сын. Мы слишком расстроены исчезновением Эми — не позволим, чтобы на тебя упала хотя бы тень подозрения.

Мне не понравилось словосочетание «тень подозрения». Предпочитаю выражение «стандартная проверка» или «пустая формальность».

— Они спрашивали насчет твоей оговорки с рестораном «Хьюстон», — сообщила теща, косясь на меня.

— О моей оговорке?

— Будто бы ты сказал им, что вы собирались ужинать в «Хьюстоне». Они проверили: столика ты не заказывал. Складывается впечатление, что полиция заинтересовалась тобой после этого.

Я не заказывал столика и не покупал подарка для Эми. Но если бы я запланировал убийство жены в тот день, то наверняка позвонил бы в ресторан и заранее приготовил подарок. Именно так поступают прагматичные убийцы.

А я прагматичен до одури — друзья могли бы

подтвердить это сыщикам.

— Мм… Нет-нет, я не заказывал столика. Наверное, меня неправильно поняли. — Я уселся на диван напротив Мэрибет.

Не хотелось, чтобы Ранд снова притрагивался ко мне.

— Ну ладно-ладно… — покивала она. — А Эми подготовила… Она подготовила для тебя охоту за сокровищами? Ну, прежде чем… — Ее глаза снова покраснели.

— Да, сегодня я получил первый ключ, от копов. Вместе с Джилпином мы нашли второй в моем кабинете в колледже.

— А можно нам взглянуть? — спросила моя идеальная теща.

— У меня его нет с собой, — соврал я.

— Но ты… ты попробуешь разгадать?

— Обязательно, Мэрибет. Я его разгадаю.

— Даже думать не хочется, что вещи, которых она касалась, где-то лежат совсем одни…

Заиграл мой телефон, я отклонил звонок, едва глянув на экран. Мне бы избавиться от этой штуковины, но я пока не мог этого сделать.

— Сейчас нужно отвечать на каждый звонок, — сказала Мэрибет.

— Я знаю этот номер. Фонд выпускников моего

колледжа деньги собирает.

Ранд уселся рядом со мной на диван. Старая мебель с изношенными пружинами глубоко просела под нашим весом, придвинув нас друг к другу. Я опять прикоснулся к руке распрекрасного тестя. Он из той породы, что, едва увидев тебя, заверяет в самой искренней дружбе, позабыв поинтересоваться наличием ответного чувства.

— Мы не исключаем, — Мэрибет вернулась к деловому разговору, — что Эми мог похитить увлеченный ею человек с психическими нарушениями. — Она глядела на меня, словно ища поддержки. — Нам уже случалось иметь дело с такими субъектами.

Эми любила вспоминать о запавших на нее мужчинах. Не раз пересказывала эти истории за бокалом вина во время нашей совместной жизни. О мужчинах, только о ней и думавших и всегда вожделевших ее. Я подозревал, что всякий раз она сильно преувеличивала. Мужчины всегда получались опасными до известного предела: я успевал встревожиться, но надобности звонить в полицию не возникало. Короче говоря, моя жена вела игру, чтобы я мог почувствовать себя неустрашимым героем, который отстаивает честь своей дамы. Но Эми оставалась слишком

независимой, слишком современной, чтобы на самом деле допустить нечто подобное. Ей просто хотелось играть в беззащитную деву, которой нужен защитник.

— А недавно?

— Нет, новых случаев не было. — Мэрибет пожевала губами. — Но вот в школе с ней училась одна девочка, очень подозрительная.

— В смысле?

— Она была одержима Эми. Ну ладно, Удивительной Эми. Звали ее Хилари Хэнди. Она отождествляла себя с лучшей подругой Эми из книг, Сьюзи. Вначале, наверное, это была просто игра. А потом девочке захотелось большего — подражать самой Эми. Хилари одевалась, как она, перекрасилась в блондинку, бродила вокруг нашего дома в Нью-Йорке. Однажды, когда я шла по улице, она догнала меня, крепко обхватила руками и сказала: «Я хочу стать вашей дочерью. Я убью Эми и стану вашей дочерью. Вам-то какая разница? У вас все равно останется Эми». Будто наш ребенок — это фрагмент книги, который можно переписать.

— Окончательным предупреждением для нас прозвучало, когда она в школе столкнула Эми с лестницы, — добавил Ранд. — Очень подозри-

тельная особа. Подобная мания сама собой не проходит.

— А еще Дези, — вспомнила Мэрибет.

— И Дези, — согласился Ранд.

О Дези знал даже я. Эми училась в Массачусетсе, в школе-интернате под названием «Академия „Уикшир“». Я видел фотографии Эми в юбке для лакросса и в лентах, всегда с красивой природой на заднем плане, как будто школа располагалась за чертой города, а не внутри. Октябрьская природа.

Дези Коллингс учился в школе-интернате для мальчиков, которая находилась рядом с «Уикширом». По рассказам Эми, он был бледной романтической натурой. Его ухаживание разнообразило интернатские будни. Футбольные матчи на свежем воздухе и душные танцевальные залы, сиреневые корсажи и катание на винтажном «ягуаре» — этакое условное Средневековье.

На протяжении года Эми довольно серьезно увлекалась Дези, а потом он стал нервировать ее. Парень вел себя так, будто они уже женаты, прогнозировал число будущих детей и их пол. Хотел, чтобы у него было четыре сына, никак не меньше. Все это весьма подозрительно смахи-

вало на собственное семейство Дези, особенно когда приезжала его мамаша. Встретившись с ней, Эми убедилась в поразительном сходстве между собой и миссис Коллингс. Женщина сдержанно ткнулась губами в ее щеку и прошептала: «Желаю удачи». Эми так и не поняла, пожелание это или угроза.

Когда Эми порвала с Дези, он продолжал бродить по окрестностям «Уикшира» — бесплотный призрак в темном блейзере среди зимних облетевших дубов. Однажды в феврале, вернувшись поздно вечером с танцев, Эми нашла его на своей кровати поверх одеяла — голого, да еще наглотавшегося каких-то таблеток до полусмерти. Вскоре после этого случая его выгнали из школы.

Но Дези названивал ей даже сейчас, несколько раз в год присылал пухлые конверты, которые Эми вначале показывала мне, а потом выбрасывала не раскрывая. Согласно почтовому штемпелю они шли из Сент-Луиса. Сорок минут езды отсюда.

— Это просто досадная случайность, — пояснила Эми.

Родственники со стороны матери Дези жили в Сент-Луисе. Вот и все, что она знала, не заботясь о том, чтобы выяснить больше. Один раз я раскопал

мусорное ведро, чтобы прочитать залитое соусом альфредо письмо. Оно показалось совершенно банальным: что-то о теннисе, путешествиях и других развлечениях золотой молодежи. О спаниелях, например. Я попытался представить себе этого субтильного денди, в галстуке-бабочке и черепаховых очках, который врывается в наш дом, круша мебель в гостиной, хватает Эми мягкими наманикюренными пальцами, бросает в старинный автомобиль и увозит в антикварный особняк, скажем, в Вермонте. Нет, разве можно обвинить Дези в похищении?

— А Дези сейчас живет как раз поблизости, — сказал я. — В Сент-Луисе.

— Ну и ну! — встрепенулся Ранд. — А почему копы еще не у него в гостях?

— Кто-то должен его навестить, — ответил я. — Пойду, пожалуй. Встретимся здесь же завтра.

— Очевидно, полиция считает, что надо искать поблизости от дома, — сказала Мэрибет, задержав на мне взгляд на секунду дольше, чем следовало, а потом тряхнула головой, будто отгоняя непрошеные мысли.

Эми Эллиот-Данн

23 августа 2010 года.
Страницы дневника.

Лето. Птички. Солнышко. Я весь день гуляла туда-сюда по Проспект-парку. Кожа у меня тонкая, кости хрупкие. Борюсь с депресняком. И это еще прогресс, ведь предыдущие три дня я провела дома, не снимая грязной пижамы, с нетерпением дожидаясь пяти часов, чтобы глотнуть спиртного. Пытаюсь вспомнить, что там в Дарфуре стряслось. Взглянуть, так сказать, на мир со стороны. Но что-то мне подсказывает: я лишь эксплуатирую беды дарфурского населения.

Столько всего произошло за последнюю неделю! Думаю, в том, что все навалилось разом, в одночасье, есть какой-то знак, поэтому даю волю чувствам. Месяц назад Ник потерял работу. Официоз твердит, что финансовый кризис пошел на спад, да только, похоже, всем на это плевать. Вот Ник и вылетел. Второй этап сокращений, как он и предсказывал, последовал через несколько недель после первого. «Упс, мы маловато выгнали в прошлый раз». Придурки.

Поначалу мне казалось, что с Ником все в порядке. Он составил длинный перечень дел, в основном всякой мелочевки. Он меняет батарейки в часах и устанавливает точное время, монтирует новый сифон под раковиной, перекрашивает комнаты, цвет которых нам не слишком нравился. В общем, делает много полезного. Самое подходящее время заняться тем, до чего раньше руки не доходили. А потом он замахивается вообще на подвиг. Представьте только: он решает прочесть «Войну и мир»!

От безделья Ник ходит на уроки арабского. Не жалеет времени на попытки спрогнозировать, какие знания и навыки будут востребованы в последующие десятилетия. Эти потуги разбивают мое сердце, но я притворяюсь, будто мне все нипочем.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Вначале задаю вопрос серьезно, когда мы пьем кофе лицом к лицу, рука в руке. Потом пробую спросить ненавязчиво, легко, как бы между прочим. Потом — нежно поглаживая его волосы, лежа в постели.

Ответ всегда один и тот же:

— Да, в норме я. Но говорить об этом, вообще-то, не хочется.

Я написала опросник на злобу дня.

Как вы справляетесь с вынужденным перерывом в работе:

а) сижу дома в пижаме и ем мороженое — дурацкие поступки успокаивают;

б) пишу гадости о моем бывшем начальнике на форумах — так я даю выход негативным чувствам;

в) пока не отыщется новая работа, пытаюсь с пользой проводить свободное время, например изучить востребованный язык или прочитать «Войну и мир».

Правильный ответ, конечно же, в). Это мой комплимент в адрес Ника. Но он только криво улыбнулся, прочитав опросник.

Прошло несколько недель, и бурная деятельность утихла, пропало желание что-то делать, как будто однажды утром он проснулся под пыльным ветхим постером: «К чему вся эта гребаная суета?» Взгляд его потух. Теперь Ник смотрит телик, проклятую порнуху он смотрит по ящику. Заказывает много еды с доставкой на дом. Пенополистироловые коробочки уже переполнили мусорное ведро и громоздятся под раковиной. Со мной не разговаривает, как будто сам процесс бе-

седы доставляет ему физическую боль, а я просто мерзавка, что требую от него общения.

Когда я завожу речь о его увольнении, лишь пожимает плечами. Например, на прошлой неделе.

— Это просто гаплык, — сказал он. — У тебя хотя бы деньги есть, голодная смерть не грозит.

— Это наши общие деньги. Но мне нравилась моя работа.

— Ты не сможешь всегда получать то, что хочешь…[4] — запевает он. Фальшиво, надтреснутым голосом, при этом приплясывает на заплетающихся ногах. Я вижу, что он пьян.

Дело близится к вечеру, на исходе прекрасный густо-синий день. В доме сыро, сладковато приванивает гнилой китайской едой. Занавески полностью задернуты. Я хожу из комнаты в комнату, открывая окна, чтобы проветрить, отдергиваю шторы, поднимаю облака пыли и, когда попадаю в особенно темную берлогу, спотыкаюсь о сумку, стоящую на полу. Затем цепляюсь еще за одну, и еще, и еще… Дальше я уже шагаю, как кот из мультфильма, которому надо пересечь комнату, заполненную мышеловками. Включив свет, вижу десятки пакетов из магазинов, и вовсе

---

[4] Примечания: 4
Из одноименной песни «Роллинг стоунз».

не из таких, куда уверенный в себе мужчина не пожелает заходить. Узнаю эмблемы брендовых мужских бутиков, ателье, где продавцы индивидуально обслуживают покупателей, развалившихся в мягких кожаных креслах. Я имею в виду, все это дерьмо сделано на заказ.

— Что это, Ник?

— Для собеседований. Вдруг где-нибудь начнут набирать персонал.

— А зачем же столько?

— У нас же есть деньги, — мрачно заявляет он и скрещивает руки на груди.

— Может, вещи стоит хотя бы повесить?

Я вижу, что Бликер уже прогрыз несколько полиэтиленовых упаковок. Небольшая кучка кошачьей рвоты высится рядом с костюмом за три тысячи долларов, а сшитая на заказ белая рубашка покрыта ярко-рыжим волосом — это кот еще и повалялся.

— Да ладно… — отвечает он, скаля зубы в усмешке.

Я никогда не была сварливой хозяйкой. Всегда, скорее, гордилась, что не пилю мужа. Но Ник просто вынуждает меня придираться, это вскипает во мне. Я готова допустить в быту некоторое неряшество — от лени, от беззаботности. Я знаю, что,

в отличие от Ника, принадлежу к типу «А», и стараюсь вести себя осторожнее, не навязывать ему мою тягу к порядку и планированию. Ник — не тот парень, чтобы размышлять: пропылесосить пол или вымыть холодильник. Он в самом деле не видит, что накопилась грязь. Совершенно. Но мне по душе определенный уровень комфорта, — полагаю, справедливо требовать, чтобы мусорное ведро не заполнялось с горкой, а на тарелках не сох неделями кетчуп. Это нормальное поведение взрослых людей, живущих вместе. И когда Ник не выполняет элементарных правил, я должна ворчать, хоть меня это и бесит. Ты превращаешь меня в стерву, которой я никогда не была и не хотела стать, вынуждаешь цепляться к бытовым мелочам. А все потому, что не выполняешь простейших правил. Не делай этого. Не советую.

Да знаю я, знаю… Я знаю! Потеря работы переносится невероятно тяжело, особенно мужчинами. Для них это равносильно потере близкого родственника. Тем более для таких, как Ник, которые вкалывали всю жизнь. Потому я сворачиваю гнев в алый упругий шар и мысленно вышвыриваю его в пространство.

— Ладно. Ты не против, если я их повешу? В гардеробе целее будут.

— Отстань!

Когда работу теряют и он и она, хорошего очень мало. Я знаю, нам повезло больше, чем многим другим. Каждый раз, когда нервничаю, я вхожу в Интернет и проверяю «стабилизационный фонд». Раньше я никогда не называла так свой банковский счет — первым эти слова подобрал Ник. Приличная, симпатичная сумма. На данный момент 785 404 доллара. Благодарить за эти сбережения я должна своих родителей. Не те деньги, чтобы податься в домохозяйки навсегда, особенно в Нью-Йорке. Но благодаря родительской заботе я могла чувствовать себя достаточно защищенной и не задумываться о деньгах — в обучении, выборе профессии и так далее. Хотя их и не так много, чтобы возгордиться. Ник посмеивается, но лично мне кажется, что это благородный жест со стороны моих родителей. И плата за незаконное использование моего детства для книг.

Я все еще чувствую себя разбитой из-за увольнения, из-за нашего увольнения, когда звонит папа и спрашивает, не могут ли они с мамой приехать. Они хотят с нами поговорить. Да, сегодня, прямо сейчас, если нас не затруднит. «Конечно, само собой», — отвечаю я, а в голове тревожно крутится: рак, рак, рак…

На пороге стоят родители, с таким видом, будто явились через силу. Отец отлично одет, выбрит и вообще блистает, разве что под глазами мешки. На маме шикарнейшее бордовое платье, которое она надевала раньше на презентации и встречи с читателями, когда еще получала приглашения. Она говорит, что этот цвет придает уверенности в себе.

Родители выглядят отлично, но кажутся немного смущенными. Провожаю их к дивану, где все мы сидим молча минуту-другую.

— Дети, кажется, мы с мамой… — заговаривает отец, но останавливается и кашляет. Обхватывает колени руками, показывая крупные бледные костяшки. — Ну ладно… Похоже, у нас проблемы. Финансовые. И очень серьезные.

Не знаю, как реагировать — удивляться, утешать, огорчаться? Обычно родители не посвящали меня в свои неприятности. Да и вряд ли у них было много неприятностей.

— Дело в том, что мы повели себя безответственно, — продолжает Мэрибет. — В последние десять лет тратили деньги с тем же размахом, что и в девяностые. Не зарабатывали и половины от прежнего, но не хотели этого замечать. Поддались излишнему оптимизму, мягко говоря.

Каждый раз надеялись, что новая книга об Эми принесет больше денег, чем предыдущая. Но ничего не получалось. А мы продолжали совершать неверные шаги. Неудачно вкладывали деньги. Совершали глупые траты. И теперь…

— Можно сказать, что мы разорены, — закончил за нее Ранд. — Больше не можем выплачивать ипотеку за наш дом… и за этот тоже.

А я-то думала — принимала как должное, — что родители сразу купили дом для нас. Понятия не имела, что он взят в ипотеку. Вот тут я впервые усомнилась в своей расхваленной Ником финансовой защищенности.

— Как я уже сказал, мы допустили ряд серьезных ошибок, — сказала Мэрибет. — Нам бы следовало написать книгу «Удивительная Эми и плавающая ставка ипотечного кредита». Это была бы страшная сказка, книга-предостережение! И чтобы у Эми была бы подружка Венди Хочу-Все-Сейчас.

— И дружок Гарри Голова-в-Песке, — добавил Ранд.

— И что же будет дальше? — спросила я.

— Это наши трудности, — заявил папа.

А мама вынула из сумочки брошюру и раскрыла ее на столе перед нами. Гистограммы, графики,

круговые диаграммы сделаны явно на домашнем компьютере. Умираю от смеха, когда представляю себе родителей за компом, подглядывающих в руководство пользователя, а все для того, чтобы убедить меня.

— Мы хотели спросить, — несмело начала Мэрибет, — нельзя ли одолжить немного денег с твоего расчетного счета, пока мы не определимся, как строить свою дальнейшую жизнь.

Мои родители сидят перед нами, как дети, пришедшие поступать в колледж и возлагающие кучу надежд на первое собеседование. У отца даже колено дергалось, пока мама не придавила его пальцем.

— Ну ладно, — ответила я. — Мой «стабилизационный фонд» — это ваши деньги. — Просто хочется, чтобы все закончилось побыстрее. Невыносимо видеть эти полные надежды глаза. — Сколько вам нужно, чтобы расплатиться с долгами и какое-то время чувствовать себя спокойно?

Отец рассматривает свои туфли.

Мама глубоко вдыхает и выдает:

— Шестьсот пятьдесят тысяч.

— Ого! — Все, что мне удается сказать.

Это практически все наши деньги.

— Эми, может, стоит обсудить… — начинает Ник.

— Нет-нет, — отвечаю я. — Без проблем. Сейчас принесу чековую книжку.

— Вообще-то, ты можешь перевести деньги на наш счет завтра, — говорит Мэрибет. — Или в течение десяти дней.

Именно в этот миг я понимаю, как здорово они влипли.

Ник Данн

Два дня спустя.

Выжатый досуха, я проснулся на диван-кровати в гостиной люкса Эллиотов. Они настояли, чтобы я заночевал у них, — все равно полицейские еще не пускали меня домой. С той же настойчивостью тесть и теща когда-то пытались расплатиться за нас в ресторане. Гостеприимство бурлило, как неукротимая стихия. «Позволь нам хотя бы это сделать для тебя». Я позволил. И провел ночь, прислушиваясь к их храпу, доносившемуся через закрытую дверь спальни. Один голос равномерный и густой — храп здоровяка-дровосека, а второй прерывистый и неритмичный, будто человеку снилось, что он тонет.

Обычно я мог выключить себя, как электричество. Достаточно приказать — нужно спать — и сложить ладони под щекой, как при молитве. И все. Глубокий сон обеспечен, в то время как моя страдающая бессонницей жена крутится рядом с боку на бок. Но вчера вечером, несмотря на усталость, я чувствовал себя подобно Эми — мозг продолжал работать, хотя тело нуждалось в от-

дыхе. Большую часть жизни мне было вполне комфортно в собственной коже. Когда мы с Эми сидели на диване и смотрели телевизор, я мог расслабиться, приняв любое положение, как расплавленный воск, а Эми все время ерзала и искала удобную позу. Тогда крутили рекламу на тему этого заболевания, и актеры с мученическими гримасами трясли икрами и растирали бедра. Эми ответила, что у нее синдром беспокойства всего тела.

Я лежал и смотрел в гостиничный потолок, который был вначале серым, потом порозовел, потом начал желтеть, — смотрел, пока не увидел солнце, поднявшееся из-за реки во всей красе. И тогда в моей голове защелкали имена. Хилари Хэнди. Такое красивое имя, что его владелицу трудно заподозрить в совершении преступлений. Дези Коллингс, чокнутый ухажер, который живет всего в часе езды. Я призадумался. В наше время все хотят сами себя лечить, сами себе строить дома, сами себе проводить следствие. Эпоха «сделай сам». Полезай в Интернет и разбирайся сам, потому что кругом все замотанные и везде недокомплект кадров. Я ведь журналюга, как-никак. Больше десяти лет брал интервью, расспрашивал о житье-бытье и вытягивал из людей подноготт-

ную. Значит, и нынешнее дело мне по плечу, так я и сказал Ранду и Мэрибет, и они пожелали ни пуха. Большое спасибо за то, что зятек «под тенью подозрения» не лишен кредита доверия. Или все-таки «тень подозрения» — вежливый эвфемизм?

Гостиница «Дэйз» уступила пустующий танцевальный зал под штаб розыска Эми Данн. Довольно неуютное помещение: буроватые потеки на стенах, затхлость. Но едва рассвело, Мэрибет, как заправский Пигмалион, взялась за его усовершенствование. Пропылесосила, вытерла пыль, развесила доски с объявлениями, списки телефонных номеров, закрепила на стене большой портрет Эми. Тот самый, с холодным, уверенным взглядом. Глаза, которые следят за тобой. В общем, обстановка стала похожей на штаб проигрывающего кандидата в президенты, причем заведомого лузера, — воздух прямо-таки вибрирует от упрямого оптимизма фанатичных помощников.

Сразу после десяти утра появилась Бони, не отнимавшая мобильный от уха. Похлопала меня по плечу и затеяла возню с принтером. Начали подтягиваться волонтеры — Го и с ней полдюжины подруг моей мамы. Женщины возрастом за сорок пять, все в брюках капри, как будто при-

шли на репетицию танцевального шоу. Две из них — стройные, белокурые и загорелые — явно соперничали за лидерство в группе, а остальные вполне довольствовались второстепенными ролями. За ними явилась стайка громогласных седых матрон, пытающихся на ходу обсуждать множество проблем; некоторые набирали эсэмэски. Так кипят нерастраченной энергией и юношеским задором, что невольно заподозришь игру на публику. И всего лишь один мужчина затесался в этот курятник — симпатичный парень приблизительно моего возраста, хорошо одетый; еще бы объяснил, за каким чертом он сюда явился. Я наблюдал за этим Одиноким Всадником, в то время как он обнюхивал выпечку, бросая косые взгляды на портрет Эми.

Бони закончила возиться с принтером и, схватив маффин, подошла ко мне.

— А ваши ребята проверяют тех, кто записывается в волонтеры? — спросил я. — Что, если кто-нибудь из них…

— Кто-нибудь окажется подозрительно любопытным? Само собой, проверяем. — Она отщипнула кусок маффина и отправила в рот. Заговорила потише: — Но если честно, серийные убийцы смотрят те же телесериалы, что и мы.

Они знают, что мы знаем, что они стараются…

— Быть в курсе событий?

— Ага, именно, — кивнула она. — Поэтому сейчас осторожничают. Но мы, конечно, просеиваем всех склонных к извращениям. Надо хотя бы убедиться, что дальше этой склонности дело не зашло.

Я понимающе приподнял бровь.

— Вы знаете, что мы с Джилпином несколько лет назад работали по делу Кайлы Холман? Ну? Кайла Холман?

Я покачал головой — в первый раз слышу.

— Ну, в общем, вы бы поразились, узнав, сколько прилипал появляется в подобных делах. И остерегайтесь тех двух. — Бони указала на хорошеньких сорокалетних женщин. — Такие всегда готовы утешить расстроенного мужа.

— Ой, да ладно вам.

— Удивлены? Вы же видный мужчина. Такие случаи нередки.

Как раз в этот миг одна из женщин, загорелая блондинка, повернулась в нашу сторону и, обнаружив, что на нее смотрят, послала мне ласковую, робкую улыбку, а потом наклонила голову, подобно кошке, которая хочет, чтобы ее погладили.

— Она будет очень стараться, просто вопло-

щенное участие, — подытожила Бони. — Так все и происходит.

— А случай с Кайлой Холман был исключением?

Детектив покачала головой.

Вошли еще четыре женщины, передавая друг другу флакон с кремом от загара и обильно смазывая руки, плечи и нос. В зале со страшной силой запахло кокосом.

— Между прочим, Ник, — сказала вдруг Бони, — помните, я спрашивала, есть ли у Эми друзья в городе? Вы совершенно забыли про Ноэль Хоторн.

Да, она дважды посылала нам СМС.

Я пристально посмотрел на Бони:

— Это та Ноэль, что живет в нашем пригороде? Мать тройни? Нет, они не подруги.

— Да? Забавно. А Ноэль, по всей видимости, считает, что подруги.

— С Эми такое бывает. Стоит ей один раз с кем-то поговорить, и люди начинают мнить себя ее друзьями. Порой даже страшно становится.

— Кажется, о чем-то подобном упоминали ее родители.

Я прикинул, не поговорить ли с детективом о Хилари Хэнди и Дези Коллингсе, а потом решил:

ни к чему. Будет лучше, если я сам разберусь с ними. Пусть Ранд и Мэрибет видят во мне героя приключенческого фильма. Слова Мэрибет — «Очевидно, полиция считает, что надо искать поблизости от дома» — и ее долгий взгляд все еще тревожили меня.

— Некоторые думают, что близко ее знают, потому что с детства читали книги о ней, — пояснил я.

— Я заметила, — кивнула Бони. — Люди вообще склонны полагать, что знают других людей. Родители склонны полагать, что знают своих детей. Жены — что знают мужей.

Через час координационный центр стал здорово смахивать на семейный пикник. Кое-кто из моих старых знакомых подходил поздороваться, знакомил с детьми.

Одна из лучших подруг моей мамы, Вики, заявилась сразу с тремя внучками, застенчивыми подростками в розовых платьях.

Внуки. Мама часто о них упоминала как о чем-то само собой разумеющемся. Каждый раз, покупая новую вещь, приговаривала: «Послужит еще моим внукам». Ей очень хотелось дожить, чтобы понянчить их.

У многих ее подруг были любимые внуки. Одна-

жды мы с Эми пригласили маму и Го поужинать, чтобы отметить самую удачную неделю работы нашего «Бара». Когда я заявил, что у нас есть повод для празднования, мама аж подпрыгнула, разрыдалась и обняла Эми, которая, заразившись слезливостью, пробормотала в удушающей маминой хватке: «Он говорит о „Баре“, всего-навсего о „Баре“». А потом мама притворялась, что именно эта новость заставила ее расчувствоваться. «Будет еще время и для малышей», — сказала она таким голосом, что у Эми опять потекли слезы. Я поразился, ведь раньше моя жена заявляла, что не хочет детей. Но в тот миг ее поведение заронило во мне зерно надежды — вдруг она передумала? На самом деле возраст уже поджимал. Когда мы переселились в Карфаген, Эми исполнилось тридцать семь. В октябре этого года ей будет тридцать девять.

И тут вдруг подумалось: наверное, нам придется устраивать имитацию дня рождения или что-то подобное. Следует провести вечеринку для волонтеров, для журналистов. Для того, чтобы привлечь внимание к нашей беде. И я буду притворяться, что все еще живу надеждой.

— Возвращение приблудного сына, — прогундосил кто-то.

Я обернулся и увидел тощего мужчину в растянутой тенниске, который дергал себя за усы. Мой старый приятель Стакс Бакли. На самом деле он хотел назвать меня блудным сыном, но не смог запомнить слово и уж тем более не понимал его значения. Думал, небось, что это замена слову «мудила».

Стакс Бакли — звучное имя, сошло бы для знаменитого бейсболиста. Пожалуй, у него и был какой-никакой талант или хотя бы желание играть. В детские годы он считался лучшим в городе бейсболистом, но дальше этого не пошло.

Главное потрясение в своей жизни он испытал, когда его выгнали из команды колледжа. После этого судьба Стакса пошла наперекосяк. Сейчас он перебивался случайными заработками и злился на весь мир.

Несколько раз он заглядывал в «Бар» в поисках работы, но от каждого моего предложения отказывался, качая головой и по привычке жуя щеку. «Слышь, чувак, зайду попозже, перетрем. Вдруг у тебя найдется что-нибудь посерьезнее».

— Стакс! — воскликнул я вместо приветствия, желая для начала выяснить, в каком расположении духа он пребывает.

— Чувак, я слыхал, полиция тут ни хрена мы-

шей не ловит, — ответил он, пряча кисти рук под мышками.

— По-моему, рано делать выводы.

— Слышь, чувак, к чему все эти дурацкие поиски придурка-извращенца? Когда пропала собачка мэра, они и то больше старались.

Его лицо раскраснелось, от него так и веяло жаром. Подступив, он обдал меня крепким духом ополаскивателя для рта «Листерин» и жевательной резинки.

— Почему бы им не взять кой-кого за задницу? В городе хватает подозрительных засранцев, и ни один из них еще не арестован. Как насчет ребят из «Синей тетрадки»? Вот о чем бы я спросил детектившу: как насчет ребят из «Синей тетрадки»? Только она вряд ли ответит.

— Что за ребята из «Синей тетрадки»? Банда?

— Их зимой уволили из «Синей тетрадки». У них теперь ни гроша за душой. Видел парней, которые бродят кучками вокруг города, — такие страшные, что обделаться можно? Так это наверняка ребята из «Синей тетрадки».

— Что-то я не понял тебя. Что за «Синяя тетрадка»?

— Ну, типография «Речная долина»? Ну, на окраине города, не помнишь, что ли? Там делали

синие тетрадки, студентами мы в них писали задания и прочую хренотень.

— Да?.. Я не знал.

— Сейчас в колледже вместо тетрадок компьютеры. Потому — бах! И пока-пока, ребята из «Синей тетрадки».

— Вот черт! Весь город закрывается…

— Теперь ребята из «Синей тетрадки» только бухают, курят дурь и пугают людей. Раньше хоть по выходным этим занимались, а в понедельник шли на работу. А теперь вообще беспредел.

Стакс оскалил в улыбке редкие зубы. В его волосах я заметил крапины засохшей краски. С тех пор как окончил школу, он подрабатывал летом на покраске домов. «Я привык к художественной работе», — говорил он и ждал, что собеседник рассмеется. Если же человек не понимал шутки, ему приходилось выслушивать неторопливое доходчивое объяснение.

— А копы хоть прочесали «Риверуэй молл»? — спросил он.

Я недоуменно пожал плечами.

— Тьфу ты! Чувак, какой же из тебя репортер? — Стакс всегда уничижительно отзывался о моей прежней работе, как будто видел в ней надолго затянувшееся притворство. — Ребята из

«Синей тетрадки» устроили себе в молле логово. Сидят там, наркотой приторговывают. Полиция иногда разгоняет, но они всегда возвращаются на следующий день. Вот это я бы и сказал дамочке-детективу. Разгребите дерьмо в «Риверуэе». Месяц назад там бабу на хор поставили. Это я намекаю, что толпа обозленных жлобов для женщины не подарок.

Перед тем как отправиться к участку, отведенному для послеобеденных поисков, я набрал номер Бони и заговорил, едва она ответила.

— Почему не прочесан «Риверуэй молл»?

— Ник, «Риверуэй» будет проверен обязательно. Туда как раз направляется патруль.

— Хорошо… А то мой приятель…

— Стакс? Да, я его знаю.

— Он рассказал о…

— Ребятах из «Синей тетрадки»? Есть такие. Положитесь на нас, Ник, мы проверяем все. Мы хотим найти Эми не меньше, чем вы.

— Хорошо. Спасибо.

Покачав права, я выхлебал гигантскую пластмассовую чашку кофе и выдвинулся в район поисков. Сегодня предполагалось осмотреть три места: лодочную пристань Гали (ныне известная как место, где Ник, никем не замеченный,

провел все утро), лес у речки Миллер-Крик (лес — слишком громко сказано, поскольку сквозь деревья прекрасно просматривались забегаловки быстрого питания) и Уоки-парк (уголок дикой природы, где организовывались пешие и конные туристские маршруты). Мне достался парк.

Когда я прибыл, местный служитель инструктировал группу из двенадцати человек — все в плотных шортах, солнцезащитных очках и с цинковой мазью от прыщей на носу. Обстановка напоминала день открытия летнего лагеря.

Две группы телерепортеров трудились, чтобы запечатлеть окружающую природу, здания и людей. Был уже уик-энд, да непростой, а Четвертого июля. Сюжет об Эми наверняка воткнут между репортажем с ярмарки штата и конкурсом барбекю. Один молокосос крутился около меня, как назойливый москит, донимая бесцельными вопросами. В фокусе общественного внимания я моментально оцепенел, выражение озабоченности на лице выглядело фальшивее не бывает. В воздухе плыли миазмы конского навоза.

Вскоре телевизионщики вместе с волонтерами ушли по тропинкам в лес. Разве нормальный журналист счел бы подозреваемого мужа неинтересным и оставил бы его? Теперь места нормаль-

ных журналистов занимают недоучки без чутья, готовые трудиться за жалкие гроши.

Молодой коп в форме показал, где я должен стоять. Прямо здесь, где начинаются все тропинки, у щита, заклеенного старыми рекламными объявлениями, среди которых виднелся новый лист — с фотографией Эми. Моя жена пристально смотрела на меня. Сегодня она преследовала меня везде.

— Что я должен делать? — спросил я у офицера. — Чувствую себя как последний осел.

Где-то в лесу жалобно заржала лошадь.

— Ник, вы нам нужны именно здесь. Просто будьте дружелюбным, подбадривайте людей. — Он указал на яркий оранжевый термос. — Предлагайте воду. Если я кому-нибудь понадоблюсь, подскажите, куда идти.

Полицейский повернулся и направился в сторону конюшни. Возникла тревожная мысль, что меня намеренно удерживают как можно дальше от возможного места преступления. Но зачем, я мог только догадываться.

Вот так я и торчал без всякой пользы, притворяясь, будто руковожу эксплуатацией кулера, когда подъехал припоздившийся внедорожник, красный и блестящий, как лак для ногтей. Из него

вышла та самая сорокалетняя дамочка, которую я видел в штабе. Симпатичная блондинка приподняла длинные волосы, чтобы подруга обрызгала ей шею репеллентом. Женщина демонстративно развеяла химический туман, зыркнула на меня, потом отделилась от стайки товарок и, распустив волосы по плечам, пошла ко мне с грустной, сочувственной улыбкой — улыбкой под названием «Мне так жаль». Огромные, как у лошади, карие глаза, розовая футболка, едва доходящая до пояса накрахмаленных белых шорт, босоножки на высоком каблуке, тщательно завитые волосы, золотистые серьги кольцами. Для поисков в лесу так не одеваются, подумалось мне.

«Только не вздумай заговорить со мной, дамочка».

— Привет, Ник! Я Шона Келли. Мне так жаль…

Ее голос казался мне излишне громким, как у очумевшего от жары осла. Она протянула руку, и я почувствовал укол тревоги — все ее подруги уже уходили по тропинке, бросая многозначительные взгляды на нас.

Я предложил все, чем располагал: благодарность, воду, собственную нелюдимость и неловкость. Но Шона не собиралась уходить, хотя и неотрывно смотрела на тропу, где скрылись ее

спутницы.

— Я надеюсь, Ник, у вас есть друзья и родственники, которые смогут вас поддержать в это нелегкое время, — сказала она, прихлопнув слепня. — Мужчины забывают за собой ухаживать. Нормальное питание — вот что вам нужно.

— Да мы в основном колбасной нарезкой питаемся, — ответил я. — Так быстрей и проще.

Вкус салями все еще держался на языке. Только теперь я понял, что утром не почистил зубы.

— Ах, бедняжка… Колбасная нарезка! Нет, так дело не пойдет. — Она покачала головой, солнечные лучи заиграли на золоте серег. — Мужчине нужно поддерживать силы. Но вам повезло, я неплохо готовлю фрито с цыпленком. А знаете что? Привезу его завтра в штаб, где собираются волонтеры. Можно разогреть в микроволновке, и у вас будет нормальный горячий обед.

— О, вы уделяете мне слишком много внимания. У меня все хорошо. Правда, все хорошо.

— А если покушаете как следует, станет еще лучше, — возразила она, похлопывая меня по руке.

Я промолчал, и она попробовала зайти с другой стороны:

— Очень надеюсь, что случившееся не имеет

никакого отношения к нашей общей проблеме… Я имею в виду бродяг. Знаете, я подаю жалобу за жалобой. Один из них в прошлом месяце воровал помидоры у меня в огороде. Сработала сигнализация, я выглянула из дому, а он стоит на коленях прямо на грядке и помидоры трескает. Грызет их, как яблоки. Все лицо, вся рубашка в соке и семенах. Гоню, а он ни в какую! Еще штук двадцать сожрал, прежде чем убежать. Эти ребята из «Синей тетрадки» ничего же больше не умеют.

Внезапно я ощутил сродство душ с ребятами из «Синей тетрадки», представив, как иду к лагерю, разбитому бродягами, и размахиваю белым флагом. «Я ваш брат, тоже работал в печатной индустрии. Проклятые компьютеры и меня лишили хлеба насущного!»

— Только не говорите, Ник, что вы слишком молоды и не слышали о «Синей тетрадке». — Шона толкнула меня локтем, отчего я неприлично дернулся.

— Нет, я просто слишком старый, вот и забыл о «Синей тетрадке». Спасибо, что напомнили.

— А сколько вам? — рассмеялась она. — Тридцать один? Тридцать два?

— Почти тридцать пять.

— Совсем малыш.

Подъехала троица энергичных старушек, одетых в кеды, холщовые юбки и поло, обнажавшие дряблые плечи. Тетки спешились и направились к нам. Одна говорила по мобильному. Мне они кивнули вполне благожелательно, а вот на Шону покосились без всякого одобрения. Наверное, мы напоминали парочку устроившую барбекю у себя во дворе. Не соответствовали важности событий.

«Уйди же, Шона», — мысленно попросил я.

— Бродяги могут вести себя агрессивно и представлять опасность для женщин, — заявила Шона. — Я говорила об этом детективу Бони, но, кажется, я ей не нравлюсь.

— Зачем вы мне это рассказываете?

Я уже знал, что услышу. Монолог любой смазливой дамочки.

— Я вообще не очень нравлюсь женщинам, — пожала плечами она. — Скажите, у Эми было много друзей в городе?

Кое-кто — подруги моей мамы, друзья Го — приглашали Эми то в книжный клуб, то на заседание общества «Американский путь», то на вечерний девичник в «Чилиз гриль-бар». От каких-то предложений моя жена отказывалась сразу, некоторые принимала, но возвращалась полная негодования: «Мы заказали уйму жареного, а

запивать пришлось молочными коктейлями».

Шона жадно смотрела на меня, ей хотелось побольше выведать про Эми, хотелось причастности к судьбе моей жены, которая ее вмиг возненавидела бы.

— Думаю, у нее были те же проблемы, что и у вас, — ответил я сдавленным голосом.

Она улыбнулась.

«Шона, шла бы ты уже, а?»

— Когда приезжаешь в новый город, бывает тяжело, — проговорила она. — Трудно находить друзей. Особенно людям постарше. Она ваша ровесница?

— Тридцать восемь.

Похоже, Шоне мой ответ понравился.

«Да вали ты куда подальше, мать твою!»

— Умным мужчинам нравятся женщины старше их.

Из огромной дамской сумочки она, улыбаясь, вытащила мобильный телефон.

— Ну-ка, поближе ко мне, — велела она, обняв меня рукой. — А теперь улыбочку, широкую, как фрито с цыпленком.

Хотелось врезать ей, не поглядев, что передо мной женщина, — нельзя же так нахально липнуть к мужику, недавно потерявшему жену. Но

по давней привычке я подавил гнев в зародыше. Мне всегда и во всем хотелось быть хорошим с людьми. И я улыбнулся машинально, как робот. Шона, прижавшись щекой к моей щеке, нажала кнопку. В телефоне щелкнула имитация фотокамеры.

Когда блондинка развернула телефон, на экране я увидел наши загорелые лица, радостные, как на бейсбольном матче.

Глядя на свою вкрадчивую улыбку и прищуренные глаза, я понял, что терпеть не могу этого парня.

Эми Эллиот-Данн

15 сентября 2010.
Страницы дневника.

Пишу где-то в Пенсильвании. Юго-западная окраина. Мотель у шоссе. Окна нашей комнаты выходят на автостоянку, и я сквозь жесткие бежевые занавески вижу снующих в свете люминесцентных ламп людей. Похоже, здесь жители вечно слоняются туда-сюда.

У меня снова эмоциональный срыв. Слишком много всего произошло, слишком быстро. Теперь я в Юго-Западной Пенсильвании, а мой муж с наслаждением храпит среди пакетов с чипсами и конфетами, которые он купил внизу, в торговом автомате. Это наш ужин. Он сердится, что я не воспринимаю происходящее как игру. Я думала, что натянула на лицо удачную маску, — класс, у нас новое приключение, ура! Теперь догадываюсь, что маска недостаточно убедительная.

Сейчас, оглядываясь на прошлое, я вижу, что нечто подобное должно было случиться. Как будто мы с Ником сидели под огромной звуконепроницаемой и ветронепроницаемой банкой, а

потом она опрокинулась — и пришлось что-то делать.

Две недели назад мы, как обычно, скучали в нашем царстве безработных — без каких-либо событий, погруженные в скуку, готовились в молчании поесть, прочитав при этом газету от начала до конца. Мы теперь читаем даже полосу для автомобилистов.

Около десяти утра Нику позвонили на мобильный. По его голосу я догадалась, что это Го. Он всегда разговаривает с сестрой веселым мальчишеским голосом. Не таким, к которому я привыкла.

Ник ушел в спальню, закрыв за собой дверь, оставив меня с двумя свежеприготовленными подрагивающими яйцами-бенедикт в руках. Поставив тарелки на стол, я уселась, глядя на пустое место напротив, и погрузилась в размышления: приступать ли к завтраку в одиночестве? На месте Ника я вернулась бы сказать мне, что делать, или хотя бы показала на пальцах, через сколько минут присоединюсь. Я заботилась бы о своем муже, оставшемся на кухне в компании яичницы. Размышляя об этом, я чувствую, как портится настроение. Из-за дверей доносится голос Ника, с успокаивающими нотками, мягкий и добрый.

Лезет мысль: может, у Го какие-то неприятности с парнем? Удивительно… Го много раз расставалась с ухажерами, но никогда не требовала поддержки и участия от Ника.

Когда Ник возвращается, у меня на лице уже специальная мина сочувствия к Го. Яйца безнадежно остыли. Но, увидев мужа, я понимаю: мы столкнулись с проблемой более серьезной, чем если бы она касалась его сестры.

— Моя мама… — начинает он, усаживаясь за стол. — Вот же гадство… У мамы обнаружили рак. Четвертая стадия. Метастазы пошли в печень и кости. Хуже не бывает.

Ник закрывает лицо ладонями, а я встаю и, обойдя стол, обнимаю мужа. Когда он убирает руки, глаза у него сухие. Он спокоен. Я ни разу не видела, чтобы мой муж плакал.

— Это слишком тяжелый удар для Го. Особенно после папиного альцгеймера.

— Альцгеймер? Альцгеймер?! Как? Когда?

— Ну, уже какое-то время. Вначале врачи думали, что это раннее слабоумие. Но оказалось все гораздо хуже.

Тут же я решила: это неправильно, даже обидно, что муж не поставил меня в известность. Иногда кажется, что у него есть особая жизнь,

которую он окружил непроницаемым коконом.

— Почему ты мне не сказал?

— Я не очень люблю говорить о своем отце.

— Но ведь…

— Эми, прошу тебя… — Он смотрит так, будто я нетактична, и до того уверенно смотрит, что я и сама начинаю сомневаться в своей тактичности. — И вот теперь Го говорит, что мама очень больна и понадобится химиотерапия. Ей нужна помощь.

— Может, нанять человека, чтобы ухаживал за ней? Сиделку?

— Ее страховки на это не хватит.

Он смотрит на меня, сцепив пальцы. Я знаю, о чем он думает: мы могли бы оплатить уход за его мамой, если бы я не отдала деньги родителям.

— Ну ладно, малыш, — говорю я. — Что ты предлагаешь?

Мы стоим друг против друга и глядим в упор, как будто мы враги, а я только сейчас об этом узнала. Я протягиваю руку, чтобы погладить Ника, но замираю под его тяжелым взглядом.

— Нам нужно туда. — Он впивается в меня взглядом, широко открыв глаза и стряхивая пальцы, будто влез во что-то липкое. — Мы все распродадим и уедем. Ни работы, ни денег — нас

ничто здесь не держит. Даже ты должна это понимать.

— Даже я? — Как будто я уже начала возражать.

С трудом успеваю подавить гнев.

— Мы должны вернуться. Так будет правильно. Когда-то нужно помочь и моим родителям.

Конечно, именно это мы и сделаем, вот только зря он представляет дело так, будто я против. Очень хочется сказать это вслух. Но Ник уже вышел за дверь. Меня он воспринимает просто как очередное препятствие, которое необходимо преодолеть. Или как горький голос, который должен смолкнуть.

Мой муж — самый миролюбивый человек на планете, но до поры до времени. Сейчас его глаза потемнели, как будто его предал старый друг и этого друга для него больше не существует. Он смотрит на меня так, словно я балласт, который можно выбросить за борт в случае необходимости.

Таким образом, решение было принято стремительно и почти без обсуждений. Мы покидаем Нью-Йорк и перебираемся в штат Миссури, в дом на берегу реки, где и будем жить. Это просто какой-то сюр. И не я одна к месту и не к месту

употребляю слово «сюр».

Я знаю, что так будет лучше. Но это слишком далеко от той жизни, которую я рисовала в воображении. Не могу сказать, что все так плохо, но… Если бы мне предложили на выбор миллион вариантов моего будущего, я не догадалась бы выбрать этот. Вот почему мне тревожно.

Загрузка вещей в фургон — маленькая трагедия. Ник сосредоточен и пристыжен, губы плотно сжаты, глаза прячутся. Перевозчик стоит у нашего дома несколько часов, блокируя движение на узкой улочке и мигая аварийной сигнализацией: опасно, опасно, опасно! А Ник ходит вверх-вниз по ступенькам — человек-конвейер — и носит коробки с книгами и кухонной утварью, стулья, столики. Мы перетаскиваем антикварный диван — старый широкий «Честерфилд», который папа зовет нашим питомцем, ведь мы любим его до безумия. Диван мы вынесли последним, вдвоем, потея и надрываясь. Переноска столь тяжелой мебели по лестнице («Погоди, дай передохнуть! Приподними правый угол! Постой, не торопись! Осторожно, пальцы, пальцы!») — само по себе упражнение по тимбилдингу, так необходимому нам. Справившись с работой, покупаем в кафе на углу сэндвичи и сдобу, чтобы перекусить по

дороге. И холодную содовую.

Ник великодушно позволил мне забрать диван, но прочая крупная мебель остается в Нью-Йорке. Один из его друзей получит в подарок кровать. Парень заедет в наш опустевший дом, где не осталось ничего, кроме пыли и проводов, чуть попозже и заберет ее. Потом он будет жить своей нью-йоркской жизнью на нашей нью-йоркской кровати, получая в два часа ночи китайскую еду и лениво занимаясь безопасным сексом с подвыпившими шумными пиарщицами. В наш же дом переедет суетливая парочка адвокатов, муж и жена, которые до неприличия бурно радуются удачной сделке. Я ненавижу их.

На каждые четыре ходки Ника по лестнице я могу ответить только одной. Двигаюсь медленно, с параноидальной осторожностью, будто кости болят.

Мне все причиняет страдание. Когда Ник мимо взбегает или спускается по ступенькам, он всякий раз вопрошает хмурым взглядом: «Ты в порядке?» Но прежде чем я успеваю ответить, скрывается, оставляя меня с распахнутым ртом — черная дыра, как в комиксах. Нет, я не в порядке. Возможно, когда-то буду, но не сейчас, не скоро. Мне нужно, чтобы муж обнял меня, приласкал, утешил, как

ребенка. Хотя бы секунду мне уделил.

Он возится с коробками внутри фургона. Ник гордится своим умением укладывать вещи. Ведь он работал (когда-то!) загрузчиком посудомоечной машины, собирал сумки для пикника. А через три часа становится понятно, что мы продали и раздарили слишком много вещей. Широкие недра фургона заполнены чуть больше чем наполовину. Впервые за день я испытываю радость, горячую мстительную радость. Она словно капелька ртути. «Ну и ладно, — думаю я. — Ну и пусть».

— Мы можем взять кровать, если ты в самом деле хочешь, — говорит Ник, глядя мимо меня вдоль улицы. — У нас хватает места.

— Нет, ты же обещал ее Уолли. Значит, она должна достаться Уолли, — холодно заявляю я.

«Я был не прав. Просто скажи: я был не прав. Прости меня, давай возьмем кровать. Тебе нужна твоя привычная старая кровать в этом новом месте. Улыбнись мне и будь со мной ласков. Прямо сейчас будь со мной ласков».

— Ладно, — вздыхает Ник. — Если ты так решила, Эми. Ведь решила? — Он стоит, переводя дыхание, и опирается локтем на коробку, на стенке которой размашисто написано маркером:

«Зимняя одежда Эми». — Больше про кровать я не услышу? А то давай возьмем все-таки. Буду счастлив ее для тебя перевезти.

— Как это великодушно, — отвечаю едва слышно, одними губами.

Я трусиха. Мне не хочется возражать. Беру коробку и иду к грузовику.

— Что ты сказала?

Мотаю головой. Я не хочу, чтобы он видел мои слезы. Ник может только сильнее рассердиться.

Через десять минут на лестнице раздается грохот. Бах, бах, бах! Это Ник в одиночку потащил диван по лестнице.

Покидая Нью-Йорк, я лишена даже возможности оглянуться. В кабине грузовика нет заднего окошка. Поэтому я слежу за горизонтом в боковое зеркало. За отступающим горизонтом, как пишут в викторианских романах, когда несчастная героиня вынуждена покидать родительское гнездо. Но ни одно из любимых зданий — ни Крайслер-билдинг, ни Эмпайр-стейт, ни Флэтайрон — так и не появилось в маленьком блестящем прямоугольнике.

Вчера вечером приезжали мои родители, подарили нам семейную реликвию — часы с кукушкой. Я так любила их в детстве! Потом

мы трое обнимались и рыдали, а Ник стоял с руками в карманах и говорил, что будет обо мне заботиться.

Он обещал беречь меня, а мне все равно страшно. Обычно я чувствую, когда что-то пошло не так и в скором времени станет еще хуже. Сейчас я не ощущаю себя женой Ника. Вообще не ощущаю себя личностью. Я словно груз, который занесли в фургон, а потом вынесут. Как диван или часы с кукушкой. Меня можно отправить на свалку, бросить в реку. Я потеряла ощущение реальности. Такое ощущение, что я могу исчезнуть.

Ник Данн

Спустя три дня.

Полиция не сумела найти Эми. Если вообще хотела найти. Проверили все окрестности. Обшарили островки дикой природы: грязные берега Миссисипи, конные и пешие прогулочные маршруты, жалкие прозрачные перелески. Если бы Эми была жива, кто-нибудь натолкнулся бы на нее. Если бы она погибла, природа выдала бы нам ее тело. Это суровая правда, резкая, как вкус лимона. Вернувшись в штаб волонтеров, я понял, что остальные придерживаются такого же мнения. В воздухе витали апатия и пораженческие настроения. Я бездумно прошагал к коробке с печеньем и попытался съесть хоть штучку. Датский кекс. Должен заметить, что нет еды, вгоняющей меня в большую тоску, чем датский кекс. Такое впечатление, что он черствеет, едва покидает духовку.

— А я уверен, что она в реке, — говорил один доброволец другому, ковыряясь в груде кексов грязными пальцами. — Река сразу за его домом, проще не придумаешь.

— Да в воде уже всплыла бы.

— Не всплывет, если труп расчленить. Руки отдельно, ноги отдельно… Тогда течение потащит по дну до самого моря. Уж до Таники точно дотащит.

Я успел отвернуться, прежде чем они меня заметили.

У карточного столика сидел мой бывший учитель мистер Коулмен. Он прижимал к уху телефонную трубку, что-то записывая на листе бумаги. Когда я попался на глаза, он указал пальцем вначале на ухо, а потом на телефон. Вчера Коулмен приветствовал меня словами: «А мою внучку сбил пьяный водитель, вот так». Мы что-то неловко бормотали и вяло похлопывали друг друга по плечам.

Подал голос мой мобильный — я никак не мог придумать, куда бы его спрятать, и поэтому постоянно носил с собой. Это мне перезванивали, но я не мог сейчас говорить. Сбросив вызов, я огляделся по сторонам, желая удостовериться, что Эллиоты меня не видели. Мэрибет что-то читала на экране своего «Блэкберри», держа его на расстоянии вытянутой руки по причине старческой дальнозоркости. Увидела меня и стремительно зашагала навстречу, неся «Блэкберри» перед собой, словно защитный амулет.

— Сколько ехать отсюда до Мемфиса? — спросила она.

— Чуть меньше пяти часов. А что в Мемфисе?

— Хилари Хэнди живет сейчас в Мемфисе. Та, что преследовала Эми еще в школе. Это совпадение?

Я не знал, что ответить. И правда, что?

— Джилпин от меня просто отмахивается. Говорит, они не могут расследовать случившееся больше двадцати лет назад. Вот скотина! Умеет доводить до белого каления. Ранду отвечает, а меня игнорирует, будто я бесполезный придаток своего мужа, козявка без права голоса. Вот скотина!

— Город сдался, Мэрибет, — ответил я. — Наверняка у полиции не хватает бюджетных средств.

— Ладно, тогда мы сами будем искать. Эта девочка копировала нашу дочку в школе. Я знаю, она и после учебы досаждала Эми. Эми мне говорила.

— А мне не рассказывала никогда.

— Сколько стоит дорога туда? Долларов пятьдесят? Отлично. Ты съездишь? Ты же говорил, что сможешь поехать. Прошу тебя. Пока кто-то с ней не поговорит, я не успокоюсь.

Я знал, что это правда. Ее дочь вот так же стра-

дала от навязчивых идей. Эми могла весь вечер переживать, не оставила ли она плиту включенной, хотя в этот день мы ничего не готовили. А дверь заперли? Ты точно помнишь? Она была мастерица делать из мухи слона. Если мы всегда закрывали дверь, то теперь непременно забыли, и кто-нибудь проник, сидит и поджидает слабую женщину, чтобы изнасиловать и убить.

Я покрылся липким потом. В конце концов фобии моей жены принесли плоды. Это какое жуткое удовлетворение должен испытывать тот, чьи многолетние страхи оказались небеспочвенны.

— Конечно съезжу. И заодно загляну в Сент-Луис, повидаю того парня, Дези. Считайте, что я уже в пути.

Развернувшись, я демонстративно пошел к выходу, но не успел сделать и двадцати шагов, как увидел заспанную физиономию Стакса.

— Слышь, копы вчера обшарили «Риверуэй молл». — Он поскреб щетинистый подбородок.

В другой руке Стакс держал ненадкусанный пончик в глазури. Брючный карман выпирал вперед. Я даже хотел сострить: «У тебя там еще один пончик, или ты…»

— Слышал. Никого не нашли.

— Вчера. Эти ослы пошли вчера днем. — Стакс пригнулся и огляделся, как будто опасаясь, что подслушают. Придвинулся ко мне поближе. — Надо идти ночью. Ночью они на месте. А днем уходят к реке или выставляют транспаранты.

— Транспаранты?

— Ну, знаешь, сидят у шоссе под плакатиками: «Остановитесь. Помогите, пожалуйста. Нужны деньги. Или пиво. Что угодно», — объяснил он, осматривая зал. — Вот такие у них транспаранты, чувак.

— Понятно.

— А ночью возвращаются в «Риверуэй молл».

— Так давай проведаем их вечерком, — предложил я. — И возьмем с собой кого-нибудь.

— Хиллсемы, Джо и Майк, — заявил Стакс. — Они подходят.

Братья Хиллсем — старше меня года на три-четыре — всегда считались городскими задирами. Из тех ребят, которые рождаются бесстрашными и презирают боль. Эти качки все лето мотались туда-сюда на коротких мускулистых ногах, играли в бейсбол, пили пиво, иногда удивляли совсем странными выходками, вроде катания на роликовой доске в сточной канаве или залезания в голом виде на водонапорную башню. Повстречаешь их

субботним вечером, смело можно сказать: что-то произойдет. Не обязательно что-то хорошее, но скучать точно не придется. Конечно, Хиллсемы подходили как нельзя лучше.

— Хорошо, — кивнул я. — Нынче же вечером и сходим.

В кармане снова зазвонил телефон. Вот ведь доставучий какой.

— Ты что, не ответишь? — спросил Стакс.

— Нет.

— Чувак, надо отвечать на все звонки. Нет, кроме шуток.

До конца дня никаких поисков больше не планировалось. Делать было совершенно нечего. Телефон молчал. Мэрибет начала отправлять волонтеров домой — они только нервировали, бесцельно толпясь вокруг. Стакс тоже ушел, не иначе набив карманы бесплатной едой со стола.

— Детективы что-нибудь говорили? — спросил Ранд.

— Ничего, — одновременно ответили мы с Мэрибет.

— Может, оно к лучшему? — спросил тесть с надеждой во взгляде.

Мы с Мэрибет закивали — да, конечно.

— Когда ты едешь в Мемфис? — повернулась

она ко мне.

— Завтра. Сегодня мы с друзьями хотим еще раз обыскать «Риверуэй молл». Нам кажется, что вчера полиция сделала не все возможное.

— Великолепно! — воскликнула Мэрибет. — Нам нужны решительные действия. Если покажется, что полиция не сделала что-то хорошо с первого раза, выполним ее работу сами. Потому что… мне не слишком нравится все, что сделано копами до сих пор.

Ранд положил ладонь на плечо жены, давая мне понять, что эти слова он слышал уже не раз.

— Ник, я хочу поехать с тобой, — сказал он. — Сегодня. Пожалуйста.

На Ранде была бирюзовая тенниска и широкие брюки оливкового цвета, волосы облегали голову, словно какой-то шлем. Я представил, как он будет общаться с братьями Хиллсем, корча из себя рубаху-парня: «Эй, ребята, я не дурак хлебнуть хорошего пивка, кстати, за какую команду вы болеете?» — и приуныл, предчувствуя крайне неловкую ситуацию.

— Конечно, Ранд, конечно.

В моем распоряжении оказалось добрых десять часов свободного времени. Автомобиль мне вернули — надо думать, после тщательного изучения

и снятия отпечатков пальцев. За ним я подъехал к полицейскому управлению с пожилой волонтеркой из тех суетливых бабушек; похоже, она нервничала, оставшись наедине со мной.

— Я подброшу мистера Данна до участка, но вернусь через полчаса, — демонстративно предупредила она подругу. — Полчаса, не больше.

Джилпин не обратил внимания на вторую загадку, оставленную Эми. Его слишком беспокоило обнаруженное в колледже нижнее белье. Я уселся в машину, оставив двери открытыми, и, пока жара с улицы постепенно заполняла салон, перечитал записку со вторым ключом.

Представь себе, что брежу я тобой.
Туман покрыл грядущее с судьбой.
Сюда привел меня ты, чтобы поболтать,
О детстве в кепке с козырьком повспоминать.
Все остальные за чертой отныне,
Целуй меня, как будто встретились впервые.

Вне всяких сомнений, речь шла о Ганнибале, городе, где прошло детство Марка Твена, городе, где я мальчишкой бродил по улицам, как Гек

Финн, — в соломенной шляпе и нарочно порванных штанах, призывая туристов заглянуть в магазин мороженого. Об этом я любил рассказывать в Нью-Йорке, в компании за ланчем, и никто из знакомых не мог вставить обычное: «О, так ведь и я когда-то…»

Упоминание кепки с козырьком давно стало нашей внутренней шуткой. Когда я впервые рассказывал Эми, что изображал Гека Финна, мы за обедом начали вторую бутылку вина. Подвыпившая Эми выглядела восхитительно: радостная улыбка и раскрасневшиеся щеки. Впрочем, как и всегда во хмелю. Наклоняясь через столик, будто я притягивал ее как магнит, она спросила, сохранилась ли у меня кепка с козырьком и ношу ли я ее? Я удивился, поинтересовавшись, с чего она взяла, будто Гекльберри Финн ходил в кепке с козырьком. Она отхлебнула из бокала и ответила: «О! Я имела в виду соломенную шляпу!» Таким тоном, как будто речь шла о синонимах. С тех пор всякий раз, наблюдая соревнования по теннису, мы указывали на козырьки игроков и называли их классными соломенными шляпами.

Я удивился, узнав, что Эми выбрала следующим местом Ганнибал. Никак не припомню, хорошо или плохо мы проводили там время. Просто

провели, и все. Почти год назад прогуливались по улицам, читали плакаты, время от времени высказываясь: «А вот это интересно». Тогда второй из нас отвечал: «Да-да...» До того я успел съездить туда без Эми — все моя проклятая всепоглощающая ностальгия — и провел отличный день, испытывая радость и умиротворение. Но с Эми все было немного по-другому, пресно, как-то механически. И я слегка тушевался. Помню, как на улице начал рассказывать дурацкую историю о своих детских приключениях и вдруг увидел в ее глазах равнодушие. Я минут десять молча злился, накручивая себя. В браке такое поведение вошло в привычку, едва ли не доставляло удовольствие. Как грызть ногти — знаешь, что нельзя, стыдишься, но не можешь остановиться. Само собой, внешне мой гнев не проявился никак. Мы продолжали гулять, читали таблички и показывали пальцем.

Итак, жена выбрала Ганнибал в качестве одного из мест для поиска сокровищ. Прозрачный и обидный намек на то, что Эми испытывала недостаток в добрых воспоминаниях о том времени, что прожила со мной на Среднем Западе.

За двадцать минут добравшись до Ганнибала, я миновал здание из Позолоченного века (теперь в

подвале бывшего суда хранят куриные окорочка) и двинулся дальше, в сторону реки, мимо давно канувших в прошлое учреждений: обанкротившихся коммерческих банков и почивших в бозе кинотеатров. Припарковался на берегу Миссисипи, прямо напротив речного судна «Марк Твен», на бесплатной стоянке. (Вот уж никогда раньше не думал, что способен радоваться бесплатной стоянке!). Флаги с изображением светлокудрого гения обвисли на фонарных столбах, рекламные плакаты покоробились от жары. Стояло самое пекло — середина дня, но даже для этого времени Ганнибал казался пугающе тихим. Оставив автомобиль, я пошел вдоль ряда сувенирных магазинчиков — стеганые одеяла, антиквариат и ириски, — рассматривая объявления о срочной продаже. Дом Бекки Тэтчер закрыли на реставрацию, за которую собирались заплатить еще не собранными с благотворителей деньгами. За десять долларов любой желающий мог написать свое имя на заборе, покрашенном лично Томом Сойером, только никто сюда не спешил.

Я присел на крыльце у закрытого магазина. Неожиданно подумалось, что я привел Эми к концу всего. Мы в буквальном смысле переживаем закат человечества. Прежде я так размышлял лишь

о папуасах Новой Гвинеи и аппалачских стеклодувах. Кризис прикончил «Риверуэй молл». Компьютеры убили типографию «Синяя тетрадь». Карфаген обанкротился. Его брат Ганнибал постепенно сдает позиции, уступая более ярким и шумным туристическим центрам. Мою любимую реку Миссисипи поедают азиатские карпы, поднимающиеся против течения к озеру Мичиган. Закончилась «Удивительная Эми». Прервалась моя карьера. Пришел срок моему отцу, маме. Пришел конец нашему браку. Конец Эми.

Призрачный рев пароходной сирены донесся с реки. Рубашка на спине пропиталась потом. Я заставил себя подняться, купить билет на экскурсию и прошел тем же маршрутом, что и в прошлый раз. Я шел, и Эми шагала рядом — в моем воображении, конечно. Разум пылал, как и окружавший воздух. «Ты ВЕЛИКОЛЕПЕН». В этот миг воображаемая Эми улыбнулась. В животе заворочался липкий ком.

Седовласая пара остановилась посмотреть на дом Гекльберри Финна, но не торопилась входить. В конце квартала двойник Марка Твена — седая грива, белый костюм — выбрался из «форда-фокуса», постоял, озирая пустынную улицу, и нырнул в пиццерию. После мы подошли к до-

щатому домику, который раньше принадлежал отцу Сэмюела Клеменса. Вывеска гласила: «Дж. М. Клеменс, мировой судья».

«Целуй меня, как будто встретились впервые». На этот раз, Эми, ты составляешь простые и понятные загадки. Как будто искренне желаешь, чтобы я их разгадал и порадовался этому. Продолжай в том же духе, и я побью свой личный рекорд.

Внутри было безлюдно. Я опустился коленями на пыльные половицы и заглянул под первую скамью. Оставляя загадки в общественных местах, Эми всегда прикрепляла их снизу к предметам мебели, засовывала под пыльную обивку. Это она объясняла тем, что люди в большинстве своем не любят заглядывать под мебель. Ничего не обнаружив под первой скамьей, я заметил уголок конверта, торчащий из-под следующей. Перебрался туда и вытянул голубоватый конверт, заклеенный полоской скотча.

> Привет, любимый муж! Ты нашел! Ты великолепен. Возможно, помогло то, что в этом году я не заставляю тебя при поиске сокровищ погружаться в мои личные воспоминания.
>
> Я отталкивалась от цитаты из твоего

любимого Марка Твена: «Что сделать с человеком, который придумал праздновать юбилеи? Смертная казнь — слишком мягкое наказание».

Наконец-то я поняла то, о чем ты твердил мне из года в год. Охота за сокровищами должна стать праздником для нас, а не экзаменом — помнишь ли ты, о чем я думала или говорила весь год? Ты скажешь, что взрослая женщина могла бы догадаться сама, но… Очевидно, для того и нужны мужья. Указывать на то, чего мы не видим в себе. Не видим, даже пять лет прожив в браке.

Хочу воспользоваться случаем, чтобы в этом краю, где прошло детство твоего любимого Марка Твена, поблагодарить тебя за ЧУВСТВО ЮМОРА. Ты и правда самый остроумный и веселый мужчина на свете. Мой мозг хранит поразительные воспоминания. Сколько раз ты наклонялся к моему уху и шептал что-то, пытаясь рассмешить. Прямо сейчас, когда я пишу эти строки, я ощущаю твое дыхание, щекочущее мою мочку. Попытки рассмешить жену — как это мило и благородно.

Ты всегда выбирал наилучшие моменты. Помнишь, как Инсли и ее муж, дрессированная обезьянка, затащили нас к себе, чтобы похвастаться малышом? Мы явились с визитом в их совершенный, пропахший цветами и сдобой дом ради ланча и знакомства с наследником. Они были такие самодовольные, такие снисходительные к нашей бездетности. Показывали своего мальца, измазанного слюнями, морковным пюре и даже как будто какашками, голого, если не считать нагрудничка и вязаных носков. Я потягивала апельсиновый сок, а ты наклонился и шепнул на ухо: «Вечерком я тоже так оденусь». Я чуть не захлебнулась. Это был один из тех моментов, когда ты меня спасал, заставляя рассмеяться. «Маслина там, правда, только одна, но все-таки…» Так что позволь напомнить: Ты ОСТРОУМНЫЙ. А теперь поцелуй свою женушку!

У меня сперло дыхание. Эми воспользовалась охотой за сокровищами, чтобы восстановить наши отношения. Увы, слишком поздно. Она,

когда писала эти ключи, понятия не имела о том, что у меня на уме. Ах, Эми, почему ты не сделала этого раньше?

Мы ничего не делаем вовремя.

Я открыл следующую загадку, прочитал и сунул в карман, а потом вернулся к машине. Знал, куда нужно отправиться, но пока не был готов найти еще один комплимент, еще один добрый посыл от жены, еще одну оливковую ветвь мира. Мои чувства к ней слишком быстро изменялись от горечи к сладости.

Заехав к Го домой, я просидел там несколько часов, попивая кофе и переключая каналы телевизора. Озабоченный и раздраженный, я убивал время до одиннадцати вечера — мы договорились в этот час отправиться в «Риверуэй молл». Сестра вернулась после семи. В одиночку хлопоча в «Баре», изрядно утомилась. Перехватив ее взгляд, брошенный на телевизор, я понял намек и выключил.

— Ну и чем ты сегодня занимался? — спросила она, зажигая сигарету и усаживаясь за старый карточный столик нашей мамы.

— Торчал в штабе с волонтерами, а ночью, в одиннадцать, мы пойдем обыскивать «Риверуэй молл».

Не хотелось рассказывать о ключах Эми. Я и без того чувствовал себя виноватым.

Го начала выкладывать пасьянс, громко, не иначе в укор, шлепая картами о стол. Я вскочил, зашагал по комнате, но она словно и не замечала меня.

— Телик я смотрел, просто чтобы отвлечься!

— Знаю. — Она перевернула валета.

— Я должен быть там, где могу чем-то помочь, — заявил я, гордо расхаживая по гостиной.

— Через несколько часов ты обыщешь «Риверуэй молл», — произнесла Го без всякого одобрения и перевернула три карты.

— Так говоришь, будто ты считаешь это пустой затеей.

— Ну что ты. Надо все проверить. Сына Сэма ведь арестовали благодаря чеку за парковку тачки.

Го — третья, кто напомнил мне об этом маньяке. Повторяют прямо как мантру, от которой пробирает озноб. Я сел рядом с ней.

— Я был несправедлив к Эми. И я это понял.

— А может, и нет. — Наконец-то она подняла взгляд на меня. — Ты себя ведешь как-то странно.

— Видно, вместо того, чтобы паниковать, я

сосредоточился на злости на нее, — возразил я. — В последнее время наши отношения не были безоблачными. То есть не получается достаточно сильно бояться за нее, потому что я как бы не имею на это права. Мне так кажется.

— Нет, правда, ты странно себя ведешь, — сказала Го. — Но тут сама ситуация странная. — Она затушила сигарету. — Не важно, как ты держишься со мной, но с остальными будь осторожнее. Люди склонны к скоропалительным выводам.

Она хотела вернуться к пасьянсу, но я не собирался ее так просто отпускать. Мне требовалось ее внимание.

— Придется мне папу в приюте навестить. Как думаешь, стоит ему сказать об Эми?

— Не надо. Он еще более странно относится к Эми, чем ты.

— Я всегда подозревал, что она напоминает ему бывшую подружку или еще кого-нибудь потерянного. После того как он стал… — я потряс рукой, изображая проявления болезни Альцгеймера, — грубым и несносным, это сказывается.

— Ага, но в то же самое время он старался произвести на нее впечатление. Типичный двенадцатилетний сопляк в теле шестидесятивосьмилетнего засранца.

— А разве женщины не считают, что все мужчины в душе двенадцатилетние сопляки?

— Это если душа на месте.

В восемь минут двенадцатого Ранд ждал нас у раздвижных дверей гостиницы и напряженно вглядывался в темноту. Мы со Стаксом сидели в кузове пикапа Хиллсемов. Тесть, одетый в шорты цвета хаки и футболку с эмблемой Миддлбери-колледжа, подбежал трусцой, запрыгнул к нам и уселся на колесный колпак с поразительной непринужденностью, как если бы участвовал в телешоу на правах ведущего.

— Ранд, я правда очень сочувствую Эми, — выкрикнул Стакс, когда мы с излишней, на мой взгляд, скоростью промчались мимо припаркованных машин и выскочили на шоссе. — Она такая милая. Я дом на жаре красил, аж жо… аж попа в мыле, а она увидела, съездила в «Севен-элевен», купила огромадную бутыль лимонада. Подала мне ее прямо на лестницу.

Я слушал его бессовестное вранье. Эми мало волновал Стакс и его попа, она не подала бы ему даже кружку с мочой.

— Да, это похоже на нее, — согласился Ранд, а во мне вновь вскипела ненужная, совсем неблагородная злость.

Может, это взыграл журналист? Факты всегда должны оставаться фактами. Не стоит превращать Эми во всеобщую любимицу только потому, что так подсказывает жалость.

— Миддлбери? Ого! — продолжал Стакс. — Да там просто обалденные регбисты.

— А то! — кивнул Ранд, улыбаясь во весь рот.

После этого они со Стаксом с головой ушли в обсуждение тонкостей регби, забыв о ревущем двигателе, ночной духоте и «Риверуэе».

Джо Хиллсем притормозил рядом с огромным угловым «Мервинсом». Мы выскочили и, разминая ноги, хорошенько осмотрелись. Ночь выдалась жаркой и лунной. Я обратил внимание, что Стакс вырядился (может, шутки ради, а может, и нет) в футболку с надписью «Экономь газ. Пукай в баллон».

— Значит, так, — начал Майк Хиллсем. — Это место ни хера не безопасное, врать не буду.

Он, как и его брат, за минувшие годы заматерел: не только грудь бочкообразная, а сам настоящая бочка. Плечом к плечу они составляли без малого пятьсот фунтов мощи.

— Мы сюда только один раз заехали, — добавил Джо. — Просто хотели взглянуть, во что превратилась фабрика. Так нам чуть жопы не оторвали

и в руки не всунули. Поэтому сейчас мы решили подстраховаться.

Он вытащил из автомобиля продолговатую холщовую сумку и, расстегнув змейку, показал нам полдюжины бейсбольных бит. Торжественно выдал нам по одной. Когда пришла очередь Ранда, Джо замялся:

— Э-э-э… вы уверены?

— О черт! — ответил мой тесть. — Конечно возьму!

Все сразу закивали, сверкнули улыбки. Настроение поднялось, как от дружеского хлопка по плечу. «А от тебя есть прок, папаша!»

— За мной! — скомандовал Майк, ведя нас вдоль фасада. — Где-то тут, рядом со «Спенсером», есть дверь со сломанным замком.

Сразу после его слов мы миновали мрачные окна «Шу-би-ду-би», где моя мама проработала полжизни. Я все еще помню волнение, с каким она собиралась устраиваться в одно из самых удивительных заведений города — в «Риверуэй молл»! В то субботнее утро сорокалетняя женщина, надев персикового цвета брючный костюм, впервые отправилась на биржу труда с неуверенной улыбкой. «Я и вообразить не могла, что в „Риверуэе“ так много разных магазинов!

И поди угадай, в каком из них я буду работать? Обратилась самое малое в девять! В магазины готовой одежды и музыкальной аппаратуры, даже туда, где делают попкорн». Через неделю мама торжественно заявила, что ее берут в штат на должность продавца обуви. Но нас, ее детей, эта новость не окрылила.

— Трогать вонючие ноги… — проворчала Го.

— Нет, знакомиться с интересными людьми, — возразила матушка.

Я заглянул в мрачное окно. Пустота. Лишь брошенные сандалии для примерки обуви вдоль стен.

— Моя мама здесь работала, — сказал я Ранду, невольно задерживая его.

— И?..

— Хорошо. Ей нравилось.

— Я в смысле, чем она занималась?

— А! Обувь. Продавала обувь.

— Замечательно! Обувь. Здорово. Это то, в чем люди всегда нуждаются. В конце дня можно со спокойной душой сказать: я продал людям пять пар обуви. Не то что книжки писать, верно?

— Эй, Данн, сюда! — позвал Стакс, придерживая открытую дверь.

Остальные уже вошли внутрь.

Я все гадал, как будет пахнуть внутри «Риверуэя». Раньше работали кондиционеры. Сейчас же я вдыхал запахи сырой земли и травы, как во дворе, а вовсе не как в помещении. Духотища, будто лег на матрас и накрылся периной. Трое из нас захватили мощные фонари с неестественным, режущим глаза светом. Казалось, мы попали в безжизненный мир — после апокалипсиса, после падения кометы, после зомби-эпидемии. Грязные колеса магазинных тележек разрисовали безумными петлями белое покрытие пола. Енот хрустел собачьим кормом у входа в женский туалет. Его глаза блестели, как новые десятицентовые монетки.

В молле царила тишина. Голос Майка отражался эхом от стен, наши шаги отражались эхом от стен, пьяное хихиканье Стакса отражалось эхом от стен. Вряд ли нам удастся застичь кого-то врасплох, как было задумано.

В центральном коридоре «Риверуэя» потолок терялся в вышине — четыре этажа, эскалаторы, лифты уходили в непроницаемую черноту.

— Итак, парни, — с сомнением протянул Ранд, — что будем делать? Вы все знаете это место, а я — нет. Нужно подумать, как систематически…

Позади громко лязгнуло, поднялась решетка.

— Ага! — заорал Стакс. — Один есть!

Лучом фонаря он выхватил из темноты мужчину в развевающемся дождевике, выбежавшего из бутика «Клэр» и рванувшего прочь по коридору.

— Хватай его! — выкрикнул Джо и припустил вдогонку, тяжело топая кроссовками по керамической плитке.

Майк не отставал, удерживая незнакомца в ярком свете.

Братья яростно голосили:

— Стой, чувак! Эй, ты! Спросить хотим!

Мужчина даже не повернулся.

— А ну стоять, гад!

Сохраняя молчание, беглец прибавил скорости. Он летел по коридору «Риверуэя», то возникая в пятне света, то вырываясь из него, а дождевик вился позади подобно знамени. Внезапно незнакомец совершил поистине акробатический трюк: перепрыгнул через урну, оттолкнулся ногами от ограждения фонтана, скользнул на спине в щель под металлическими воротами и исчез.

— Ах ты, сука! — Хиллсемы раскраснелись — лица, шеи, руки как при апоплектическом ударе.

По очереди они пытались приподнять ворота, напрягались изо всех сил, но тщетно.

Я силился им помочь, но все равно щель оставалась не больше половины фута в высоту. Опустившись на пол, я попробовал протиснуться под воротами — вначале ступни, потом колени, но бедра застряли напрочь.

— Нет, не получится! — выдохнул я. — Мать его так!

Вытащив фонарик, я посветил под дверь. Выставочный зал пустовал, за исключением кучи вешалок, которые кто-то свалил посредине, словно намереваясь разводить костер.

— Тут из каждого магазина есть дверь в служебный коридор — трубы там водопроводные, выход к мусорке. Этот чувак небось уже на другом конце центра.

— Выходите, суки! — заорал Джо, запрокинув голову и выпучив глаза.

Его рев раскатился по зданию. Дальше мы пошли гурьбой, держа бейсбольные биты на изготовку. А Хиллсемы, словно вообразив себя разведдозором в зоне военных действий, лупили битами по воротам и дверям.

— Лучше сами выходите. Если найдем — хуже будет! — голосил Майк. — О, привет!

На площадке перед зоомагазином, разостлав несколько армейских одеял, лежали мужчина

и женщина. Их волосы блестели от пота. Майк навис над ними, громко дыша и вытирая лоб. Картина напомнила мне типичную сцену из кино, когда озлобленные солдаты-завоеватели набредают на мирную деревню и случается страшное.

— Какого хера вам надо? — спросил мужчина.

Он был истощен, лицо такое худое, вытянутое, что казалось оплавленным. Спутанные волосы до плеч, скорбь в глядящих вверх глазах — падший Иисус, да и только. Женщина выглядела получше — чистые полные руки и ноги, жидкие волосы грязны, но хотя бы расчесаны.

— Пацан, ты из «Синей тетрадки»? — спросил Стакс.

— Какой я тебе пацан? — пробормотал мужчина, складывая руки на груди.

— Повежливее, бля! — буркнула женщина, потом плаксиво сморщилась и отвернулась, делая вид, будто рассматривает что-то вдалеке. — Как достали эти грубияны!

— Чувак, мы вопрос задали. — Майк подошел ближе и пнул мужчину по ноге.

— Я не из «Синей тетрадки», — ответил тот. — Просто жизнь не сложилась.

— Чё за херня?

— Тут куча разного народу, кроме синяков. Но

если вам понадобились они…

— То идите и найдите, — процедила женщина. — Да попробуйте им похамить.

— Они в Дыре приторговывают, — сказал мужчина, а когда мы удивленно переглянулись, пояснил: — В «Мервинсе», в дальнем конце, где карусель была.

— И хрен собачий вам в помощь, — напутствовала женщина.

Место, где раньше стояла карусель, отмечал густо накрашенный круг. Незадолго до закрытия «Риверуэй молл» мы с Эми катались на нем. Двое взрослых людей уселись верхом на зайцев. Это моей жене приспичило увидеть «Риверуэй», где я в детстве провел столько времени, и послушать мои рассказы. Не все у нас было плохо, как ни крути.

Решетка на входе в «Мервинс» была выломана, двери гостеприимно распахнуты, как на распродаже в Президентский день. Все оборудование давно вынесли, за исключением тумб, на которых когда-то стояли кассовые аппараты. Сейчас под плакатами «Ювелирные украшения», «Салон красоты», «Постельные принадлежности» валялись люди — с дюжину. Каждый более или менее под кайфом. Их освещали походные лампы,

мерцавшие, как факелы. Кое-кто, услышав нас, приоткрыл глаза, другие лежали неподвижно. В дальнем углу два парня, едва-едва вышедшие из подросткового возраста, самозабвенно декламировали «Геттисбергскую речь»: «Теперь мы ведем великую Гражданскую войну…» На коврике лежал мужчина в чистых белых шортах и кроссовках, как будто вышел поиграть в ти-бол с детьми. Ранд посмотрел на него так пристально, будто встретил старого знакомого.

Да, Карфаген погряз в наркомании глубже, чем я полагал. Только вчера копы устраивали здесь облаву, и вот уже наркоши слетелись обратно, как мухи на дерьмо. Пока мы пробирались через эти отбросы человеческого общества, подъехала на электроскутере толстуха с влажным от пота прыщавым лицом и зубами как у кошки.

— Или покупайте, или уходите, — сказала она. — Потому что мы ничего не скажем и не покажем.

Стакс направил фонарь ей в лицо.

— Убери эту херовину на хрен.

— Я ищу свою жену, — начал я. — Эми Данн. Она пропала еще в четверг.

— Она вернется. Очухается и придет домой.

— Дело не в наркотиках, — возразил я. — Мы

беспокоимся из-за некоторых ваших людей. Ходят разные слухи.

— Все в порядке, Мелани, — раздался голос.

На краю секции подростковой одежды, прислонясь к манекену, стоял мужчина и с кривой улыбкой наблюдал за нами.

Толстуха пожала плечами, сердито зыркнула и укатила.

Не сводя с нас глаз, мужчина крикнул в дальний конец секции одежды, где из раздевалок торчали четыре пары ног. Кое-то предпочитал ночевать в отдельных номерах.

— Эй, Лонни! Эй, парни! Опять эти жопы заявились. Их тут пятеро. — Он пнул в нашу сторону пустую банку из-под пива.

Три пары ног позади него задвигались, а одна оставалась неподвижной, — видно, ее владелец крепко спал или был под кайфом.

— Да, мать вашу, мы заявились! — подтвердил Майк Хиллсем. Он взял биту как бильярдный кий и с силой ткнул манекену прямо между пластмассовыми грудями. Парни из «Синей книги» торжественно проследили за падением куклы, как зрители на хорошо отрепетированном представлении. — Нам нужны сведения о пропавшей девчонке.

Трое наркоманов из примерочных кабинок присоединились к своему другу. Одевались они в футболки с надписями «Пи фи тай дай» и «Острова́ Фиджи». Местное отделение благотворительного фонда «Гудвил» с наступлением лета просто не знало, куда их девать, — выпускники колледжей избавлялись от поношенных «сувениров».

Все мужчины выглядели сильными — мускулистые и жилистые, руки перевиты голубоватыми венами. Последним появился Лонни, парень с вислыми усами и волосами, собранными в конский хвост. Одетый в тенниску «Гамма фи», он прихватил длинный обрезок трубы. Перед нами предстала охрана молла.

— В чем дело? — спросил Лонни.

— Но в более широком смысле мы не можем посвящать, мы не можем благословлять, мы не можем почитать эту землю… — нараспев декламировали юнцы, едва не срываясь на крик.

— Мы разыскиваем Эми Данн, — ответил Джо Хиллсем. — Вы могли видеть ее в новостях. Она пропала еще в четверг. Красивая добрая женщина похищена из собственного дома.

— Я слышал об этом. И что? — сказал Лонни.

— Это моя жена, — вмешался я.

— Мы знаем, чем вы тут занимаетесь. Вы,

которые тут собираетесь, — продолжал Джо, обращаясь к одному Лонни, который потряхивал конским хвостом, выпятив челюсть. Расплывшаяся зеленая татуировка покрывала его пальцы. — Слышали про групповое изнасилование.

Я покосился на Ранда, проверить, в порядке ли он, но мой тесть не отрывал глаз от поваленного манекена.

— Херассе! — воскликнул Лонни, резко запрокидывая голову. — Мать вашу! Нас назвали бандой насильников!

— Вы же из «Синей тетрадки», — пояснил Джо.

— Парни из «Синей тетрадки» — это прежде всего команда, — фыркнул Лонни. — Но мы не звери, слышь, ты, жопа с ушами! Мы не похищаем женщин. Нам никто не хочет помогать, вот и распускают говенные слухи. Типа, видите, они не заслуживают помощи, это просто банда насильников. Херня это все. Я бы давно убрался из этого гребаного городишки, если бы получил расчет как положено. Но мне не дали ни цента. Никому не заплатили. Вот и приходится здесь торчать.

— Мы дадим вам денег, — вмешался я. — Нормально заплатим, если поможете найти Эми. Вы же многих тут знаете. Может, что-то слышали.

Я достал ее фотографию, чем явно удивил Хилл-

семов и Стакса. Ну конечно, вдруг осознал я, ведь для них это всего-навсего приключение, мужская забава. Шагнув к Лонни, я протянул ему фото, надеясь, что он взглянет хотя бы мельком. Но вместо этого он наклонился ближе, пробормотав:

— Вот дерьмо… Она?

— Вы ее узнали?

— Она хотела купить ствол, — растерянно сказал он.

Эми Эллиот-Данн

16 октября 2010 года.
Страницы дневника.

С праздником меня! Уже целый месяц я в штате Миссури, и все идет к тому, что я стану настоящей жительницей Среднего Запада. Да, я забыла все привычки Восточного побережья и заработала медаль за тридцатидневный стаж (по местным обычаям она должна быть из картофеля). Я учусь, я уважаю здешние обычаи. Я Маргарет Мид с гребаной Миссисипи.

Давайте посмотрим, что у меня нового. В настоящее время мы с Ником погрязли в проблеме, которую назвали Загадкой Часов с Кукушкой. Семейная реликвия, бережно хранимая моими родителями, в новом доме выглядит смешно. Но, с другой стороны, все наши нью-йоркские вещи не избежали этой участи. Благородный мастодонт «Честерфилд» со своим детенышем — оттоманкой стоит в гостиной и выглядит обалдевшим, как будто в него выстрелили снотворным и вывезли из естественной среды обитания, а проснулся он в окружении незнакомых новых предметов — гор-

батых ковровых дорожек, пластика под дерево и девственно-гладких стен. Я припоминаю наш старый дом — трещины и царапины, накопившиеся за десятилетия. (Небольшая пауза, чтобы привести в порядок чувства.) Но и новый весьма неплох. Просто он другой. Хотя часы со мной не согласны. Кукушке тоже нелегко приспосабливаться к новому жилью. Птица выскакивает, словно пьяная, запаздывая минут на десять. А вчера на семнадцать. А позавчера — на все сорок. Она испускает предсмертный вопль — ку-кру-у-у! — и всякий раз Бликер бежит прятаться: шерсть дыбом, хвост трубой. Найдя убежище, он смотрит на часы и возмущенно мяукает.

— Ой-ей-ей, — вздыхает Ник при этом. — Похоже, твои родители меня здорово ненавидят. — Но держит себя в руках и не предлагает избавиться от ненужного хлама.

Мне тоже ужасно хочется выкинуть часы ко всем чертям. Я-то безработная, дома весь день и постоянно жду очередного дикого вопля за спиной. Испытываю облегчение (она еще живая!) и злость (она еще живая!), когда птица орет.

Много суеты вокруг часов устроили гости в новоселье («Ты только погляди — антикварные часы!»), на котором настояла Морин Данн.

Хотя, если быть точным, она не настаивала. Мама Мо никогда не настаивает. Она просто делает идеи реальностью, будучи убеждена, что так и надо. В первое же утро после нашего переезда появилась на пороге с омлетом по-домашнему и упаковкой туалетной бумаги (нелучшая рекомендация омлету) и упомянула о новоселье так, как если бы оно было свершившимся фактом.

— Ну и когда же вы собираетесь праздновать новоселье? Уже подумали, кого я должна пригласить на ваше новоселье? Хотите традиционное новоселье или что-то вроде вечеринки в баре? Традиционное всегда лучше.

Поэтому мы назначили день, и этот день настал. Семья Данн и их друзья с преувеличенной старательностью стряхивают октябрьскую морось с зонтиков и тщательно вытирают ноги у дверей о коврик, который нам утром принесла Морин. На нем надпись: «Все, кто приходит к нам, — друзья». Он куплен в «Костко». За четыре недели, прожитые на берегах Миссисипи, я узнала многое о покупательских привычках местных жителей. Республиканцы идут в «Сэмс-клаб», демократы — в «Костко». Но те и те покупают очень много, потому что здесь тебе не Манхэттен, здесь в домах очень много места. Достаточно, чтобы

поставить две дюжины банок огурцов в маринаде. И (опять же не Манхэттен) они съедают все двадцать четыре банки огурцов в маринаде. Ни одна вечеринка не обходится без «лентяйки Сьюзен», дешевой пластмассовой менажницы, с горой пикулей и банки, из которой надо пальцами вылавливать испанские маслины.

Теперь я опишу место действия. Это один из тех ароматных дней, когда люди приносят запах дождя с улицы на рукавах плащей и на волосах.

Подруги Морин, тетеньки в летах, тащат всякие вкусности в пластиковых контейнерах, спокойно переносящих посудомоечную машину, — их меня потом попросят вернуть. Попросят, попросят, попросят… Сейчас-то я знаю, что контейнеры должны быть вымыты и развезены по домам, но тогда не догадывалась о таком обычае. Спокойно отправила всю пластмассу во вторсырье; пришлось идти и покупать новые. Лучшая подруга Морин, Вики, тут же заметила, что ее контейнер новехонький, и потребовала объяснений. После моего чистосердечного признания выпучила глаза от изумления: «Так вот чем они занимаются в своем Нью-Йорке!»

Итак, новоселье. Давние подруги Морин по Ассоциации родителей и учителей, по «Шу-би-

ду-би» в торговом центре, где она по сорок часов в неделю натягивала обувь на пятки женщинам всех возрастов. Она могла определить размер и полноту, едва взглянув на ногу: «Восьмой размер, узкая!» Все подруги Мо без ума от Ника и готовы пересказывать замечательные поступки, совершенные им в те годы.

Женщины помоложе — кандидаты в подруги Эми. У них обесцвеченные волосы и спортивные стрижки, у всех на ногах босоножки. Это дочери подруг Морин, они, как одна, без ума от Ника и готовы пересказывать замечательные поступки, совершенные им в те годы. Большинство из них потеряли работу при закрытии «Риверуэя», или их мужья стали безработными из-за «Риверуэя». Поэтому они делятся со мной рецептами «дешевой и полезной еды», которая обычно представляет собой здоровенную кастрюлю варева из консервированного супа, масла и чипсов.

Мужчины восхитительно-тихие и вежливые. Беседуют о спорте и доброжелательно мне улыбаются.

В общем, все хороши. Настолько хороши, насколько это доступно человеку. Морин, в последней стадии рака, представляет меня своим друзьям, как если бы знакомила их с домашней

зверюшкой:

— Это Эми, жена Ника. Она родилась и выросла в Нью-Йорке. В городе.

И ее друзья, здороваясь, немедленно впадают в нечто вроде синдрома Туретта. Повторяют, пожимая руку: «О Нью-Йорк! Город!» Или: «Должно быть, это здорово!» Или сладким голоском нараспев: «Нью-Йорк, Нью-Йорк» — и раскачиваются, будто изображают джаз-хэнд. Одна из подруг Морин по обувному магазину, Бэрб, неожиданно выдала, растягивая слова: «Нью-у-у-Йо-орк-Сити! Надо вздернуть!» Когда я в замешательстве захлопала глазами, она пояснила: «Это из старой рекламы сальсы!» А увидев, что я все-таки не оценила шутку, она покраснела и накрыла мою ладонь своей: «Честное слово, я не собираюсь тебя вешать».

Но наконец смешки утихли, и тут-то каждый признался, что никогда не бывал в Нью-Йорке. Или был всего разок и особо об этом не задумывался. Поэтому я отвечаю: «Вам бы понравилось», или «Нью-Йорк не каждому подходит», или просто «Мм…», когда заканчиваются все слова.

— Эми, будь дружелюбнее, — шепчет Ник мне на ухо, когда мы в кухне разливаем напитки (жители Среднего Запада обожают содовую в

двухлитровых бутылках, и мы наполняем ею большие красные пластмассовые стаканы «Соло»).

— Стараюсь же, — ною я.

Мне это даже обидно слышать — если спросить любого в нашей гостиной, дружелюбна ли я, ни один не посмеет возразить.

Иногда мне кажется, что Ник придумал меня. С тех пор как мы перебрались сюда, я напрочь забыла о ночных девичниках и благотворительных вечеринках, а вместо этого готовлю тушеные овощи для его папы и участвую в продаже лотерейных билетов. Я отдала последние сбережения, чтобы Ник и Го могли купить бар, о котором мечтали; я даже вложила чек в открытку в виде пивной кружки, а Ник — бурные аплодисменты! — лишь сухо поблагодарил. Даже не знаю, что я должна делать. Но я стараюсь.

Мы приносим газировку, однако теперь мне еще труднее улыбаться и смеяться, видеть радость и веселье, спрашивать гостей, чего они еще хотят, расхваливать принесенный салат «Амброзия», крабовый соус или дольки пикулей, завернутые в сливочный сыр и еще в салями.

Отец Ника пришел с Го. Они молча стоят на пороге. Билл Данн, жилистый, все еще краси-

вый, несмотря на маленький пластырь на лбу, готичный мужчина Среднего Запада. И мрачная Го, с заколотыми волосами, на отца старается не смотреть.

— Ник, — заявляет Билл Данн, пожимая сыну руку, а потом шагает вперед и хмуро глядит на меня.

Го вцепляется в Ника, оттаскивает его в сторону и шепчет:

— Понятия не имею, почему он такой смурной. Может, не с той ноги встал, а может, потому, что по жизни мудак. Хрен его разберет.

— Ладно-ладно. Я за ним пригляжу.

Го раздраженно пожимает плечами.

— Я не шучу, — говорит мой муж. — Иди выпей пива и отдохни. Снимаю тебя на час с дежурства по папе.

Будь на ее месте я, Ник, наверное, сказал бы, что я чересчур изнежена.

Тетки в летах продолжают виться вокруг меня и трещать без умолку. По их словам, Морин всегда утверждала, будто мы с Ником идеальная пара. Спору нет, мы просто созданы друг для друга.

Я понимаю, что болтушки исходят из лучших побуждений. С тех пор как мы поженились, я бесконечно слышу эти разговоры. Брак — труд-

ная работа, требующая уступок, чем дальше, тем тяжелее. И тем больше компромиссов нужно находить. «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Торжественная помолвка в Нью-Йорке — разогретые вином и разговорами гости вели себя так, будто принимали нас в какой-то закрытый клуб женатиков. Советы градом сыпались на наши головы. Например, Бинкс Мориарти, восьмидесятилетняя мать лучшей подруги моей мамочки, перехватила меня у бара, проревев, как сирена «скорой помощи»:

— Эми, я должна поговорить с тобой!

Она крутила перстни на шишковатых пальцах — проворот со скрипом. Внезапно погладила мою руку (представьте, как древняя перечница щупает холодными клешнями вашу нежную теплую кожу), а потом поведала, что ее последний муж, умерший в шестьдесят три года, «не мог удержать в штанах свою игрушку». Бинкс произнесла это с ухмылкой в затянутых катарактой зенках: мол, я на краю могилы, а потому имею право говорить о таких вещах.

— Вот не мог, и все тут, — сообщила старушенция, не выпуская из смертельно холодных пальцев мою руку. — Но он никого из них не любил так, как меня. Я это знаю, и ты знай.

Мораль этой истории такова: мистер Бинкс, конечно, бабник и изменщик, но брак состоит из сплошных компромиссов.

Я при первой возможности улизнула от нее, а потом бродила в толпе гостей, стараясь не смотреть на одинаковые морщинистые лица, не ловить опустошенные, разочарованные взгляды людей, переваливших за середину жизни. Среди них хватало успевших поддать, кое-кто танцевал под музыку времен своей юности, пробуждая воспоминания о провинциальных танцплощадках. У окна я остановилась глотнуть свежего воздуха, и тут чьи-то пальцы сжали мой локоть. Мама Ника, с большими черными глазами и лицом мопса. Засовывая в рот кусочек козьего сыра и крекер, Морин ухитрилась проговорить:

— Это не такое простое дело — навечно соединить с кем-то свою жизнь. Но я рада, что вам с Ником это удалось. Вы молодцы. Парень встретил девушку, а девушка — парня. Но все же будут и дни, о которых придется вспоминать с горечью. И лучше, конечно, если это будут дни, а не месяцы.

Наверное, я выглядела потрясенной — а я в самом деле была потрясена, — поскольку она быстро добавила:

— Но у вас обязательно будут и славные денеч-

ки. Я в этом совершенно уверена. Много-много отличных дней. Ой… Прости меня, лапочка, за такие слова. Я всего лишь глупая разведенка. Ох, мама дорогая, я, кажется, выпила слишком много вина… — Она наспех попрощалась и убежала.

— Ты чего это здесь? — вдруг проговорил Билл Данн, обращаясь непосредственно ко мне. — Почему? Тебе здесь быть не надо.

— Я Эми, — говорю, дотрагиваясь до его руки, чтобы привести в чувство.

Биллу я всегда нравилась. Наверное, он даже не мог придумать повода, чтобы заговорить со мной, однако я догадывалась, что нравлюсь ему, по тому, как он на меня смотрел. Точно на диковинную птицу. А сейчас он хмурился и выпячивал грудь, напоминая карикатуру на молодого матроса-задиру. В нескольких шагах от нас Го поставила еду на стол и приготовилась подойти к нам на цыпочках, будто хочет прихлопнуть муху.

— Откуда ты взялась в нашем доме? — цедит Билл Данн, кривя губы. — Кое-кто тебе тут не рад.

— Ник! — зовет Го негромко, но требовательно.

— Я здесь, — сообщает мой муж, появляясь из толпы. — Эй, папа, это моя жена Эми. Ты помнишь Эми? Мы вернулись на родину, чтобы чаще

видеться с вами. А это наш новый дом.

Ник сверкает в мою сторону глазами. Ведь это я настояла, чтобы пригласить его отца.

— Ник, я всего лишь хочу сказать, — Билл Данн тычет указательным пальцем прямо мне в лицо, и несколько мужчин медленно приближаются, готовые прийти на помощь, — что ей здесь не место. Сучка думает, будто может делать все, что захочет.

— Что ты, Билл, — вмешивается Мо, с присущим ей энтузиазмом обнимая бывшего мужа. — Здесь ей самое место. Это ее дом. Она жена нашего сына. Разве ты забыл?

— Я хочу ее выгнать. Понимаешь, Морин? — Он пожимает плечами и снова надвигается на меня. — Тупая сука. Тупая сука!

Неясно, кого он имеет в виду — меня или свекровь, но, если подумать, смотрит-то он на меня. И еще как злобно смотрит!

— Ей здесь не место!

— Я уйду, — отвечаю я и шагаю в двери, прямо под дождь.

«Устами жертв болезни Альцгеймера, — думаю я при этом, — глаголет истина».

Я бесцельно брожу по округе, ожидая, когда же появится Ник и поведет меня обратно, в наш дом.

Моросит дождь, я уже промокла. Но все еще верю, что Ник придет за мной. Поворачиваюсь к дому и вижу лишь закрытую дверь.

Ник Данн

Спустя четыре дня.

В пять часов утра я и Ранд сидели в пустой штаб-квартире волонтеров, пили кофе и ждали копов, которые должны были опросить Лонни.

Эми пристально смотрела на нас с плаката на стене. Сейчас ее лицо казалось несчастным.

— Никак не возьму в толк, почему она ничего не сказала тебе, если кого-то боялась, — заявил Ранд. — Почему молчала?

В Валентинов день Эми приехала в «Риверуэй молл», чтобы купить пистолет. Так утверждал наш новоприобретенный приятель Лонни. Она слегка нервничала и волновалась. «Может быть, я говорю глупости… но я и вправду считаю, что мне нужно огнестрельное оружие». Очень важно, что выглядела она, по словам Лонни, испуганной. Ее кое-кто пугает, так она сказала, не вдаваясь в подробности. Когда же Лонни спросил, какое именно оружие требуется, Эми ответила: «То, что сразу останавливает». Он предложил прийти через несколько дней, и моя жена это сделала. Однако Лонни не смог достать оружие («Это не

моя поляна, чувак») и теперь жалел об этом. Эми хорошо запомнилась ему, и даже спустя несколько месяцев он размышлял, где сейчас эта привлекательная женщина с испуганным лицом, решившая купить ствол в День святого Валентина, и что с ней?

— Кого она может бояться? — спросил Ранд.

— Расскажите еще о Дези, — ответил я. — Вы встречались с ним?

— Да, он приходил к нам в гости несколько раз, — наморщил лоб, вспоминая, тесть. — Симпатичный юноша. Очень заботился об Эми, ухаживал за ней, как за принцессой. Но мне он не нравился. Даже когда у них были прекрасные отношения — юная любовь, первая любовь Эми, — он мне не нравился. Он был со мной необъяснимо груб. Не отлипал от Эми, все время обнимал ее. И мне показалось странным, очень странным, что он не хочет понравиться нам. Каждый молодой человек хочет понравиться родителям своей девушки.

— Я хотел…

— И ты понравился! — Ранд улыбнулся. — Ты слегка нервничал, но в целом производил приятное впечатление. А Дези всегда вызывал что-то похожее на отвращение.

— Дези живет меньше чем в часе езды отсюда.

— Верно. А Хилари Хэнди? — Он потер глаза. — Не хочу казаться женоненавистником, но, похоже, она опаснее, чем Дези. И кстати, этот парень, Лонни из молла, не сказал, что Эми боится мужчины.

— Да, она просто говорила, что боится, — рассуждал я. — Есть еще одна женщина, она живет неподалеку от нас. Ноэль Хоторн сказала полиции, что они с Эми были лучшими подругами. Но я точно знаю, что это неправда. Они не были даже просто подругами. Ее муж рассказывал, что у нее случилась истерика. Она плакала и рассматривала фотографии Эми. Тогда я подумал, что это снимки из Интернета, но… А что, если это обычные фото Эми? Вдруг Ноэль Хоторн ее преследовала?

— Она хотела поговорить со мной вчера, когда я был немного занят, — сообщил Ранд. — Цитировала «Удивительную Эми». «Удивительную Эми и войну лучших друзей», если быть точным. «Лучшие друзья — это люди, которые знают нас лучше других».

— Похоже на Хилари, — пробормотал я. — Только взрослую.

Мы встретились с Бони и Джилпином чуть поз-

же семи утра в закусочной «АйХОП» у обочины шоссе, чтобы поговорить начистоту. Смешно сказать, мы выполняли работу полиции. Это же охренеть можно — мы продвинули следствие вперед. Неужели пора звонить в ФБР, поскольку местная полиция явно не справляется со своими обязанностями?

Упитанная официантка с янтарными глазами приняла наш заказ, налила кофе и, явно узнав меня, оставалась в пределах слышимости, пока Джилпин не послал ее подальше. Она смахивала на прилипчивую муху, ловко расставив приборы на столе и с волшебной быстротой принеся заказ. Из-за такого специфического сервиса наш разговор велся урывками.

— Это невозможно!

— Нет, кофе достаточно.

— Невероятно…

— Мм… Безусловно, ржаные восхитительны.

Но прежде чем мы закончили завтрак, Бони взяла разговор в свои руки:

— Я все понимаю, парни. Это естественное желание — чувствовать себя сопричастными. Но вы ввязались в опасное приключение. Следовало предупредить нас.

— Дело в том, что вы очень вяло ведете рассле-

дование, — сказал я. — Почему не смогли добыть информацию об огнестрельном оружии? Что вам болтал Лонни?

— То же, что и вам, — ответил Джилпин. — Эми хотела купить пистолет и выглядела напуганной.

— Но вам как будто не кажется, что это довольно важные сведения, — сурово упрекнул я. — Решили, что он врет?

— Нет, мы не думаем, что он врет, — сказала Бони. — У парня нет никаких причин избегать внимания полиции. И похоже, ваша жена произвела на него сильное впечатление. Он долго размышлял, что же с ней приключилось. Запомнил много подробностей. Знаете, Ник, Лонни сказал, что на ней в тот день был зеленый шарф. Не зимний теплый шарф, а такой модный шарфик. — Детектив помахала кистью, дескать, мода — ребячество, недостойное внимания серьезных людей. — Зеленый, как изумруд. Ни о чем не говорит?

— У нее есть такой, — кивнул я. — Обычно она носит его с голубыми джинсами.

— И брошка на куртке — золотая буква «Э»?

— Да.

Бони пожала плечами, словно говоря: «Ну, это

многое объясняет».

— А вы не допускаете, что он, под впечатлением от Эми, похитил ее ради выкупа? — спросил я.

— У него алиби, несокрушимое как скала, — твердо заявила Бони, глядя на меня. — Сказать по правде, мы начали искать… другие мотивы.

— Более личные, — добавил Джилпин, с сомнением глядя на блинчики, увенчанные клубникой и комком взбитых сливок.

Потом он сдвинул сласти на край тарелки.

— Более личные? — переспросил я. — Значит ли это, что вы наконец-то собрались поговорить с Дези Коллингсом или Хилари Хэнди? Или это нужно сделать мне?

На самом деле я обещал Мэрибет заняться этим сегодня же.

— Конечно поговорим, — кивнула Бони голосом девочки, которая дает слово приставучей маме, что будет лучше. — Мы сомневаемся, что это продвинет следствие, но обязательно поговорим.

— Ладно. Круто. Спасибо, что делаете свою работу. А как насчет Ноэль Хоторн? Если хотите найти кого-то поблизости от нашего дома, то она живет в нашем пригороде. И кажется, немного двинулась на Эми.

— Знаю. Ноэль Хоторн обратилась к нам. Она в

нашем списке, — кивнул Джилпин. — Сегодня же поговорим с ней.

— Ну хорошо. А что еще вы делаете?

— Ник, сейчас мы просим, чтобы вы позволили порыться в вашем мозгу, — сказала Бони. — Мужья часто не осознают всего, что им известно. И подумайте вот о каком факте. Ваша соседка миссис Теверер случайно слышала ваш с Эми разговор в ночь перед исчезновением.

Ранд резко повернулся ко мне.

Джен Теверер, набожная домохозяйка, больше не смотрит мне в глаза.

— Нет дыма без огня? — спросила Бони с невинным выражением лица. — Я знаю, вам нелегко это слышать, мистер Эллиот, но, возможно, Эми связалась с какими-то отбросами общества. В городе хватает мелких наркодилеров. Возможно, ей угрожали — вот и понадобилось огнестрельное оружие. Для самозащиты. Должна же быть причина, по которой женщина пытается купить пистолет и ничего не говорит мужу. И еще мы хотим, Ник, чтобы вы хорошенько подумали и вспомнили все же, где вы были с одиннадцати вечера — с момента ссоры, с того времени, когда кто-либо слышал голос Эми в последний раз.

— Кроме меня?

— Кроме вас. И до полудня, когда вы появились в баре. Если передвигались по городу, ездили на берег реки, бродили возле гавани, кто-то должен был вас видеть. Может, вы не знаете этого человека. Может, кто-то выгуливал собаку. Если хотите помочь нам, то это будет очень…

— Полезно, — закончил Джилпин и наколол клубнику на вилку.

Оба внимательно, но добродушно смотрели на меня.

— Это будет чрезвычайно полезно, Ник, — повторил Джилпин еще любезнее.

Вот тут-то я и догадался, что полицейские имеют какие-то козыри против меня. В первый раз я услышал от них о ссоре. И это было сказано при Ранде, хоть и самым невинным тоном.

— Даже не вопрос, — ответил я.

— Не хотите рассказывать о вашей ссоре? — спросила Бони. — Почему?

— А разве миссис Теверер не доложила?

— Зачем мне слушать ее, если я могу обратиться непосредственно к вам? — Детектив плеснула сливки в кофе.

— То был пустой спор, — начал я. — Именно поэтому я о нем даже не упоминал. Иногда люди, пожив вместе, пересматривают свои отноше-

ния…

Ранд глянул на меня так, словно не понимал, о чем идет речь. «Пересматривают? Что еще за пересмотр? О чем ты говоришь?»

— Мы поспорили из-за праздничного ужина, — продолжал заливать я. — Не могли договориться, что нам приготовить на юбилей. Видите ли, Эми склонна придерживаться стойких традиций…

— Омары! — перебил меня Ранд, обращаясь к копам. — Каждый год Эми варит для Ника омаров!

— Верно. Но в этом городе невозможно достать живых омаров, из аквариума. Поэтому Эми расстроилась. Я предложил ресторан «Хьюстон».

— А мне казалось, ты упоминал, что не заказывал столик в «Хьюстоне»… — нахмурился тесть.

— Ну да, точно. Перепутал, извините. Я имел в виду, что предложил заказать столик в «Хьюстоне». Но на самом деле должен был заказать омаров, чтобы нам их доставили самолетом.

У детективов брови полезли на лоб. Мои слова звучали совсем фантастически.

— В общем, из-за этого мы и поцапались. Это не ссора даже, а фигня, такое в любой семье бывает. — Я надкусил блинчик, ощущая, как пылает шея. — Уже через час смеялись.

— Фух! — только и сказала Бони.

— А как ваш поиск сокровищ? — поинтересовался Джилпин.

Встав, я нашел в кармане немного денег. Сейчас просто заплачу и уйду. Я не дам повода думать, что оправдываюсь.

— Да никак. Пока не решил. Трудно сосредоточиться в такой кутерьме.

— Ладно, — согласился Джилпин. — Вероятность того, что охота наведет нас на нужный след, невелика, учитывая, что несколько месяцев назад Эми уже беспокоилась о своей безопасности. Но в любом случае держите меня в курсе, хорошо?

Мы вышли под палящее солнце. Когда мы с Рандом усаживались в автомобиль, Бони вдруг спросила:

— Эй, Ник, а у Эми все еще второй?

Я непонимающе нахмурился.

— Размер второй? — пояснила она.

— Думаю, да, — ответил я. — Конечно второй.

Бони скривилась, будто хотела сказать «хм», и села в свою машину.

— К чему это она? — спросил Ранд.

— Второй размер? Да кто ее знает.

Бóльшую часть пути к гостинице мы молчали. Ранд не отрываясь смотрел в окно на мигающие

рекламой кафе быстрого питания, а я размышлял о лжи — о моей лжи. Пришлось покружить, чтобы найти свободное место на парковке около «Дэйза», Похоже, съезд Ассоциации аутсорсинговых бухгалтеров был гвоздем сезона.

— А знаешь, — проговорил тесть, берясь за ручку автомобильной дверцы, — это даже забавно, насколько я провинциален, хоть и прожил в Нью-Йорке всю жизнь. Когда Эми сообщила, что вы перебираетесь на берега Миссисипи, я представлял зеленый край: фермы, яблоневые сады, большие красные амбары. А теперь вынужден признать, что здесь одно убожество. — Он рассмеялся. — В этом городе я не смог найти ничего красивого. За исключением моей дочери.

Он выбрался из автомобиля и быстро зашагал к гостинице. Я даже не пытался догонять. Зашел в штаб несколькими минутами позже и устроился в укромном месте, за столом в задней части зала. Нужно закончить охоту за сокровищами до того, как иссякнут подсказки, выяснить, куда Эми хотела меня привести. Посижу здесь какое-то время и возьмусь за третий ключ. А пока можно позвонить.

— Да, — ответил нетерпеливый голос.

Где-то неподалеку плакал ребенок. Я услышал,

как женщина сдула волосы с лица.

— Добрый день, это Хилари Хэнди?

Она отключилась. Я снова набрал номер.

— Слушаю.

— Добрый день. Кажется, нас разъединили.

— Почему бы вам не убрать этот номер из вашего списка?

— Хилари, я ничего не продаю. Я хочу поговорить об Эми Данн. То есть Эми Эллиот.

Тишина. Малыш снова взвизгнул. Похожий на мяуканье звук — то ли веселится ребенок, то ли собирается зареветь.

— Что с ней?

— Может, вы видели в новостях — она пропала. Это случилось пятого июля при внушающих тревогу обстоятельствах.

— О, мне так жаль…

— Я Ник Данн, муж. Обзваниваю ее старых друзей.

— Ну и?..

— Хочу спросить, не общались ли вы с ней? Недавно?

Хилари выдохнула в трубку. Три глубоких выдоха подряд.

— Это из-за тех глупостей в школе?

Где-то в отдалении капризно закричал ребе-

нок:

— Ма-ама! Иди ко мне-е-е!

— Одну минутку, Джек, — ответила она в сторону, а потом обратилась ко мне раскаленным докрасна голосом: — Вы… поэтому мне звоните? Черт возьми, двадцать лет уже прошло! Даже больше.

— Я знаю, знаю. Погодите, я только хочу спросить. Я был бы последним подонком, если бы не спросил…

— Гребаный Иисус! Я сейчас мать троих детей! Я словом не перемолвилась с Эми после школы! Я отлично усвоила урок. Если увижу ее на улице, то перейду на другую сторону. — Малыш заплакал. — Уже бегу!

— Я только на секундочку, Хилари…

Она отключилась. И в тот же миг завибрировал мой мобильный. Я нажал на «отбой». Нет, эту назойливую вещицу надо спрятать куда подальше.

И тут я почувствовал, что рядом со мной кто-то есть. Женщина. Но я не обернулся, рассчитывая, что она уйдет.

— Нет еще и полудня, а вы так выглядите, будто вкалывали целый день. Бедный мальчик.

Шона Келли. Она завязала волосы в конский хвост, подобно малолетке с жевательной резин-

кой, и смотрела на меня, сочувственно вытянув намазанные блеском губы.

— Хотите попробовать мой пирог фрито? — В руках она держала форму для выпечки, опустив ее ниже груди, так что тонкая ткань блузки промокла от пара. Фраза звучала почти как в рок-клипе из восьмидесятых: «Хочешь попробовать мой пирожок?»

— Я хорошо позавтракал. Но все равно спасибо. Вы так добры.

Вместо того чтобы отправиться восвояси, она уселась. Выставила, наводя на размышления, до блеска намазанные лосьоном ноги из-под бирюзовой теннисной юбки и ткнула меня носком незапятнанного кеда «Треторн».

— Вы хоть высыпаетесь, дорогуша?

— Да, все нормально.

— Ник, вам нужно выспаться. Кому вы поможете, если измотаетесь до предела?

— Может, и вздремну часок-другой.

— Вздремните обязательно.

Внезапно во мне всколыхнулась щемящая волна благодарности. Словно вернулись забытые отношения мамы и сына.

Опасно! Берегись, Ник!

Я все ждал, когда же она уйдет. На нас уже

косились.

— Могу подвезти домой, — проговорила Шона. — Вам и правда необходимо поспать.

Она потянулась, чтобы тронуть меня за колено, и тем самым вызвала вспышку ярости. Оставь свою стряпню, кошелка приставучая, и проваливай!

Теперь вернулись отношения отца и сына. Тоже опасно.

— Почему бы вам не отметиться у Мэрибет? — резко проговорил я, указывая на тещу, которая не отходила от ксерокса, штампуя бесконечные копии портрета моей жены.

— Ладно! — Наконец-то она сообразила, что я почти в открытую пытаюсь от нее избавиться. — Раз так, не буду мешать. Надеюсь, вам понравится фрито.

Мое пренебрежение ее обидело — уходя, она даже не взглянула на меня. Развернулась и зашагала прочь. Мне тотчас же стало стыдно, как будто я отплатил злом за добро. «Не смей догонять эту женщину», — шепнул я себе.

— Есть новости? — Ко мне подошла Ноэль Хоторн и уселась на освободившийся стул.

Я знал, что она моложе Шоны, но выглядела соседка старше — расплывшаяся фигура и вислая

грудь. Хмурое выражение лица.

— Пожалуй что никаких.

— А вы, похоже, неплохо держитесь.

Я дернул головой, не зная, что и ответить.

— Вы хоть знаете, кто я?

— Конечно знаю. Ноэль Хоторн.

— Я лучшая подруга Эми в этом городе.

Либо Ноэль нравится купаться во всеобщем внимании, примазавшись к известности пропавшей соседки, либо она сумасшедшая. Надо было сказать это детективам. Возможно, похититель искал дружбы Эми, а когда та отказалась…

— Ноэль, у вас есть какие-нибудь сведения об Эми? — спросил я.

— Конечно есть, Ник. Она же моя лучшая подруга.

Несколько секунд мы смотрели глаза в глаза.

— Вы намерены поделиться информацией? — прервал молчание я.

— Следователи знают, где меня искать. Когда у них дойдут руки…

— Это было бы исключительно полезно, Ноэль. Я добьюсь, чтобы они поговорили с вами.

Она залилась румянцем — по яркому импрессионистскому пятну на каждой щеке.

А когда она отошла, со дна рассудка против мо-

ей воли поднялась свирепая мысль: «Женщины, вы все полоумные, мать вашу так. Все до одной».

Подобные мысли всегда приходят ко мне непрошеными. Не «кое-кто из женщин», не «многие женщины», а именно так — «женщины, вы все полоумные».

Когда окончательно смерклось, я поехал к пустующему дому моего отца. Загадка Эми лежала рядом, на пассажирском сиденье.

За то, что взял меня сюда, ты можешь ощущать вину.

И я, приходится признать, всех чувств, конечно, не пойму.

Хоть выбрать мы могли края отсюда вдалеке,

Решились ехать мы сюда, в наш город на реке.

Давай же приведем любовь в коричневый тот дом,

Давай порадуем «Гудвил», супруг мой дорогой.

Третья загадка показалась более сложной, чем предыдущие, но, вне всякого сомнения, решил я ее правильно. Эми приняла Карфаген, оконча-

тельно простив меня за переезд сюда.

«За то, что взял меня сюда, ты можешь ощущать вину…» Но: «Решились ехать мы сюда, в наш город на реке». А коричневый дом — это дом моего отца, который на самом деле был синим. Это была наша с Эми «внутренняя» шутка. Мне всегда нравились «внутренние» шутки — они позволяли чувствовать нашу сплоченность куда лучше, чем разговоры по душам или страстные занятия любовью. Маленький коричневый домик намекал на отца — моя выдумка, о которой никто в этом мире, кроме Эми, не знал. После развода родителей я видел отца так редко, что решил думать о нем как о персонаже книги. Как бы он мне не отец — человек, который любил бы меня, возился бы со мной. Просто доброжелательная и весьма влиятельная персона — мистер Браун, очень занятый какой-то важной и секретной деятельностью на благо Соединенных Штатов. И он иногда использовал меня в качестве прикрытия, чтобы свободно разгуливать по городу. Когда я рассказал о своей выдумке Эми, у нее на глазах выступили слезы, хотя я вовсе не рассчитывал на такой эффект, а вспоминал забавную историю из детства. Эми сказала, что теперь она — моя семья, что любит меня сильнее, чем десяток

дрянных отцов, что мы Данны и будем вместе. А потом шепнула на ухо: «У меня тоже найдется для тебя достойное задание, мой неподражаемый шпион».

Что же касается слов «давай порадуем „Гудвил“», то с ними связана другая история. Когда отца целиком поглотила болезнь Альцгеймера, мы решили продать его дом, а потому приехали в безлюдное жилище, чтобы разобрать старые памятные вещи. Эми, само собой, кружилась по дому, как дервиш, — давай разберем, давай поглядим, давай поищем. Я же исследовал отцовские пожитки с холодком. Для меня все они были загадкой. Например, кружка насыщенного кофейного цвета — наверняка его любимая. Подарок? Но чей тогда? Кто вручил ему эту кружку? Или сам купил? Трудно представить отца в магазине — для него шопинг всегда был страшнее кастрации. Но тщательное изучение его гардероба выявило пять пар обуви, новой и блестящей, в фабричных коробках. Может, самолично их приобретал, изображая из себя совсем другого, более общительного Билла Данна? Пришел в «Шу-би-ду-би», а мама и обслужила — она всех обслуживала с радостью. Конечно же, я не стал делиться этими мыслями с Эми. А она, глядя, как

я стою, привалясь к стене, и разглядываю обувь, наверняка лишний раз подумала, что я просто сачок.

— Коробка. «Гудвил», — сказала жена. — Туфли — туда. Понял?

Я, застигнутый врасплох, нагрубил ей, она ответила… В общем, все как всегда.

Однако следует добавить в защиту Эми, что она всегда дважды спрашивает, не хочу ли я обсудить то-то, уверен ли, что готов избавиться от того-то. Я иногда не придаю значения таким мелочам. Вот если бы она читала мои мысли, мне бы не пришлось тратить время на женское искусство словоизлияния. Временами и я, как и Эми, играю в эту дурацкую игру «пойми меня».

Об этом я тоже не сказал копам.

Ложь путем умолчания — в этом деле я мастер.

Около десяти вечера я притормозил у отцовского дома. Ничего так строение, небольшое, но аккуратное — в самый раз для тех, кто начинает самостоятельную жизнь. Ну, или заканчивает. Две спальни, две ванные, столовая и устаревшая, но вполне приличная кухня. Табличка «Продается» ржавела на переднем дворе. Вот уже год — и ни одного предложения.

За порогом меня объяли тепло и духота. Не-

дорогая охранная сигнализация, которую мы установили после третьего взлома, запищала, словно обратный отсчет мины с часовым механизмом. Я ввел код, который страшно разозлил Эми, поскольку он нарушал все требования, предъявляемые к кодам. Просто мой день рождения. 15-8-77.

«Неверный код». Я попробовал еще раз. «Неверный код». Струйки пота покатились по спине. Эми постоянно грозилась изменить код. Она утверждала, что это сущая глупость — пользоваться столь легко угадываемыми числами, но я догадывался об истинной причине. Ее бесило, что я использовал дату своего дня рождения, а не нашей свадьбы. В который раз я поставил свое «я» выше нашего «мы». Все мои добрые воспоминания об Эми испарились, будто их и не было. В нарастающей панике я тыкал пальцами в кнопки пульта, в то время как предупреждающий зуммер перешел в рев охранной сирены.

Вуо-о-оу-у-у! Вуо-о-оу-у-у! Вуо-о-оу-у-у!

Предполагалось, что сейчас должен прийти звонок на мой мобильный, и я отменю тревогу: «Это всего лишь я, полный болван». Но телефон молчал. Я ждал целую минуту, охваченный ужасом, как на торпедированном корабле в ба-

тальном кинофильме. Законсервированный жар запертого в июле дома душил меня. Рубашка на спине промокла. «Черт бы тебя побрал, Эми!» Я поискал на табличке у прибора сигнализации номер охранной фирмы и не нашел. Забрался на стул и давай с перепугу нажимать все подряд. Я уже почти отделил прибор от стены — оставались лишь провода, — как вдруг зазвонил мобильный. Злобный голос в трубке потребовал назвать кличку первого домашнего животного Эми.

Вуо-о-оу-у-у! Вуо-о-оу-у-у! Вуо-о-оу-у-у!

Совершенно неуместный голос — самодовольный, раздраженный, безучастный — и совсем уж неожиданный вопрос. Я не знал правильного ответа, а потому пришел в бешенство. Не важно, сколько загадок Эми я разгадал, но столкновение с очередной ее прихотью выбило меня из колеи.

— Послушайте! Я Ник Данн. Это дом моего отца. Я плачу вам за охрану! — закричал я в трубку. — И мне начхать, как звали первого зверя, которого держала моя жена!

Вуо-о-оу-у-у! Вуо-о-оу-у-у! Вуо-о-оу-у-у!

— Не говорите со мной в таком тоне, сэр.

— Послушайте! Я зашел на минутку в дом своего родного отца. Возьму кое-что и сейчас же уйду, хорошо?

— Я обязана немедленно уведомить полицию.

— Вы можете отключить распроклятую сирену, чтобы я мог собраться с мыслями?

Вуо-о-оу-у-у! Вуо-о-оу-у-у! Вуо-о-оу-у-у!

— Сирена выключена.

— Да ни хрена она не выключена!

— Сэр, я, кажется, просила вас не разговаривать со мной в таком тоне.

«Траханая сука!»

— Знаете что? Мать вашу, мать вашу, МАТЬ ВАШУ!!!

Я отключил телефон и тут же вспомнил кличку первого кота Эми. Его звали Стюарт.

Перезвонив, я попал на другого оператора, вполне вменяемого. Она отключила сирену и, благодарение богу, отменила вызов полиции. Сейчас у меня не было настроения объясняться с копами.

Усевшись на тонкий дешевый половик, я заставил себя глубоко дышать, чтобы смирить бешено колотящееся сердце. Через минуту расслабились плечевые мышцы, разжались челюсти и кулаки, а сердцебиение вернулось в нормальный ритм. Тогда я встал, намереваясь немедленно уехать, как будто этим мог наказать Эми, и тут же увидел на кухонном столе голубой конверт.

Я глубоко вдохнул, выдохнул и, открыв конверт, достал листок с нарисованным сердечком.

Привет, любимый.

Итак, у нас обоих есть то, над чем нам стоит поработать. В моем случае это перфекционизм, периодическая (хочется верить) убежденность в собственной правоте. А в твоем?

Я знаю, ты переживаешь оттого, что порой бываешь очень отстраненным, холодным, неспособным проявить любовь и заботу. Ладно. Здесь, в доме твоего отца, я хочу тебе сказать: ты не прав. Ты не похож на своего отца. Ты должен знать, что ты хороший, добрый, милый. Я корила тебя за неумение хотя бы изредка угадывать мои желания, за то, что ты не поступал так, как мне хотелось в тот или иной момент. Я корила тебя за то, что ты живой, настоящий человек. Пыталась управлять тобой вместо того, чтобы предоставить тебе самостоятельный выбор. Я лишала тебя права сомневаться и колебаться. Но сейчас не имеет значения, сколько ошибок мы с тобой совершили.

Важно лишь то, что ты меня любишь и желаешь мне счастья. Ведь каждой женщине этого должно быть достаточно, правда же? Я переживаю из-за того, что наговорила тебе много ерунды, а ты в нее поверил. Поэтому сейчас я хочу сказать: ТЫ ТЕПЛЫЙ, ты мое солнце.

Если бы Эми сопровождала меня, как и собиралась, в этой охоте за сокровищами, то сейчас она уткнулась бы лицом мне в шею, поцеловала, улыбнулась и сказала:

— Ты и сам знаешь. Ты мое солнце.

К горлу подступил комок. Я в последний раз обвел взглядом дом отца и шагнул за порог, вырываясь из удушливой жары. Уже в автомобиле достал записку с четвертой подсказкой. В любом случае охота близилась к концу.

Представь меня — я девочка плохая,

Ждет наказание меня, я знаю.

Запомнишь ты наш пятилетний юбилей,

Прости, коль разгадать загадки все сложней.

Так важно подобрать удачно время —

От полудня и где-то до коктейля.
Так мчись скорей с томлением в груди,
Дверь распахни — сюрпризы впереди.

Я не знал, что она имеет в виду, а потому ощутил, как кишки скручиваются в узел. Перечитал — никаких предположений. Эми больше не щадила меня. Но не могу же я бросить охоту на середине!

На меня накатила глухая тоска — что за отвратительный день? То Бони с ее подковырками, то эта придурковатая Ноэль, то липучка Шона, то обидчивая Хилари, то высокомерная сука из охранной компании. А жена просто добила меня. Пора заканчивать проклятый день. Сейчас я мог выдержать общество одной-единственной женщины.

Го хватило одного взгляда — пронзительного, обжигающего, как у отца. Она усадила меня на банкетку и заявила, что сейчас приготовит ужин. Через какие-то пять минут вернулась со стареньким столом-подносом в руках. Обычная пища Даннов: поджаренный сыр, домашние чипсы и пластмассовые чашки с…

— Это не «Кул-эйд», — сказала Го. — Пиво. «Кул-эйд» — это слишком старомодно.

— Так питательно! И так оригинально!

— Завтра будешь готовить сам.

— Надеюсь, тебе понравится суп из банки.

Она присела рядом со мной, стащила ломтик сыра с тарелки и спросила нарочито безмятежно:

— Как думаешь, зачем копы спрашивали меня, носит ли Эми до сих пор второй размер?

— Ни одной гребаной догадки.

— И тебя это не настораживает? Не похоже разве, что они нашли ее одежду или что-то типа того.

— Но тогда они позвали бы меня опознать одежду. Угу?

— Пожалуй, — подумав секунду, ответила она задумчиво. Посидела так, а потом, взглянув на меня, улыбнулась. — Я записала на кассету футбол. Будешь смотреть? Ты в порядке?

— Да, я в порядке.

Чувствовал я себя хуже некуда: в желудке жирный комок, в башке дикий сумбур. Возможно, дело в неразгаданном ключе, но вдруг мне показалось, что я совершил ужасную ошибку и исправить ее нельзя. Может, это совесть выцарапала ответ из тайника моей души?

Го поставила кассету и в течение десяти минут

говорила только об игре, не забывая прихлебывать пиво. Моя сестра никогда не любила жареный сыр, а потому сейчас намазывала соленые крекеры арахисовым маслом из банки. Когда пошла реклама, она сказала, стряхивая в мою сторону крошки от крекера:

— Был бы у меня член, я бы трахнула это арахисовое масло.

— Если бы у тебя был член, в мире случилось бы много неприятностей.

Она ускоренно перемотала скучную часть игры. «Кардз» отставали на пять очков. Когда началась очередная реклама, Го нажала на паузу и проговорила:

— Я сегодня позвонила, чтобы сменить тариф на мобильнике, а у оператора вместо гудков стояла песня Лайонела Ричи. Слышал когда-нибудь Лайонела Ричи? Мне нравится «Penny Lover», но у них там другая песня, не «Penny Love», ну да ладно. Звонок приняла женщина, сказала, что менеджеры по обслуживанию абонентов находятся в Батон-Руже. Мне показалось странным, что она разговаривает без акцента, но она ответила, что выросла в Новом Орлеане. Мол, не все об этом знают, но когда вы беседуете с жителями Нового Орлеана — новоорлеанцами, да? — то можете за-

метить, что они все говорят без акцента. В общем, она порекомендовала тариф…

Нас с Го всегда восхищала способность нашей мамы говорить ни о чем, излагать пустопорожние бытовые бесконечные истории, причем сестра считала, что мама делает это нарочно, чтобы поиздеваться над нами. И вот уже больше десяти лет каждый раз, когда у нас с Го возникает случайная пауза в разговоре, один из нас заводит волынку о ремонте бытовой техники и отоваривании купонов. При этом Го достигла в болтовне гораздо большего мастерства, чем я. Ее история может быть бессмысленной, бессвязной, тянуться так долго, что хоть на стенку лезь от злости, — а потом заканчиваться шуткой.

Го принялась грузить меня насчет света в холодильнике, не выказывая признаков усталости. Внезапно, охваченный сердечной признательностью, я наклонился и чмокнул ее в щеку.

— Это за что еще?

— А просто так. Спасибо.

Я почувствовал, как глаза наполняются слезами. Улучив секунду, смахнул их, в то время как Го продолжала болтать языком:

— Таким образом, мне была нужна мизинчиковая батарейка, а она, оказывается, сильно

отличается от транзисторной батарейки. Поэтому пришлось идти с квитанцией, чтобы мне батарейку заменили на транзисторную…

Записанный матч закончился. Картинка потухла. Заметив это, Го отключила звук телевизора.

— Хочешь еще поговорить или уже надоело? Все, что пожелаешь.

— Иди спать, Го. А я разберусь пока, чего же я больше хочу. Наверное, все-таки спать. Мне просто необходимо поспать.

— Дать тебе таблетку амбиена? — Моя сестра-близнец всегда предпочитала самые простые способы достижения цели. Зачем какая-то музыка-релакс или голоса китов, когда примешь пилюлю — и все, отрубился.

— Нет.

— Если вдруг надумаешь, он в аптечке. Когда-то наступает время для принудительного сна…

Она постояла немного, а потом в своей обычной манере шмыгнула через гостиную, не производя впечатления засыпающей на ходу, и закрыла за собой двери спальни. Сестра понимала, что сейчас самое лучшее — оставить меня в покое.

Слишком многим людям недоступен этот дар — почувствовать, когда нужно от тебя отвязаться. Обычно все любят поговорить, но я никогда не

был болтуном. Часто веду внутренний монолог, но слова не срываются с губ. Она неплохо сегодня выглядит, думаю я, но озвучить это нипочем не додумаюсь. Мама любила поговорить, и сестра тоже разговорчива. А я создан для того, чтобы слушать.

Сидя на диване, я чувствовал себя опустошенным. Полистал какой-то журнал, попереключал телевизионные каналы, пока не остановился на старом черно-белом фильме, где мужчины в фетровых шляпах черкали карандашом в блокноте, пока хорошенькая домохозяйка объясняла, что ее муж уехал во Фресно, после чего два копа переглянулись и многозначительно покивали. Вспомнив о Бони и Джилпине, я ощутил спазм в желудке.

Телефон в кармане пропищал мелодию из игры «Джекпот-мини», уведомляя, что получено СМС-сообщение. Оно гласило: «Я за дверью».

Эми Эллиот-Данн

28 апреля 2011 года.
Страницы дневника.

«Делай, что должен», — говорит мама Мо. И когда она произносит эту фразу, подчеркивая каждое слово, как будто речь идет о жизненно важном деле, предложение перестает быть просто набором слов, а становится чем-то по-настоящему важным. Ценным.

«Делай, что должен, — думаю я. — Точно!»

Вот что мне нравится на Среднем Западе. Люди не пытаются создавать себе лишние проблемы. Даже из смерти. Мама Мо будет делать что должна, пока рак не одолеет ее. А потом она умрет.

Поэтому я стараюсь не высовываться и в самой безнадежной ситуации искать наилучшие стороны. Искать в глубоком смысле, в самом буквальном смысле мамы Мо. Я вожу ее по врачам и на химиотерапию. Я меняю протухшую воду в вазе, в комнате, где живет отец Ника. Я угощаю печеньем персонал пансионата, после этого медсестры и санитары лучше ухаживают за Биллом.

Мой муж вырвал меня из привычного мира,

чтобы быть ближе к своим больным родителям. И вот теперь, похоже, он утратил ко мне всяческий интерес. Так же, кстати, как и к своим родителям.

От отца Ник отстранился полностью. Даже не произносит его имени. Я знаю: всякий раз, когда нам звонят из «Комфорт-Хилла», Ник надеется в душе, что ему сообщат о смерти отца. Что же касается Мо, то мой муж сводил свою маму на один сеанс химиотерапии и заявил, что больше выдержать такого не в силах.

Ник сказал, что ненавидит больницы, ненавидит больных, ненавидит время, которое тянется так медленно, ненавидит неторопливо падающие капли в капельнице. Он больше не может туда ходить. А когда я попыталась убедить его, укрепить его дух — делай, что должен, — он заявил, что теперь заниматься всем связанным с лечением мамы буду я. Вот так я и заступила на пост. Мама Мо, конечно, не обижается на Ника. Однажды, в то время как капельница медленно-медленно сливала лекарство в вену, мы смотрели романтическую комедию на моем ноуте, но больше болтали. Когда разбушевавшаяся героиня налетела на диван, Мо повернулась ко мне и сказала:

— Не стоит винить Ника, что он не в силах делать кое-какую работу. Я всегда любила его до безумия, баловала — да и как не баловать? Такое милое личико. Вот отчего моему сыну так тяжело в непростых ситуациях. Я на него не держу зла, честно.

— Но вам, наверное, неприятно, — заметила я.

— Нику не нужно доказывать свою любовь к матери, — ответила она, похлопывая меня по руке. — Я и без того знаю, что он любит меня.

Меня восхищает бескорыстная любовь Мо. Поэтому я не рассказываю ей, как нашла в компьютере Ника план книги о писателе, который возвращается из Манхэттена в родной штат Миссури, чтобы ухаживать за больными родителями. У Ника в компьютере вообще хранится много странноватых вещей, и я порой не могу удержаться, чтобы не сунуть хотя бы чуточку нос, — так мне легче догадываться, о чем думает мой муж. Заглянув последний раз в его файловую историю, я обнаружила фильмы в стиле нуар, веб-сайт журнала, где он когда-то работал, и материалы о Миссисипи — что-то насчет возможности доплыть отсюда до Мексиканского залива. Я знаю, что Ник мечтает спуститься по Миссисипи, подобно Геку Финну, и даже написал

об этом статью. Он любит смотреть на вещи под разными углами зрения.

Копаясь во всем этом хламе, я нашла синопсис.

> «Двойные жизни: истории начала и конца».
>
> Найдет особенный отклик у поколения X, у мужчин-мальчиков, только начинающих испытывать стрессы и нагрузки, с которыми сопряжен уход за престарелыми родителями. В «Двойных жизнях» я с особой пристальностью рассмотрю:
>
> — мое растущее понимание характера отца, человека неблагополучного, когда-то отдалившегося от меня;
>
> — мое нелегкое превращение из беззаботного молодого человека в главу семьи, в то время как моей любимой маме угрожает смерть;
>
> — возмущение моей жены, привыкшей к сказочной жизни на Манхэттене, из-за переезда в провинцию. Следует заметить, что моя жена Эми Эллиот-Данн является прототипом главной героини популярной книжной серии «Удивительная Эми».

Насколько я понимаю, дальше синопсиса дело не пошло. Во-первых, Ник осознал: ему ни за что не понять «некогда отдалившегося отца». Во-вторых, Ник увиливал от обязанностей главы семейства. И в-третьих, я никогда не проявляла особого недовольства по поводу смены места жительства. Да, слегка расстроилась вначале, но никакого возмущения. Много лет подряд мой муж расхваливал эмоциональную устойчивость людей Среднего Запада. Они неприхотливы, скромны, не живут напоказ. Но именно поэтому их судьбы не самый богатый материал для мемуаров. Представьте себе аннотацию на обложке: «Люди жили долго и добропорядочно, а потом умерли».

И еще… меня слегка укололо это «возмущение моей жены, привыкшей к сказочной жизни на Манхэттене». Может, я и в самом деле… слегка упряма. Я пытаюсь мыслить в духе Морин и переживаю насчет того, что мы с Ником не слишком-то подходим друг другу. Что он мог быть счастливым с женщиной, которая со всем пылом заботится о муже и истово ведет домашнее хозяйство, а мне-то уж точно не похвастаться соответствующими навыками. Но я очень хочу их приобрести. Я хочу заботиться о том, чтобы

у Ника никогда не заканчивалась его любимая зубная паста. Я знаю, что объем воротника его рубашек равен обхвату моей головы. Знаю, что я любящая женщина, наибольшее счастье для которой — сделать мужчину счастливым.

Я честно старалась следовать этим правилам в отношении Ника. Какое-то время. Но не хватает самоотверженности. Единственный ребенок, как постоянно пеняет Ник.

Все же я стараюсь. Постоянно помню, что, вернувшись в Карфаген, Ник окунулся в свое детство. Он рад вновь оказаться там, где прошли его юные годы. Он сбросил почти десять фунтов веса, поменял стрижку, купил новые джинсы и обалденно выглядит. Вот только вижу я его редко, когда он приходит и уходит, и всякий раз ему якобы недосуг. «Тебе не понравится» — вот обычный ответ, если я прошу Ника взять меня с собой, куда бы он ни шел. Подобно тому как он сбросил за борт, будто ненужный груз при аварии, своих родителей, он пытается сбросить и меня. Я не соответствую его новой жизни. Нику приходится работать, чтобы обеспечить мне минимальные удобства в этом городе, а на самом-то деле ему хочется просто жить в свое удовольствие.

Прекрати, прекрати это, Эми! Ты должна найти

светлую сторону в жизни. Ты должна извлечь образ мужа из темных-претемных мыслей и окунуть в сияющие, золотистые, бодрые. Ты должна еще чаще, чем привыкла, показывать ему обожание. И Ник ответит тем же.

Только очень жаль, что я не чувствую взаимности. Мой разум занят мыслями о Нике. Они гудят там, словно пчелиный рой: «Ник-Ник-Ник-Ник-Ник…» А когда я воображаю себя на его месте, мое имя звучит в его разуме, словно хрустальный колокольчик, раз или самое большее дважды в день, а потом быстро стихает. А я всего-то и хочу, чтобы он думал обо мне хотя бы столько, сколько я думаю о нем.

Разве это плохо? Уже и не знаю…

Ник Данн

Спустя четыре дня.

Там, в оранжевом свете уличного фонаря, стояла она. Энди. В тонком сарафане, с волосами, волнистыми от ночной сырости. Она кинулась через порог, протянув руки, чтобы обнять меня.

— Подожди, подожди! — зашипел я, закрывая двери, и тут же угодил в объятия.

Энди прижалась щекой к моей груди, а я закрыл глаза, ощущая под ладонями ее обнаженную спину. В душе кипела тошнотворная смесь облегчения и страха, как если бы, уняв зуд, вы вдруг поняли, что процарапали кожу до крови.

У меня есть любовница. Пришла пора признаться, что у меня есть любовница. Теперь можете от меня отвернуться. Это в том случае, если раньше я вызывал какую-то симпатию. У меня есть хорошенькая, молодая, очень молодая любовница. Зовут ее Энди.

Я знаю, что это плохо.

— Малыш, мать твою, почему не звонил? — спросила она, все еще прижимаясь ко мне.

— Я знаю, любимая, надо было. Но ты предста-

вить себе не можешь. Это какой-то кошмар. А как ты меня нашла?

— В твоем доме темно. — Энди крепче обняла меня. — Поэтому я решила искать тебя у Го.

Она знает мои привычки, знает, где меня искать. Мы встречаемся уже довольно долго.

У меня есть хорошенькая молодая любовница, и мы встречаемся уже довольно долго.

— Я волновалась о тебе, Ник. Ужасно. Представляешь, сижу у Мэди, смотрю телевизор, и вдруг с экрана парень, похожий на тебя, рассказывает, что у него пропала жена. А потом я понимаю: это же ты! Представляешь, в каком шоке я была? А ты даже позвонить не попытался.

— Я звонил.

— Ну да… «Ничего не говори, жди, пока мы не обсудим все». Ты командовал, а не пытался со мной поговорить.

— Мне не удавалось побыть одному. То родители Эми, то Го, то полиция. — Я вдохнул запах ее волос.

— Значит, Эми исчезла?

— Да, исчезла. — Вывернувшись из объятий Энди, я уселся на диван. Она опустилась рядом. Нога прижималась к моей, рука держала мою. — Кто-то ее похитил.

— Ник… ты в порядке?

Ее шоколадные волосы волнами падали на шею, ключицы, грудь. Один локон шевелился в такт дыханию.

— Нет, не очень… — Я приложил палец к губам и кивнул в сторону коридора. — Сестра.

Мы молча сидели рядом. В телевизоре мелькали черно-белые копы. Люди в фетровых шляпах кого-то арестовывали. Я чувствовал ее плечо. А потом Энди повернулась ко мне и, словно мы отдыхающая пара, пожелавшая вечером посмотреть кино, поцеловала меня.

— Нет, Энди, нет… — шепнул я.

— Да, Ник. Ты мне нужен. — Она снова поцеловала меня и забралась мне на колени, поерзала. Подол хлопкового сарафана задрался выше колен, одна из туфелек упала на пол. — Ник, я так волновалась. Я хочу почувствовать твои руки. Только об этом я и думаю. Мне страшно, Ник.

Энди всегда отличалась чувственностью. И это не иносказание, подразумевающее секс. Ей нравились прикосновения, поглаживания, она любила перебирать пальцами мои волосы, дружески почесывать спину. Прикосновения успокаивали и утешали ее. Ну и секс она тоже любила, само собой.

Одним рывком я спустил верх ее сарафана и положил ладонь ей на грудь. Проклятая похоть так и норовила возобладать над осторожностью.

«Я хочу тебя!» — Эти слова едва не вырвались.

«Ты теплый», — прошептал в ухо голос моей жены.

Я отшатнулся. Комната поплыла перед глазами.

— Ник? — Нижняя губа Энди блестела от моей слюны. — Что? Что-то не так? Это из-за Эми?

В Энди всегда бурлила молодость. Ну конечно, в двадцать три года почему бы не бурлить? Но я не скоро осознал, насколько юной была она в самом деле. Непростительно юной. Имя Эми на ее губах всегда коробило меня. А Энди любила поговорить об Эми, как будто моя жена — героиня мыльной оперы. Она не считала Эми соперницей, для нее та была персонажем. Энди очень часто расспрашивала меня о нашей жизни с Эми: «Чем вы занимались в Нью-Йорке? Что делали на выходных?»

Когда я однажды рассказал о наших посещениях оперы, у Энди округлился рот.

— Вы были в опере?! А что твоя надевала? Длинное платье? А пелерина или манто? А какие украшения? А прическа?

Кроме того, она расспрашивала о наших нью-йоркских друзьях. О чем мы говорили? На кого Эми была похожа? Правда, она похожа на девочку из книги? Удивительная, да? Вообще истории об Эми стали любимой сказкой на ночь для Энди.

— Милая, моя сестра в соседней комнате. Тебя не должно здесь быть, вообще-то. Господи! Я очень хочу тебя, но ты не должна была сюда приходить, детка. Пока не прояснится ситуация.

«ТЫ ВЕЛИКОЛЕПЕН. ТЫ ОСТРОУМНЫЙ. ТЫ ТЕПЛЫЙ. Целуй меня, как будто встретились впервые!»

Энди продолжала сидеть верхом на мне. Ее соски затвердели от прохладного воздуха из кондиционера.

— Малыш, для начала надо разобраться, в порядке ли мы с тобой. Это все, что мне нужно. — Она прижалась ко мне, теплая и пьянящая. — Это все, что мне нужно. Пожалуйста, Ник, я волнуюсь. Я знаю тебя — ты не хочешь ничего рассказывать, ну и ладно. Но ты нужен мне… Чтобы ты был со мной.

Я хотел поцеловать ее как в тот самый первый раз — наши зубы столкнулись, лицо прижалось к лицу, ее волосы щекотали мою руку, глубокий и влажный поцелуй с языком. Я думал только

о поцелуе, поскольку понимал: думать о чем-то еще опасно. Но как же хотелось! Схватить ее в охапку и утащить в спальню мне не позволяло не то чтобы ощущение неправильности поступка (сколько раз мы шли против общественных норм!), а понимание риска.

И еще Эми. Эми, чей голос я слышал полдесятка лет, теперь звучал у меня в ушах, но не ругал, а, напротив, нежно хвалил. Меня просто от злости распирало: три маленькие женины записки заставили расчувствоваться, размякнуть, как воск.

Я не имел права на слабость.

Энди прижималась ко мне, а я задавался вопросом: наблюдает ли полиция за домом Го и не раздастся ли прямо сейчас стук в дверь? А у меня молодая и очень-очень хорошенькая любовница.

Мама всегда говорила нам, своим детям: если хотите что-то сделать и не знаете, достойным ли будет поступок, то представьте, что история эта напечатана на бумаге и ее читает весь мир.

«Ник Данн, ранее писавший для журналов и до сих пор чувствующий себя обиженным, после своего увольнения в 2010 году согласился преподавать основы журналистики в колледже Северного Карфагена. Женатый мужчина средних лет немедленно воспользовался своим

положением и склонил к сожительству впечатлительную юную студентку».

Да уж, моя жизнь — воплощенный страх каждого писателя. Моя жизнь — клише.

Если на то пошло, вот вам еще клише: все произошло спонтанно. Я никому не хотел причинять боль. Просто увлекся. Но это было не только приятное времяпрепровождение. И не попытка повысить самооценку. Я действительно люблю Энди. Это правда.

В группе, где я преподавал науку под названием «Как начать карьеру в журналистике», было четырнадцать студентов. Разные по способностям, но все девочки. Я говорю о молодых женщинах, но называть их девочками все же правильнее. Все они хотели работать в журналах. Не в затрапезных газетенках из серой бумаги, а в модных иллюстрированных журналах. Они смотрели фильмы. Они представляли, как мчатся по Манхэттену со стаканчиком кофе латте в одной руке и мобильником в другой, пытаясь поймать такси, грациозно ломают каблук дизайнерской туфельки и неожиданно попадают в объятия красавца с родственной душой и длинными волосами. Они и не догадывались, насколько глупы и недальновидны их мечты. Я собирался раскрыть им глаза,

используя в качестве примера свою судьбу и потерю работы, хотя не испытывал ни малейшего желания предстать перед учениками в трагической роли. Изложу свою историю беспечно, с шутками. Мол, ничего страшного не случилось, зато теперь у меня больше времени для работы над романом.

А вместо этого я потратил первый урок, отвечая на взволнованные вопросы, из-за которых почувствовал себя таким надутым павлином, такой гребаной великой персоной, что уже не смог бы никогда полностью открыть им страшную правду: вызов в кабинет главного редактора на втором круге сокращения штатов, долгий пеший поход через длинный ряд кабинок, откуда, казалось, все глаза неотрывно следили за мной, — поход шагающего мертвеца; хотя в то время я еще надеялся, верил, что все изменится, что я еще нужен нашему журналу, что мне просто скажут: «Живо готовый материал на стол!» Но нет, шеф только и сказал: «Я полагаю, что вы догадываетесь, для чего я пригласил вас. К моему глубочайшему сожалению…» И потер глаза под очками, показывая, как он измотан и расстроен.

Мне хотелось выглядеть блестящим, крутым победителем, поэтому я ни слова не сказал сту-

денткам о крахе моей карьеры. Я поведал, что мои родственники тяжко больны, они нуждаются в присмотре, что частично соответствовало истине и добавляло героизма моей персоне. Симпатичная веснушчатая Энди сидела напротив, синие глаза пристально смотрели из-под шоколадной вьющейся челки. Слегка приоткрытые пухлые губы, на диво большая натуральная грудь, длинные руки и ноги — сексапильная куколка, можно сказать, полная противоположность моей утонченной аристократки-жены. Энди излучала тепло и запах лаванды. Щелкая по клавишам ноутбука, она с томной хрипотцой спрашивала:

— А как вы добиваетесь, чтобы люди верили вам, открывали правду?

«Откуда, мать его так, эта девчонка взялась? — подумал я тогда. — Это что, шутка?»

Спрашивается, почему я на нее повелся? Я всегда был верен Эми. Я тот парень, который уходит из бара раньше других, если женщины становятся слишком кокетливыми или в их обществе ему делается слишком хорошо. Я не обманывал никогда. Мне не нравятся (или не нравились?) обманщики — вертлявые, наглые, мелочные, развратные. Я не поддавался соблазнам. Но тогда я еще был счастлив. Мне противно осознавать,

что ответ настолько прост. В той жизни я был счастлив, а сейчас — нет. И тут появляется Энди, задерживается после занятий, интересуясь моей жизнью, чего Эми давно уже не делала. Вопросы этой девочки позволили мне почувствовать себя стоящим человеком, а не потерявшим работу неудачником, раззявой, который забывает опустить сиденье унитаза, болваном, который ничего не может сделать как надо и не смыслит ни бельмеса ни в чем.

На следующее занятие Энди принесла мне яблоко. «Ред делишес» — вот подходящее заглавие для нашей с ней истории, если я когда-нибудь соберусь ее написать. Она попросила меня высказать мнение о ее ранней рукописи. Речь шла о стриптизерше из клуба Сент-Луиса, и статья здорово смахивала на то, что печатает «Пентхаус форум». Пока я читал, Энди, заглядывая мне через плечо, начала есть мое яблоко. Глядя на капельки сока на ее губах, я подумал: «Срань Господня! А ведь эта девчонка пытается соблазнить меня…» И ощутил себя по-дурацки — состарившийся Бенджамин Брэддок из «Выпускника».

Но все же это сработало. Я начал подумывать о связи с Энди как о побеге, о спасении. О возможности выбора. Возвращаясь домой, я видел

Эми, свернувшуюся клубочком на диване, Эми, уставившуюся в стену, Эми, которая никогда не заговорит первой. Вечная игра в ледяное сердце, постоянный поиск разумного ответа — что же осчастливит ее сегодня? И я подумал: «Энди никогда не станет так себя вести». Как будто я знал ее. «Энди будет смеяться над моими шутками. Энди захочет послушать мой рассказ». Энди — ирландская девчонка из моего родного города, хорошенькая, добрая, с полной грудью. На моих занятиях она всегда сидела на первой парте и казалась очень увлеченной.

Когда я думал об Энди, мои кишки не скручивало в узел, как при мысли о жене, — постоянный страх возвращения в дом, где меня не ждут.

И я начал фантазировать, что могло бы получиться между нами. Я страстно возжаждал ее прикосновения — да-да, как в плохом сингле восьмидесятых, — и мечтал о ее прикосновении, мечтал о прикосновении вообще, поскольку моя жена избегала меня. Дома она скользила мимо холодная, как рыба, оказываясь поблизости только на кухне или лестничной площадке. По вечерам мы смотрели телевизор, сидя в разных углах дивана, — каждый на своей диванной подушке, как на индивидуальном спасательном плотике.

В постели она поворачивалась спиной, устраивая завалы из одеял и простынь между нами. Однажды ночью я проснулся и, зная, что она спит, стянул ее бретельку с плеча и прижал ладонь и щеку к обнаженной коже. В ту ночь я больше не уснул, наполненный отвращением к самому себе. Я выбрался из постели и мастурбировал в ду́ше, представляя Эми, ее пристальный взгляд, каким она обычно смотрела на меня, тяжелый взгляд восходящей луны, пронзающий насквозь. Кончив, я сидел и тупо глядел на сливное отверстие. Мой член жалко вытянулся вдоль левого бедра, как некий морской зверек, выброшенный волнами на берег. Униженный, я сидел в ванне и пытался не расплакаться.

А вот как все произошло. В странную, внезапную метель в начале апреля. Не этого года, а прошлого. Я работал в «Баре» один, поскольку очередь проводить вечер с мамой выпала Го. Мы с ней попеременно оставались дома и смотрели с мамой дрянные передачи по телевизору. Мама угасала, ей оставался год, а то и меньше.

В тот раз я чувствовал себя весьма неплохо — мама и Го сидели дома, смотрели пляжный фильм с Аннет Фуничелло, а в «Баре» кипела жизнь — бурный вечер из тех, которые следуют за

насыщенным днем. Люди угощали совершенно незнакомых людей просто так. Царила атмосфера праздника. Но вот праздник закончился, пора закрывать заведение. Я уже стоял у двери, когда через порог стремительно шагнула Энди, едва не сбив меня с ног. Ее дыхание несло сладковатый аромат легкого пива, а волосы пропахли дымом костра. На миг я замешкался. Так бывает, когда ты привык видеть человека в одной обстановке и требуется время, чтобы приучиться видеть его в совершенно другой. Энди в «Баре». Так-так.

Она рассмеялась голосом распутной пиратки и толкнула меня внутрь.

— У меня только что было фантастически ужасное свидание. Вам придется выпить со мной. — Снежинки скопились в волнах ее волос, хорошенькие веснушки светились, а щеки пылали румянцем, будто кто-то надавал ей пощечин. — Ник, мне очень нужно смыть вкус неудачного свидания с языка.

Я помню, как рассмеялся и подумал, что приятно будет посидеть с ней, послушать ее смех. Энди носила джинсы и кашемировый свитер с глубоким вырезом на груди. Она вообще из тех девушек, кому брюки идут больше, чем платье. И выглядела с головы до пят сексуальной, как

никогда. Усевшись напротив меня за барную стойку, она принялась изучать ряды бутылок за моей спиной.

— Что изволит заказать дама?

— Удивите меня, — ответила она.

— У-у-у… — протянул я, складывая губы, как для поцелуя.

— Для начала удивите меня напитком. — Энди наклонилась вперед, облокачиваясь на стойку; ее грудь выглянула из выреза.

Кулон, висевший на тонкой золотой цепочке, оставался под свитером.

«Не уподобляйся парням, — одернул я себя, — которые высматривают, где спрятался этот кулон».

— Какие предпочтения?

— Мне понравится все, что я получу от вас.

Вот на эту незамысловатую наживку она меня и поймала. Намекнув на то, что я легко и просто могу сделать женщину счастливой.

«Мне понравится все, что я получу от вас…»

А потом я понял, что больше не люблю Эми.

«Я больше не люблю свою жену, — говорил себе я, отворачиваясь, чтобы смешать два коктейля. — Ни капельки. Любовь испарилась начисто, не оставив и следа».

Целый час мы пили и болтали. Я трижды упомянул жену, а сам смотрел на Энди, представляя ее без одежды. Предупредил:

— Я женат. Понимай это как хочешь.

А она сидела передо мной, подперев рукой подбородок, и улыбалась и вдруг сказала:

— Проводишь меня домой?

Раньше Энди упоминала, что живет практически в центре города и может как-нибудь вечерком просто заглянуть в «Бар» поздороваться. Но точного адреса так и не назвала.

Мой разум пришел в полное смятение. Много раз я мысленно прогуливался через несколько кварталов, до ее аккуратного кирпичного домика. И вдруг на самом деле выхожу за дверь и держу путь к жилищу Энди. И это кажется совершенно естественным. Никакого сигнала тревоги: стой, парень, так же нельзя, это неправильно.

Я провожал Энди, шагая против метели, из-за которой ее красный шарф разматывался снова и снова… Когда в третий раз я помог заправить его как следует, наши лица оказались близко-близко. Ее щеки горели, как после катания на санках в мороз. Произошло то, чего могло не произойти никогда, гуляй мы хоть сотню вечеров подряд. Беседа, спиртное, вьюга, шарф.

Мы впились друг в друга. Я прижал Энди к дереву, и в этот миг длинная ветвь, внезапно распрямившись, обрушила на нас груду снега. Но неожиданная помеха сделала меня лишь настойчивее в желании ощущать тело девушки. Одна рука скользнула под свитер, вторая — между ногами. Она не сопротивлялась. Но слегка отстранилась и проговорила, стуча зубами:

— Пойдем ко мне.

Я не отвечал.

— Пойдем ко мне, — повторила Энди. — Я хочу быть с тобой.

В тот первый раз секс не показался мне чем-то сверхъестественным. Наши тела привыкли к разным ритмам, мы только изучали друг друга, к тому же я очень давно не был с женщиной. Я кончил первым, и полминуты не прошло, а потом начал слабеть; продержался лишь столько, чтобы и она смогла получить удовольствие.

В общем, было неплохо, но и не супер. Наверное, похожее разочарование испытывают девушки, когда лишаются невинности: так это и есть то, из-за чего столько суеты?

Но мне нравилось, когда она обвивалась вокруг меня, нравилось ощущение ее нежной кожи — именно такое, как я и представлял. Свежая кожа.

«Юная», — позорно думал я, вспоминая Эми с ее неизменными кремами, которые она старательно втирала, сидя на кровати.

После я сходил в туалет и отлил, глядя в зеркало.

— Ты обманщик, приятель, — сказал себе. — Ты не прошел одно из главных испытаний для мужчины. — А когда понял, что слова не производят должного впечатления, добавил: — Ты просто подонок.

Самым ужасным казалось то, что секс с Энди по-настоящему взволновал. Возможно, в этом и крылась причина моей неосмотрительности. Но разве это оправдывает превращение в лжеца? Как я мог разрушить свою верность, хранимую годами? Что же будет теперь?

Я пообещал себе, что подобное никогда не повторится. Но оно повторилось, и мне понравилось. А в третий раз понравилось еще больше. Вскоре отношения с Энди стали противопоставлением моей жизни с Эми.

Энди смеялась вместе со мной и веселила меня. Она не возражала и не пыталась переубедить. Никогда не сердилась. И я думал: «Любовь вынуждает тебя становиться лучше — правда-правда. Но только настоящая любовь дает тебе право

быть таким, какой ты есть».

Я хотел признаться Эми. Знал, что этого не избежать. Но не мог себя заставить, и так месяц за месяцем. А потом еще месяцы. Причина моего молчания по большей части крылась в трусости. Я не мог начать разговор. Не мог даже представить, как обсуждаю с ее родителями развод, а они, вне всяких сомнений, вмешаются в конфликт. Но сказывался, хотя и в меньшей степени, мой крепкий прагматизм — иногда самому не верится в то, каким практичным (а может, корыстным?) я бываю. Я не просил Эми о разводе еще и потому, что «Бар» мы купили на ее деньги. Как главный собственник, она захочет, само собой, получить свое имущество. А я не мог позволить, чтобы моя сестра второй раз за последнюю пару лет лишилась всего, чем жила. Вот так я и отдался на волю волн, рассчитывая, что Эми возьмет инициативу на себя и потребует развода. А я останусь хорошим парнем для всех.

— Я люблю тебя, Ник. Не важно, что происходит, — проговорила Энди, выглядевшая поистине сюрреалистично на диване в доме моей сестры. — Я в самом деле не знаю, что еще сказать. И чувствую себя полной дурой.

— Не надо чувствовать себя полной дурой, —

пробормотал я. — Хотя я тоже не представляю, что тут можно сказать.

— Ну, хотя бы скажи, что любишь меня, несмотря ни на что.

«Я не способен произнести это вслух», — подумал я. Несколько раз шептал слова любви, слюнявя ей шею в приступе тоски невесть по чему. Но слова — это всего лишь слова.

Потом я принялся размышлять о нашей любовной интриге. Раньше я особо не задумывался о том, как сохранить ее в тайне. Если в доме Энди установлена охранная система с камерой наблюдения, то я наследил в записях. Да, я завел отдельный мобильник, чтобы общаться с Энди, но мои звонки и голосовые сообщения приходили на ее обычный телефон. Я писал ей пошловатую валентинку, рифмуя «скучаю» и «вставляю». И самое главное, Энди было всего двадцать три года. Я подозревал, что кадры со мной, мой голос она хранит в электронном виде. Однажды ночью, побуждаемый ревностью, я просмотрел снимки на ее мобильном и обнаружил, кроме себя, еще пару парней, которые гордо улыбались в ее постели. Я понял, что вступил в клуб. Я даже хотел вступить в клуб! И мне было наплевать на то, что мое фото может быть за секунду разослано

миллиону абонентов, если кое-кому вздумается отомстить.

— Энди, складывается очень неприятная ситуация. От тебя потребуется терпение.

— И ты не хочешь сказать, что любишь меня? — Она слегка отстранилась. — Любишь, несмотря ни на что?

— Я люблю тебя, Энди, — ответил я, глядя ей в глаза. — Люблю.

Да и как было не сказать?

— Тогда трахни меня, — прошептала она, дергая мой брючный ремень.

— Сейчас мы должны быть очень осторожными. Иначе для меня все это может очень плохо кончиться.

— Ты о чем?

— Я мужчина, у которого исчезла жена. И у меня есть тайная… подруга. Это выглядит не очень-то пристойно. Могут решить, что преступник — я.

— Как-то пошловато звучит. — Ее груди все еще оставались обнаженными.

— Люди ничего не знают о нас, Энди. Они поверят любому вздору.

— Угу. Смахивает на сюжет не самого лучшего фильма-нуар.

Я улыбнулся. Это я познакомил Энди с на-

правлением нуар в киноискусстве: «Глубокий сон» с Богартом, «Двойная страховка» и прочая классика жанра. Я обожаю эти фильмы и умею представлять их с наилучшей стороны.

— А почему бы не признаться копам? Может, так будет лучше?

— Нет, Энди. Даже не думай об этом. Нет.

— Но они все равно узнают…

— С чего бы это? От кого узнают? Разве ты, моя дорогая, кому-то рассказывала?

Она сердито глянула на меня. Я похолодел. Энди явно не рассчитывала, что ночь пройдет в таких разговорах. Она стремилась повидаться со мной, мечтала о физической близости, а я самозабвенно прикрывал свою задницу.

— Прости, дорогая, но мне нужно знать.

— Без имени.

— Без имени? Ты о чем?

— Я о том, — ответила она, поправляя наконец-то платье, — что мои друзья и мама знают, я с кем-то встречаюсь, но не знают, как его зовут.

— И никаких примет? — спросил я быстрее, чем следовало, уже предчувствуя, как шило вылезет из мешка. — О наших отношениях, Энди, знают два человека: ты и я. Если любишь меня, если дорожишь мною, пусть все останется между нами.

Копы не должны ничего знать.

— А вдруг… — Она обвела пальцем мой подбородок. — Вдруг они не найдут Эми?

— Энди, мы с тобой все равно будем вместе. Но только если соблюдем осторожность. Эта история дурно пахнет. Достаточно дурно, чтобы я оказался за решеткой.

— А может, она сбежала с кем-нибудь? — проговорила Энди, прижимаясь щекой к моему плечу. — Может…

Я даже чувствовал, как кипит девичий разум, превращая исчезновение Эми в скандальный романтический сюжет для мыльной оперы и пренебрегая любыми фактами, которые не укладывались в общую картинку.

— Она не сбежала. Все гораздо серьезнее, чем… — Я приподнял пальцем ее голову, заглянул в глаза. — Энди, пожалуйста, осознай серьезность происходящего.

— Ну конечно я осознала. Только мне нужно говорить с тобой почаще. Видеть тебя. Мне очень одиноко, Ник.

— Нам придется потерпеть. — Я взял Энди за плечи, чтобы она не могла отвернуться. — Пропала моя жена.

— Но ведь ты даже не…

Я догадался, что она хотела сказать. «Ты даже не любишь ее». У Энди хватило сообразительности умолкнуть на полуслове.

Она обняла меня:

— Видишь, я не собираюсь спорить. Понимаю, ты переживаешь из-за Эми, тебе сейчас очень трудно. Я согласна спрятать еще глубже наши отношения. На самую-пресамую глубину. Но не забывай, что дело касается и меня. Мне нужно тебя слышать. Хотя бы раз в день. Просто звони, когда улучишь минутку. Раз в день, Ник… каждый день. Иначе я просто сойду с ума. — Она улыбнулась и прошептала: — А теперь поцелуй меня.

И я поцеловал. Очень нежно.

— Я люблю тебя, — сказала Энди.

Я поцеловал ее шею и что-то пробормотал в ответ. После мы сидели в тишине и мерцании телевизора. Глаза мои закрылись.

«А теперь поцелуй меня…»

Кто это сказал?

Пробудился я, когда Го прошла в ванную и открыла воду. Я разбудил Энди: «Пять утра! Уже пять утра!» — и с заверениями в любви и обещаниями звонить начал толкать ее к выходу, как беспутную девку.

— Помни: ты звонишь мне каждый день, —

шепнула она.

Хлопнула дверь ванной комнаты.

— Каждый день, — согласился я, отодвигая засов.

Энди выскользнула за порог.

Когда я обернулся, Го стояла посреди гостиной. Рот округлен в изумлении, но вся фигура выражает ярость: брови сведены к переносице, кулаки упираются в бока.

— Ник, ты гребаный придурок!

Эми Эллиот-Данн

21 июля 2011 года.
Страницы дневника.

Какая я дура. Иногда я смотрю на себя и вот что думаю: ничего удивительного, если Ник находит меня смешной, легкомысленной, избалованной по сравнению с его мамой. Морин умирает. Она скрывает болезнь за широкими улыбками и просторными футболками, а на каждый вопрос о здоровье отвечает: «О, я в отличной форме! А как ты поживаешь, милочка?» Она умирает, но не допускает даже мысли о смерти. Например, вчера утром позвонила мне и спросила, не желаю ли я прогуляться с ней и ее подругами. Стоит хороший денек, и она намерена выжать из него все, что можно. Я немедленно согласилась, хотя не сомневалась: их развлечения не имеют ничего общего с моими интересами. Пинокль, либо бридж, либо какая-то церковная деятельность, скажем сортировка вещей.

— Мы подъедем через пятнадцать минут, — предупреждает она. — Надевай что-нибудь с коротким рукавом.

Уборка. Значит, нам предстоит наводить где-то порядок. И значит, можно измазаться в жире по локоть.

Я натянула футболку с короткими рукавами и ровно через пятнадцать минут открыла дверь лысой, под вязаной шапочкой, Морин и двум ее подругам. Оделись они одинаково: футболки с рисунками колокольчиков, ленточек и надписью «ПлазМамы» через всю грудь.

Сперва я подумала, что они организовали ду-уоп-группу. Однако, когда мы забираемся в «крайслер» Роуз — древний, пропахший дамскими сигаретами автомобиль, у которого переднее сиденье со сплошной спинкой, — оказывается, что мы едем в центр по приему донорской плазмы.

— Наши дни — понедельники и четверги, — поясняет Роуз, глядя на меня в зеркальце заднего вида.

— О! — отвечаю я.

А что еще сказать: «О, это благодатные донорские дни!»?

— Там разрешают сдавать кровь дважды в неделю, — заявляет Морин под звон колокольцев на ее футболке. — В первый раз платят двадцать долларов, а во второй — целых тридцать. Вот

почему у нас сегодня такое хорошее настроение.

— Тебе понравится, — добавляет Вики. — Все сидят и болтают, как в салоне красоты.

Морин сжимает мне руку и спокойно объясняет:

— Мне больше нельзя сдавать кровь, но я подумала, что ты можешь заменить меня. А для тебя это отличный способ получить карманные деньги. Ведь каждой девочке надо иметь немного наличных в запасе.

Я давлю вспышку гнева. «У меня была наличность, и гораздо больше, пока я не отдала все деньги вашему сыну».

Костлявый мужчина в джинсовой курточке не по размеру слоняется у парковки, как бродячая собака. Но тем не менее внутри чисто. Светло, пахнет хвоей, на стенах развешены плакаты на религиозную тематику, сплошные облака и голуби. Но я твердо знаю, что не смогу. Игла. Кровь. Я не смогу ни при каких обстоятельствах. У меня нет других фобий, но эти две — железные. Я из тех девочек, которые падают в обморок, порезав палец. Все, что угодно, связанное с нарушением кожных покровов — разрез, ссадина, укол. Посещая химиотерапию с Морин, я никогда не смотрела, как иглу вводят в вену.

— Привет, Кейлис! — восклицает Морин, как только мы входим.

— Привет, Морин! — отвечает грузная чернокожая женщина в бесформенной медицинской одежде. — Как себя чувствуем?

— О, я в отличной форме! А как вы поживаете?

— Давно вы сдаете кровь? — спрашиваю я.

— Ну, какое-то время, — отвечает Морин. — Кейлис наша любимица, иглу вводит просто замечательно. А для меня это особенно важно, мою вену еще поди поймай. — Она показывает предплечье, перевитое синими нитями.

Когда я впервые увидела Морин, та выглядела довольно упитанной. Ее худоба кажется мне странной — вид пухлой Морин гораздо привычнее.

— Вот, потрогай.

Я озираюсь в надежде, что Кейлис позовет нас внутрь.

— Потрогай, потрогай…

Кончиком пальца я прикоснулась к синей жилке, ощущая, как она выскальзывает. Меня бросило в жар.

— Так! Это наш новый волонтер? — спросила Кейлис, внезапно возникая рядом со мной. — Морин все время рассказывает о вас. Для начала

придется заполнить кое-какие бумаги…

— Простите, пожалуйста, но я не могу. Я не могу видеть иглу, я не могу видеть кровь. У меня серьезная фобия. Я просто не в силах на них смотреть.

Тут я вспоминаю, что сегодня не завтракала, мне становится дурно. Слабеет шея.

— Здесь все стерильно, — заявляет Кейлис. — Вы в руках профессионалов.

— Нет-нет, я не могу. Клянусь, не могу. Я даже кровь никогда не сдавала. Мой врач злится, что не может делать ежегодный анализ крови на холестерин.

После мы сидим и ждем. Ждем два часа, в то время как Вики и Роуз пристегнуты к центрифугам. Наконец они выбрались. С отметками, которые проявляются в слабом ультрафиолетовом излучении, на пальцах, чтобы не могли сдавать кровь больше чем дважды в неделю.

— Как в фильмах про Джеймса Бонда, — заявляет Вики, и все хихикают.

Морин мурлычет мелодию из бондианы — по крайней мере, мне так кажется, — а Роуз изображает стрельбу из пистолета.

— Вы и этот раз не пропустили, старые клячи! — воскликнула седая женщина через четыре кресла

от нас. Она выглядывает из-за трех жирных мужских тел — голубовато-зеленые татуировки на руках, небритые щеки, именно так я и представляла людей, сдающих кровь за деньги, — и грозит нам пальцем.

— Мэри! А мы думали, ты придешь завтра!

— Я бы пришла завтра, но безработица не станет ждать неделю! У меня осталась одна коробка хлопьев и банка кукурузы!

И все они хохочут так, будто угроза голода кажется очень забавной. Этот город иногда слишком эмоционален — как в жалобах на жизнь, так и в жизнеутверждении. Я начинаю испытывать головокружение — звук машин, взбалтывающих кровь, длинные пластиковые трубки с кровью, перетекающей из тел в аппараты, люди как дойные коровы. Везде я вижу кровь. Даже там, где ее не должно быть. Насыщенного темного, почти багрового, цвета.

Я встаю, чтобы найти умывальник и плеснуть в лицо холодной воды, но не успеваю сделать и двух шагов, как в глазах меркнет свет, исчезают все звуки, я чувствую только биение собственного пульса. Я падаю, успевая пробормотать: «Ой, простите…»

Почти не помню, как мы добирались домой.

Морин довела меня до кровати, принесла стакан яблочного сока, тарелку супа и села у изголовья. Мы пытаемся дозвониться Нику. Го говорит, что он сейчас не в «Баре», но на звонки мой муж не отвечает.

Куда же он запропастился?

— В детстве он был таким же, — сообщает Морин. — Сущий бродяга. Самым страшным наказанием было, когда его запирали в комнате. — Она укладывает прохладную тряпку мне на лоб. Дыхание моей свекрови пахнет аспирином. — Теперь твоя главная задача — отдохнуть как следует. А я буду звонить, пока не удостоверюсь, что мальчишка вернулся домой.

Когда приезжает Ник, я сплю. Но просыпаюсь, услышав, как он принимает душ. Гляжу на часы — одиннадцать ноль четыре вечера. Скорее всего, он был в «Баре» — он любит после работы принять душ, смыть с кожи запах пива и соленого попкорна. Это он так утверждает. Ник проскальзывает в постель, а когда я поворачиваюсь к нему и открываю глаза, выглядит напуганным.

— Мы несколько часов пытались до тебя дозвониться, — говорю я.

— Разрядился телефон. У тебя был обморок?

— Кажется, я только что слышала, что у тебя

разрядился телефон.

Ник молчит, и я понимаю, что сейчас он начнет врать. Хуже всего знать об этом и готовиться слушать ложь. Ник старомоден, он нуждается в свободе и не любит объясняться. Прекрасно знает еще за неделю, что проведет вечер с приятелями, но все равно за час до ухода вдруг скажет: «Слышь, я тут подумал, а не сыграть ли с чуваками в покер, если, конечно, ты не станешь возражать». И уйдет, заставив меня чувствовать угрызения совести, если я возлагала на этот вечер другие надежды. Никому же не приятно быть женой, которая не отпускает мужа поиграть в покер, этакой грымзой в бигуди и со скалкой. Поэтому я должна проглотить разочарование и согласиться. Все же не думаю, что он так поступает нарочно. Просто его папа жил своей собственной жизнью и мама не возражала. Пока не развелась с ним.

И Ник начинает старательно врать. Я даже не слушаю его.

Ник Данн

Спустя пять дней.

Я прислонился к дверному косяку пристально глядя на сестру. Запах Энди все еще стоял в воздухе, и хотелось продлить этот миг как можно дольше, наслаждаясь воспоминаниями. На вкус она всегда напоминала конфету-тянучку, а пахла лавандой. Лавандовый шампунь, лавандовые лосьоны.

«Лаванда приносит удачу», — пояснила она как-то. В чем в чем, а в удаче я нуждался.

— Сколько ей лет? — властно спросила Го, упираясь кулаками в бока.

— Это то, о чем ты хочешь поговорить?

— Ник, сколько ей лет?

— Двадцать три.

— Двадцать три! Блестяще!

— Го, не надо…

— Ник, ты что, не понимаешь, в какой ты заднице? — процедила Го. — В заднице и без капли мозгов. — Она произнесла «без капли мозгов», как в детстве, и оскорбление ранило, будто мне снова было десять лет.

— Да, положение далеко от безоблачного, — тихо согласился я.

— Безоблачное положение?! Ты… ты предатель. Ник, я не понимаю, что с тобой произошло? Ты всегда был положительным парнем. Или я была дурой все это время?

— Нет. — Я разглядывал пол, то самое место, куда всегда смотрел, будучи ребенком, не оправдавшим маминых надежд и получавшим за это нахлобучки.

— А сейчас? Ты мужчина, который изменяет жене. И ты не сможешь этого отрицать. О господи! Даже папа не изменял маме! А ты… Я хочу сказать, что твоя жена Эми сейчас неизвестно где, а ты проводишь время с какой-то…

— Го, я просто в восторге от этой душещипательной сцены. Надо же, моя сестра защищает Эми! Я же прекрасно знаю: она тебе никогда не нравилась. Как с первого дня не понравилась, так и…

— Но я могу сочувствовать твоей пропавшей жене! Я переживаю. Да, я переживаю! Помнишь, говорила, что ты кажешься мне странным? Ты и в особенности твое поведение. — Она зашагала по комнате, грызя ноготь. — Когда полиция узнает, я даже не представляю, что будет. Я боюсь до

одури, Ник. Вот теперь, впервые, я испугалась за тебя по-настоящему. И откуда нам знать, вдруг они уже пронюхали? Они могут проверять твои телефонные звонки.

— Я пользовался другим телефоном.

Го помолчала, а потом вздохнула:

— Это еще хуже. Выглядит, как будто ты действовал преднамеренно.

— Да, я преднамеренно обманывал, Го. Да, я виноват.

Она на минуту задумалась, усаживаясь на диван, пытаясь свыкнуться с новым знанием. А я испытал истинное облегчение оттого, что сестра теперь посвящена в мои проблемы.

— Давно? — спросила Го.

— Чуть больше года. — Я заставил себя оторвать взгляд от пола и посмотрел прямо на нее.

— Больше года? И ни разу не проговорился. Даже мне не сказал.

— Боялся, что ты будешь меня отговаривать. Что ты будешь плохо думать обо мне и придется порвать с ней. А я не хотел. Дело в Эми…

— Больше года! — продолжала Го. — А я и не догадывалась. Восемь тысяч бесед под стаканчик, а про это — ни гу-гу. Я и не думала, что ты способен так долго от меня что-то скрывать.

— Только это.

Го пожала плечами, словно укоряя: как я могу тебе верить отныне?

— Ты ее любишь? — произнесла она со странной интонацией, как будто не допускала и мысли.

— Да. Мне так кажется. В самом деле, похоже, что люблю.

— А ты осознаешь, что, если бы вы сошлись, стали жить вместе, она начала бы находить в тебе недостатки? Некоторые твои привычки сводили бы ее с ума. Она бы от тебя требовала что-нибудь, чего ты не хотел. Она бы на тебя злилась.

— Го, мне не десять лет. Я в курсе, как складываются отношения между мужчиной и женщиной.

Она снова поджала плечами: да неужели?

— Нам нужен адвокат. Хороший адвокат, имеющий представление о связях с общественностью. Я уверена, репортеры все разнюхают. Надо позаботиться, чтобы пресса не превратила тебя в злобного гулящего мужа. Если это случится, считай, что все кончено.

— Го, ты слишком торопишься. — Я практически соглашался с ней, но слышать эти слова от сестры было невыносимо тяжело, поэтому хотелось их опровергнуть.

— Ник, я даже торможу. Нужно кое-кому по-

звонить.

— Делай что хочешь, лишь бы тебе было спокойнее.

Го сильно ткнула меня в грудину двумя пальцами:

— Мать твою, Лэнс, не надо меня утешать. «Ах, девочка так взволнована!..» Чушь собачья! Ты вляпался в очень неприятную ситуацию, дружок. Вытаскивай свою голову из задницы и позволь мне хотя бы чуть-чуть подправить дело.

Под рубашкой ныло ушибленное место. Го повернулась и, слава богу, скрылась в своей комнате. А я прилег на диван, пообещав себе, что скоро встану.

Мне снилась Эми. Она ползла по полу на четвереньках через нашу кухню, пытаясь добраться до двери черного хода. Кровь заливала ей глаза. Она ползла медленно, слишком медленно. Ее хорошенький череп был деформирован — смят с правой стороны. Кровь капала с длинной пряди волос. Эми стонала и звала меня по имени.

Проснувшись, я понял, что пора заехать домой. Нужно осмотреть место — место преступления. Мне это казалось совершенно необходимым.

Никто не хотел выбираться из дому на испе-

пеляющую жару. Окрестности нашего жилья оставались такими же безлюдными, как в день исчезновения Эми. Переступив порог, я заставил себя дышать ровно. Относительно новый дом казался наполненным привидениями — и не в романтическом стиле Викторианской эпохи, а по-настоящему жутко, как чертовы развалины. Дом с криминальной историей, а ведь ему всего три года.

Эксперты-криминалисты успели наследить везде — все поверхности липли и пачкались. Я присел на диван, который пах, словно какой-то незнакомец, терпким лосьоном после бритья. Пришлось открыть окно, несмотря на жару. Бликер рысцой сбежал со ступенек, я подхватил его на руки, погладил. Кот замурлыкал. Его миска была полна корма, — наверное, насыпал кто-то из копов. После разрушения нашего дома весьма благородно со стороны полиции.

Опустив Бликера на нижнюю ступеньку, я поднялся в спальню, стянул футболку и лег на кровать лицом вниз. В ту же самую темно-синюю наволочку, что и в утро нашей годовщины. В то самое утро.

Внезапно зазвонил телефон. Го. Я нажал кнопку приема.

— В полдень будет спецвыпуск «Шоу Эллен Эббот». Об Эми. Похоже, хреновы наши дела. Мне приехать?

— Не стоит. Я и один могу посмотреть. Спасибо.

Мы помолчали в трубку. Каждый дожидался, что первым попрощается собеседник.

— Ладно, после поговорим, — сказала наконец Го.

«Шоу Эллен Эббот» — программа для кабельного телевидения, специализирующаяся на исчезновении и убийстве женщин. Его ведущая, неистовая и безудержная Эллен Эббот, когда-то работала обвинителем и боролась за права жертв насилия. Пошла картинка: Эллен, с пышной укладкой волос, с блеском на губах, прожигает взглядом камеру:

— Сегодняшний наш сюжет просто шокирует. Молодая красивая женщина, прототип главной героини книжной серии об Удивительной Эми, пропала. В доме все перевернуто вверх дном. Ее муженек — Лэнс Николас Данн, безработный писатель, а в настоящее время владелец бара, купленного на средства жены. Хотите узнать, насколько он расстроен? Вот фотографии, сделанные уже после исчезновения его жены Эми

Эллиот-Данн в день пятилетнего юбилея их свадьбы.

На экране возникла моя фотография с пресс-конференции, где я стою с мудацкой улыбкой. Потом еще одна, где я улыбаюсь и машу рукой, подобно коронованной особе в день праздника, выходя из автомобиля. А махал-то я Мэрибет… Что поделать? Я всегда улыбаюсь, когда машу кому-то.

Затем появилось фото с телефона — я и Шона Келли, мастерица по пирогам фрито. Мы стояли щека к щеке, сверкая ослепительными улыбками. Сразу после этого перед камерой появилась сама Шона, загорелая, мрачная и решительная, а Эллен представила ее всем Соединенным Штатам. Я покрылся потом.

ЭЛЛЕН: Итак, Лэнс Николас Данн. Шона, как вы можете описать его поведение? Вы встречались, когда весь город разыскивал его пропавшую супругу. А что в это время делал Лэнс Николас Данн?

ШОНА: Он был очень спокойным, вполне дружелюбным.

ЭЛЛЕН: Погодите-погодите. Спокойным и дружелюбным? Его жена исчезла. Так ведь, Шона? А мужчина выглядел спокойным и дружелюбным?

Опять на экран вылезла эта дурацкая фотография. По-моему, сейчас мы выглядели еще радостнее.

ШОНА: Он даже флиртовал немного.

«Зря ты с ней так неприветливо, Ник, — подумал я. — Надо было сожрать ее поганый пирог».

ЭЛЛЕН: Флиртовал? Пока его жена бог знает где, Лэнс Данн… Ладно, простите меня, Шона, но эта фотография… Я не могу подобрать более подходящего слова, чем «гадкая». Он смотрит не так, как должен смотреть невинный человек.

Всю оставшуюся часть блока заполнила Эллен Эббот, которая глумилась с мастерством профессионального подстрекателя над моим никудышным алиби: «Почему это у Лэнса Николаса Данна есть алиби только после полудня? Где он был в то утро?» Она растягивала слова, подобно техасскому шерифу, а группа гостей кивала и соглашалась.

Я позвонил Го.

— Счастье, что они не цеплялись к тебе почти неделю, — сказала она.

Какое-то время мы проклинали «гребаную полоумную суку и шлюху Шону Келли».

— Сделай сегодня что-нибудь достаточно полезное, — наконец приказала Го. — На тебя теперь люди смотрят.

— Да я и сам не усижу на месте, даже если сильно захочу.

Я направился в Сент-Луис, злобно прокручивая в голове отрывок из телешоу. Вспоминал вопросы Эллен и отбивался от них. «Сегодня, Эллен Эббот, кошелка ты чертова, я выслежу одного из преследователей Эми. Дези Коллингса. Разыщу его и выбью из него правду». Я буду героическим мужем. Эти слова звучали во мне, как музыка, я упивался ими. Я, славный паренек из рабочей семьи, выхожу на бой против испорченного мальчика-мажора. Пора щелкнуть по носу нашу прессу. Одержимые преследователи обычно вызывают больше интереса в обществе, чем банальные убийцы жен. Как минимум Эллиоты оценят мои старания. Я набрал номер Мэрибет, но удалось передать только голосовую почту.

Вперед!

Подъезжая к дому Дези Коллингса, я изменил свое представление о нем: это не просто «богатый парень», а «фантастически богатый парень». Его особняк располагался в квартале Лэдью и стоил порядка пяти миллионов баксов. Белые кир-

пичные стены, лакированные черные жалюзи, газовое освещение и заросли плюща. Для встречи я оделся в самый приличный костюм, но, когда звонил в дверь, понял, что одежда за четыре сотни долларов здесь еще неуместнее, чем джинсы.

Раздался топот каблуков, приближающийся из глубины дома, а потом дверь открылась с чмокающим звуком, как в холодильнике. В лицо дохнул холодный воздух.

Дези выглядел так, как мне всегда хотелось выглядеть. Холеный, полный достоинства джентльмен. Что-то аристократическое не то во взгляде, не то в линии подбородка. Глубоко посаженные миндалевидные глаза, как у плюшевого медвежонка, ямочки на щеках. Если поставить нас рядом, то любой скажет, что положительный парень из нас двоих — он.

— О! — воскликнул Дези, вглядываясь мне в лицо. — Вы Ник. Ник Данн. Боже мой, я так переживаю за Эми! Входите скорее.

Он проводил меня в строго обставленную гостиную, которая по замыслу дизайнера должна была символизировать мужественность. Уйма бесполезной, неудобной кожи. Хозяин указал на кресло с жесткой спинкой. Я попытался устроиться поудобнее, но понял, что единственная поза,

которая мне доступна, — это поза наказанного ученика. «Сиди прямо и внимательно слушай».

Дези не спрашивал, почему я оказался в его гостиной. И не объяснил, как ему удалось мигом опознать меня. Хотя все могло объясняться довольно просто: два показа по телевидению и расползающиеся слухи.

— Могу я предложить вам выпить? — спросил Дези, сложив ладони: сначала о деле.

— Благодарю, не стоит.

Он уселся напротив, облаченный в безукоризненные тона темно-синего и сливочного. Даже шнурки казались наглаженными. Дези не выглядел, вопреки моим ожиданиям, несерьезным хлыщом. Нет, он походил на воплощение джентльмена, который запросто цитирует великих поэтов, разбирается в редчайших сортах виски, дарит своим пассиям старинные ювелирные украшения. Такие мужчины знают наверняка, чего хотят женщины, — рядом с ним мне было стыдно за свой мешковатый костюм и неуклюжие манеры. Я выглядел парнем, способным рассуждать только на две темы: чем закончился последний футбольный матч и кто как пустил ветры. Именно такой образ вполне подходил мне.

— Эми… Что-то слышно о ней? — спросил Дези.

Он мне кого-то напоминал. Возможно, актера.

— Ничего нового.

— Она пропала… из дому. Так ведь?

— Да. Из нашего дома.

И тут я узнал его. Тот самый молодой человек, которого я видел в штабе, то бишь в гостинице, в самый первый день поисков. Тот, который украдкой разглядывал фотографию Эми.

— Вы были в центре волонтеров. В первый день…

— Был, — благоразумно согласился Дези. — Я собирался признаться вам. Очень сожалею, что не нашел в себе сил подойти и выразить вам сочувствие.

— Издалека приехали.

— То же самое я могу сказать о вас, — улыбнулся он. — Как на духу: я действительно питаю теплые чувства к Эми. Услышав о беде, захотел что-нибудь сделать. Я просто… Знаете, это ужасно, но, когда я увидел выпуск новостей, сразу подумал: ну конечно…

— Ну конечно?

— Ну конечно, кто-то должен был… возжелать ее. — У него был низкий голос, созданный для вечеринок. — Знаете, с ней так всегда. Она бук-

вально заставляла мужчин желать ее. Помните старый каламбур: все мужчины хотят ее, а все женщины хотят быть ею? Он как нельзя лучше подходит для Эми.

Дези положил широкие ладони на брюки. Не штаны, а именно брюки. Я не понимал, как он относится ко мне, поэтому решил действовать предельно осторожно. Первое правило для любого острого интервью: не напирай раньше времени, подожди, собеседник откроется перед тобой добровольно.

— Вы были очень сильно увлечены Эми? — спросил я.

— Да, и не только из-за ее внешности, — ответил он, опираясь на колено и глядя вдаль. — Я много об этом размышлял, очень много. Первая любовь. Я смотрел на это под разными углами зрения. Как при медитации, когда глядишь на пупок. Такая уж философская у меня натура! — Он самоуничижительно улыбнулся, на щеках мелькнули ямочки. — Когда вы нравитесь Эми, когда она интересуется вами, ее внимание обволакивает вас теплом, полностью умиротворяя. Как горячая ванна.

Я приподнял бровь.

— Потерпите немного, — попросил он. — Так

вот, вы чувствуете себя очень здорово. Но это лишь первое время. Потом она находит в вас недостатки, понимает, что вы просто еще один обычный человек, с которым ей приходится иметь дело. В сущности, вы Способный Энди, но в реальной жизни Способный Энди никогда не превзойдет Удивительную Эми. И тогда ее интерес остывает, а вы перестаете чувствовать себя хорошо. Вы вновь окружены равнодушием, как будто сидите голым в ванной на холодном полу. И все, чего вам хочется, — это залезть обратно в теплую воду.

Я это знал. Тоже чувствовал себя как в теплой ванне почти три года. Но тошно было выслушивать такие рассуждения от постороннего мужчины.

— Я уверен, вы понимаете, о чем я говорю. — И Дези заговорщицки подмигнул мне.

«Да ты парень без комплексов, — подумал я. — Это же надо — сравнить чужую жену с теплой ванной, в которую хочется залезть! Чужую пропавшую жену…»

Позади него стоял длинный полированный стол, на котором я заметил несколько фотографий в серебристых рамках. И посредине самая большая — школьное фото Дези и Эми в белой

теннисной форме. Оба такие лощеные, такие нелепо-старомодные, что могли бы послужить прототипами героев фильмов Хичкока. Я представил себе, как Дези — подросток Дези — тайком пробирается в общежитие к Эми, сбрасывает одежду на пол и устраивается в холодной постели, глотая пилюлю за пилюлей в гладких подслащенных облатках. А потом ждет, чтобы его обнаружили. Это такая месть от злости, но она не имела ничего общего с тем погромом, который учинили в моем доме. Теперь мне ясно, почему полиция не сильно интересовалась этим хлюпиком.

Дези заметил мой взгляд.

— Ну ладно, не будете же вы порицать меня за эту слабость, — улыбнулся он. — Разве можно выбросить такое прекрасное фото?

— Фото девочки, которую вы не видели двадцать лет? — не удержался я.

Кажется, слова мои прозвучали агрессивнее, чем того требовала рассудительность.

— Я знаю Эми. — Дези вздохнул. — Вернее, знал. К этому не придраться? Тогда я вас спрошу. Ее отец там?

— Конечно, он приехал.

— Я и не предполагал… Он ведь, как я понимаю,

был в Нью-Йорке, когда все это произошло?

— Да, он был в Нью-Йорке, а что?

Пожатие плеч Дези означало: да просто спросил, обычное любопытство. Мы посидели в тишине с полминуты, играя в гляделки. Но ни один не моргнул.

— На самом деле, Дези, я приехал сюда с надеждой услышать что-нибудь от вас.

Я снова попробовал вообразить киношного Дези, похищающего Эми. Может, у него где-нибудь поблизости дом на озере? Все злодеи так делают. Вдруг окажется, что этот утонченный, чопорный мужчина держит мою жену в подвале? Эми ступает по мягкому ковру, Эми спит на пыльном диване кричащей расцветки в стиле шестидесятых — лимонно-желтом или кораллово-алом. Было бы неплохо, если бы сюда приехали Бони и Джилпин и услышали этот собственнический тон: «Я знаю Эми».

— От меня? — расхохотался он. Смеялся Дези богато. Это именно тот эпитет, который позволяет описать его голос. — Нет, вряд ли я вам что-то расскажу. Вы верно подметили, я не знаю Эми.

— Но вы только минуту назад сказали, что знаете.

— Я не знаю ее так, как знаете вы.

— Вы преследовали ее в школе.

— Преследовал? Ник… Она была моей подружкой.

— Пока не охладела. А вы не отставали.

— Ну, вроде я тогда и правда был влюблен. Дело обычное.

— Попытка самоубийства в ее комнате, по-вашему, тоже дело обычное?

Дези резко вскинул голову и прищурился. Открыл рот, будто хотел возразить, но потом опустил глаза на руки. Наконец проговорил:

— Ник, я не уверен, что правильно вас понял.

— Я говорю, что вы преследовали мою жену. В школе. И сейчас.

— Так вот к чему вы ведете… — Он снова рассмеялся. — Боже мой, я-то думал, что вы собираете деньги на вознаграждение или еще что-то. Кстати, был бы счастлив посодействовать. Люблю ли я ее? Нет. Уже и не знаю по-настоящему. Так, обмениваемся письмами изредка. Но то, что вы сюда приехали, — это интересно. Напускаете туману… Должен заметить, Ник, что ни по телевизору, ни здесь, сейчас, вы не выглядите огорченным, встревоженным супругом. Напротив, у вас… крайне самодовольный вид. Между прочим, меня опрашивали полицейские — теперь понимаю,

что это благодаря вам. Или родителям Эми. Кстати, вам не показалось странным, что копы не поставили в известность об этом вас, мужа Эми?

У меня скрутило живот.

— Цель моего визита — посмотреть вам в лицо, когда вы будете говорить об Эми. Надо сказать, вы меня насторожили. Выглядите… малость одержимым ею.

— Кому-то же из нас надо, — ответил Дези, и снова довольно метко.

— Счастье мое? — донеслось из задней части дома. Опять по полу процокали каблуки дорогой обуви. — Как эта книга называется?..

Передо мной появился расплывшийся образ Эми. Эми в мутном зеркале. Тот же цвет волос, очень похожие черты лица, но старше на четверть века, изношено, как тонкая ткань. Красота еще не до конца увяла — такие женщины даже стареют грациозно. Сложением напоминает игрушку оригами — оттопыренные локти, выпирающие ключицы. На ней было лазурное платье-футляр, и еще… Это было присуще и Эми — когда она проходила по комнате, все мужчины провожали ее взглядами. Женщина довольно хищно улыбнулась мне:

— Привет, я Жаклин Коллингс.

— Мама, это Ник, муж Эми, — сказал Дези.

— Эми! — Женщина улыбнулась, ее голос — глубокое контральто — дивно вибрировал. — Нас весьма взволновала эта история, приключившаяся по соседству. О да, весьма взволновала. — И она холодно взглянула на сына. — Значит, мы так и не перестали сохнуть по удивительной Эми Эллиот?

— Сейчас Эми Данн, — заметил я.

— Конечно, — согласилась Жаклин. — Я сочувствую вам, Ник. Вы прошли через такие испытания… — Она несколько секунд буравила меня взглядом. — О, простите, я не могла… Я не представляла мужа Эми таким… американским парнем. — Казалось, она не обращалась ни ко мне, ни к Дези. — О господи! Даже подбородок раздвоенный.

— Я приехал спросить, нет ли у вашего сына каких-то сведений, — пояснил я. — Мне известно, что все эти годы он посылал моей жене письма.

— О, письма! — Жаклин улыбнулась, но теперь сердито. — Такой интересный способ убивать время.

— Эми рассказывала о них? — спросил Дези. — Это странно.

— Нет, — ответил я, поворачиваясь к нему. —

Она выбрасывала их нераспечатанными. Всегда.

— Всегда выбрасывала? Всегда? А откуда вы знаете? — Он все еще улыбался.

— Одно я вынул из мусорного мешка и прочитал. — Я повернулся к Жаклин. — Просто хотел убедиться, что там ничего предосудительного.

— Правильный поступок, — промурлыкала она. — Я ждала бы точно такого же от своего мужа.

— Мы с Эми всегда переписывались, — вмешался Дези. Он копировал материнский тон, который как бы говорил: только попробуй не прислушаться к моим словам. — Это у нас игра. По мне, так электронная почта — просто дешевка. Ведь никто не хранит электронные письма. Они безликие. А я думаю о будущем. Великие любовные письма — Симоны де Бовуар к Сартру, Сэмюела Клеменса к его жене Оливии… С ужасом думаю: а вдруг бы они пропали?

— А мои письма? — спросила Жаклин. — Ты их все сохранил?

Приблизившись к камину, она вытянула длинную жилистую руку и оперлась о полку.

— Конечно!

— Просто интересуюсь, — повернулась она ко мне, пожимая плечами.

Я содрогнулся и чуть было не протянул к камину руки. Вовремя вспомнил, что на дворе июль.

— Мне такая многолетняя привязанность кажется странной, — проговорил я. — Особенно с учетом того, что вы не получали ответных писем.

У Дези вспыхнули глаза.

— О! — воскликнул он, как будто неожиданно увидел праздничный фейерверк.

— А мне кажется странным, Ник, что вы явились в наш дом и расспрашиваете моего сына о его отношениях — или их отсутствии — с вашей женой, — сказала Жаклин Коллингс. — Разве вы с Эми не доверяете друг другу? Я могу гарантировать, что Дези не встречается с ней уже не один десяток лет. Не один десяток!

— Я лишь проверял, Жаклин. Кое в чем следует удостовериться лично.

Миссис Коллингс прошагала через зал, а на пороге обернулась и, качнув головой, дала мне понять, что пора выметаться.

— Это очень смело с вашей стороны, Ник. Человек, который сам себя делает, да? И даже сам ведет следствие? — Она засмеялась и открыла дверь.

Я смотрел на голую шею и думал: почему эта особа не носит жемчуга? У таких дам всегда име-

ется жемчужное колье, чтобы цокать и тарахтеть. Я обонял ее запах — женственный, вагинальный, странно-распутный.

— Было любопытно познакомиться с вами, Ник, — произнесла она. — Будем надеяться, что Эми благополучно вернется домой. А когда вы в следующий раз надумаете поговорить с Дези, — Жаклин сунула мне в руку плотный желтоватый прямоугольник визитной карточки, — не сочтите за труд связаться с нашим адвокатом.

Эми Эллиот-Данн

17 августа 2011 года.
Страницы дневника.

Знаю, что веду себя как дурешка-малолетка, но я отслеживаю настроение Ника. По отношению ко мне. Просто для того, чтобы убедиться: я не сошла с ума. У меня есть календарик, в котором я рисую сердечки по тем дням, когда Ник занимается со мной любовью, а когда нет — закрашиваю квадратик черным. В прошлый год почти все дни были черными, ужас как много. А теперь? Девять сердечек. Подряд. Может быть, он просто узнал, как я его люблю и как мучусь? Возможно, у него произошли перемены в сердце… Никогда мне не нравилось это выражение.

Тест. Если после года холодности муж вновь начинает вас любить, то вы:

а) рассказываете и рассказываете ему, сколько боли он вам причинил, давая возможность снова и снова исправляться;

б) демонстрируете свою холодность — пускай это послужит достойным уроком;

в) не давите на него, понимая, что придет пора и он сам вам все расскажет, а пока окружаете его любовью и заботой, поскольку это и есть главный труд супружества;

г) требуете, чтобы он откровенно рассказал, что же его не устраивало раньше, и постоянно об этом говорите, чтобы успокоить собственные комплексы.

Правильный ответ: в).

Этот август такой замечательный. У меня больше нет черных квадратов, одни лишь сердечки. Ник в роли моего мужа — нежный, восторженный и глупый. Он заказывает для меня шоколад из моего любимого магазина в Нью-Йорке. Он написал для меня дурацкий стишок — почти лимерик.

Из Манхэттена девочка классная,
Спала на простынях на атласных она.
На нее муж взглянул,
Под бочок к ней скользнул,
Говоря на латыни вульгарной.

Будет весьма забавно, если наша половая жизнь станет столь беззаботной, как предполагают

рифмованные строки. На прошлой неделе мы… трахались? делали «это»? Нет, что-то чуть более романтичное, чем просто секс, но менее возвышенное, чем занятия любовью. Ник вернулся с работы, и поцеловал меня в губы, и прикасался ко мне как-то по-настоящему. Я едва не разрыдалась, ведь я чувствовала себя такой одинокой. А целоваться в губы с собственным мужем — что может быть трогательнее?

А что еще?

Мы с Ником ездили купаться на тот пляж, где он последний раз отдыхал еще мальчишкой. Я представляла себе маленького Ника, носящегося вдоль реки, с красной спиной и плечами, потому что тогда — как, впрочем, и сейчас — он отказывался от солнцезащитного крема, вынуждая маму Мо гоняться за ним с тюбиком и шлепать всякий раз, когда удавалось настичь.

Он провел для меня подробнейшую экскурсию по местам, которые часто посещал в детстве, — о таком я просила давным-давно. На берегу он целует меня, в то время как ветер развевает мои волосы. «В этом мире есть две вещи, на которые я готов смотреть бесконечно», — шепчет Ник мне на ухо. Он целует меня на игровой площадке в забавной маленькой крепости, которую счи-

тал своим тайным убежищем. «Я всегда мечтал привести сюда девушку, идеальную девушку», — шепчет Ник мне на ухо. За два дня до того, как торгово-развлекательный центр закроют навсегда, мы катаемся на карусели, сидя на зайчиках, и наш смех эхом разносится по пустынной округе.

Ник угощает меня мороженым с фруктами в своем любимом кафе. Утром, когда воздух пропитан сладостью, целует меня и говорит, что в этом месте он когда-то немало настрадался из-за застенчивости, а потому дал себе слово вернуться сюда с девушкой своей мечты. Мы едим ледяное мороженое, пока не приходит пора возвращаться домой. И рука Ника будто случайно поглаживает мой живот.

Прячущаяся в глубине мой души неврастеничка, конечно, спрашивает: а в чем же подвох? Поведение Ника до того внезапно и кардинально изменилось в лучшую сторону, что я жду, когда он чего-нибудь попросит. Или он уже сделал что-то для себя, вот и старается задобрить меня, прежде чем я все выясню? Я волнуюсь. На прошлой неделе застала Ника, когда он рылся в толстой папке «ДАННЫ!», — слово выписано моей рукой со всем старанием в наши лучшие дни. Туда я складывала разные бумаги, которые накопились у нас

за время супружеской жизни. Я боюсь, что он попросит еще денег для «Бара» или взаймы сумму из нашей страховки или предложит распродать что-нибудь, чтобы «нас не трогали следующие лет тридцать». Ник сразу объяснил, что заглянул лишь из желания проверить, все ли в порядке с документами. Но произнес это как-то торопливо. Мое сердце было бы разбито, если бы он, откусив мороженого со вкусом жвачки, повернулся ко мне и сказал: «Знаешь, а ведь вторичный залог — это довольно интересно…»

Я должна была изложить все это на бумаге, чтобы не держать в себе. И теперь, перечитывая, в своих же глазах выгляжу сумасшедшей. Подозрительной, неуверенной в себе невротичкой. Я не позволю надуманным подозрениям разрушить нашу семью. Мой муж меня любит. Он любит меня, и это единственная причина, почему он снова со мной.

Можно сказать так: «Вот моя настоящая жизнь. Она вернулась ко мне».

Ник Данн

Спустя пять дней.

Покинув особняк Дези, я нырнул в кошмарную духоту автомобиля, опустил стекла и проверил телефон. Меня ждало сообщение от Джилпина: «Привет, Ник. Нам нужно поговорить сегодня. Уточнить кое-какие подробности, задать вам несколько вопросов. Ждите нас в четыре часа в вашем доме. Хорошо? Заранее спасибо».

Впервые копы приказали мне явиться на встречу. Никаких «не могли бы вы», «будьте любезны», «вас не затруднит». Вместо этого чугунное «ждите».

Я глянул на часы. Уже три. Лучше не опаздывать.

Летнее авиашоу над Миссисипи (парад реактивных и винтовых самолетов, их рев над прогулочными судами, дребезжащие зубы), продолжавшееся третий день, было в самом разгаре, когда подъехали Джилпин и Ронда Бони. Впервые с того самого дня мы собрались в моей гостиной.

Дом стоял прямо под маршрутом полетов, и шум летательных аппаратов по силе распола-

гался где-то между отбойным молотком и горной лавиной. Мы с приятелями-копами пытались обмениваться фразами в перерывах между раскатами грохота. Ронда в этот день еще больше напоминала птицу — переступая с ноги на ногу, водила повсюду взглядом, рассматривала вещи под разными углами, — ну точно сорока ищет место для гнезда. Джилпин просто таскался следом за ней, покусывая губу и постукивая подметкой. Даже комната ощущала смутное беспокойство — солнечные лучи высвечивали броуновское движение пылинок в воздухе. Реактивные двигатели ударяли по дому, словно гром небесный.

— Итак, у нас есть парочка моментов, — заявила Бони, когда вернулась тишина. Они с Джилпином разом уселись, будто вдруг решили ненадолго задержаться у меня. — Нюансы, которые хотелось бы прояснить. Сведения, которые мы должны сообщить вам. Обычная рутина. Но если желаете говорить в присутствии адвоката…

Из просмотренных фильмов и сериалов я знал, что только парни, чувствующие за собой вину, прибегают к услугам адвокатов. Убитые горем мужья, верящие в свою невиновность, так не поступают.

— Спасибо, не стоит, — ответил я. — На самом

деле и я имею кое-какую информацию, которой должен поделиться. О преследователе Эми. Ну, о том парне, с которым она встречалась в школе.

— Дези… э-э-э… Коллинз, — начал Джилпин.

— Коллингс, — поправил я. — Знаю, что вы с ним говорили. Знаю, что по какой-то причине не считаете его подозреваемым, поэтому сегодня отправился к нему лично. Я хотел убедиться, что он ни при чем. Но мне так не кажется. Думаю, кто-нибудь из вас все-таки должен к нему заглянуть. Загляните, в самом деле. Он же переселился в Сент-Луис…

— Он переселился в Сент-Луис за три года до того, как вы решили выбраться из Нью-Йорка, — сказал Джилпин.

— Пусть так! Но сейчас-то он в Сент-Луисе. Рукой подать. Эми купила пистолет. Может, потому, что боялась?

— Ник, Дези вне подозрений. Он нормальный парень, — сообщила Ронда. — Вам так не кажется, но вот мне он напоминает вас. Настоящий золотой мальчик, баловень семьи.

— Я из близнецов. Не единственный ребенок в семье. И я старше на три минуты, между прочим.

Ронда явно подначивала меня, старалась вы-

вести из равновесия. И хоть я это понимал, злая кровь вскипала во мне всякий раз, когда я слышал про баловня.

— Так или иначе, — вмешался Джилпин, — и Дези, и его мать категорически отрицают, что он когда-либо преследовал Эми или встречался с ней в последние годы, разве что по случайности.

— Моя жена могла бы сказать вам другое. Он писал ей из года в год! И потом, он же появлялся среди волонтеров, Ронда! Вы не узнали его? Он был здесь в первый же день. Вы говорили, что тщательно проверяете всех людей, которые пытаются участвовать в расследовании…

— Дези Коллингс вне подозрений, — отрезала она, поднимая руку.

— Но…

— Дези Коллингс вне подозрений, — повторила Бони.

Вот так новость. Мне хотелось обвинить детектива, что она попала под влияние Эллен Эббот, но теперь об Эллен Эббот лучше вовсе не упоминать.

— Ладно-ладно, а как насчет тех ребят, что звонили вам на горячую линию? — Я шагнул к обеденному столу и взял в руки длинный список имен и телефонных номеров. Начал читать: — Дэ-

вид Сэмсон, Кларк Мерфи… Это старые друзья. Но вот Томми О'Хара, Томми О'Хара, Томми О'Хара. Три звонка! Тито Пуэнте — вообще похоже на дурацкую шутку.

— Вы звонили кому-то из них? — спросила Бони.

— Нет. Разве это не ваша работа? У меня нет времени разбираться, кто из них заслуживает внимания, а кто просто сумасшедший. У меня нет времени названивать какому-нибудь кретину, назвавшемуся Тито Пуэнте.

— Ник, я бы не стала делать упор на эти звонки. Их же уйма. Даже ваши бывшие подруги звонят, просто хотят поздороваться, узнать, как у вас дела. Странных людей хватает.

— Может, перейдем к нашим вопросам? — поторопил Джилпин.

— Верно. Мне кажется, нужно начать с того, где вы были тем утром, когда исчезла ваша жена, — внезапно став предельно вежливой, проговорила Бони.

Она играла роль доброго копа, и мы оба это знали. Если, конечно же, она не на моей стороне. Правда, разве не может коп быть на твоей стороне?

— Я провел то утро на берегу реки.

— И до сих пор не вспомнили, видел ли вас там кто-нибудь? Нам бы очень помогло, если бы этот вопрос удалось вычеркнуть раз и навсегда.

Она сочувственно помолчала. Ронда умела не просто молчать, она заполняла всю комнату настроением по своему выбору, как каракатица чернилами аквариум.

— Поверьте, мне этого хочется не меньше, чем вам. Но я не могу никого припомнить.

Бони улыбнулась:

— Знаете, что удивительно? Мы упоминали — просто упоминали — о вашем отдыхе на берегу реки в разговоре с несколькими людьми. И все они удивились, услышав от нас о вашем времяпрепровождении. Все как один заявили, что это странно. Вы не любитель пляжей.

— Ну, если приходить на пляж, — пожал я плечами, — и валяться там весь день, то, конечно, это не мое. Но выпить на берегу утренний кофе? Очень даже запросто.

— Ого! — радостно воскликнула Бони. — Это может быть полезно. Скажите, где вы покупали кофе в то утро? — Она повернулась к Джилпину, будто спрашивая его одобрения. — Мы хотя бы определимся, сузим временные рамки.

— Я сам его сварил здесь, — ответил я.

— Да? — нахмурилась Ронда. — Это непонятно, поскольку вы не пьете здесь кофе. Его нет в доме. Я, помнится, еще размышляла, как странно. Кофеман обязательно обратит на это внимание.

«Ну да, ну да, — подумал я. — Только по причине своего кофеманства и заметила. Знал я копа Бони Морони, ее ловушки просты, как макароны».

— В холодильнике оставался стакан, я его разогрел. — Я пожал плечами: мол, что тут такого?

— Ха! Наверное, вы его долго хранили. В мусорном ведре нет других емкостей из-под кофе.

— Пожалуй, несколько дней. Еще ничего на вкус.

Мы улыбнулись друг другу. Я знаю, и ты знаешь. Игра продолжается. Я даже в уме произнес эти дурацкие слова: игра продолжается. И все же в каком-то смысле я был доволен: мы переходим на новый уровень.

Но начинался следующий акт представления.

Бони повернулась к Джилпину, который сидел, держа руки на коленях, и легонько кивнула. Тот пожевал губу, а потом указал на оттоманку и тумбочку — они снова стояли на своих местах в гостиной.

— Видите ли, Ник, — начал он, — есть одна проблема. Мы видели десятки погромов…

— Десятки десятков и еще десятки, — встряла Бони.

— Очень много вторжений в частные дома. Вы помните, как все было в гостиной? Оттоманка вверх ногами, опрокинутая тумбочка, ваза на полу… — Джилпин вынул фотографию места происшествия. — Считалось, что все это следы борьбы, так?

Я на миг обмер, но тут же взял себя в руки.

«Сохраняй спокойствие».

— Что вы имеете в виду?

— Все выглядело немного неправильно, — продолжал Джилпин. — Мы это заметили в первую же секунду. Положа руку на сердце, мне показалось, будто разгром подстроен. Во-первых, беспорядок сосредоточен в одной комнате. Почему только в ней? Подозрительно. — Он выложил еще одну фотографию. Крупный план. — Посмотрите сюда. Вот книги. Они должны быть перед тумбочкой — обычно они лежат стопкой на тумбочке, правильно?

Я кивнул.

— Если тумбочку опрокинуть пинком, они должны полететь вперед, следуя траектории падения тумбочки. А они лежат впереди, как если бы кто-то смахнул их на пол, а потом опрокинул

тумбочку.

Я молча, не отрываясь, смотрел на фотографию.

— И еще обратите внимание. Лично мне очень любопытно. — Джилпин подошел к каминной полке, где стояли три антикварные рамки с фотографиями. Детектив сильно топнул, изящные вещицы тут же упали «лицом» вниз. — А в тот день они стояли.

Он показал фотографию. Я-то думал (даже после того, как меня поймали на обидном промахе с «Хьюстоном»), что имею дело с тупыми копами, киношные персонажи, которые привыкли ловить тупых деревенских парней и которые во все поверят, что им ни наплети. Оказалось, мои полицейские вовсе не дураки.

— Не понимаю, что вы хотите от меня услышать, — пробормотал я. — Просто не знаю, что и думать насчет всего этого. Я всего лишь хочу найти Эми.

— Мы тоже, Ник, — кивнула Ронда. — Мы тоже. Но вот вам еще загадка. Оттоманка. Вы помните, что она лежала ножками кверху? — Она похлопала по сиденью, из-под которого ножки выступали всего на дюйм. — Взгляните. Центр тяжести находится очень низко из-за коротких ножек. Эта

штуковина едва не касается пола. Попробуйте ее опрокинуть, — велела Бони.

Я выполнил приказ. Но вместо того, чтобы перевернуться, оттоманка слегка проехала по ковру. Я кивнул — что тут возражать, и вправду центр тяжести расположен невысоко.

— Я не шучу. Наклонитесь и толкните как следует, чтобы перевернуть, — настаивала Бони.

Опустившись на колени, я толкнул снизу, потом наклонился еще ниже, просунул руки под оттоманку и поднял. Она не опрокинулась, а наклонилась и съехала на прежнее место. Пришлось брать за край и переворачивать. Это было непросто.

— Удивительно, да? — заметила Ронда, которая не выглядела удивленной.

— Ник, вы убирали в доме в тот день, когда исчезла ваша жена? — вмешался Джилпин.

— Нет.

— Ладно. Наши эксперты брали пробы линолеума, простите, что раньше вам этого не сказал, с кухонного пола. Там пролито немало крови.

— Совпадает с типом Эми — третья, резус положительный, — добавила Бони. — Речь идет не о пустяковом порезе. Крови было много.

— О господи… — Мое сердце похолодело. —

Но…

— Получается, что ваша жена выбралась из гостиной, — сказал Джилпин. — По крайней мере, мы можем это предположить. При этом не потревожила ни единого предмета мебели за ее пределами. А потом она поранилась на кухне и потеряла много крови.

— А потом кто-то тщательно протер пол, — добавила Ронда, внимательно наблюдая за мной.

— Погодите-погодите… Зачем замывать кровь, а потом громить гостиную?

— Мы разберемся, — спокойно заверила Бони. — Вы, Ник, не волнуйтесь.

— Я не волнуюсь. Я всего лишь…

— Давайте присядем. — Она указала на обеденный стол. — Хотите перекусить? Может, сделать сэндвич?

Я покачал головой. Бони примеряла на себя различные женские образы — то властной начальницы, то заботливой хозяйки. Должно быть, выбирала, что даст лучший результат.

— А что вы скажете о своем браке, Ник? — спросила она. — Я к тому, что пять лет — это совсем вплотную к семилетнему кризису.

— У нас удачный брак, — ответил я. — Все хорошо. Не идеально, но довольно хорошо. Нор-

мально.

Она наморщила нос, будто не поверила ни единому слову.

— Думаете, Эми сбежала от меня? — задал я вопрос, который сам напрашивался. — Устроила все, чтобы дом выглядел как место преступления, и скрылась?

Ронда огласила длинный список возражений:

— Она не воспользовалась своим телефоном, она не воспользовалась своей кредитной картой, банковской карточкой тоже. Она не снимала крупных сумм до того.

— И еще у нас есть кровь, — добавил Джилпин. — Я не хотел бы выглядеть жестоким, но крови пролито много. И это довольно серьезно. Вряд ли она сама могла так пораниться. У вашей жены крепкие нервы?

— Да. Как сталь. — Эми до одури боялась одного только вида крови, но я не собирался открывать эту тайну нашим блестящим детективам.

— Тем более странно, — проговорил Джилпин. — Если она поранила сама себя, да еще так серьезно, должна быть причина.

— Давайте поговорим начистоту, Ник, — сказала Бони, слегка наклоняясь вперед, чтобы заглянуть мне в глаза, а я упорно смотрел в пол. —

Как обстоят дела с браком в настоящее время? Мы на вашей стороне, но хотим знать правду. Когда вы что-то скрываете, трудно помогать.

— У нас бывали противоречия, — признался я.

А перед глазами возникла картинка: Эми в нашей спальне, лицо покрыто красными пятнами, как всегда, когда моя жена злилась. Она выплевывала слова — злые, обидные, — а я слушал, пытаясь согласиться в душе, поскольку она по сути была права.

— Опишите ваши противоречия, — попросила Бони.

— Ничего особенного. Просто некоторые разногласия. Я хочу сказать, что у Эми взрывной характер. Копит-копит в себе, а потом — бац! Но, с другой стороны, в этом случае проблема быстро разрешается. Мы никогда не ложились спать, не помирившись.

— А в ночь со среды на четверг?

— Никоим образом, — продолжал заливать я.

— Ну, может, деньги… Или о чем вы спорите по большей части?

— Я даже вспомнить не могу причины споров. Разные мелочи.

— Ну и какая мелочь послужила причиной для разногласий в ночь перед исчезновением Эми? —

проговорил Джилпин с широкой улыбкой, будто отпустил невероятно остроумную шутку.

— Кажется, я уже рассказывал вам. Речь шла об омарах.

— А еще? Просто не верю, что вы целый час спорили об омарах.

В этот миг Бликер вперевалочку прошелся по лестнице и уселся, глядя на нас между балясинами перил.

— Тоже обычные семейные разногласия. Разногласия между мужем и женой. Кошачий лоток. Кто должен чистить кошачий лоток.

— Вы кричали друг на друга из-за кошачьего лотка? — удивилась Бони.

— Знаете, тут дело принципа. Я на работе целый день, а Эми — дома. Мне кажется, она должна выполнять какую-то часть домашней работы. Хотя бы самую простую.

Джилпин дернулся, как инвалид, разбуженный во время послеобеденного сна.

— А вы старомодный. Я такой же точно! Все время говорю жене: я не умею гладить, я не умею мыть посуду, я не умею готовить еду. Так что, любимая, я буду ловить плохих парней как умею, а ты время от времени закидывай в стиральную машину грязную одежду. Ронда, ты же была за-

мужем. Занималась домашним хозяйством?

— Я тоже ловлю плохих парней, болван! — раздраженно прошипела она.

Джилпин повернул глаза в мою сторону. Вот сейчас снова отмочит хохмочку: похоже, у кого-то критические дни. Этот тип не привык деликатничать.

Но он лишь снова потер челюсть и проговорил так, словно это вполне логичное предположение:

— Значит, вы хотели бы видеть в ней домохозяйку?

— Я хотел бы… Да я того же хочу, что и Эми. Я, вообще-то, не сильно заморачивался из-за этого. — Теперь я обращался к Бони, сочувствие на лице которой выглядело мало-мальски правдоподобным. — Эми не знала, чем ей заняться. Она не нашла работу, но ее не интересовал и наш «Бар». Ну и замечательно, сказал я ей. Хочешь дома сидеть? Пожалуйста, сиди. Но и от сидения дома она была не в восторге. Все ждала, что я исправлю положение. Как будто только от меня зависит ее счастье.

Бони молчала с лицом неподвижным, как вода в пруду.

— Я хочу сказать, — продолжал я, — что это

приятно, быть рыцарем на белом коне, героем, только надолго тебя не хватает. Я не мог сделать ее счастливой насильно, да она и не хотела быть счастливой. Поэтому я считал, что она должна взять на себя некоторые бытовые мелочи…

— Например, кошачий лоток, — вставила Ронда.

— Именно. Чистить кошачий лоток, покупать продукты, вызывать водопроводчика, чтобы не сходить с ума от капающего крана.

— Вау! Это что, правда похоже на счастье?

— Но хоть что-то должна делать жена, нет? Нельзя же целыми днями сидеть сложа руки и ждать, когда придет муж и займется хозяйством! — Я повысил голос, осознавая, что выгляжу рассерженным, хотя и справедливо возмущенным. Но выглядело все очень естественно. Начав с маленькой лжи о кошачьем лотке, я исторгал чистую правду, внезапно догадавшись, почему преступники столь разговорчивы. Ведь это так приятно — поведать историю твоей жизни незнакомцу, который не отмахнется от нее как от некой чепухи, а будет внимательно слушать. «Или притворяться, что внимательно слушает», — поправил я себя.

— А ваш переезд в Миссури? — спросила Бо-

ни. — Вы привезли Эми против ее воли?

— Против воли? Нет. Мы поступили так, как должны были поступить. Я остался без работы. Эми осталась без работы. Моя мама сильно болела. Я сделал бы то же самое для Эми.

— Так благородно с вашей стороны, — пробормотала Бони.

Она вдруг стала похожа на мою жену. Та тоже произносила спорные, двусмысленные фразы тихим голосом, с придыханием. Так, чтобы я слышал их, но не был в этом уверен. А когда я переспрашивал: «Что ты сказала?» — отвечала: «Нет, ничего».

Я ослепительно, во весь набор зубов, улыбнулся Бони, а потом задумался: «Вдруг это часть ее замысла? Детектив хочет знать, как я разговариваю с недовольной мною женщиной».

— А вы не могли бы нам пояснить, независимо от того, работала Эми или нет, каково было ваше материальное положение? — попросил Джилпин.

— Не так давно у нас начались проблемы с деньгами, — признался я. — Когда мы поженились, Эми была не бедной, очень даже.

— Ну да, — кивнула Бони. — Те книги об «Удивительной Эми».

— В восьмидесятых и девяностых ее родители гребли деньги лопатой. Но постепенно издательский бизнес зачах. Популярность серии пошла на спад. Родителям Эми пришлось одалживать деньги у нас, чтобы не вылететь в трубу.

— То есть у вашей жены?

— Да, совершенно верно. А на остатки «стабфонда» Эми мы приобрели бар, который с тех пор дает нам средства к существованию.

— Значит, когда вы женились на Эми, она на безденежье не жаловалась, — подвел итог Джилпин.

Я кивнул. Мне история казалась почти героической — муж сохранил верность жене, несмотря на материальные трудности и жизненные испытания.

— И вы привыкли жить в достатке.

— Да мы просто шикарно жили поначалу.

— И теперь, когда жизнь дала трещину, вам пришлось отказаться от привычного стиля жизни. Что вы на это скажете?

Неожиданно я понял, что весь мой рассказ был сплошной ошибкой.

— Ник, мы тут поинтересовались вашим финансовым положением, — заговорил Джилпин, умудрившись превратить обвинительный тон в

участливый. — И оно не выглядит безоблачным.

— Бар приносит стабильный доход, — заверил его я. — Но в любом новом бизнесе требуется от трех до четырех лет, чтобы рассчитаться с кредитами.

— Вот именно ваша кредитная карточка и привлекла мое внимание, — сказала Бони. — Двести двенадцать тысяч долларов задолженности. Когда я это увидела, у меня аж дух захватило. — Она протянула пачку чеков, исчерканных красными чернилами.

Мои родители с предубеждением относились к кредитным карточкам — использовали их лишь в исключительных случаях и исправно пополняли счет каждый месяц. «Мы не покупаем того, за что не можем заплатить» — вот девиз семьи Данн.

— Но мы не… Я никогда… Не думаю, что Эми могла… Можно мне посмотреть? — запинаясь, попросил я, в то время как от низко пролетевшего бомбардировщика задрожали оконные стекла.

С растения, стоявшего на подоконнике, слетели пять красивых бордовых листков. В течение томительных десяти секунд мы наблюдали, как они опускаются на пол.

— Кстати, в той грандиозной потасовке, которая здесь якобы произошла, — с неприязнью

пробормотал Джилпин, — ни одного лепестка не упало.

Приняв бумаги из рук Бони, я таращился на свое имя, написанное в разных версиях — Ник Данн, Лэнс Данн, Лэнс Н. Данн, Лэнс Николас Данн. И добрая дюжина чеков на разные суммы: от шестидесяти двух долларов и семидесяти восьми центов до сорока пяти тысяч шестисот двух долларов и тридцати трех центов. Все платежи были просрочены, и неприкрытая угроза читалась вверху каждой бумажки: «Оплатить немедленно!»

— Срань господня! Тут же какое-то мошенничество! — воскликнул я. — Это не мое. Вот, смотрите, некоторые счета совсем неправдоподобны. Я никогда не играл в гольф! А заплачено больше семи тысяч зеленых за набор клюшек. Кто угодно вам подтвердит: я в самом деле никогда не играл в гольф. — Я постарался это высказать самоукоряюще: мол, вот еще одно дело, в котором я не ах, — но детективы не клюнули.

— А вы знакомы с Ноэль Хоторн? — резко спросила Бони. — С подругой Эми, которую предлагали нам проверить?

— Погодите! Я хочу поговорить о платежах, поскольку они мне не принадлежат! — возму-

тился я. — Это очень серьезно. Нам нужно ловить мошенников!

— Мы их поймаем, не переживайте, — отмахнулась Бони. — Так как насчет Ноэль Хоторн?

— Верно. Я предложил ее проверить, потому что она носится по всему городу и называет себя лучшей подругой Эми.

— Кажется, вас это раздражает? — Ронда выгнула бровь.

— Да нет, я ведь уже говорил. Просто она как-то чересчур сильно переживает, будто на публику. Наверное, пытается привлечь к себе внимание. И повернута на Эми.

— Мы беседовали с Ноэль, — заявила Бони. — Она утверждает, что ваша жена сильно переживала, как бы ваш брак не развалился из-за финансовых проблем. Дескать, Эми боялась, что вы женились на ней только ради денег. Ноэль утверждает, что ваша жена беспокоилась из-за вашего характера.

— Не знаю, почему Ноэль так говорит. Едва ли они с Эми за все это время обменялись хотя бы пятью словами.

— Да? Странно, ведь вся гостиная Хоторнов увешана фотографиями Ноэль с вашей женой, — нахмурилась Бони.

Нахмурился и я. У Хоторнов есть настоящие фотографии Ноэль и Эми?

— В прошлом октябре они фотографировались в зоопарке Сент-Луиса, — продолжала детектив. — На пикнике с тройняшками, на лодочной прогулке в минувшем июне. Всего месяц назад.

— Эми ни разу не произнесла имя Ноэль за все то время, что мы здесь живем. Я не шучу.

Порывшись в памяти, я вспомнил, что один июньский уикэнд я провел с Энди, сказав Эми, что отправляюсь на мальчишник в Сент-Луис. Когда вернулся, она ждала меня пунцовая и недовольная, уставшая от скучного кабельного телевидения и аудиокниг. И что же получается, в эти дни она оттягивалась на лодочной прогулке? Нет, я даже представить не мог себе Эми, предающейся обычным для жителей Среднего Запада развлечениям: привязанные к каноэ кулеры с пивом, громкая музыка, пьяные парни и заблеванные бивуаки.

— Вы уверены, что на этих фотографиях моя жена?

Копы переглянулись: мол, он в своем уме?

— Ник, — сказала Бони, — у нас нет никаких причин полагать, что женщина на фотографиях, которая как две капли воды похожа на вашу жену

и которая, согласно утверждениям Ноэль Хоторн, матери троих детей, является вашей женой, не ваша жена.

— Причем женились вы на ней ради денег, по утверждению Ноэль Хоторн, — добавил Джилпин.

— Я серьезно, — возразил я. — В наше время любой может соорудить фото на ноутбуке.

— Замечательно! Несколько минут назад вы уверяли, что Дези Коллингс причастен к похищению, а теперь предъявляете претензии Ноэль Хоторн, — заметил Джилпин. — Кажется, вы все время пытаетесь кого-нибудь обвинить.

— Вместо себя? Да так оно и есть. Я женился не ради денег. Вам следует поговорить с родителями Эми, они знают меня, знают мой характер.

«Они не знают всего», — подумал я, ощущая, как холодеет живот.

Бони наблюдала за мной с оттенком сожаления. Джилпин, похоже, даже не слушал.

— Вы застраховали жизнь вашей жены на миллион двести тысяч, — с притворной усталостью сообщил Джилпин. Даже провел ладонью по длинному лицу с узкой челюстью.

— Да сама Эми это и сделала! — выпалил я.

Коп просто смотрел на меня и ждал продол-

жения.

— Я хочу сказать, что, конечно, документы оформлял я, но настояла Эми. Это была ее идея. Клянусь! Я даже не думал, но Эми сказала… Она сказала, что, учитывая перемену в ее материальном положении, так она будет чувствовать себя уверенней, или что-то вроде того. То есть это было просчитанное деловое решение. Мать его так! Я не знаю! Я не знаю, почему она этого захотела. Я не уговаривал ее!

— А два месяца назад кто-то посылал поисковый запрос с вашего компьютера, — вступила Бони. — «Река Миссисипи уплывает тело». Вы можете это объяснить?

Я сделал два глубоких вздоха и девять секунд успокаивался.

— Господи! Это был дурацкий сюжет для книги… Я всего лишь хотел написать книгу.

— Ха! — воскликнула Бони.

— Вот что, на мой взгляд, происходит, — начал я. — По телевизору часто показывают передачи, где муж всегда ужасный злодей, убивающий свою жену. Потому-то люди видят меня через эту призму. И некоторые вполне обычные, невинные поступки воспринимаются совершенно извращенно. И расследование превращается в охоту

на ведьм.

— Это так вы объясняете счета покупки по кредитной карточке? — спросил Джилпин.

— Я уже сказал, что эти счета не могу объяснить, поскольку не имею к ним ни малейшего отношения. Это ваша работа — выяснить, откуда взялись проклятые счета!

Копы молча сидели и ждали продолжения.

— Что сейчас вообще делается, чтобы найти мою жену? Какие версии, кроме мужа-убийцы, вы рассматриваете?

Дом задрожал, небо с оглушительным треском разорвалось, и в открытое окно мы увидели пролетевший на бреющем полете над рекой реактивный самолет.

— Эф-десять, — сказала Ронда.

— Не-а, маловат, — возразил Джилпин. — По-моему, это…

— Это Эф-десять.

Бони наклонилась ко мне, сцепив пальцы.

— Наша работа, Ник, — убедиться, что вы чисты на сто процентов, — проговорила она. — Не сомневаюсь, что вы тоже этого хотите. Сейчас нужно, чтобы вы помогли разобраться с некоторыми мелкими моментами, которые вызывают путаницу.

— Похоже, мне пора обзавестись адвокатом.

Копы обменялись такими взглядами, будто недавно заключили пари.

Эми Эллиот-Данн

21 октября 2011 года.
Страницы дневника.

Мама Ника умерла. Я долго не могла писать, потому что мама Ника умирала, а сын как с цепи сорвался. Милая упрямая Морин. Она ходила и ясно соображала еще за несколько дней до кончины, отказываясь обсуждать любые способы продления жизни.

— Я хочу жить до тех пор, пока не придет срок умирать, — говорила она.

Она вязала шерстяные шапочки для других больных, проходящих химиотерапию (а сама бросила лечение — бросила, бросила! — после первого же курса; жить подключенной к трубкам — это не для нее), поэтому я всегда буду помнить ее в окружении ярких мотков шерсти — красной, желтой, зеленой, — с бегающими пальцами, с цокающими спицами. И пока Морин вязала, она мурлыкала по-кошачьи, тихо и сонно.

А потом, в одно сентябрьское утро, она проснулась, только на самом деле это была уже не Морин. Всего за одну ночь съежилась, скуко-

жилась, сморщилась — не женщина, а птичка. Металась по комнате, ничего и никого, даже себя, не узнавая.

Так в нашу жизнь вошел хоспис — мягко освещенный, с портретами женщин в капорах и пейзажей с холмами, с автоматами для кофе и закусок. Никто и не ждал, что лечебница поможет Морин выздороветь или облегчит страдания. Ее положили для того, чтобы она умерла в комфортных условиях. Что она и сделала через три дня. Очень практично. Думаю, Морин хотела именно этого. Хоть я и уверена, что она закатила бы глаза при этой фразе: «Морин хотела именно этого».

Похороны были скромными, но душевными. Собралось человек сто. Хлопотала очень похожая на Мо ее сестра Омахи — разливала кофе и «Бэйлис», раздавала печенье и рассказывала забавные истории из жизни Мо. Мы прощались ветреным теплым утром, Го и Ник стояли, прижавшись друг к другу, а я топталась поодаль, ощущая себя лишней. А после, ночью, в постели, Ник позволил мне обнять себя, но уже через несколько минут высвободился и, шепнув: «Мне нужно на воздух», ушел из дому.

Его мама все время заботилась о нем. Настояла, чтобы она приходила раз в неделю и гладила

белье. «Я только немножко помогу наводить порядок», — говорила она всякий раз, но, когда уезжала, я могла заглянуть в холодильник и найти тонкими дольками нарезанный грейпфрут для Ника или еще какую-нибудь еду на верхней полке. Потом, открыв хлебницу, я обнаруживала, что Мо срезала корки с хлеба, с каждого ломтика. Я замужем за тридцатичетырехлетним мужчиной, который не терпит хлеб с коркой!

Я попробовала делать то же самое в первую неделю после похорон Морин. Срезала корки с хлеба, елозила горячим утюгом по футболкам Ника, испекла черничный пирог по маминому рецепту.

— Эми, не стоит делать из меня младенца, — неторопливо проговорил Ник, рассматривая ободранные ломти. — Я позволял маме срезать корки, потому что это доставляло ей удовольствие. А тебе такие сюси-пуси не по нутру, я же знаю.

И мы вернулись к черным квадратикам. Милый, влюбленный до безумия, обожаемый мною Ник исчез. Грубый, раздражительный и сердитый Ник вернулся. Вообще-то, в тяжелые времена принято опираться на супружеское плечо, но у нас с Ником это не получается. Он маменькин

сынок, оставшийся без мамы. И он не желает ничего принимать от меня.

Если Ник испытывает потребность, он использует меня для секса. Прижимает к столешнице или перегибает через спинку кровати и молча совокупляется, лишь в последние секунды несколько раз хрюкает. Потом отпускает меня, напоследок легонько погладив по спине — единственный интимный жест, — и произносит слова, которые, по его мнению, превращают все в игру:

— Ты такая сексуальная, что невозможно удержаться.

Но голос у него при этом мертвый.

> Ваш муж, с которым раньше у вас была просто восхитительная половая жизнь, вдруг становится холодным и отстраненным. Он только время от времени хочет от вас секса. Вы:
>
> а) отказываете в сексе — ему не выиграть эту игру!
>
> б) плачете и жалуетесь, выпрашивая ласку, дать которую он не готов, вызывая еще большее отчуждение;
>
> в) верите, что это лишь временные затруднения в долгой супружеской жиз-

ни, — у мужа черная полоса, вам следует понять его и дождаться лучших времен.

Ответ: в). Правильно?

Конечно, меня тревожит, что наш брак на грани распада, но я не знаю, как быть. Возможно, вы думаете, что следует поговорить с моими родителями, с тандемом психологов, но я чересчур горда. Вряд ли они дадут полезный для семейной жизни совет. Если вы не забыли, они родственные души. У них всегда были только взлеты и никогда не случалось падений — один сплошной поток радости. Обратись я к ним, они тут же напишут очередную книгу про Удивительную Эми, где та без всяких забот и хлопот вступит в идеальный, выдающийся брак.

«Потому что она все сделала как надо».

Но я тревожусь. Непрестанно тревожусь. Знаю, что на вкус моего мужа я уже слишком стара. Когда шесть лет назад соответствовала его идеалу, то слышала безжалостные суждения о сорокалетних женщинах. Какими жалкими они выглядят в барах — расфуфыренные, ищущие внимания, но позабывшие об утерянной привлекательности. Он возвращался домой подвыпивший и, когда я спрашивала, как все было, отвечал: «Полно „ну-

левых шансов“». Так он называл женщин моего нынешнего возраста. В те годы, будучи девчонкой чуть старше тридцати, я смеялась вместе с ним, наивно полагая, что со мной этого никогда не произойдет. А теперь я сама «нулевой шанс», и Ник со мной как в ловушке. Возможно, именно в этом кроется причина его неприязни.

От тоски я лечусь общением с детьми. Я каждый день наведываюсь к Ноэль и вожусь с ее тройняшками. Пухлые ручонки в моих волосах, влажное дыхание на моей шее. Теперь я понимаю, почему женщины всегда обещают съесть малыша: «Эх, так бы и съела! Такой сладенький, хоть ложкой ешь!»

И вместе с тем вид троих карапузов, заспанных после «тихого часа», ковыляющих к маме, цепляющихся за ее руки и колени, как будто она для них надежда и опора, обещание безопасности, причиняет мне боль.

Вчера я побывала у Ноэль и вконец расстроилась. Может, потому и натворила глупостей.

Ник вернулся домой, обнаружил меня в спальне, свежую после душа, немедленно прижал к стене и бесцеремонно трахнул. Когда он, сделав свое дело, отпустил меня, я смотрела на мокрый отпечаток моих губ на голубой краске, а

Ник присел на край кровати и, вздохнув, проговорил: «Ну, извини. Мне это было нужно».

И при этом отвел глаза.

Я присела рядом, обняла его, делая вид, что ничего такого не произошло, обычные отношения между супругами, и сказала:

— Я тут подумала…

— Да? И о чем же?

— Может, пора увеличить семью. Я хочу забеременеть.

Знаю, это полное безумие — обращаться к Нику с таким предложением. Но я ведь и есть безумная женщина, которая хочет родить ребенка, поскольку это может спасти ее брак.

Как же унизительно уподобляться тем, кого раньше ты сама высмеивала.

Ник резко отстранился:

— Прямо сейчас? Не самое удачное время. Ты же сидишь без работы…

— Да, но можно сидеть и с малышом, пока не…

— Эми, только что умерла моя мама.

— Ребенок — новая жизнь, новое начало.

Он хватает меня за плечи и, впервые за неделю глядя в глаза, говорит:

— Эми, похоже, теперь, когда моей мамы нет, ты решила, что мы весело помчимся в Нью-Йорк,

наплодим детей и ты заживешь своей привычной жизнью. Но у нас для этого нет денег. Мы и здесь-то едва сводим концы с концами. Ты представить себе не можешь, как я кручусь каждый день, чтобы выпутаться из безнадежной ситуации. Мы в финансовой дыре. Я не смогу содержать себя, тебя и вдобавок еще детей. Ты захочешь дать им то, что сама получила в детстве, а я не смогу этого обеспечить. Для маленьких Даннов не будет ни частной школы, ни тенниса, ни скрипки, ни летних пансионатов. Ты возненавидишь нашу бедность.

— Ник, не надо принимать меня за…

— Ты правда думаешь, что у нас все так хорошо и осталось только завести ребенка?

Мы зашли довольно далеко в обсуждении нашего брака, и я вижу, что Ник уже сожалеет о сказанном.

— На нас давит слишком много проблем, милый, — говорю я. — Мы часто ссоримся по пустякам, и я знаю, что не всегда бываю права. Просто здесь я не в своей тарелке…

— Так мы что же, присоединимся к тем парочкам, которые рожают детей для укрепления брака? Потому что это всегда действует безотказно?

— Нет, мы родим малыша, чтобы…

Его глаза темнеют, лицо приобретает собачье выражение. Он снова хватает меня за плечи:

— Только не это, Эми… Не сейчас. Мне и так тяжело. Еще одна проблема, и я просто сломаюсь.

И я чувствую: на этот раз он не врет.

Ник Данн

Спустя шесть дней.

В любом следствии первые сорок восемь часов самые важные. Эми пропала почти неделю назад. В ее честь решено жечь свечи всю ночь в парке Тома Сойера, который, по утверждению прессы, являлся любимым местом Эми Эллиот-Данн. Я не был уверен, ступала ли нога Эми когда-либо в этот парк. Несмотря на название, он запущенный. Грязный, без деревьев, с песочницами, наполненными собачьим дерьмом. Совершенно нетвеновский. Но в минувшие сутки сюжет о нашем мероприятии крутился по национальным телеканалам, его мог увидеть любой.

Благодарение господу, Эллиоты мне верили. Мэрибет позвонила вчера вечером, когда я приходил в себя после допроса с пристрастием. Моя теща посмотрела передачу Эллен Эббот и с ходу обозвала ее шлюхой и оппортунисткой в погоне за рейтингами. Большую часть сегодняшнего дня мы вырабатывали стратегию, которая позволит перетянуть массмедиа на нашу сторону.

Журналисты — мой бывший клан, мои со-

ратники! — сами разрабатывали сценарий. Им страшно понравилась история «Удивительной Эми» и долгоживущего брака Эллиотов. Никаких упоминаний о том, что цикл сворачивается, о том, что его авторы близки к банкротству. В настоящий момент все сердца и все цветы падали к ногам Эллиотов. СМИ любили их.

В отличие от этой идеальной пары, я для масс-медиа выступал как объект с ограниченным кредитом доверия. Сказались не только просочившиеся наружу малопривлекательные сведения — отсутствие алиби, возможная имитация разгрома на месте преступления, — но и отдельные штрихи моей личности. Журналисты сообщили, что, по воспоминаниям сверстников, в школе я никогда не ухаживал за одной девчонкой дольше нескольких месяцев, а поэтому меня объявили отъявленным ловеласом. После узнали, что мой отец содержится в пансионате «Комфорт-Хилл», что я очень редко навещаю его, и я тут же превратился в неблагодарного сына.

— Ты им не нравишься, и это проблема, — говорила Го после каждого выпуска новостей. — И не мнимая, а вполне реальная проблема, Лэнс.

СМИ воскресили имя, которое я ненавидел. В начале каждого учебного года возмущался на

перекличке: «Я Ник! Я буду Ником! — Что ни сентябрь, то этот ставший привычным обряд. — Я Ник! Отметьте себе, я хочу быть Ником!»

И всегда среди одноклассников находился засранец, который тратил на меня всю перемену, вышагивая рядом на манер чопорного джентльмена и повторяя противным голоском: «Привет, я Лэ-э-энс!» А потом все забывалось до следующего года.

И вот оно крутится во всех новостях, жуткое и предосудительное тройное имя, как у типичного серийного убийцы. Лэнс Николас Данн. И я ничего не могу с этим поделать.

Ранд и Мэрибет Эллиот и мы с Го прикатили на ночное бдение вместе. Я до сих пор не представлял, сколько компромата на своего зятя получили Эллиоты. Но знал о том, что им разболтали насчет «поддельного» места преступления.

— Я пришлю к вам домой своих юристов, — уверенно заявил Ранд, — и они докажут прямо противоположное: место преступления настоящее. Истина — штука гибкая, главное, выбрать правильного эксперта.

Но Ранд не знал о многом другом — о кредитной карточке, о страховке, о разлитой крови, о заявлениях «лучшей подруги мой жены» Ноэль

Хоторн насчет моего характера: корыстолюбие, жадность, потенциальная угроза. Сегодня ее пригласили на вечернее «Шоу Эллен Эббот» — эти две стервочки обсудят свое отвращение ко мне перед зрительской аудиторией.

Но не все горожане шарахались от меня. На прошлой неделе дела нашего «Бара» резко пошли в гору. Сотни клиентов приходили выпить кружку пива и пожевать попкорна в забегаловке, принадлежащей Лэнсу Николасу Данну, потенциальному убийце. Пришлось Го нанять четырех помощников, чтобы управляться в баре, а однажды она сказала, что не может там находиться: нет никаких сил терпеть проклятых бездельников, этих вампиров, пьющих наше пиво и сплетничающих обо мне. Однако, рассуждала Го, деньги лишними не бывают.

Вот только Эми нет уже шесть дней.

К парку мы подъезжали в тишине, лишь Мэрибет барабанила пальцами по автомобильному стеклу.

— Почти что двойное свидание, — писклявым голосом, намекающим на истерику, сказал Ранд и хихикнул.

Ранд Эллиот, гениальный психолог, искушенный в чаяниях читателей автор, всеобщий друг,

откровенно давал слабину. Практичная Мэрибет прибегла к самолечению — через строго отмеренные промежутки времени выпивала стопочку чего-нибудь крепкого. Это снимало стресс, но голова оставалась ясной.

Ранд же свою голову в буквальном смысле слова терял. Того и гляди, она подпрыгнет на плечах, как чертик из табакерки, — куку-у-у! Разговорчивость тестя достигла немыслимых пределов. Он до одури общался с каждым встречным, лез обниматься к копам, репортерам и волонтерам. Особенно доставалось нашему «связному» из гостиницы «Дэйз» — нескладному робкому парнишке по имени Донни. Ранду нравилось его поддразнивать и после признаваться в этом. «Донни, я над тобой просто подшучиваю», — говорил Ранд Эллиот, и лицо парня расплывалось в радостной улыбке.

«Может этот ребенок самоутверждаться где-нибудь в другом месте?» — ворчливо пожаловался я вчера Го.

Она ответила, что я просто ревную, — человек, ставший мне вместо отца, полюбил кого-то вместо меня.

Ну да, конечно.

Когда мы шагали к парку, Мэрибет похлопала

Ранда по спине, а мне так сильно захотелось ощутить чье-либо дружеское прикосновение, что невольно вырвался полувздох-полустон, похожий на всхлип. Да, мне кто-то был нужен, но Энди или Эми, я понять не мог.

— Ник? — проговорила Го и протянула руку к моему плечу, но я отдернулся.

— Прости. Ерунда… Прости, — ответил я. — Минутная слабость. Даннам не к лицу.

— Ну ладно, без проблем, — кивнула Го и посмотрела вперед. — Даннам теперь многое не к лицу.

С того дня, как сестра узнала о моей «ситуации» — так она стала называть супружескую измену, — она держалась довольно холодно, взгляд был устремлен вдаль, с лица не сходила задумчивость. Я изо всех сил старался не обижаться.

В парке то здесь, то там я замечал корреспондентов с камерами. Не только с местных, но и с общенациональных каналов. Данны и Эллиоты обходили толпу по периметру. Ранд улыбался и кивал с видом важной шишки. Появились Бони и Джилпин, увязались за нами, как дружелюбные пойнтеры, быстро становясь привычными, точно старая мебель. Видно, так и было задумано. Ронда была в черной строгой юбке и серой полосатой

блузке, — похоже, в этой одежде она являлась на все официальные мероприятия. Жидкие волосы она с двух сторон собрала при помощи заколок-пряжек.

«У меня была девушка — Бони Морони…»

Ночь выдалась жаркая и влажная, подмышки сыщицы превратились в темные смайлики пота. Бони радостно скалилась, будто вчерашних обвинений — а ведь копы обвиняли меня — вовсе не было.

Вместе с Эллиотами я поднялся по лесенке на шаткую временную сцену. Обернулся к сестре, та кивнула и изобразила глубокий вздох: не забывай дышать. Сотни пар глаз взирали на меня, щелкали фотоаппараты, слепили вспышки. «Не улыбайся, — сказал я себе. — Главное, не улыбайся».

С десятков футболок «Найдем Эми» мне улыбалась жена.

Го убедила меня выступить с небольшой речью: «Тебе нужно стать человечнее, и быстро!» Быть посему. Я направился к микрофону, который установили слишком низко, на уровне моего пупка. Несколько секунд я боролся со штуковиной, сумев поднять лишь на дюйм, — обычно такие заминки приводили меня в бешенство. Переведя

дыхание, я наклонился и принялся читать с бумажки, которую подготовила Го.

— Моя жена Эми Данн пропала почти неделю назад. Я не в силах описать ту боль, которую испытывает наша семья, ту глубокую брешь, которую оставило в нашей жизни исчезновение Эми. Любовь всей моей жизни, сердце нашей семьи! Тем, кто еще не знаком с Эми, скажу, что она веселая, очаровательная, добрая. Она мудрая и теплая. Она моя верная подруга и надежная помощница во всем. — Пробежавшись взглядом по толпе, я как по волшебству обнаружил Энди и прочел на ее лице такое отвращение, что моментально уткнулся в бумажку. — Эми — женщина, рядом с которой я хотел бы состариться. И я знаю, что так оно и будет.

ПАУЗА. ВДОХ-ВЫДОХ. НИКАКИХ УЛЫБОК.

Го и в самом деле написала эти слова в шпаргалке.

«Так оно и будет, будет, будет…» Мой голос вырывается из динамиков и раскатывается эхом, и звуки стихают над рекой. Я старательно отводил глаза от места, где стояла Энди. В парке засиял сонм огоньков. Предполагалось совместить этот момент с минутой молчания, но детвора громко плакала, а один пошатывающийся бродяга

вопрошал:

— Это чё тут, а? В честь чего?

Кто-нибудь шептал ему имя Эми, а тот лишь переспрашивал:

— Это чё?! В честь чего?

Ноэль Хоторн начала проталкиваться из середины толпы к сцене. Со всей тройней, разумеется. Один на руках, а остальные цепляются за юбку. Чада выглядели до нелепого крошечными для того, кто имел столь же крошечный опыт общения с детьми. Толпа расступалась, Ноэль с выводком направлялась прямиком к лесенке, глядя на меня снизу вверх. Я впился в нее недобрым взглядом — эта женщина оклеветала меня — и вдруг заметил увеличившийся в размерах живот. Опять беременна! У меня на секунду отвисла челюсть. Четверо детей! Господи!

Позже этот мой взгляд будут обсуждать, и большинство увидит в нем злость и страх.

— Привет, Ник! — Ее голос достиг низкого микрофона и раскатился над толпой.

Я схватил микрофон и попытался найти выключатель. Куда там!

— Я только хотела посмотреть тебе в глаза, — сказала Ноэль и расплакалась. Влажный всхлип пронесся над толпой, привлекая внимание. — Где

она? Что ты сделал с Эми? Что ты сделал со своей женой?

«Женой, женой…» — эхом разлетался ее голос. Двое из тройни испугались и заныли.

Целую секунду Ноэль, пытаясь справиться с рыданиями, не могла говорить, а потом в ярости схватила стойку с микрофоном и сдернула со сцены. Я хотел было отнять, но спохватился — нельзя прилюдно вступить в борьбу с женщиной в платье для беременных, вдобавок окруженной тремя детьми. В поисках Майка Хоторна я забегал взглядом по толпе, но он куда-то запропастился. Ноэль развернулась, чтобы обратиться к собравшимся:

— Я лучшая подруга Эми!

«Подруга… друга… друга…»

Ее слова, смешиваясь с хныканьем детей, летели над парком.

— Несмотря на все мои усилия, полиция отказывается воспринимать меня всерьез! Поэтому я выскажу свои доводы нашему городу. Городу, который Эми любила, городу, который любил ее. Этот мужчина, Ник Данн, должен ответить на наши вопросы! Этот мужчина должен сказать всем нам, что он сделал со своей женой!

Бони проталкивалась вдоль сцены к Ноэль. Когда та повернула голову, их глаза встретились.

Детектив выразительно чиркнула ладонью себе по горлу: прекращай болтать!

— Со своей беременной женой!

Бешеные вспышки фотоаппаратов затмили неяркие огоньки свечей. Стоявший рядом со мной Ранд издал странный не то визг, не то скрип — как будто с усилием провел пальцем по воздушному шарику. В толпе у моих ног Бони прижала пальцы ко лбу, как при острой мигрени. Окружающий мир представлялся мне стробоскопической сменой кадров, частота которых совпадала с моим пульсом.

Вот я высмотрел красное, искаженное, залитое слезами лицо Энди, не сводящей с меня глаз, и она выразительно шевельнула губами: «Засранец!» Повернулась и скрылась в толпе.

— Надо уходить, — шептала на ухо Го, внезапно оказавшаяся рядом, и дергала меня за рукав.

Вспышки слепили меня. Я стоял подобно монстру Франкенштейна, запуганному, загнанному оравой крестьян с факелами. Вспышки, вспышки…

Мы разделились на две группы. Я и Го рванули к автомобилю моей сестры, а Эллиоты с разинутыми ртами остались на сцене — спасайтесь сами. Репортеры не унимались, задавая один и

тот же вопрос:

— Ник, правда, что Эми была беременна? Ник, а вы знали, что Эми беременна?

Я мчался из парка так, словно был застигнут градом.

«Беременна, беременна, беременна…» — звучало в летней ночи под аккомпанемент цикад.

Эми Эллиот-Данн

15 февраля 2012 года.
Страницы дневника.

Что за странные времена настали? Я пытаюсь взглянуть на них как бы отстраненно, издалека. Ха-ха! Когда-то можно будет оглянуться на этот период жизни. Когда-нибудь, лет в восемьдесят, одетая в тона увядшей лаванды, умудренная опытом, с удовольствием потягивая мартини, я буду воспринимать эти события как историю. Загадочная и страшная история о том, как я уцелела.

С моим мужем происходит что-то ужасное, что-то неправильное, и я полностью уверилась в своих подозрениях. Да, он оплакивает маму, но не в этом дело… Его чувство направлено на меня, и это далеко не сожаление. Иногда я ощущаю, как Ник наблюдает за мной, а оглянувшись, вижу, что лицо мужа искажено отвращением, как будто он неожиданно застал меня за каким-то мерзким делом, но я всего-навсего завтракала хлопьями или расчесывала волосы перед сном. Он настолько неуравновешен, настолько раздражителен, что иногда мне приходит в голову: а не связано

ли его нынешнее состояние с какой-то болезнью? Например, с пищевой аллергией, которая может сводить с ума, или в его мозгу проросли какие-то споры-паразиты.

Как-то вечером я спустилась на первый этаж и застала его за столом в гостиной. Подперев голову кулаками, он рассматривал груду чеков с кредитной карты. Мой муж сидел в полном одиночестве, освещенный люстрой. Я хотела подойти к нему, присесть рядом: давай разберемся во всем вместе как единомышленники. Но потом передумала, опасаясь вспышки гнева с его стороны. Иногда я задаюсь вопросом: в чем кроется причина отвращения Ника ко мне? Может, в том, что я вижу его слабости, а он ненавидит меня за это?

Ник толкнул меня. Сильно. Два дня назад он толкнул меня, я упала и ударилась головой о кухонный шкаф так, что три секунды ничего не видела от боли. Но я не знаю, что и сказать об этом. Скорее обидно, чем больно. Я сообщила Нику, что готова поискать работу, какой-нибудь фриланс, и мы могли бы завести ребенка, чтобы жизнь наша стала настоящей.

— А нынешняя жизнь для тебя какая? — спросил он.

«Как чистилище», — подумала я, но промол-

чала.

— Как ты называешь нынешнюю жизнь, Эми? А? Как ты называешь ее? Это не жизнь для мисс Удивительной?

— Не о такой жизни я мечтала, — сказала я.

Он сделал три длинных шага ко мне, я подумала: «Да он же сейчас…»

А потом Ник толкнул меня, и я упала.

Мы оба тяжело дышали. Он держался левой рукой за кулак правой и, похоже, готов был расплакаться. Ник не просто жалел о своем поступке, он был в ужасе. И я хочу внести определенную ясность. Я знала, к чему вела, я сознательно била по его болевым точкам. Ведь наблюдая, как Ник глубже и глубже уходит в себя, я хотела спровоцировать его на любое слово, на любое дело. Пусть неприятное, пусть отвратительное, но хоть какое-нибудь. Не бросай меня в одиночестве, как привидение!

Но я не предполагала, к чему это приведет.

Я никогда даже не думала, что мой муж способен поднять на меня руку, поскольку никогда не считала себя простой бабой из толпы. Да, я смотрю канал «Лайф тайм муви», да, я знаю, что для семейного насилия нет социально-экономических границ. Но чтобы Ник? Это звучит

невероятно. Это звучит, можно сказать, смешно. Я — побитая жена.

«Удивительная Эми и Домашний Тиран».

Ник усиленно просил прощения. Что еще можно делать усиленно? Ну разве что потеть. Он согласился пойти на консультацию к психологу — вот уж не думала, что мой муж способен на такие жертвы. Превосходно. Он вообще очень хороший человек в глубине души, и я готова простить ему все, допуская, что его действия были вызваны некой болезненной аномалией, в которой, возможно, виноваты мы оба. Иногда я забываю, как сильно тяготят меня обстоятельства жизни. А ведь Ник чувствует то же самое. Он винит себя за то, что привез меня сюда, он ощущает, что обязан обеспечить мне уют и счастье, а не может. Мужчину, подобного Нику, который верит в счастье, добытое собственным трудом, такие мысли способны приводить в бешенство.

Сам по себе удар, хоть и сильный, меня не испугал. Боль прошла сразу. Куда страшнее было выражение лица мужа, когда я лежала на полу, слушая звон в ушах. По лицу читалось, что он сдерживается, чтобы не ударить снова. А ему хотелось. Очень сильно. С тех пор он так и смотрит на меня — виновато и с отвращением. С отвраще-

нием к своей вине.

Открою свою мрачную тайну. Вчера я отправилась в бывший торгово-развлекательный центр, где половина города покупает наркоту так же легко, как если бы ее выписывали по рецепту. Мне об этом рассказывала Ноэль. Ее муж изредка ходил туда, чтобы купить «косячок». Мне же наркотики не были нужны, я хотела приобрести пистолет. На всякий случай. Вдруг отношения с Ником продолжат развиваться в нежелательном направлении? Уже добравшись до «Риверуэя молла», я поняла, что поехала в День святого Валентина. В День святого Валентина я собралась купить пистолет, а потом приготовить ужин для своего мужа. И я подумала: а ведь папа Ника был совершенно прав. «Ты тупая сука!» Взгляните сами — я иду покупать оружие, потому что боюсь своего мужа. И в то же время я не могу бросить своего мужа, который скорбит по умершей маме. Да, не могу — я же не библейская лиходейка какая-нибудь. Разве что он вконец остервенеет. Разве что я буду знать наверняка: Ник опасен.

Но в глубине души я не верю в такое.

Просто с пистолетом мне будет спокойнее.

Ник Данн

Спустя шесть дней.

Го втолкнула меня в автомобиль и погнала прочь из парка. Мы миновали Ноэль, которая в сопровождении Бони и Джилпина шла к полицейскому джипу. Тройняшки волочились вслед за матерью, как хвост воздушного змея. Мы промчались вдоль толпы — сотни жирных лиц, олицетворяющих праведный гнев, следили за мной. Мы драпанули, если называть вещи своими именами.

— Ни фига себе подстава! — пробормотала Го.

— Подстава? — ошеломленно повторил я.

— Ник, ты думаешь, это случайность? Эта кошелка с тройней уже говорила с полицией. И ни слова о беременности!

— Или они выдают информацию по чайной ложке.

Если Бони и Джилпин уже выяснили, что моя жена была беременна, и решили строить расследование, исходя из этого обстоятельства, значит они в самом деле считают, что ее убил я.

— На следующей неделе Ноэль будет мелькать

по всем кабельным каналам, рассказывая, что ты — убийца, а она — лучшая подруга Эми перед лицом правосудия. Шалава сраная. Паблисити ей захотелось.

Я прислонил лоб к стеклу и резко опустил голову, съежился в кресле. Несколько фургонов с телевизионщиками преследовали нас. Мы долго ехали молча, дыхание Го понемногу выравнивалось. Я смотрел на реку, на ней, качаясь, плыла на юг какая-то ветка.

— Ник, — в конце концов проговорила моя сестра, — ты… э-э-э… ты…

— Я не знал, Го. Эми ничего мне не говорила. Если она была беременна, то почему Ноэль в курсе, а я нет?

— А почему она хотела купить пистолет и ничего тебе не сказала? — спросила Го. — Бессмыслица какая-то.

Мы приехали в дом Го — мой собственный наверняка окружили плотным кольцом репортеры. Едва я шагнул через порог, как мобильник зазвонил. Мой главный мобильник. Меня вызывал Эллиот. Вдохнув поглубже, я нырнул к себе в спальню и лишь тогда нажал кнопку приема.

— Ник, мне нужно спросить тебя, — сказал Ранд. Где-то рядом с ним негромко бормотал

телевизор. — Мне нужно с тобой поговорить. Ты знал, что Эми беременна?

Я ответил не сразу — прикидывая, как бы получше объяснить ему маловероятность беременности.

— Да отвечай же, черт побери!

Возмущение Ранда вынудило меня отвечать тише. Я заговорил мягким, спокойным тоном — тоном, застегнутым на все пуговицы.

— Мы с Эми не планировали заводить детей. Она не собиралась беременеть, Ранд, и я не знаю, хотела ли она этого вообще. У нас даже не было… Мы даже не имели таких частых отношений. Поэтому я… я очень удивился, когда услышал о ее беременности.

— Ноэль заявила, что Эми посещала врача, который подтвердил ее беременность. Полиция уже запросила медицинское заключение. Сегодня вечером мы будем знать правду.

Я обнаружил Го сидящей в гостиной с чашкой холодного кофе. Она пошевелилась, давая понять, что заметила мой приход. Но лицо прятала.

— Почему ты продолжаешь врать, Ник? Эллиоты наши союзники. Может, стоило им сказать, что это именно ты не хотел детей? Не надо делать из Эми отрицательного персонажа.

В груди всколыхнулась ярость, но я пересилил ее.

— Я так устал, Го. Дьявольщина! Мы должны обсуждать это прямо сейчас?

— А ты можешь предложить более удобное место и время?

— Я хотел детей. Какое-то время мы пытались, но не сумели. Даже подумывали о лечении бесплодия. Но потом Эми решила, что не хочет ребенка.

— А мне ты сказал, что сам решил.

— Просто не хотел перетряхивать белье на людях.

— Опять врешь, — сказала Го. — Я и не догадывалась, что ты такой. Все твои заверения, Ник, не имеют никакого смысла. Я же была на банкете по случаю открытия «Бара». Помнишь, мама тогда неправильно вас поняла, думала, вы хотите сказать, что ждете прибавления в семействе? А Эми расплакалась.

— Да ладно, Го, я не могу объяснить все поступки Эми. Я понятия не имею, с какого хрена она разрыдалась год назад. Дошло?

Го сидела неподвижно. Оранжевый цвет уличного фонаря окружал ее профиль ореолом рок-звезды.

— Наступает момент истины, Ник, — проворковала она, не глядя в мою сторону. — Серьезный экзамен. У моего братца всегда были проблемы с правдивостью. Если ты не мог подобрать убедительный аргумент, то всегда предпочитал соврать. Выбирая путь наименьшего сопротивления. Говорил маме, что пошел на бейсбольную тренировку, даже когда уже бросил команду. Говорил маме, что идешь в церковь, а сам отправлялся в кино. Просто зависимость какая-то.

— То, что сейчас происходит, Го, на бейсбол не похоже.

— Да это ни на что не похоже. Но ты продолжаешь фантазировать, как ребенок. Нашему Нику крайне необходимо, чтобы все вокруг считали его идеалом. Ты ни в какой ситуации не хочешь быть плохим парнем. Например, проще соврать родителям Эми, что она не хотела ребенка. Мне ты не сказал, что изменял жене. Ты готов поклясться, что счета с кредитной карточки не твои. Ты утверждаешь, что проводил время на пляже, а сам терпеть не можешь валяться на пляже. Ты всем рассказываешь, что был счастлив в браке. Теперь я даже и не знаю, каким из твоих слов еще можно верить.

— Ты шутишь, да?

— С тех пор как Эми пропала, ты только и делаешь, что врешь всем направо и налево. Поэтому я волнуюсь. Волнуюсь о том, что же будет дальше.

На миг повисла мертвая тишина.

— Го, я правильно понял твои слова? Если да, значит между нами что-то умерло, к чертям…

— Помнишь, как вы с мамой играли, когда ты был маленьким? «Будешь меня любить, если?..» Будешь ты меня любить, если я шлепну Го? Будешь меня любить, если я ограблю банк? Будешь меня любить, если я кого-нибудь убью?

Я не ответил, только задышал чаще.

— Так вот, я все равно любила бы тебя.

— Го, ты в самом деле хочешь, чтобы я это сказал?

Она молчала.

— Я не убивал Эми.

Она молчала.

— Ты мне веришь?

— Я тебя люблю.

Погладив меня по плечу, она ушла в спальню, плотно затворив за собой дверь. Я ждал, что она зажжет свет, но не дождался.

Две секунды спустя зазвонил мой мобильный. Мой второй мобильный, от которого я должен был избавиться, но не мог, поскольку я всегда,

всегда, всегда жду вызова от Энди. «Я хочу слышать тебя, Ник. Хотя бы раз в день».

Я поймал себя на том, что скрежещу зубами.

И выдохнул.

На дальнем краю города стоял когда-то форт в стиле покорения Запада, теперь там еще один парк, заброшенный и безлюдный, а все, что осталось от крепости, — деревянная двухэтажная вышка в окружении ржавых детских аттракционов и качелей. Когда-то мы с Энди встречались в этом парке, тиская другу дружку в тени сторожевой башни.

Желая убедиться, что за мной никто не следит, я сделал три круга по городу на старом мамином автомобиле. Конечно, такой шаг граничил с безумием, ведь не было еще и десяти вечера, но никто не спрашивал, хочу я свидания или нет.

«Нам нужно увидеться, Ник. Сегодня же вечером, или, клянусь тебе, я не смогу больше сдерживаться».

Подъезжая к форту, я поразился, как далеко он от жилых кварталов, зато немного успокоился: хорошо, что хотя бы Энди не боится встречаться со мной, убийцей беременной жены, в уединенном темном месте. Шагая к башне по густой жесткой траве, я видел силуэт в маленьком окне.

«Ох, доиграешься, Ник», — подумал я и постарался как можно быстрее преодолеть оставшуюся часть пути.

Спустя час я томился ожиданием в доме, который окружала толпа папарацци. Ранд утверждал, что еще до полуночи будет знать наверняка, беременна моя жена или нет. Когда зазвонил телефон, я схватил трубку, но только для того, чтобы услышать голос администратора из проклятого «Комфорт-Хилла». Мой папаша снова сбежал. Да, полиция уведомлена. Каждый раз мне это сообщали так, что я чувствовал себя конченым дебилом. «Если подобный случай повторится, мы будем вынуждены досрочно прекратить пребывание вашего отца в нашем заведении». Я мог только представить себе нас с отцом, живущих вместе. Двое жалких злобных засранцев — готовые типажи для самой паршивой комедии про придурков. С убийством и самоубийством в финале. Та-да-да-дам! Титры и веселенькая музычка.

Отключив телефон, я выглянул в окно, выходящее на реку, — спокойно, Ник, спокойно — и увидел сгорбленную фигурку на причале. Сперва принял ее за какого-нибудь заблудившегося репортера, но в сжатых кулаках и напряженных плечах промелькнуло нечто знакомое. «Комфорт-

Хилл» находился в получасе ходьбы отсюда, если шагать вдоль Ривер-роуд. Даже позабыв меня, он все еще помнил наш дом.

Я вышел в темноту. Отец болтал ногой над водой и пялился на реку. Выглядел он не таким затрепанным, как в тот раз, хотя ощутимо вонял застарелым потом.

— Папа, что ты тут делаешь? Все волнуются…

Он пронзительно посмотрел на меня темно-карими, а вовсе не белесыми, как у многих стариков, глазами. Признаться, мне было бы легче, будь они мутно-белесыми.

— Она сказала «Приходи», — процедил папаша. — Она сказала «Приходи». Это мой дом, и я могу приходить когда захочу.

— Так ты пешком добрался?

— Прихожу, когда захочу. Ты-то меня ненавидишь, а она любит.

Я едва не рассмеялся. Даже мой отец навоображал какие-то отношения с Эми.

В моем дворе засверкали фотовспышки. Нужно срочно уводить папу в дом. Нетрудно вообразить, что за статейками будут сопровождаться эти «эксклюзивные» снимки. Каким отцом был Билл Данн? Какого сына он мог воспитать? О господи, а если еще папа заведет шарманку про

тупую суку… Я набрал «Комфорт-Хилл», и после непродолжительных препирательств оттуда согласились прислать санитара. Под вспышки камер я со всей мыслимой деликатностью проводил отца к седану.

Мой отец. Я улыбался ему вслед. И тут налетели репортеры: а правда, что я убил свою жену? Пока я пятился к дому, подъехала полицейская машина.

Это Бони, не побоявшись папарацци, приехала, чтобы сообщить мне горячую новость. Говорила она доброжелательно, голосом нежным, как прикосновение перышка.

Эми была беременна.

Моя жена пропала с моим ребенком в чреве. Бони внимательно наблюдала за мной, дожидаясь реакции. «Ей нужны твои эмоции для полицейского расследования, — сказал я себе. — Веди себя правильно. Прими новость так, как должен принять мужчина».

Я уронил голову на руки и прошептал:

— О господи… О господи!

А перед глазами стояла картинка — моя жена с пробитой головой лежит на полу в кухне и держится за живот.

Эми Эллиот-Данн

26 июня 2012 года.
Страницы дневника.

Более живой я не чувствовала себя отродясь. Небо сияет яркой голубизной, птицы словно с ума сошли в эти теплые деньки, за домом неспешно бежит река, а я чувствую, как бурлит во мне жизнь. Я испугана, я взволнована, но я — живая.

Сегодня утром проснулась, когда Ник уже ушел. Сидела на кровати, не отрываясь глядела в потолок, на золотые солнечные зайчики. За окном пели синешейки, а меня тошнило. Горло сжималось и разжималось, подобно сердцу. Я приказала себе: не смей рвать, а потом кинулась в ванную, и меня стошнило прямо в раковину. Желчь, теплая вода и одна-единственная горошина. Живот стискивали спазмы, глаза стремились покинуть орбиты, дыхание прерывалось. Поэтому я занялась теми расчетами, которые начинает вести любая женщина, вот так же склонившаяся над раковиной. Я принимала таблетки, но могла пропустить денек-другой — какое это имеет значение, если тебе тридцать восемь лет и двадцать

из них ты принимаешь таблетки? Я не боялась случайно забеременеть.

Тесты оказались заперты под стеклом. Пришлось разбудить раздраженную усатую женщину и объяснить ей, чего я хочу. Пронизывая меня клиническим взглядом, она вручила пакетик и пожелала удачи.

Я не знала, что же считать удачей — положительный результат или отрицательный? Вернувшись домой, трижды прочитала инструкцию. Подержала полоску под правильным углом на протяжении нужного числа секунд, а потом положила ее на край раковины и убежала, как от бомбы. Три минуты ждала, включив радио и нарвавшись на песню Тома Петти, — хоть когда-то можно включить радио и не нарваться на песню Тома Петти? Я спела вместе с ним «American Girl» от первого до последнего слова, а потом прокралась в ванную, как будто тест — это чуткая добыча, а я хищник. Сердце забилось быстро-быстро. Я беременна.

Промчавшись через залитую солнцем лужайку на другую сторону улицы, я забарабанила в двери Ноэль, а когда она открыла, разрыдалась, показывая полоску бумаги и крича: «Я беременна!»

Теперь об этом знаю не только я. Даже страшно

как-то.

Вернулась домой с двумя мыслями.

Первая. На следующей неделе пятая годовщина нашей свадьбы. Ключи будут иметь вид любовных писем, а в конце Ника будет ждать чудная антикварная деревянная колыбелька. Я сумею убедить его, что мы одно целое. Мы семья.

Вторая. Жаль, что мне не удалось купить пистолет.

Сейчас я иногда со страхом жду возвращения мужа домой. Несколько недель назад он предложил покататься на плоту по реке под синим небом. Я так крепко цеплялась за борт, что Ник даже спросил, чего я так боюсь. А у меня перед глазами стояла картинка: Ник раскачивает плот, сперва дразнит и смеется над моей паникой, а потом с сердитым и сосредоточенным лицом бросает меня в воду — грязную бурую воду с колючим песком и ветками, и держит там сильной рукой, пока я не перестаю сопротивляться.

Я не могу бороться с этими мыслями. Ник взял меня замуж молодой, богатой, красивой, а сейчас я бедна, не имею работы и гораздо ближе к сорока, чем к тридцати годам. Правда, для своего возраста я все еще считаюсь хорошенькой. Но как ни крути, моя ценность уменьшилась. Я догады-

ваюсь об этом по взгляду Ника, когда он смотрит на меня. Вовсе не такой взгляд у человека, умеющего честно проигрывать. Скорей это взгляд мужчины, загнанного в угол. Может, он и хотел бы развестись со мной до родов. Но он не сможет, мой старый добрый Ник. В этом городе, где так превозносят семейные ценности, общество отвергнет человека, бросившего жену и ребенка. Поэтому он, вероятнее всего, останется со мной и будет страдать. Страдать, злиться и буянить.

Делать аборт я тоже не собиралась. Шестинедельный малыш в моем животе уже достиг размеров чечевичного зерна — у него появились глаза, уши и легкие. Несколько часов назад я спустилась в кухню, суетливо отыскала банку с бобами, которую Морин вручила мне для любимого супа моего мужа, вынула зернышко чечевицы и положила на столешницу. Очень маленькое зернышко, меньше моего ногтя. Я не в силах была смотреть, как оно лежит на холодном столе, и взяла на ладонь и погладила пальцем. Оно и сейчас в кармане моей футболки, я не могу с ним расстаться.

Я не хочу делать аборт и не собираюсь разводиться с Ником. Просто я по сей день не могу забыть, как он летним днем ныряет в океан

и шарит руками по дну, размахивая ногами в воздухе, а потом появляется с самой красивой ракушкой для меня, а солнце слепит глаза так, что, закрывая их, я вижу цветные блики. А потом Ник целует меня солеными губами, и я понимаю, что счастлива, что люблю своего мужа, будущего отца моих детей. И мы будем счастливы вместе.

Может быть, я ошибаюсь. Может быть, я очень сильно ошибаюсь. Иногда он так смотрит на меня… Где тот милый мальчик с пляжа, мужчина моей мечты, отец моего ребенка? Он рассматривает меня холодными паучьими глазами, за которыми прячется очень расчетливый разум. Кажется, этот человек способен меня убить.

Итак, если вы найдете дневник, а я буду мертвой…

Простите, это совсем не смешно.

Ник Данн

Спустя семь дней.

Вот и настала пора. Ровно в восемь часов утра по времени центральных штатов и в девять по нью-йоркскому я взялся за телефон. Как выяснилось, моя жена была беременной. Я оказался в центре внимания, но только в качестве подозреваемого. А потому твердо решил нанять адвоката. Того самого, которого я не хотел, но в котором отчаянно нуждался.

Таннер Болт. Жестокая необходимость. Загляните на юридические сайты, посмотрите любые криминальные новости, покрытое искусственным загаром лицо Таннера Болта возникнет перед вами, негодующее и заботливое, от имени какого бы клиента он ни выступал. В тридцать четыре года он прославился, защищая Коди Олсена, чикагского ресторатора, обвиненного в удушении беременной жены и сокрытии тела путем закапывания на свалке. Полицейская собака обнаружила запах трупа в «мерседесе» Коди, изучение его ноутбука показало, что кто-то распечатал карту проезда к ближайшей мусорной

свалке в то утро, когда жена Коди исчезла. Все улики были против него. Но когда за дело взялся Таннер Болт, к убийству оказались причастны все: полицейское управление, двое гангстеров из чикагского Вест-Сайда, сердитый вышибала из клуба. Все, кто угодно, кроме Коди Олсена, который свободно вышел из зала суда и потом угощал желающих коктейлями.

В течение последующих десяти лет Таннер Болт приобрел известность как Заступник Мужей — его способности наилучшим образом проявлялись в самых трудных случаях, когда мужей обвиняли в убийстве их жен. Как правило, он добивался успеха, выигрывал дела даже с чрезвычайно неприятными обвиняемыми — мужьями-изменниками, автомоносексуалистами и социопатами. Поэтому у Таннера Болта была еще одна кличка — Мудацкий Адвокат.

Я записался на прием на два часа пополудни.

— Это Мэрибет Эллиот. Оставьте сообщение, и я перезвоню, как только смогу, — произнес автоответчик очень похоже на Эми.

На Эми, которая уж точно перезвонит не скоро.

Я спешил в аэропорт, чтобы лететь в Нью-Йорк на встречу с Таннером Болтом. Когда я попросил у Бони разрешения покинуть город, она как будто

удивилась: «Полиция обычно на этом не настаивает. Разве что в сериалах».

— Привет, Мэрибет, это опять Ник. Мне нужно поговорить с вами. Хочу сказать, что в самом деле не знал о беременности Эми, и я потрясен так же сильно, как, должно быть, и вы. Э-э-э… Я решил нанять адвоката. Помнится, даже Ранд это предлагал. Ну, в общем… вы же знаете, я на автоответчик диктовать не мастер. Надеюсь, вы мне перезвоните.

Офис Таннера Болта располагался в центре Нью-Йорка, неподалеку от места моей прежней работы. Лифт поднял меня на двадцать пять этажей настолько тихо, что я не был уверен, двигаемся ли мы, пока не заложило уши. На двадцать шестом этаже блондинка в строгом деловом костюме вошла в кабину. Она нетерпеливо притопывала ногой, дожидаясь, когда закроется дверь, а потом напустилась на меня:

— Что ж вы кнопку не нажмете?

Я подарил ей ослепительную улыбку, которой пользуюсь, чтобы смягчить отношения с раздражительными женщинами; эту улыбку Эми называла усмешкой сердцееда Никки, и в этот миг блондинка меня узнала.

— О! — протянула она и скривилась так, будто

в кабине запахло гнилью.

То, что я вышел на этаже Таннера, она, похоже, восприняла как оскорбление.

Этот парень слыл лучшим в своем деле, а я и нуждался в самом лучшем, но мне претило обращаться к нему по какому бы то ни было поводу — претило иметь дело с человеком неразборчивым в средствах, самопиарщикам и защитникам виновных. Я заранее возненавидел Таннера Болта и нарисовал в воображении его офис похожим на сцену из «Полиции Майами». Но контора «Болт и Болт» оказалась прямой противоположностью вымышленной — солидной, по-настоящему адвокатской. За безупречно чистой стеклянной дверью сновали люди в очень добротных костюмах, перебегая из кабинета в кабинет.

Молодой человек, весьма холеный, в галстуке цвета тропических фруктов, поздоровался со мной и проводил в сверкающую стеклом и зеркалами приемную, где любезно предложил воды (я отказался), а потом вернулся за блестящий стол и поднял блестящую телефонную трубку. Я сидел на диване, глядя, как на горизонте портовые краны что-то клюют, напоминая огромных железных журавлей. Потом вынул из кармана последнюю загадку Эми. Пять лет — деревянный

юбилей. Что могло ждать меня в конце охоты за сокровищами? Что-то для малыша? Дубовая колыбель, резная погремушка? Что-то для нашего ребенка и для нас, возрожденной семьи Данн.

Пока я пялился в бумажку, позвонила Го:

— У нас все в порядке?

Моя сестра считала, что я способен убить свою жену.

— В порядке, насколько это возможно с учетом обстоятельств.

— Ник, прости меня. Я для этого и звоню — чтобы попросить прощения, — проговорила Го. — Проснулась и поняла, что вела себя как сумасшедшая. Просто голову потеряла. Это было наваждение какое-то. Я искренне прошу прощения. — (Я молчал.) — Ты должен понять меня, Ник. Усталость и нервное напряжение. Прости меня, пожалуйста.

— Ладно, прощаю, — соврал я.

— Вообще-то, я даже рада. Хоть какая-то ясность.

— Она в самом деле была беременна. — Мои кишки сжались в комок.

Я вновь почувствовал, что упускаю нечто крайне важное. Проглядел и дорого заплачу за это.

— Прости, — повторила Го. Помолчала несколько секунд. — Этот факт важен…

— Я не могу об этом говорить. Не могу.

— Ну ладно.

— Я сейчас в Нью-Йорке. У меня назначена встреча с Таннером Болтом.

— Боже правый! — Она со свистом выдохнула. — Ты так быстро сумел с ним встретиться?

— И это лишнее подтверждение тому, какой херовый у меня случай.

Меня соединили с Болтом почти сразу, через три секунды после того, как я назвал свое имя, — а когда я рассказал ему о допросе в моей гостиной и беременности Эми, он посоветовал прыгать в ближайший самолет.

— Что-то я очкую, — добавил я.

— Ты все правильно делаешь. Я серьезно. — Го выдержала паузу.

— Нет, Таннер Болт — это просто не может быть настоящим именем, — сказал я, чтобы разрядить обстановку. — Я где-то слышал, что это анаграмма Рантер Толб.

— Правда?

— Нет, — рассмеялся я, хотя веселье было неуместным.

И увидел, как с дальнего конца зала ко мне идет

анаграмма — черный костюм в тонкую полоску, ядовито-зеленый галстук и улыбка акулы. Таннер Болт шагал, похлопывая ладонью по бедру.

— Ник Данн? Я Таннер Болт. Идемте, нам пора заняться делом.

Кабинет Таннера Болта, казалось, был нарочно спроектирован так, чтобы напоминать комнату отдыха в закрытом гольф-клубе для мужчин, — мягкие кожаные кресла, полки забиты юридическими справочниками, газовый камин с дрожащим из-за кондиционера огнем. Садитесь, раскуривайте сигару и начинайте жаловаться на жену, отпуская скабрезные шуточки, — мы ведь тут все мужики.

Болт не расположился за своим столом, а провел меня к двухместному столику, будто предлагал партию в шахматы. «Мы партнеры, — без слов заявил он своим поступком. — Мы засядем в нашем штабе и обсудим предстоящую операцию».

— Мой предварительный гонорар, мистер Данн, — сто тысяч долларов. Понятно, что это очень большие деньги. Поэтому я намерен четко объяснить, что я предлагаю вам и чего буду ждать от вас. Хорошо?

Глядя немигающими глазами и сочувственно улыбаясь, он дождался моего кивка. Только

Таннеру Болту могла сойти с рук такая жесткая обработка клиента вроде меня и прямой инструктаж, что же я должен делать, чтобы мои деньги стали его деньгами.

— Я побеждаю, мистер Данн. Я выигрываю бесперспективные дела. Не хочу внушать ложных надежд, а потому скажу: ваше дело из таких. Проблемы с финансами, семейный разлад, беременная жена. Пресса заранее обвинила вас, общественность тоже предубеждена.

Он покрутил на пальце печатку, терпеливо ожидая знака, подтверждающего, что я слышу и понимаю. Когда-то мне попадался афоризм: в сорок лет мужчина носит то лицо, которое он заработал. Сорокалетний Таннер Болт явно заботился о своем лице — почти без морщин, без следов излишней полноты. Передо мной сидел уверенный в себе человек, лучший в своем деле. Человек, довольный своей судьбой.

— С сегодняшнего дня никаких бесед с полицейскими без моего присутствия, — продолжал он. — Кстати, раньше вы это делали совершенно напрасно. Прежде чем мы перейдем к юридическим аспектам предстоящего дела, нужно наладить контакт с общественностью. Все потому, что сведения, просочившиеся наружу, играют

не на вашей стороне: перерасход по кредитной карте, миллионная страховка, имитация места преступления, наспех замытая кровь. Все это выглядит очень плохо, друг мой. Итак, вы угодили в порочный круг: копы считают, что вы виновны, и сообщают об этом общественности; общественность верит в то, что вы виновны, и требует вас арестовать. Во-первых, мы должны найти подозреваемого как альтернативу вам. Во-вторых, нам следует и сохранить поддержку родителей Эми, значение этого пункта трудно переоценить. В-третьих, крайне необходимо исправить ваш имидж в глазах общественности, ибо, если дойдет до суда, он может существенно повлиять на мнение присяжных. Смена места рассмотрения дела не даст ничего. Круглосуточное кабельное телевидение, Интернет, опутавший весь мир, — вот ваше место обитания. Таким образом, я не могу сказать вам, что сейчас важнее. Надо начинать борьбу по всем фронтам.

— Поверьте, мне тоже этого хочется.

— А как обстоят дела с родителями Эми? Мы можем добиться от них заявления в вашу поддержку?

— Я не разговаривал с ними с тех пор, как подтвердилось, что Эми была беременна.

— Беременна, — нахмурился Болт. — Она беременна. И сейчас. Никогда, ни при каких обстоятельствах не говорите о своей жене в прошедшем времени.

— Твою мать… — Я на секунду уткнул лицо в ладони, спохватившись, что не слежу за словами.

— Когда мы с вами наедине, не заморачивайтесь. — Болт великодушно махнул рукой. — Но во всех других местах соблюдайте мое требование. Не расслабляйтесь ни на миг. Впредь вы не должны открывать рот, пока не подумаете хорошенько, что хотите сказать. Итак, вы не разговаривали с родителями Эми. Мне это не нравится. Но вы, по крайней мере, пытались связаться с ними?

— Я отправил несколько сообщений.

Болт почеркал в желтом блокноте.

— Ладно, придется исходить из предположения, что для вас это плохая новость. Но вы должны встретиться с ними. И никаких людных мест, где любая задница может снять вас на камеру мобильника, — хватит нам и одной Шоны Келли. Или отправьте свою сестру на разведку, пусть выяснит, что происходит. Да, лучше так и сделать.

— Хорошо.

— Еще мне нужно, Ник, чтобы вы составили

список всего хорошего, что вы сделали для Эми за эти годы. Всякие романтические глупости. Особенно за прошлый год. Например, варили куриный бульон, когда она хворала, писали любовные письма, будучи в деловой поездке. Ничего излишне роскошного. Меня не интересуют драгоценности, если только вы не покупали их вместе в отпуске или что-то вроде того. Мне что-нибудь очень личное — материал для фильма про любовь.

— А что, если из меня хреновый романтик?

Таннер Болт насупился, но вскоре принял обычный вид:

— Ну придумайте что-нибудь, Ник. Хорошо? Выглядите вы как славный парень. Уверен, вы совершили какой-нибудь романтический поступок в минувшем году.

Но я не мог вспомнить ни одного заслуживающего внимания поступка за целых два последних года. В Нью-Йорке, в первые годы супружества, я из кожи вон лез, чтобы порадовать жену. Хотел вернуть те чудесные дни, когда Эми выбегала на автостоянку из магазина и прыгала мне на руки, празднуя покупку лака для волос. Ее лицо прижималось к моему, ясные голубые глаза широко раскрыты. Желтые ресницы сцепляются с моими,

а теплое дыхание согревает мне губу под носом. Какая милая чепуха… За последние два года я перепробовал всякое, поскольку моя прежняя жена куда-то ускользала. Я прибегал… нет, не к спорам или ссорам. Я постоянно подлизывался, и улещал, и играл в поддавки, как типичный подкаблучник из комедии положений: «Да, дорогая. Конечно, любимая». В конце концов бурная энергия покинула мое тело, в то время как мысли, подобно непоседливым кроликам, метались в поисках способа сделать Эми счастливой. Но любой поступок, любое действие приводили только к закатыванию глаз и грустным вздохам. «Ты просто ничего не понимаешь!» — вот что эти вздохи означали.

К моменту нашего переезда в Миссури я вконец озверел. Мне было даже стыдно вспоминать, каким суетливым, мелочным, отвратно раболепным я сделался. Так что романтики во мне не осталось. Не осталось даже доброты.

— Также мне нужен список людей, способных причинить Эми вред. Список тех, кто мог иметь что-либо против нее.

— Я должен заявить, что Эми не так давно хотела купить пистолет.

— Копы знают?

— Да.

— А вы знали?

— Не знал, пока парень, к которому она обратилась, не рассказал мне.

Пару секунд адвокат размышлял.

— Держу пари, полицейские выдвинули версию, что пистолет ей понадобился для самозащиты от вас, — проговорил он. — Она чувствовала себя одинокой, боялась. Хотела довериться вам, но опасалась, что события пойдут в неверном направлении. Поэтому решила обзавестись оружием на случай, если подтвердятся худшие опасения.

— Ух ты! Умеете.

— Мой отец был копом, — пояснил он. — Но мне нравится идея с пистолетом, нужно только найти какой-то объект, помимо вас. Кого-нибудь из ближайшего окружения. Если она постоянно ссорилась с соседом из-за лающей собаки или намеревалась дать отпор приставучему парню, это будет то, что мне нужно. Вы слышали о Томми О'Хара?

— О, точно! Он в последнее время насколько раз пытался дозвониться до Эми!

— В две тысячи пятом он обвинялся в изнасиловании Эми.

От удивления я открыл рот, но не смог издать ни звука.

— У них был легкий флирт. После ужина в его квартире у них что-то не заладилось, он изнасиловал ее. Так утверждают мои источники.

— А когда именно в две тысячи пятом?

— Май.

Май приходился на тот промежуток времени, когда я потерял Эми, — между нашей новогодней встречей и случайным столкновением на Седьмой авеню.

Болт поправил галстук, покрутил обручальное кольцо с бриллиантами. При этом он оценивающе глядел на меня.

— Она не рассказала вам.

— Я никогда об этом не слышал. Ни от кого. И тем более от Эми.

— Не удивляйтесь, для большинства женщин изнасилование — клеймо. Позор.

— Уму непостижимо…

— Я стараюсь перед встречей с новым клиентом собрать как можно больше информации, — кивнул он. — Итак, следует заявить, что ваш случай крайне серьезный. И что вы очень нуждаетесь в моих услугах.

— А этот парень может попасть под подозре-

ние?

— Почему бы и нет? — чересчур бодро ответил Таннер Болт. — Он здорово испортил свою репутацию в случае с вашей женой.

— Он сидел в тюрьме?

— Эми сняла обвинение. Как я догадываюсь, не захотела давать показания в суде. Если мы с вами решим работать вместе, то я обязательно его проверю. А пока, как говорится, суд да дело, подумайте, кто бы мог проявлять повышенный интерес к вашей жене. Лучше, чтобы этот парень все-таки был из Карфагена. Так правдоподобнее. А теперь… — Болт закинул ногу за ногу и показал ряд нижних зубов — кривых и желтых по сравнению с совершенными верхними. — Теперь, Ник, переходим к более серьезной части. Я вынужден полагаться на вашу честность, у нас просто нет иного выбора. Расскажите о вашем браке, и чтоб без утайки. Если я буду знать самое худшее, я буду знать, к чему готовиться. Но если вдруг окажется, что я чего-то не знаю, мы обгадимся. И из нас двоих больше обгадитесь вы, потому что я попросту улечу на моем «Таурусе Джи-четыре».

Я глубоко вдохнул и посмотрел ему прямо в глаза:

— Я изменял Эми. И сейчас изменяю.

— Со многими женщинами или с одной?

— Нет, не со многими. Я раньше никогда не изменял.

— Значит, с одной? — спросил Болт, глядя в сторону.

Он перевел взгляд на акварель с парусником, в то время как пальцы крутили обручальное кольцо. Я представил, как он после нашей встречи будет звонить своей жене и рассказывать: «С одной! Всего лишь с одной! Хоть бы раз, один-единственный раз мне достался порядочный клиент, а не полный говнюк!»

— Да, всего лишь с одной девочкой, и она очень…

— Никогда не говорите «девочка»! — возмутился Таннер. — Женщина. Одна женщина, следует вам затвердить. Итак, что вы собирались мне рассказать?

И я выложил всю подноготную.

— Знаете, Ник, в вашей истории плохого для нас больше, чем хорошего. Как долго?

— Чуть больше года.

— Вы общались с ней после того, как Эми пропала?

— Да. По запасному телефону. И лично один раз. Нет, два. Но…

— Лично?

— Нас никто не видел. Могу присягнуть. Только моя сестра.

Адвокат вздохнул и снова посмотрел на парусник.

— И что говорит эта… Как ее, кстати, зовут?

— Энди.

— Как она относится ко всем этим событиям?

— Она держалась молодцом… Пока не стала известно о беременности. Сейчас мне кажется, что она немного… на взводе. Она здорово на взводе. Она… э-э-э… нуждается — не вполне правильное слово.

— Говорите прямо, Ник. В чем она нуждается?

— В утешении. Требует его. Она правда очень милая девочка, но очень юная. И это усложняет, конечно…

Таннер Болт подошел к мини-бару и достал бутылочку «Кламато». Его мини-бар был весь забит «Кламато». Скрутив крышку, он осушил бутылку в три глотка, а потом протер губы льняной салфеткой.

— Вам придется порвать с ней раз и навсегда. Никаких отношений с Энди. — А когда я открыл рот, он выставил вперед ладонь, понуждая замолчать. — Немедленно.

— Я не могу порвать с ней вот так сразу. Ни с того ни с сего.

— Это не обсуждается, Ник. Вы должны выполнять мои распоряжения, уж коли я взялся за ваше дело. Вы не можете крутить романы в ситуации, когда ваша беременная жена пропала без вести. Это верный путь за гребаную решетку. Сейчас нужно подумать, как не настроить Энди против нас. Нельзя, чтобы она попыталась отомстить или выступила на публике с нежными воспоминаниями. Убедите эту женщину в необходимости разрыва — пусть она поймет, что должна заботиться о вашей безопасности. У вас есть опыт расставаний с женщинами?

Я открыл рот, но он и не ждал ответа.

— Мы отрепетируем ваш разговор с ней. Это как будто вы готовитесь к экзамену. Годится? Итак, если вы готовы заключить со мной контракт, я полечу в Миссури, разобью там лагерь и мы начнем работать по-настоящему. Вас устраивает?

— Устраивает…

В Карфаген я вернулся после обеда. Удивительное дело — как только Таннер Болт сбросил Энди со счетов, как только стало ясно, что мы не можем оставаться вместе, я без проблем свыкся с этой мыслью, слишком мало печалился. Летел два

часа, и за это время любимая Энди стала просто Энди. Наши взаимоотношения моментально поблекли, переместились в прошлое. Как странно, что я разрушил свой брак из-за этой соплюхи, с которой у меня ничего общего, кроме любви к веселым шуткам и холодному пиву после секса.

«Естественно, ты рад покончить с этим, — сказала бы Го. — Дальше было бы только хуже».

Но нашлась и более важная причина. Образ Эми занимал все больше места в моем разуме. Да, она пропала, но тем не менее я думал о ней чаще, чем когда-либо прежде. Я влюбился в Эми потому, что чувствовал себя рядом с ней настоящим Ником. Любовь к ней превращала меня в сверхчеловека, позволяла почувствовать себя по-настоящему живым. Даже в самое легкое дело она вкладывалась по максимуму, потому что ее мозг трудился без остановки, а мне приходилось лезть вон из кожи, чтобы не отставать. Я мог целый час убить на сочинение рядового электронного письма для нее. Чтобы поддерживать разговор на интересные для нее темы, я рылся в Интернете: поэты «Озерной школы», дуэльный кодекс, Французская революция. Ее кругозор оказался столь широким, что я набирался ума, общаясь с ней. Становился более собранным, более активным, более живым;

казалось, во мне гудит электричество. Любовь к Эми я бы уподобил наркотику, или алкоголю, или порно. Никаких пологих участков кривой. Снова и снова надо увеличивать дозу, чтобы достичь того же результата.

Эми заставила меня поверить в свою исключительность, в то, что я могу сравняться с ней. Это нас роднило и окрыляло, но в этом таился роковой подвох. Все потому, что я не соответствовал завышенным требованиям. Мне захотелось простоты и усредненности, и я, хоть и ненавидел себя за это, невольно мучил Эми. В конечном итоге я превратил ее в колючее хрупкое существо. Я притворялся человеком одного типа, но внезапно осознал, что отношусь к совершенно другому. Хуже всего, что я убедил себя: в наших бедах виновата только она. За несколько лет я из себя сделал то же самое, чем была, по моей глубокой убежденности, Эми, — уверенный в своей правоте клубок ненависти.

На обратном пути я столько раз перечитал в самолете загадку номер четыре, что запомнил ее. Хотелось помучить себя. Неудивительно, что эти записки так отличаются от прежних: моя беременная жена хочет начать все сначала, вернуть нашим отношениям былое яркое счастье.

Легко было представить, как она бегает по городу, оставляя для меня милые письма, старается, будто школьница, чтобы я прошел охоту за сокровищами до конца и нашел там новость: у нас будет ребенок. Дерево. Наверняка она приготовила колыбель в старинном стиле. Я хорошо знал свою жену. Точно, подарок — антикварная колыбель. Хотя тема у этой подсказки была странной для беременной женщины.

Представь меня. Я девочка плохая,
И наказанье ждет меня, я знаю.
У тайника героев пятой годовщины
Прости меня, коль угадаешь нынче.
Прекрасный отдых в полдень яркий,
Коктейли, и от шуток даже жарко.
Спеши туда, сдержав в груди томленье,
Сюрприз отыщешь всем на удивленье.

Почти у самого дома я сообразил наконец. Тайник героев пятой годовщины. Эти герои — нечто сделанное из дерева. Наказание — отправить в дровяной сарай. Именно такой сарай стоял за домом моей сестры — склад для ржавых лопат и газонокосилок. Ветхая дворовая постройка, будто взятая из фильма ужасов, в котором одного

за другим убивают туристов. Го даже близко не подходила к обветшалому и заросшему паутиной строению и частенько говорила, что его давно пора сжечь. Мы шутили: лучшего места, чтобы спрятать труп, не найти.

Быть того не может.

Я ехал через город с окаменевшим лицом и холодными руками. Автомобиль Го стоял на дорожке, но я скользнул мимо ярко освещенного окна гостиной и вниз по пологому склону, выскочив из поля зрения сестры, да и кого бы то ни было тоже. Остался в полном уединении.

На дальнем краю двора, ближе к лесу, стоял сарай.

Я открыл дверь…

«Нет-нет-нет-нет-нет…»

Часть вторая
ПАРЕНЬ НАХОДИТ ДЕВУШКУ

Эми Эллиот-Данн

Тот день.

Теперь, когда я числюсь мертвой, я гораздо счастливее.

Точнее, я считаюсь без вести пропавшей. А скоро буду считаться мертвой. Давайте для краткости пользоваться этим словом. Прошло лишь несколько часов, а я чувствую себя гораздо лучше: свобода в суставах, энергия в мускулах. Этим утром я внезапно осознала, что ощущения в мышцах лица какие-то странные, непривычные. Я глянула в зеркало заднего вида: в трех четвертях мили остался ужасный Карфаген, мой самодовольный муж торчит там за липкой стойкой своего бара, в то время как суровая кара нависла над его безмозглой, ни о чем не подозревающей башкой. Глянула и поняла, что улыбаюсь. Ха! Это что-то новенькое.

Мой список важных дел на сегодня (один из многих списков, составленных в минувшем году) лежит рядом со мной на пассажирском месте с кровавой кляксой возле пункта № 22: «Порезаться». «Но ведь Эми боится крови!» — возразят те,

кто читал мой дневник. (Ах да, дневник. Ничего, мы доберемся и до моего замечательного дневника.) Нет-нет, я боюсь крови совсем чуть-чуть, но в прошлом году всем уши прожужжала насчет своей фобии. Одному только Нику талдычила с дюжину раз, как боюсь крови, а когда он возражал: «Что-то не помню, чтобы ты боялась крови», я отвечала: «Да ведь постоянно об этом твержу». Ник чересчур забывчив, когда дело касается чужих проблем, поэтому он не сомневался, что я говорю правду. Потеря сознания в центре переливания крови пришлась очень кстати. Это реальный случай, а не просто выдумка, записанная в дневнике. Не переживайте, скоро мы все рассортируем: правду, неправду и то, что могло бы стать правдой.

Пункт № 22: «Порезаться» — я внесла в список уже давно. И вот теперь выполнила — рука до сих пор болит. Не так-то легко вспороть свою кожу, а с ней и мышцы, как будто это просто бумага. Особенно если крови нужно много, но не слишком — вы же не хотите, чтобы через час вас нашли в алой луже и засыпали вопросами. Я прижала кончик канцелярского ножа, но, глядя на голубоватые прожилки вен, ощущала себя сапером, обезвреживающим мину в каком-нибудь кино-

боевике. Одно неверное движение, и тебе конец.

Провела длинную черту вдоль внутренней стороны предплечья, закусив тряпку, чтобы не закричать. Один длинный глубокий порез. Потом десять минут сидела скрестив ноги на кухонном полу, наблюдая, как капает кровь, пока не образовалась лужа вполне подходящего размера. Потом все вытерла, но так же небрежно, как это сделал Ник, когда толкнул меня и я разбила голову. Мне хочется, чтобы сцена являла собой конфликт между истинным и ложным. «Следы борьбы в гостиной явно подделаны, но кто-то же замыл кровь. Нет, это точно не Эми!»

Членовредительство того стоило. И теперь, хотя прошло уже несколько часов, рана болит под рукавом, под давящей повязкой. Пункт № 30: «Тщательно перевязать рану, чтобы кровь не капнула туда, где ее быть не должно. Обернуть канцелярский нож и спрятать в карман — чтобы потом от него избавиться».

Пункт № 18. Устроить «следы борьбы» в гостиной. Перевернуть оттоманку. Выполнено.

Пункт № 12. Установить первую подсказку в коробку и положить так, чтобы полиция нашла ее раньше, чем обалдевший муж додумается поискать. Записка обязательно должна войти в

протокол. Я хочу, чтобы Ник не сумел отвертеться от этой охоты за сокровищами. Выполнено.

Пункт № 32. Переодеться во что-нибудь попроще, волосы убрать под шапку, спуститься к берегу реки, пройти по неглубокой — несколько дюймов — воде до границы жилого комплекса. В это время Треверсы, соседи, у которых дом с видом на реку, будут в церкви. Но нельзя до конца быть уверенным в этом, поэтому необходимо сделать так, как написано выше. Я всегда на шаг впереди других, в этом моя сила.

Пункт № 29. Попрощаться с Бликером. Почуять напоследок его не очень свежее кошачье дыхание. Насыпать сухого корма в миску на тот случай, если его забудут покормить, когда все закрутится.

Пункт № 33. Избавиться от гребаного «доджа».

Выполнено. Выполнено. Выполнено.

Я могу рассказать, как все подстроила, но хочу, чтобы прежде вы узнали меня немного лучше. Не Эми из дневника, который является плодом художественного вымысла (Ник как-то заметил, что из меня не получится настоящий писатель, и зачем я его только слушала?), а Эми Настоящую. Что за женщина на такое способна? Позвольте же изложить вам предысторию, где нет ни слова

выдумки, и тогда, возможно, вы начнете кое-что понимать.

Начну с того, что я не должна была родиться.

До моего появления на свет у мамы было пять выкидышей и двое детей родились мертвыми. Каждый год, осенью, как будто сельскохозяйственный урожай. Все девочки. Всех их назвали Хоуп. Я уверена, что это предложение моего отца, с его оптимистическим посылом, с его серьезностью, имеющей оттенок иронии. «Мы не должны терять надежду, Мэрибет!» Но они много раз подряд теряли Надежду.[5]

Врачи уговаривали прекратить попытки, но мои родители отказались. Они не пасуют перед трудностями. Пробовали и пробовали, пока наконец-то не появилась я. Мама не рассчитывала, что я выживу, даже не думала обо мне как о настоящем живом ребенке, о девочке, которую она заберет домой. Если бы судьба от меня отвернулась, я стала бы Хоуп-8. Но я с криком вошла в мир — сердитая, блестящая и красная. Мои родители страшно удивились, когда осознали, что никогда, ни разу, не обсуждали имя для настоящего ребенка. Поэтому первые два дня, которые

---

[5] Примечания: 5
Норе — надежда *(англ.).*

я провела в клинике, меня не называли никак. Каждое утро мама слышала, как открывается дверь в ее палате и медсестра останавливается на пороге (мне она всегда представлялась этакой винтажной куклой: белые колышущиеся юбки и накрахмаленная шапочка, похожая на коробку для китайской еды). Медсестра мнется, а мама спрашивает, не поднимая глаз: «Она еще жива?»

Когда моя жизнь перестала висеть на волоске, меня назвали Эми, а все потому, что в том году имя пользовалось огромной популярностью, тысячи других малюток были названы так; возможно, Бог не сумеет разыскать меня, затерявшуюся среди прочих детей. Мэрибет как-то сказала, что если бы могла родить меня заново, то назвала бы Лидией.

Я росла гордой, с чувством собственной уникальности, — девочка, которая боролась с небытием и победила. Вероятность успеха составляла меньше одного процента, но у меня получилось. Я уничтожила матку моей матери — не роды, а сокрушительный марш Шермана. Мэрибет стала бесплодной. В детстве меня это радовало до дрожи — лишь я, лишь я, только я.

Моя мама сидит в кресле-качалке в дни рождения-смерти всех Хоуп, потягивает горячий

чай и говорит о том, что хочет чуточку времени уделить себе самой. Никакого притворства — Мэрибет слишком рассудочна, чтобы устраивать панихиды, но она становится задумчивой, отстраненной, и мне это претит — я-то нуждаюсь в ее внимании. Я карабкаюсь к ней на колени, сую ей в лицо нарисованную цветными мелками картину, напоминаю, что надо срочно расписаться на уведомлении из гимназии, но встречаю лишь невидящий взгляд, без проблесков внимания. Отец пытается отвлечь меня — угощает конфетами или ведет в кино. Но никакие уловки не помогали. Я не давала маме грустить с тех нескольких минут уединения.

Я всегда считала себя лучше остальных «Надежд», ведь я победила. Но я всегда, всегда ревновала к семи мертвым танцующим принцессам.

Они достигли совершенства, не приложив к этому ни малейших усилий, не прожив ни единого мига в юдоли земной, а я застряла на этом свете и теперь должна ежедневно самоутверждаться, ежедневно доказывать, что и я достойна быть совершенством.

Так жить очень тяжело. Но я мучилась, пока мне не исполнился тридцать один год.

Потом целых два года все было хорошо. Благо-

даря Нику.

Ник любил. Любил через шесть «и». Ник люби-и-и-и-и-ил. Но он любил не меня. Ник любил девушку, которой на самом деле нет. Я притворялась, я часто изображаю какую-то личность. По-другому просто не могу. Как модницы регулярно меняют свои тряпки, так я меняю личности. Какой типаж мне в самый раз, какие черты характера популярны, какие душевные качества востребованы? Мне кажется, что все люди в той или иной степени делают так, как я, но не признаются в этом, а кроме того, они сосредоточиваются на одной-единственной личности, — они слишком глупы или ленивы, чтобы переключаться.

На той вечеринке в Бруклине я играла стильную девчонку, которая может понравиться такому парню, как Ник, — отпадную девчонку. Все мужчины считают это лучшим комплиментом. «Она отпадная девчонка». Титул означает, что ты клевая, блестящая, прикольная, обожаешь футбол и смыслишь в покере, не кривишься от грязных шуток и болтовни компьютерных геймеров, пьешь дешевое пиво, не возражаешь против секса втроем и анала, как очумелая пихаешь в рот хот-доги и гамбургеры и все-таки ухитряешься иметь второй размер, потому что отпадным дев-

чонкам все нипочем. Отпадная девчонка никогда не рассердится, она только улыбнется с легкой грустью, позволяя своему мужчине делать все, что заблагорассудится. «Валяй, сри мне на голову, не обижусь, я же отпадная девчонка».

Мужчины думают, что подобные девчонки существуют в действительности. Возможно, они обманываются потому, что многие женщины и сами рады притворяться отпадными. Довольно долго образ отпадной девчонки раздражал меня. Я видела, как легкомысленно мужчины — друзья, коллеги и просто знакомые — западают на эти кошмарные фальшивки. Хотелось сесть рядом с любым из них и спокойно сказать: «Ты назначаешь свидание не просто женщине. Ты назначаешь свидание женщине, которая смотрела слишком много фильмов, снятых социально неприспособленными мужчинами, которые верят, что такая порода женщин существует на самом деле и что их можно целовать». Мне хотелось схватить бедного парня за лацканы пиджака или ремень от сумки и закричать в лицо: «Эта сука на самом деле не любит чили-доги, потому что никто не может любить чили-доги!» Эти отпадные девчонки даже не вызывали у меня сочувствия. Они не изображают из себя женщину, какой им

хотелось бы стать, — они изображают женщину, какой их хотят видеть мужчины. О! Если вы не отпадная девчонка — это вовсе не значит, что ваш мужчина не хочет отпадную девчонку. Да, возможны варианты в части оформления витрины. Например, он вегетарианец, и ему нравится, чтобы отпадная девчонка предпочитала сейтан хот-догу. Или он художник-хипстер, и для него отпадная девчонка — татуированная кретинка в очках, обожающая комиксы. Поверьте мне, подходы могут слегка различаться, но все равно мужчины хотят отпадную девчонку, которая в их понимании представляет собой женщину, одобряющую все их мерзкие привычки и ни на что не жалующуюся.

Как узнать, что вы не отпадная девчонка? Когда он говорит что-то типа: «Мне нравятся сильные женщины». Если он говорит это вам — это, мать его, означает, что однажды он трахнет кого-нибудь на стороне. Вместо «мне нравятся сильные женщины» следует понимать «я ненавижу сильных женщин». Я терпеливо ждала — годы напролет, — чтобы маятник качнулся в другую сторону, чтобы мужчины стали зачитываться Джейн Остин, учились вязать, искали гармонию в любви и в гостях листали альбомы и лиза-

лись друг с дружкой под нашими похотливыми взглядами. И мы бы говорили: «Да, это отпадный парень».

Но я так и не дождалась. Вместо этого все женщины нашей страны, словно сговорившись, стали деградировать! Довольно скоро отпадная девчонка сделалась стандартом поведения. Мужчины возомнили, что она существует взаправду, что это не просто собирательный образ, мечта. Теперь в каждой женщине видят отпадную девчонку, а если она отказывается быть таковой, сразу подозревают отклонение от нормы.

Но быть отпадной девчонкой соблазнительно. Особенно для тех, кто похож на меня, кому нравится побеждать. Нам так в кайф быть девчонками, которых хотят все мужчины. Когда я повстречалась с Ником, то немедленно поняла, что он именно этого хочет, и решила вжиться для него в образ. Я не снимаю с себя вины. Поначалу я была без ума от него — вот в чем дело. Он показался мне извращенно-экзотичным — хороший мальчик из старого доброго Миссури. Другие ему в подметки не годились. Дразня, он пробуждал во мне все то, о чем я и не знала раньше: естественность, юмор, легкость общения. Казалось, что он выпотрошил меня и наполнил пухом. Он помог

мне стать отпадной девчонкой — ни с кем другим я бы не сделалась ею. Я просто не хотела. Не могу утверждать, что мне это не нравилось. Я ела печенье «Мунпай», ходила босиком, старалась не волноваться по пустякам. Я смотрела дурацкие фильмы и трескала продукты, напичканные химией. Я не задумывалась о последствиях своих поступков. Я пила кока-колу, не задаваясь вопросом, как смогу ее переварить, не опасаясь кислоты, вполне способной растворить монету, в моем желудке. Когда мы сидели в кинотеатре и смотрели немые ленты, я не фиксировалась на том, что налицо дискриминация актеров по половому признаку или что на значимых ролях слишком мало меньшинств. Меня даже не волновало, есть ли в фильме смысл. Я не гадала о том, что будет. Ни о каких последствиях не задумывалась. Жила сегодняшним днем, понимая, что постепенно глупею и мельчаю. Но и счастья все прибывало.

До Ника я никогда не чувствовала себя настоящим человеком, поскольку всегда была товаром. Удивительная Эми обязана быть блестящей, креативной, доброй, вдумчивой, остроумной и счастливой. «Мы хотим, чтобы ты была счастлива», — всегда говорили мне Ранд и Мэрибет, но не

объясняли, каким образом достигается счастье. Столько уроков, возможностей и преимуществ, но вот счастливой быть меня не научили. Я не умела шалить, как прочие дети. Когда меня приглашали на день рождения, я смотрела, как они кривляются и хихикают, и пыталась подражать, сама не понимая зачем. Тугая резинка от праздничной шляпы врезалась в подбородок, хрусткая глазурь с торта красила зубы в синий цвет, а я все гадала, в чем причина такого веселья.

И только встретившись с Ником, я разобралась окончательно. Он был таким забавным. Как будто ходишь на свидания с морской выдрой. Из моих знакомых ровесников он единственный не притворялся, что счастлив. Он был искрометным, остроумным, великолепным и очаровательным. Он нравился мужчинам. В него влюблялись женщины. Я полагала, что наш союз станет близким к идеалу, мы будем самой счастливой парой в округе. Дело даже не в любви, а в состязании. Но я искренне не понимаю, зачем жить вместе, если вы несчастливы.

И вполне возможно, я была счастливее эти несколько лет, притворяясь другим человеком, чем до того или после. Но как относиться к этому, я не знаю.

Но в конце концов игру пришлось прекратить — все это было не по правде, я не была собою. Ник, это была не я! Думала, ты догадаешься. Думала, это у нас просто игра. Думала, мы понимаем друг друга с полувзгляда, нам и слова не нужны. Я так старалась быть проще. Тщетные попытки. Как выяснилось, он тоже взял непосильную роль — тонкие шутки, умные игры, романтическое ухаживание. Постепенно все разваливалось. Я возненавидела Ника за то, что он поразился, когда я стала настоящей. Возненавидела за нежелание понять, что игра не могла не закончиться, за его слепую уверенность в том, что он взял замуж существо, созданное игрой воображения миллионов онанистов, любующихся спермой на своих пальцах. Он ведь на самом деле был изумлен, когда я попросила прислушиваться ко мне. Не мог поверить, что я против восковой эпиляции паха, и его ошеломил мой отказ отсосать. Он верил, что мне все равно, если он не приходил посидеть и выпить с моими друзьями! Ту смехотворную запись в дневнике помните? «Мне не нужна дрессированная обезьянка, чтобы хвастаться перед подругами, я разрешаю ему быть самим собой». Так вот, это самая настоящая дебильная чушь отпадной девчонки. Какая херня! Нет, правда, я

не врубаюсь. Если вы не заставляете мужчину отменять свои планы или разрешаете ему не идти на уступки для вас, разве вы не проигрываете? Вы же не достигаете желаемого. Это ясно как божий день.

Может, он и счастлив; может, он и говорит, что вы отпаднейшая из девчонок, но это потому, что праздник на его улице. Он называет вас отпадной девчонкой, чтобы обвести вокруг пальца! Ну, как болтовня продавца автомобилей. «Сколько вы готовы заплатить за это чудо?» А вы даже не собирались ничего покупать. Еще одна ужасная фраза, присущая мужчинам: «Конечно, ты не будешь возражать, если я…» Нет, я буду возражать! Просто скажите ему это в лицо. И не проигрывайте, тупые ссыкухи!

Так что всему пришел конец. Верности Нику, защищенности с Ником, счастью с Ником. Я поняла, что есть Настоящая Эми, которая несравнимо лучше, интереснее и многограннее, чем Отпадная Эми. Представляете, каково это — показать свое истинное «я» вашему мужу, вашей второй половинке, а ему эта истина не понравилась? Вот здесь-то и зародилась ненависть. Я очень много размышляла и пришла к выводу: с этого все и началось.

Ник Данн

Спустя семь дней.

Внутри дровяного сарая я успел сделать несколько шагов, прежде чем привалил к стене. Надо было перевести дух.

Я не ожидал ничего хорошего. Не ожидал с того мгновения, как выяснил: новый ключ следует искать в дровяном сарае. Яркий полдень. Коктейли. Да, в загадке упоминалось место встречи. Но только не наше с Эми, а наше с Энди. Я занимался с ней сексом во многих странных местах, и этот дровяной склад — одно из них. Нелегко было найти место для свиданий. Многолюдный жилой комплекс, где обитала Энди, не подходил изначально. Мотели легко вычислить по оплате с кредитной карточки, а моя жена не страдала ни излишней доверчивостью, ни излишней глупостью. У Энди имелась «Мастеркард», но отчеты по тратам приходили ее матери. Поэтому дровяной сарай возле дома моей сестры казался едва ли не идеальным в плане безопасности, особенно когда Го уезжала в «Бар». А кроме того, несколько раз нам сослужил службу пустовавший дом моего

отца. («Так важно подобрать удачно время — от полудня и где-то до коктейля. Помчись же ты с томлением в груди, дверь распахни — сюрпризы впереди».) Иногда мой кабинет в колледже. («Хочу быть твоей ученицей, Учитель, красавец, мудрец. Отдам тебе разум и тело, не нужно букетов, за дело».) А однажды на машине Энди мы отправились по грунтовке в Ганнибал — я повез ее туда вскоре после скучной экскурсии с Эми. («Сюда привел меня ты, чтобы поболтать, о детстве в кепке с козырьком повспоминать».)

Каждый ключ скрывался на том месте, где я хотя бы раз изменял Эми. Она воспользовалась охотой за сокровищами, чтобы напомнить мне обо всех изменах. Тошнота подступила к горлу, когда я представил, как Эми, никем не замеченная, тащится на автомобиле следом за мной — к моему папе, к Го, в проклятущий Ганнибал, наблюдает, как я совокупляюсь с юной девчонкой, и кривит губы в торжестве пополам с отвращением.

Жена прекрасно знала, что сумеет примерно меня наказать. И вот в конечном итоге продемонстрировала, насколько она умнее меня. Дровяной сарай был набит до отказа всеми теми вещами, которые я приобретал по кредитной карточке,

а потом чуть ли не на Библии клялся Бони и Джилпину, что ничегошеньки не знаю об этих покупках. Безумно дорогие клюшки для гольфа, часы и игровые приставки, одежда от кутюр — все хранилось здесь, ждало своего часа на земле сестры. Будто я припрятал их до той поры, пока жена не умрет, и тогда я смогу малость оттянуться.

Я стучал в дверь Го, пока она не появилась с сигаретой в зубах, а потом, буркнув: «Идем, кое-что покажу», развернулся и молча пошел к сараю.

— Гляди! — Я указал на открытую дверь.

— Это… это все то… что куплено по кредитной карточке? — Ее голос сорвался на верхней ноте.

Го зажала рот рукой и попятилась. Я понял: в эту секунду она подумала, будто я решил признаться ей в преступлении.

Мы никогда не вернем прежнего доверия. За одно это моя жена достойна ненависти.

— Эми меня подставляет, — сказал я. — Го, это все накупила Эми.

Сестра передернулась. Дважды моргнула и слегка потрясла головой, будто пытаясь избавиться от видения: Ник, убивший свою жену.

— Эми изобразила все так, будто я ее убил. Ее последний ключ привел меня прямиком сюда, но я не знал ничего о спрятанных покупках.

Это грандиозная мистификация! Спектакль — Ник Данн отправляется за решетку! — Комок подступил к горлу, сейчас или зарыдаю, или расхохочусь. Я расхохотался. — Нет, ты поняла, а? Срань господня!

«Скорей, доказать я хочу — чему-то и я научу». Заключительные слова первой подсказки Эми. Как я раньше не сообразил?

— Если она тебя подставляет, то почему привела сюда? — Го все еще изучала содержимое сарая.

— Потому что она постаралась на славу. Ей всегда требовалось одобрение, похвала. Она хочет, чтобы я понял, в какой заднице оказался. Она не может по-другому. Иначе не будет счастливой.

— Нет, — пробормотала Го, грызя ноготь. — Дело не в этом. Тут нечто большее. Ты прикасался к чему-нибудь?

— Нет.

— Это хорошо. Тогда следующий вопрос…

— Что я сделаю, обнаружив улику против себя рядом с домом сестры? — рассуждал я. — Вот он, вопрос. Поэтому, каких бы действий она ни ожидала, какие бы шаги ни просчитывала, я должен поступить наоборот. Если она думает, что я испугаюсь и попытаюсь избавиться от улик, то, держу

пари, знает, как это заведет меня в ловушку.

— Ну ладно, оставить все это здесь тебе нельзя. Проигрышный путь. А ты уверен, что это последняя подсказка? Где тогда твой подарок?

— Вот зараза! Он должен быть где-то внутри.

— Не ходи туда! — воскликнула Го.

— Я должен. Один бог знает, что она приготовила.

Осторожно, ступая на цыпочках, чтобы не оставлять следов, и прижимая руки к телу, я шагнул в сырой сарай. Позади телевизора с плоским экраном увидел привычный синий конверт Эми, лежащий на большой коробке, обернутой в серебристую подарочную бумагу. Я выволок тяжелую коробку — то, что в ней находилось, весило не меньше тридцати фунтов и, судя по стуку, состояло из нескольких частей — и конверт наружу. Поставил на землю у ног. Го невольно отступила от подарка. А я открыл конверт.

> Мой дорогой муж! Вот и пришло время сказать, что я изучила тебя лучше, чем ты мог себе когда-либо представить. Знаю, ты иногда полагаешь, что способен передвигаться по миру незаметно, как невидимка. Но не верь в это ни единой

секунды. Я изучила тебя. Я знаю, что ты собираешься делать, еще до того, как ты начинаешь. Я знаю, где ты был, я знаю, где ты будешь. На нашу пятую годовщину я устроила путешествие. Так полезай же смело!

Даже не пытайся отыскать подарок. Не нужно — подарок сам найдет тебя! Так что отдыхай и расслабляйся — это ФИНАЛ!

— Что значит «полезай смело»? — спросила Го.

— В петлю полезай, — простонал я.

— Вот зараза! Открой коробку.

Я опустился на колени и приподнял крышку так осторожно, будто ожидал взрыва. Тишина. Заглянув внутрь, я увидел две деревянные куклы-марионетки. Как будто муж и жена. Мужчина в цветастой одежде яростно скалился и сжимал в руке не то трость, не то палку. Вынув, я обнаружил, что его руки и ноги трясутся, как у разминающегося танцовщика. Женщина выглядела более симпатичной — потоньше и не такая подвижная.

На ее лице застыла тревога, будто она увидела какую-то опасность. На дне коробки я обнаружил

крошечную фигурку ребенка, с ленточкой, чтобы привязывать его к «матери». Старые, тяжелые и большие марионетки напоминали кукол, которых используют чревовещатели. Я приподнял мужчину, взялся за толстую, как дубинка, рукоять; конечности бешено задергались.

— Жуть какая! — сказала Го. — Перестань.

Под игрушками лежал кусок блестящей голубой бумаги, сложенный вдвое. На ней я прочитал надпись, сделанную неровным, размашистым — уголки и закорючки — почерком Эми.

Начало новой удивительной истории,
Ник. Вот как это делается!
Удачи.

Мы разложили все подсказки из охоты за сокровищами и марионеток на кухонном столе нашей мамы. И уставились на них, будто собирались складывать пазл.

— Зачем ей морочиться с охотой за сокровищами, если она составила… свой план? Если ее… — проговорила Го.

«А ее план, — мог бы продолжить я мысль сестры, — заключается в том, чтобы имитировать свое исчезновение и сделать из нас подозреваемых в убийстве». Это казалось не таким уж и

бредом.

— Во-первых, чтобы отвлечь меня. Убедить, что она все еще меня любит. Я гоняюсь за ключиками по всему белу свету, полагая, что моя жена хочет исправить ошибки, возродить наш брак…

Тот морок, то девичье состояние, в которое привели меня ее записки, — все это просто позор. Стыд проедал до мозга костей, впитывался в ДНК. Делал меня другим человеком. Несмотря на все эти годы, Эми все еще может играть со мной. Она способна несколькими записками вдребезги разгромить мою защиту. Я был марионеткой у нее в руках.

«Я разыщу тебя, Эми».

Слова, полные любви, а за ними скрытая ненависть…

— Чтобы я непрестанно думал: интересно, почему все указывает на то, что я убил свою жену?

— Полиции показалось бы странным — да и тебе тоже, — если бы Эми нарушила традицию и не устроила охоту за сокровищами, — довольно убедительно заявила Го. — Выглядело бы так, будто она намеревалась исчезнуть.

— А тут еще они, — указал я на марионеток. — Куклы настолько необычны, что просто должны нести какой-то скрытый смысл. Если она просто

собиралась отвлечь меня, то могла бы подарить что угодно, лишь бы из дерева.

Го приподняла пальцем пеструю одежду куклы-мужчины:

— Они довольно старые. Винтаж. — Сестра перевернула их, обнаружив у мужчины похожую на дубину штуковину. У женщины нашлась лишь квадратная прорезь. — Считается, что это сексуально? У мужчины большая ручка, похожая на член. А у женщины только дырка.

— Ну, так логично. У мужчин есть член, а у женщин — влагалище.

Го засунула палец в дыру на туловище марионетки, желая убедиться, что там ничего не спрятано.

— Что Эми хотела этим сказать?

— Когда я их увидел, то первым делом подумал: она купила детские игрушки. Папа, мама, ребенок. Поскольку была беременна.

— А она точно беременна?

Волна отчаяния накрыла меня. Или скорее наоборот: что-то схлынуло, как морской отлив, отбирая некий смысл и опустошая меня. Я не верил до конца в беременность моей жены, но теперь уже не мог верить и в обратное.

Го взяла в руки куклу-мужчину, почесала нос,

и вдруг ее осенило:

— Ты марионетка на нитке.

— Я подумал об этом же, — рассмеялся я. — Но зачем тогда мужчина и женщина? Эми явно не марионетка. Она кукловод.

— И что значит «Вот как это делается!»? Что она имеет в виду?

— Трахнет меня так, чтобы на всю жизнь запомнил.

— Может, Эми часто использовала эту фразу? Или какая-то цитата из книги об Эми, или… — Она подошла к компьютеру и ввела в строке поиска: «Вот как это делается!»

«Вот как это делается!» Песня группы «Мэднесс».

— О, я помню их, — сказала Го. — Отличная группа в стиле ска.

— Ска… — Меня все пробивало на истеричный смех. — Круто!

Речь в песне шла о мастере, который выполнял любой ремонт жилых домов — чинил электропроводку, менял сантехнику, столярничал — и за работу брал наличными.

— О господи, — пробормотал я. — Как же я ненавижу восьмидесятые. Особенно за бессмысленные песни.

— Отражение — единственный ребенок, — кивнув, сказала Го.

— Который ждет в парке,[6] — ответил я, не задумываясь.

— А что, если именно это она и подразумевает? — Го, повернувшись, посмотрела мне в глаза. — В песне идет речь о мастере. Возможно, это человек, вхожий в ваш дом. Чтобы починить какую-нибудь мебель. Или установить что-нибудь электрическое. И платить за это нужно было наликом.

— Думаешь, видеокамеру поставили? — спросил я. — В последнее время Эми несколько раз уезжала из города. Может, она хотела нас записать?

В глазах Го блеснул немой вопрос. Я поспешно добавил:

— Нет-нет, в нашем доме никогда.

— А если потайная дверь? — предположила сестра. — Может, в тайнике Эми хранит свидетельства, которые… ну, не знаю… помогут тебе оправдаться, например.

— Мне кажется, так оно и есть. Эми использовала песню «Мэднесс», чтобы дать мне подсказку,

---

[6] Примечания: 6

Персонажи цитируют песню «Reflex» английской поп-рок-группы «Дюран Дюран».

ключ к свободе, если я смогу расшифровать эти заковыристые тексты-ска.

— Боже! — рассмеялась Го. — А может, это мы не в себе? Может, у нас крыша напрочь съехала?

— Безумием тут и не пахнет. Она подставляет меня. Как еще объяснить склад барахла на твоем дворе? И в этом вся Эми. Втянуть в это дело и тебя, запачкать моей грязью. Да, достаточно Эми. Подарок, писулька эта сволочная — мол, попробуй, расшифруй. Нет, нам нужно вернуться к марионеткам. Попробуй вбить в поиск слово «марионетка». — Я завалился на диван, ощущая тупую усталость во всем теле.

— А, черт! — воскликнула Го, игравшая роль секретарши. — Ну конечно! Это куклы Панч и Джуди! Ник, мы идиоты! Эти слова — девиз Панча. «Вот как это делается!»

— Угу. Древний кукольный спектакль, и в нем есть насилие? — спросил я.

— Вот, мать его…

— Так есть в нем насилие?

— Да! Сплошное насилие! Твоя жена — психопатка!

— Мужик убивает бабу?

— Погоди, я читаю… Панч убивает их ребенка. — Она взглянула на меня сверху вниз. — А

когда Джуди начинает с ним бороться, забивает насмерть и ее. — (Мое горло заполнилось слюной.) — И каждый раз, когда Панч совершает какую-то гадость и выходит сухим из воды, он заявляет: «Вот как это делается!» — Го взяла деревянную куклу на руки, словно младенца. — Он веселится, даже когда убивает жену и ребенка.

— Таким образом, она предупреждает меня о подставе, — кивнул я на марионеток.

— Мой разум отказывается это принимать. Долбаная шиза…

— Го?

— Все сходится. Ты не хотел ее беременности, а потому рассвирепел и убил ее и нерожденного ребенка.

— Да уж, новость не из окрыляющих, — вздохнул я.

— А кульминация — ты получишь урок, которого Панч счастливо избегал. Тебя изобличат и осудят за убийство.

— А в штате Миссури есть смертная казнь, — кивнул я. — Веселенькие дела.

Эми Эллиот-Данн

День.

Вам интересно, как я узнала? Просто увидела. Это к вопросу о том, до чего же глуп мой супруг. Снежной апрельской ночью я страдала от одиночества. Пила теплый амаретто в компании Бликера и читала, лежа на полу. За окном шел снег, а в доме играла музыка — старые потрескивающие пластинки, которые мы с Ником раньше слушали вместе (здесь я говорю правду). У меня случился приступ романтического оживления. То-то муженек удивится моему появлению в «Баре». Мы выпьем по паре коктейлей, а потом будем гулять по пустынным улицам с варежками на руках.

Вот мы шагаем по центральной части города, вокруг ни души. Ник прижимает меня к стене и целует, а снежинки кружатся, как некогда сахарная пыль. Вера! Я отправилась за ним в Миссури, потому что верила: он снова меня полюбит, и это будет та же сильная, густая любовь, покорившая меня однажды. И все у нас будет хорошо. Вера!

До «Бара» я добралась как раз вовремя, чтобы

увидеть Ника, выходящего вместе с ней. Я застыла на гребаной парковке, в двадцати шагах от них, а он даже не обратил на меня внимания, будто я призрак. Он еще не обнимал ее, но я сразу все поняла. Видела, что никого, кроме нее, для Ника не существует. Невидимкой я скользила за ними, и вдруг, прямо посреди города, Ник прижал ее к дереву и поцеловал. «Мой муж мне изменяет», — подумала я, но прежде, чем сумела выдавить какие-то слова, они уже добрались до ее дома. Больше часа, стуча зубами, я прождала на крыльце, пока не замерзла так, что посинели ногти. А потом ушла. А Ник так и не догадался, что я знаю все.

Теперь у меня появился новый образ, и, увы, не по моему выбору. Я стала заурядной Дурой-Бабой, замужем за Пошлым Мужиком-Ходоком. Одним махом Удивительную Эми лишили всего, что в ней было удивительного.

Я знаю женщин, чьи личности сотканы из множества жалких обыденных мелочей. Их жизнь — список неудач. Бойфренд, не ценящий жертв, лишние десять фунтов веса, босс, увольняющий с работы, стерва сестра, муж-изменник. Я всегда чувствовала себя выше этих историй, рассуждая о том, сколь глупы эти бабы, позволяющие подоб-

ным событиям входить в свою жизнь без спросу. И вот теперь оказалась одной из них! Одной из тех баб с бесчисленными жалобами, вынуждающих людей слушать и сочувственно кивать, думая при этом: «Бедная дурочка».

Я уже слышала, будто наяву, новую сплетню из тех, что распространяются с огромной скоростью: Удивительная Эми, девчонка, которая никогда не ошибалась, позволила себе погрязнуть в нищете, потащилась в медвежью дыру, где муж бросил ее ради молоденькой. Как предсказуемо, как обыденно, как увлекательно… А что муж? Он теперь счастливее, чем раньше. Нет, я не могу этого допустить. Нет, никогда. Никогда! Он не имеет права так поступать со мной и праздновать мерзкую победу. Нет!

Ради этого куска дерьма я изменила свою фамилию. Была Эллиот, а стала Данн, таковой и запомнит меня история. Скажете, это пустяк?

Вот так я начала работу над новым сюжетом, который поможет мне раздавить Ника за предательство. Я вернусь на прежнюю дорогу, которая ведет к совершенству. Я снова стану героиней, безупречной и достойной восхищения.

Мертвая Девушка будет всеобщей любимицей.

А ведь это экстрим — организовывать привле-

чение мужа к суду за расправу над вами. Хочу, чтобы вы знали: я отдаю себе в этом отчет. И пусть скептики скажут: «Она должна была уйти, захватив то, что осталось от ее достоинства. Уйти куда глаза глядят! Все дороги открыты! Минус на минус — не всегда плюс». И прочую чушь, которую несут бесхребетные дуры, путающие слабость с моральными принципами.

Я не собираюсь с ним разводиться, ведь это именно то, чего он ждет. Я не собираюсь его прощать, поскольку не желаю подставлять другую щеку. Для меня это не выход из ситуации. Злодей получает все? А вот черта лысого!

С тех пор больше года я чувствовала запах ее гениталий на пальцах Ника, когда он крадучись забирался ко мне в постель. Я наблюдала, как он любуется собой в зеркале, прихорашиваясь, подобно бабуину в брачный период, собираясь на встречу с ней. Я слушала его ложь, ложь и снова ложь — вначале простую, как лепет ребенка, а после изощренные выдумки в стиле Руба Голдберга. Его сухие поцелуи приобрели привкус ирисок, я обоняла надоедливый аромат, которого раньше у него не было. Я чувствовала щетину на его щеках — Ник прекрасно знал, что я не люблю небритых, но ей, видимо, нравится. Мне доносили об измене

все пять органов чувств. И так больше года.

Не исключаю, что я немного тронулась умом. Устраивать самоубийство руками собственного мужа — это слегка за рамками поступков заурядной женщины.

Но это так необходимо. Нику следует преподать урок. Ему никто никогда не давал достойного урока! Он плыл по жизни с улыбкой очаровательного Ники, с привычками любимого всеми дитяти, с фантазиями и увертками, с пороками и эгоизмом, и никто не пытался поставить его на место. Я думаю, этот опыт пойдет ему на пользу. Самое малое — заставит раскаяться в содеянном.

Я всегда полагала, что мне по силам идеальное убийство. Люди попадаются потому, что им не хватает терпения все тщательно распланировать. Я улыбаюсь и включаю пятую передачу на своем дрянном автомобиле (между Карфагеном и мной семьдесят восемь миль пыли), купленном для побега, и мобилизую выдержку — всякий раз, когда меня обгоняет грузовик, моя машина как будто норовит улететь за обочину. Но я улыбаюсь, ведь моя тачка лишний раз доказывает, насколько я умна. Я купила ее за тысячу двести долларов по объявлению в «Крейгслисте» пять месяцев назад, достаточно давно, чтобы случай стерся из чьей

бы то ни было памяти. Маленький «форд-фестива» 1992 года выпуска. Самый маленький, самый неприметный автомобиль в мире. Я приобрела его вечером на одной из бесчисленных парковок магазина «Уолмарт» в Джонсборо, штат Арканзас. Села в поезд — восемь часов пути в один конец — с пачкой наличных в кармане, пока Ник развлекался на мальчишнике (под мальчишником следует понимать — трахал свою проказницу). Перекусила в вагоне-ресторане — листик латука и два помидора-черри, что в меню гордо именовалось салатом. А потом меня развлекал разговором пожилой фермер, который возвращался от детей, впервые посетив новорожденную внучку.

Пара, которая продавала «форд», не больше моего нуждалась в огласке. Женщина все время оставалась в салоне, качая на руках ребенка с соской во рту и наблюдая, как мы с ее мужем обменивали наличные на ключи. Потом она вылезла, а я села за руль. Все очень быстро. В зеркало заднего вида я видела бывших владельцев тачки, бредущих к «Уолмарту» с моими деньгами. Я припарковала автомобиль на длительную стоянку в Сент-Луисе, а потом дважды в месяц перегоняла его на новую. Платила только наличными, надевая при этом бейсболку. Не так уж и сложно.

Собственно, перед вами просто пример. Пример терпения, изобретательности и предусмотрительности. Я довольна собой. Потребуется чуть больше трех часов, чтобы забиться в глушь — округ Озарк, штат Миссури, — и отыскать цель моего путешествия — маленький отель в глубине леса, состоящий из отдельных домиков. В нем принимают наличные и есть кабельное телевидение. Я намерена провести там неделю, а может, и две. Не хочу быть в дороге, когда появятся первые новости, а кроме того, это последнее место, где Ник может меня искать, когда поймет, что я сбежала.

Эта часть шоссе особо уродлива. Упадок Средних Штатов Америки. Через двадцать миль я заметила на обочине жалкие останки семейного бизнеса — бензоколонку, брошенную, но не заколоченную. Приблизившись, я увидела, что дверь женской уборной раскачивается на ветру. Остановилась. Вошла. Электричества нет, но имеется покореженное металлическое зеркало, и в кране есть вода. Солнце палит, жарко, как в сауне. Я вынула из сумочки ножницы и каштановую краску для волос. Срезаю длинные пряди. Все светлое отправляется в полиэтиленовый пакет. Ветерок непривычно овевает шею сзади. Голова

становится легкой, как воздушный шарик. Мотаю ей, наслаждаясь новым ощущением. Докрасила волосы, посмотрела на себя в зеркало и ненадолго задержалась в дверях, оглядывая равнину, испещренную забегаловками быстрого питания и сетью мотелей. Индеец горько плачет в сторонке. Ник терпеть не мог подобные шутки. Считал их «деривативами». Обязательно добавил бы: «Хотя употребление слова „дериватив“ в критическом значении само по себе дериватив». Нужно выкинуть Ника из головы! Он достает меня даже с расстояния в сотню миль.

Прополоскав волосы над сточной трубой — от теплой воды бросило в пот, — я вернулась в автомобиль с пакетом кудрей волос и прочего барахла. Надела очки в старомодной круглой оправе и взглянула на себя в зеркальце. Если бы я в таком виде повстречала Ника, он бы нипочем не женился на мне. И тогда моя жизнь сложилась бы по-другому.

Пункт № 43. Изменить внешность. Выполнено.

Я пока плохо себе представляю, что значит быть Мертвой Эми. Но в ближайшие месяцы попробую узнать, что же это означает лично для меня. Кем угодно, но не тем, кем я уже побывала. Удивительная Эми. Школьница Восьмидеся-

тых. Фанатка Фрисби и Гранолы. Застенчивая Простушка. Остроумная Проницательная Хепбернподобная. Смекалистая Насмешница. Малютка Бохо-Шик (улучшенная версия Фанатки). Отпадная Девчонка. Любимая Жена. Нелюбимая Жена. Мстительная Обиженная Жена. Эми из Дневника.

Надеюсь, вам понравился «Дневник Эми»? Я писала его, чтобы вызвать к ней сочувствие. Чтобы она понравилась читателям. Она не может не понравиться. Я никогда не понимала, почему это считается комплиментом — что ты нравишься всем. Но не важно… Я постаралась сделать записи приятными для всех, а это ой как непросто. Пришлось создавать образ доброжелательной, слегка наивной личности — женщины, которая любила мужа, хотя и замечала его отдельные недостатки (иначе она получилась бы совсем уж простофилей), но оставалась всецело преданной ему. Все это должно подвести читателя (в данном случае копов, которые, как я страстно желаю, вскоре найдут мой дневник) к мысли, что Ник действительно намеревался убить меня. Впереди еще столько неразгаданных подсказок, столько сюрпризов!

Ник всегда высмеивал мои бесконечные спис-

ки дел. «Вечно ты чем-то неудовлетворена, вечно стремишься к совершенству вместо того, чтобы просто жить в свое удовольствие». Но кто в итоге победил? Я победила, поскольку главный список, озаглавленный «Трахнуть Ника Данна», самый полный, самый подробный из всех моих списков. Записи дневника датируются разными годами — с 2005-го по 2012-й. Семь лет записей, не ежедневных, но уж пару раз в месяц — обязательно. Вы знаете, сколько терпения нужно для этого? Разве Отпадная Девочка Эми способна на такой труд? Исследовать текущие события, сверяться со старыми ежедневниками, чтобы не упустить нечто важное и в точности воссоздать реакцию Эми из Дневника на тот или иной поступок. По большей части мне эта работа нравилась. Ник отправится в свой «Бар» или уйдет к любовнице — вечно набирающей эсэмэски, жующей жвачку пустышке с акриловыми ногтями, в спортивных штанах с надписью на заднице (я знаю, что она не такая, но вполне могла бы быть такой), — а я сварю кофе или откупорю бутылку вина, выберу одну из тридцати двух шариковых ручек и немножко перепишу свою жизнь.

Верно, что я иногда ненавидела Ника меньше, пока писала дневник. Точнее, это делала легко-

мысленная Отпадная Девчонка. Он возвращался провонявший пивом или средством для дезинфекции рук, которым протирался после секса (хотя никогда полностью не убивал запах, — должно быть, у нее очень вонючая «киска»), и виновато улыбался мне, такой милый и жалкий, что я уже готова была подумать: «Не буду доводить дело до конца». А потом я представляла их вместе, как она возбуждает его, позволяет себя унижать, претендуя на роль Отпадной Девчонки, делая вид, что обожает футбол и минет, и жалость исчезала. Я думала: «Я замужем за придурком. Я замужем за мужчиной, который всегда тянется к немытым дыркам, который сразу после этой девки начнет искать другую, способную притворяться, и который не желает прилагать никаких усилий в жизни».

И решимость крепла.

Всего сто пятьдесят две записи, и вроде бы я ни разу не выбилась из ее стиля. Эми из Дневника я создавала с особой тщательностью. Она должна быть убедительной и для полиции, и для общественности, если какие-то фрагменты текста будут опубликованы. Дневник должен читаться как готическая драма. Чудесная женщина с добрейшим сердцем — вся жизнь была у

нее впереди, или что там еще говорят о покойницах? — ошибается с выбором спутника жизни и платит самую высокую цену.

Я должна им понравиться. Точнее, она.

Конечно, мои родители волнуются, но обязана ли я жалеть их после того, как они создали меня такой и бросили на произвол судьбы? Они никогда, никогда не отдавали себе отчета в том, что зарабатывали деньги на моем существовании и обязаны были делиться авторским гонораром. А потом, отобрав мои деньги, они отправили меня вместе с Ником в Миссури, как предмет мебели, как невесту по переписке, как ученицу по обмену. И они еще смеют называть себя феминистами!

Всучили на память о себе паршивые часы с кукушкой. И это после того, как попользовались мною тридцать шесть лет! Вот и пусть думают, будто я умерла, ведь именно они уготовили мне такое предназначение — ни денег, ни дома, ни друзей. Вот и пусть верят, что я умерла, — они это заслужили. При жизни обо мне не позаботились — значит, все равно что приложили руки к моей смерти. В этом они похожи на Ника, который раз за разом отрывал от меня по куску моей истинной сущности: «Ты слишком серьезна, Эми, ты слишком напряжена, Эми, ты чересчур много

рассуждаешь, ты чересчур много анализируешь, ты больше не веселишь меня, с тобой скучно, Эми, с тобой я чувствую себя бесполезным, Эми». Он безжалостно отнимал мою независимость, мою гордость, мое самоуважение. Я отдавала, а он брал, брал и брал. Он выбил у меня из-под ног опору.

А теперь эта шлюха! Он предпочел мне молоденькую шлюху. Он растоптал мою душу — а разве это не преступление? — и должен быть наказан. По моим собственным законам.

Ник Данн

Спустя семь дней.

Я был вынужден позвонить Таннеру Болту, моему свежеиспеченному адвокату, через считаные часы после того, как нанял его, и произнести слова, возможно заставившие его пожалеть, что согласился принять мои деньги: «Жена меня подставляет». Его лица я не видел, но мог вообразить: очи горе, брезгливая мина человека, чья работа — выслушивать вранье клиентов.

— Хорошо, — протянул он после томительной паузы. — Я буду у вас завтра первым же рейсом, и мы разберемся — все факты на стол, а пока суд да дело, не делайте лишних движений, ладно? Ложитесь спать и постарайтесь отдохнуть.

Го прислушалась к его совету. Приняла две пилюли снотворного и отправилась спать незадолго до одиннадцати вечера. А я все еще ждал чего-то, сжавшись в комок на ее диване. Время от времени я выходил на крыльцо и вглядывался в дровяной сарай, подбоченившись, как будто собирался отгонять хищника. Сам не понимал, зачем это делаю, — просто иначе не мог. Не мог

усидеть больше пяти минут — опять вскакивал и бежал во двор, смотреть на сарай.

Когда я очередной раз вернулся, с черного хода постучали. Срань господня! Почти полночь. Полиция явилась бы с главного входа, так ведь? — репортеры еще не добрались до дома Го (но доберутся, и очень скоро). Охваченный нерешительностью, я медлил в гостиной. Стук повторился, теперь громче. Я шепотом выругался, пытаясь вытеснить страх злостью. «Разберись же, Данн!»

Распахнув дверь, я увидел Энди. Проклятая Энди, хорошенькая, как картинка, принарядившаяся по случаю встречи, но не понимающая, что затягивает петлю на моей шее.

— Энди, ты меня просто грабишь. — Я втащил ее внутрь. Она взглянула на мои руки, вцепившиеся в нее. — Ты заталкиваешь мою голову прямо в гребаную петлю.

— Я же с черного хода, — возразила она. Когда я сердился на Энди, она не просила прощения, а, напротив, ожесточалась. Твердела буквально на глазах. — Мне нужно видеть тебя, Ник. Говорить с тобой. Я же сказала, что должна каждый день видеть тебя или слышать твой голос, а ты сегодня куда-то подевался. «Оставьте голосовое сообще-

ние», «Оставьте голосовое сообщение».

— Если я не отвечаю, значит не могу поговорить с тобой. Энди, я был в Нью-Йорке, нанимал адвоката. Он будет здесь завтра утром.

— Ты нанимал адвоката. Это потребовало столько трудов, что ты не нашел десяти секунд на разговор со мной?

Захотелось ей врезать. Я глубоко вздохнул. Нужно порвать с Энди. И не только потому, что на этом настаивает Таннер Болт. Жена изучила меня досконально, она не сомневалась: я все сделаю, чтобы избежать неприятного разговора. Эми сделала ставку на мою глупость: я позволю отношениям продлиться и попадусь в капкан. Пора с этим кончать. Но следует действовать очень аккуратно. «Убедите ее, что единственная причина разрыва — забота о вашей безопасности».

— Адвокат дал мне очень важный совет, — начал я. — Совет, от которого нельзя запросто отмахнуться.

Еще вчера вечером я был с ней мил и любезен до безумия, встречаясь в нашей поддельной крепости. Обещал все, что угодно, лишь бы успокоилась.

Она явно не ждала такого поворота. И не примет его попытку отстраниться.

— Совет? Ладно… Он сказал, чтобы ты не был со мной такой сволочью?

Ярость волной вскипела во мне, очень уж происходящее смахивало на ссору школьников. Тридцатичетырехлетний взрослый мужчина после самой мерзкой ночи в его жизни притащился в раздевалку на разборку с малолетней соплячкой. Я встряхнул Энди. Крошечная капелька слюны упала на ее нижнюю губу.

— Энди, ты не понимаешь. Это не шутки, это моя жизнь.

— Но я только… Ты нужен мне… — ответила она, потупившись. — Знаю, я твержу, как попугай, но… Я так не могу, Ник. Не могу так больше. Я просто разваливаюсь на части. Мне так страшно…

Ей страшно!

Я представил, как полиция застает меня с девочкой, которую трахал в то утро, когда моя жена пропала без вести. Я отыскал ее в тот день — никогда раньше не являлся в ее дом, за исключением первого раза, но в тот день нарушил правила, поскольку бессонной ночью слушал стук сердца, отдающийся в ушах, и все пытался подобрать слова, способные убедить Эми: «Давай разведемся. Я люблю другую. Нам нужно расстаться. Я не могу

притворяться, что люблю тебя, не могу праздновать годовщину — это хуже на самом деле, чем обманывать тебя».

Согласен, это спорный вопрос.

Но пока я собирался с силами, Эми обрушила на меня заверения, что все еще любит, — лживая сука! — и я растаял. Я чувствовал себя конченым мошенником и трусом, но и — «Уловка-22»[7] — нуждался в Энди, чтобы привести в порядок расстроенные чувства.

Но сейчас Энди не лечила мне нервы. Совсем наоборот.

Девочка вцепилась в меня как репей.

— Посмотри сама, Энди. — Я сделал сильный выдох, но позволил ей сесть, держа у двери. — Ты очень дорога мне. И держишься изумительно… Я должен позаботиться о твоей безопасности.

— Так ведь… — Ее голос дрожал. — Мне очень жалко Эми. Это просто какое-то безумие. Знаю, что даже права не имею жалеть ее и тем более переживать, но… я все равно переживаю, да еще и себя виноватой чувствую.

Она попыталась прижаться щекой к моей груди, но я отступил, удерживая ее поодаль, чтобы

---

[7] Примечания: 7
«Catch-22» — роман американского писателя Джозефа Хеллера.

видеть глаза.

— Ладно, думаю, мы все можем исправить. Мы должны заботиться о нашей безопасности, — сказал я, в точности повторяя слова Таннера.

— Нужно пойти в полицию, — проговорила она. — Ведь я твое алиби на то утро. Давай расскажем все.

— Ты мое алиби всего на час. После одиннадцати утра никто не видел и не слышал Эми. Полиция запросто решит, что я вначале убил ее, а потом поехал к тебе.

— Какой ужас!

Я пожал плечами, секунду-другую размышляя, не сказать ли ей правду: моя жена меня подставила. Но быстро отогнал эту мысль. Энди не в состоянии играть по правилам, заданным Эми. Она захочет быть моим партнером по команде, но тем самым потащит меня на дно. Таким образом, Энди помеха. Я взял ее за руки и начал заново:

— Энди, послушай, мы сейчас в чудовищном напряжении, по большей части это из-за чувства вины. На самом деле мы просто хорошие люди, нас влечет друг к другу. Наверное, потому, что у нас похожие взгляды на жизнь. Правильное отношение к людям, правильные поступки. И мы оба знаем, что сейчас поступаем непра-

вильно. — Только что она казалась сломленной: заплаканные глаза, нерешительные прикосновения, но вдруг лицо изменилось не к лучшему — помрачнело, словно на него упала тень. — Нам нужно расстаться, Энди. Думаю, мы оба это понимаем. Да, это жестоко, но это правильный поступок. Если бы мы могли сесть и подумать, то именно такой совет, наверное, дали бы друг другу. Несмотря на то что люблю тебя, я все еще женат на Эми. Я не должен совершать неправильных поступков.

— А если ее не найдут? — Энди не уточнила, живой или мертвой.

— Вот тогда мы и поговорим.

— Тогда? А до тех пор что?

Я беспомощно пожал плечами; до тех пор ничего.

— Что, Ник? До тех пор, Энди, иди на хер?

— Это очень некрасиво сказано.

— Но именно это ты имеешь в виду, — усмехнулась Энди.

— Прости, но нам сейчас не нужно встречаться. Опасно для тебя, опасно для меня. Не по совести. Я это чувствую.

— Да? А ты знаешь, что я чувствую? — Из ее глаз хлынули слезы, прокладывая по щекам мок-

рые дорожки. — Получается, я просто дурочка из колледжа, которую ты трахал, потому что тебе надоела жена, а я подвернулась под руку. Ты мог пойти домой, поужинать с Эми, развлечься в своем баре, который купил за ее деньги, а потом притащить меня в дом твоего умирающего папаши и кончить на мои сиськи по той лишь причине, что твоя скромница-жена тебе, бедненькому, этого никогда не позволяла.

— Энди, ты же знаешь, что это не…

— Какое же ты дерьмо! Что ты за человек?!

— Энди, пожалуйста… — «Держи себя в руках, Ник». — Наверное, оттого, что не с кем было поговорить обо всем этом, тебе все представляется несколько…

— Да пошел ты в жопу! Думаешь, я безмозглая соплячка, наивная студентка, которой можно помыкать? Я осталась с тобой, несмотря на все эти разговоры: мол, ты убийца! А как только припекло, ты… Нет, не тебе рассуждать о совести, порядочности, чувстве вины и правильных поступках. Потому что ты лживое, трусливое, эгоистичное дерьмо!

Она повернулась спиной, всхлипывая, со свистом втягивая сырой воздух и прискуливая на выдохе. Я попытался остановиться, схватил за

руки.

— Не тронь меня! Руки прочь!

Энди шагнула к выходу, и я мог предугадать, что будет дальше. Ненависть и стыд шли от нее, как жар от печки. Сперва она выпьет бутылку вина, а то и две, а потом захочет поболтать с подругой или мамой… И тогда слухи поползут как эпидемия, их никто не сможет остановить.

Я обогнал ее, отрезая от выхода:

— Энди, прошу тебя…

Она замахнулась, чтобы ударить; я перехватил ее руку. Для защиты, не более того.

Наши сомкнутые руки двигались вверх-вниз, вверх-вниз, как у обезумевших танцоров.

— Пусти, Ник, не то…

— Просто побудь еще минутку, выслушай меня.

— Ты! Отпусти меня!

Будто для поцелуя, она потянулась ко мне. И укусила! Я отшатнулся, и Энди выбежала из дома.

Эми Эллиот-Данн

Спустя пять дней.

Можете называть меня Эми из Озарка. Я скрываюсь в «Убежище странника» (трудно подобрать более подходящее название), сижу себе тихонечко и наблюдаю, как срабатывают все те веревочки и рычажки, которые я приготовила.

Я избавилась от Ника, но все же думаю о нем чаще, чем раньше. Вчера вечером, ровно в десять часов четыре минуты, зазвонил мой второй мобильник. (Правда, Ник, ты не единственный хитрец, знающий старый трюк с секретным сотовым?) Охранная фирма. Пусть я далеко, но теперь знаю, что Ник побывал в старом доме своего папаши. Подсказка номер три. За две недели до побега я изменила код сигнализации и ввела номер моего тайного мобильника, чтобы первый звонок пришел на него. Могу себе представить Ника, нашедшего в пыльном заброшенном отцовском доме мой ключ. Он вводит код в систему сигнализации, а потом время истекает и… завывает сирена: би-и-ип!

Его телефонный номер указан как запасной, на

случай если я буду недоступна. А ведь я и впрямь недоступна.

Он поднял тревогу, поговорил с кем-то из охранной компании — его посещение отцовского дома после моего исчезновения засвидетельствовано. То, что нужно по плану. Не сказать, что этот план стопроцентно надежен, но ста процентов и не требуется. Я и так предоставила полиции достаточно, чтобы арестовать Ника: инсценировка места преступления, небрежно замытая кровь, покупки в кредит. Даже самые тупые копы не смогут пройти мимо этих улик. Вскоре Ноэль сообщит всем о моей беременности, если еще не сообщила. Этого вполне хватит. Возможно, полиция самостоятельно выйдет на Способную Энди — способную брать в рот по команде. Так что сигнализация — это просто еще одно прощальное «мать твою!». Люблю ловушки-сюрпризы. Я вообще полна ловушек-сюрпризов, и мне это в кайф.

Эллен Эббот тоже часть моего плана. Самая известная кабельная программа криминальных новостей в стране. Я обожаю Эллен Эббот, мне нравится, что она всегда с материнской заботой рассказывает о пропавшей женщине, а подозреваемый — как правило, муж — оказывается последней тварью. Воистину это американский

глас женской справедливости. Вот почему я хочу, чтобы она взялась за мою историю. Общественное мнение должно восстать против Ника. Это такое же наказание, как и тюрьма, для всеобщего любимчика Ники — кто еще тратит столько времени, чтобы нравиться всем вокруг? Пусть почувствует, как все его ненавидят. Еще Эллен мне нужна, чтобы быть в курсе событий. Не нашли ли полицейские мой дневник? А они узнали об Энди? Пронюхали о моей громадной страховке? Не думала, что так трудно ждать, когда же тупицы раскопают все улики.

Я включаю телевизор в крохотной комнатке каждый час: не заинтересовалась ли Эллен моей историей? Она должна, я просто поверить не могу, что Эббот упустит такой случай. Я симпатичная, Ник симпатичный, да вдобавок у меня козырь — Удивительная Эми. Незадолго до полудня проскакивает анонс передачи — будет спецвыпуск. Я замираю в ожидании перед телевизором.

Поторопись, Эллен. Или даже так: поторопимся, Эллен! Ведь мы так похожи. Мы с тобой и люди и персонажи. Эми и «Эми», Эллен и «Эллен».

Так, реклама тампонов, реклама стирального порошка, реклама прокладок, реклама средства для мытья окон. Они думают, что жизнь женщи-

ны состоит из уборки и менструаций.

И наконец-то! Вот и я! Мой дебют!

Через секунду после появления Эллен с сердитым, как у Элвиса, взглядом я понимаю: сейчас начнется потеха. Несколько моих фотографий (очень хороших), фото Ника с его идиотской улыбкой — любите меня все! — на первой же пресс-конференции. Объявление: безуспешный многолюдный поиск «красивой молодой женщины, затронувшей сердце каждого». Еще новость: Ник обгадился по самое не могу. Сфотографировался во время моих поисков. Теперь ясно, что так зацепило Эллен, от чего она в бешенстве. На снимках Ник в привычном образе всеобщего любимчика — девочки, я ваш! — и щекой к щеке с какой-то стервой, будто они друзья неразлейвода.

Вот придурок! И это просто замечательно!

Эллен Эббот несколько раз обращает внимание зрителей на то, что наш задний двор выходит прямо к Миссисипи. Интересно, вылезло ли шило из мешка — я про поиски в Google с компьютера Ника: как будет плыть по Миссисипи тело утопленника, включая полный перечень отмелей и шлюзов? Уж я-то не поленилась набрать в поисковой строке «труп сплавляться Миссиси-

пи». Короче говоря, подобное могло произойти со мной — очень вероятно, что река вынесла меня прямо в океан. Даже стало грустно. Представилось мое тело — стройное, нагое, бледное, медленно волочащееся по дну, на ноге обосновались улитки, волосы развеваются, подобно водорослям. А потом я оказываюсь в океане и опускаюсь ниже, ниже, ниже. Моя раскисшая плоть постепенно сходит с костей, я растворяюсь в воде, как акварель.

Я неисправимый романтик. В реальной жизни, если бы Ник убил меня, то засунул бы труп в пластиковый мешок для мусора, уложил в сумку и вывез на любую свалку в радиусе шестидесяти миль от дому. Просто избавился бы от тела, и все. Думаю, он прихватил бы кое-что из ненужных вещей — сломавшийся тостер, кучу старых ленточных кассет для видеомагнитофона. Чтобы два раза не ездить.

Я учусь жить по средствам. Когда девушка мертва, ей приходится тщательно продумывать бюджет. Пока готовился побег, мне удалось собрать кое-какую наличку. Между решением сбежать и самим исчезновением я заложила добрых двенадцать месяцев. Знаете, почему полиция ловит большинство убийц? У них нет терпения.

Сейчас у меня десять тысяч двести долларов. Если бы я разом сняла с карточки такую сумму — это заметили бы. Но я копила деньги по чуть-чуть, забирала с кредитных карт, открытых мною на имя Ника, — пусть придут счета и выставят его жадным, мелким жуликом. Я сняла с нашего банковского счета только за последние несколько месяцев четыре тысячи четыреста — суммами по двести-триста зеленых. Никаких подозрительных излишеств. Я воровала деньги из карманов Ника — то десятку, то двадцатку. Запас пополнялся медленно, но в соответствии с планом наполнения фонда. Если, к примеру, вместо ежеутреннего посещения «Старбакса» откладывать его стоимость, то в конце года получится чистая прибыль в полторы тысячи. Я всегда подворовывала из банки для чаевых, когда посещала «Бар». Уверена, Ник обвинял Го, а та грешила на него. Но брат и сестра не станут выяснять отношения, ведь они так жалеют друг дружку.

Короче говоря, деньгами я теперь стараюсь не сорить. Мне придется жить на эти накопления довольно долго, вплоть до самоубийства. Буду скрываться сколько потребуется, чтобы увидеть, как Лэнс Николас Данн станет всемирным изгоем, как его арестуют, упекут в тюрьму, закуют в

наручники и нарядят в оранжевую робу, напоминающую костюм парашютиста. Я хочу увидеть, как он изворачивается, потеет и уверяет всех в невиновности, мол, его подставили. А потом я отправлюсь на юг, по течению реки, где встречусь сама с собой, то есть с придуманной Эми, плавающей в Мексиканском заливе. Я возьму билет на увеселительный круиз (любое судно, способное вывезти меня на глубокую воду, лишь бы не требовали документов), выпью несколько коктейлей (джин со льдом), а после проглочу упаковку снотворного и, когда все отвернутся, молча перевалюсь через борт с карманами, набитыми камнями, как Вирджиния Вулф. Чтобы утопиться, нужна сила воли, но у меня этого добра хватает. Возможно, мое тело никогда не найдут, но не исключено, что оно обнаружится через неделю, или месяц, или даже позже, когда разложение уже не позволит точно датировать смерть. Таким образом, я обеспечу последнее доказательство, уготовив Нику прямую дорогу к тюремному столу, где ему вкатят смертельную дозу яда.

Конечно, хотелось бы дождаться и увидеть его мертвым, но, учитывая состояние нашей судебной системы, до исполнения приговора могут пройти годы, а на это у меня ни денег, ни терпе-

ния не хватит. Я готова встретиться со своими сестрами Хоуп.

Около пятисот долларов ушло на обустройство быта — качественные простыни, приличная лампа, полотенца, которые не стоят колом от многолетнего отбеливания. Но вообще я стараюсь обходиться тем, что дают. Через несколько домиков от меня живет неразговорчивый парень, сущий Гризли Адамс: окладистая борода, колечки с бирюзой и гитара, на которой он изредка бренчит на веранде по вечерам. Он назвался Джеффом, но думаю, что он такой же Джефф, как и я — Лидия. Мы только киваем друг другу при встрече, но время от времени он приносит мне рыбу в большой сумке-холодильнике. Вот уже дважды угощал меня, судя по запаху, свежей, хоть и без головы и чешуи. «Свежая рыба!» — говорит он, постучав в двери, и, если я не открываю сразу, он уходит, оставляя сумку на пороге. Я жарю рыбу на вполне приличной сковородке, которую купила на распродаже в «Уолмарте», и радуюсь бесплатной еде.

— Где вы берете эту рыбу? — как-то спросила я его.

— Там, где она есть, — ответил Джефф.

Дороти, администратор мотеля, прониклась

ко мне симпатией, она угощает помидорами с собственного огорода. Я ем помидоры, которые пахнут землей, как рыба пахнет озером. И думаю при этом, что уже в следующем году Ник окажется в таком месте, куда не проникают запахи снаружи. Там лишь искусственные ароматы дезодорантов, вонь обуви, дрянной пищи и старых тюфяков. Это для него самый страшный кошмар. В дурных снах он видит, как попадает в тюрьму, не совершив преступления, но и не сумев доказать свою невиновность. Ник в кошмарах всегда попадает в западню, оказывается жертвой сил, ему не подвластных.

После такого сна он всегда вскакивает, одевается и уходит из дому. Бродит по ближним улицам или по какому-нибудь парку. В Нью-Йорке он бродил по парку, в Карфагене блуждал вдоль реки. Он человек улицы, не широкого пространства, а улицы. Нет, он не путешественник и не турист; он не умеет разводить костер. Не сможет поймать рыбу, чтобы накормить меня. Но он хочет всегда ощущать свободу, иметь выбор. Даже если три часа сидит на диване и смотрит бои без правил, то желает быть уверенным, что может встать и выйти в любую минуту.

Так, а что там с потаскушкой Энди? Я дума-

ла, она продержится ровно три дня. А потом не совладает с желанием поделиться. Я знаю все ее привычки и увлечения, поскольку мы с ней друзья по Facebook. Мое вымышленное имя в аккаунте Мэделин Эльстер. Ха! Фото я позаимствовала у всплывающей рекламы — блондинка радуется рекордно дешевой ипотеке. Четыре месяца тому назад Мэделин как бы между прочим попросилась в друзья к Энди, и та, словно бестолковый щенок, сразу согласилась. Так что я изучила малышку довольно хорошо, а также ее охочих до сплетен подружек. Они любят поспать днем, обожают греческий йогурт и вино «Пиногри» — в общем, знаю всю ту ерунду, которой делятся в Интернете с друзьями. Энди правильная девочка. Она не выкладывает фото с вечеринок и не пишет развратных постов. И это плохо. Я предпочла бы, чтобы репортеры разыскали компрометирующие фотографии — где она хлещет стаканами спиртное, целуется с девушками или хвастается стрингами. Так легче сформировать в общественном мнении образ разрушительницы семейного очага.

Разрушительница семейного очага. Мой дом уже шатался, но еще не собирался разваливаться, когда она впервые поцеловала моего мужа,

запустила руку ему в штаны и улеглась с ним в койку. Заглатывала до основания его член, давилась им, чтобы Ник мог гордиться величиной своего причиндала. Позволяла ему глубоко входить в свою задницу. Принимала сперму на лицо и сиськи, а потом слизывала, будто какую-то вкуснятину. Давала, давала, давала… Такой уж у нее типаж. Давалка. Они встречались больше года, проводили вместе все праздники. Я проверяла его кредитную карточку, желая узнать, что он подарил ей на Рождество, но убедилась: Ник чертовски осторожен. С тех пор задаюсь вопросом: каково быть женщиной, которой покупают подарки только за наличные? Это свобода. Быть неофициальной подружкой — это когда не нужно вызывать водопроводчика, выслушивать рассказы о бесчисленных проблемах на работе или напоминать, что пора купить проклятущего кошачьего корма.

Мне необходимо, чтобы она сломалась.

Я нуждаюсь:

1) в Ноэль, чтобы всем растрезвонила о моей беременности;

2) в полиции, чтобы обнаружила дневник;

3) в Энди, которая не может не проболтаться.

Думаю, я хорошо изучила ее особенности. У де-

вочки, которая пять раз в день обновляет статусы в социальных сетях, не может быть понятия о том, что такое настоящая тайна. Она невольно упоминала о моем муже в своих постах.

«Встречалась сегодня с мистером Что Надо».

«Ой, как здорово! Выкладывай!»

«Ну, и когда же мы увидим этого жеребца?»

(Бриджит лайкнула сообщение.)

«Мир становится лучше, когда тебя целует парень твоей мечты».

«Истинная правда».

«Когда же мы встретимся с парнем мечты?»

(Бриджит лайкнула сообщение.)

Но Энди на удивление скрытна для своего поколения. Она хорошая девочка (для потаскухи). Могу представить, как она склоняет к плечу сердцевидную мордашку и нежно морщит лобик. «Я только хочу, чтобы ты знал, Ник. Я на твоей стороне. Я с тобой». И угощает его домашним печеньем.

Камеры Эллен Эббот сейчас дают панораму волонтерского центра, который выглядит словно

свинарник. Репортерша рассказывает, что мое исчезновение «шокировало крошечный городок», а позади нее я вижу стол, уставленный кастрюлями и выпечкой для несчастного Ники. Даже сейчас женщины роятся вокруг этого говнюка. Отчаявшиеся бабенки рады занять мое место. Красивый, легкоранимый мужчина… Он, может быть, и правда убил жену, но мы-то наверняка не знаем. В данный момент мы просто готовим вкусняшки для мужчины. Сорокалетние, а ведут себя как школьница, катающаяся взад-вперед на велосипеде рядом с домом симпатичного мальчика.

Вот опять показывают сияющую улыбкой фотографию с мобильника. Я представляю себе эту карфагенскую шалаву на ее выдраенной до блеска кухне — а кухню-то она наверняка купила на алименты, — ведущую мысленную беседу с Ником. «Нет, мне всего сорок три на самом деле. Нет, это правда. Нет, ухажеры вокруг меня не вьются. Да вообще, в этом городе мужчины неинтересные, в основном это…».

Внезапно я ощущаю ревность к этой дамочке, которая прижалась щекой к щеке моего мужа. Она куда симпатичнее, чем я нынешняя. Я ем батончики «Херши» и плаваю в бассейне по нескольку часов в день под палящим солнцем,

и от хлорки кожа становится похожей на шкуру тюленя. Я подрумянилась, как корочка, чего никогда раньше себе не позволяла — не допускала насыщенного загара. Загорелая кожа — травмированная кожа, а кто же полюбит морщинистую девушку? Поэтому всю жизнь я мазалась солнцезащитными кремами. Но за пять дней до побега позволила себе поваляться на солнце и сейчас загораю постоянно. «Коричневая, как шоколадка!» — восклицает старая администраторша Дороти. «Вы коричневая, как шоколадка, детка!» — заявляет она с восторгом, когда я заглядываю, чтобы заплатить за неделю вперед.

Теперь у меня темная кожа, короткая стрижка каре непонятного мышиного цвета и очки как у синего чулка. В течение месяца перед исчезновением я набрала двенадцать фунтов веса, тщательно пряча его от Ника под просторными сарафанами — не моему рассеянному супругу заметить, — а теперь добавила еще пару фунтов. Я осторожничала, избегая любых объективов перед побегом. Поэтому публика помнит худосочную, бледную Эми. А я уже совершенно не такая. Иногда на ходу я ощущаю, как зад движется сам по себе. «Давай шевели попой» — так, кажется, пели когда-то. Ощущения очень непривычные.

Мое тело всегда было совершенным — все отлично подогнано и сбалансировано, и все экономно, ничего лишнего. А теперь мне на это наплевать. Без мужского внимания я не страдаю. Это так здорово — пройтись до мини-маркета и обратно, не расстраиваясь оттого, что какой-то бездельник во фланелевой безрукавке бросает на тебя косые взгляды, исторгая изо рта что-то женоненавистническое вместе с отрыжкой сырных начос. Никто не груб со мной теперь, но никто и не любезен чересчур. Мне это так непривычно.

Я — полная противоположность Эми.

Ник Данн

Спустя восемь дней.

Рассвет я встретил, прижимая к щеке кубик льда. Даже по прошествии нескольких часов чувствовал укус — не говоря уже о том, что видел в зеркале две пунцовые скобки. Гнаться за Энди я не решился — это еще опаснее, чем рассердить ее. Но я все время звонил ей. Отправлял голосовую почту.

Спокойно, Ник, держи себя в руках.

— Энди, не сердись. Я растерян, не знаю, что делать, что меня ждет. Прости меня, пожалуйста.

Я понимал, что отправлять сообщения опрометчиво. Но, с другой стороны, у нее в телефоне, не исключено, есть сотня моих сообщений, сохраненных в памяти. О господи, если она выберет и обнародует самые фривольные и пошлые… Любой присяжный заседатель женского пола упечет меня на полную катушку только из-за них. Одно дело — знать, что я изменяю жене, а другое — слышать, как учитель солидным назидательным тоном рассказывает студентке о своем «гиганте»-крепыше. Я покраснел в лучах

зари. Ледяной кубик растаял окончательно.

Сидя на ступеньках у парадного входа в дом Го, я каждые десять минут набирал Энди. Безрезультатно. После бессонной ночи нервы напоминали колючую проволоку. В шесть часов двенадцать минут у обочины притормозил автомобиль Бони. Я молча смотрел, как детектив идет ко мне с двумя пластиковыми стаканами.

— Привет, Ник! Вот пришла узнать, как у вас дела, и привезла кофе.

— Я тут размышляю.

— Вы, вероятно, места себе не находите из-за этой новости о беременности… — Она неторопливо вылила в кофе две упаковки сливок, как я люблю, и вручила мне стакан. — Что это у вас? — спросила, указывая на мою щеку.

— О чем вы?

— Я спрашиваю, что у вас с лицом, Ник. Сильное покраснение… — Бони взяла меня за подбородок, присмотрелась. — На укус похоже.

— Наверное, крапивница. Из-за стресса. У меня всегда так.

— А-а… — Она пригубила кофе. — Ник, вы ведь знаете, что я на вашей стороне?

— Знаю.

— Это правда. Хочу, чтобы вы мне доверяли.

Видите ли, я не смогу помочь вам, если вы не будете мне доверять. Я знаю, звучит как речь копа из сериала, но это правда.

Мы сидели в странной, полудоверительной тишине и потягивали кофе.

— Ладно, — продолжила Бони, — будет лучше, если вы услышите это от меня, а не от кого-нибудь другого. Мы нашли сумочку Эми.

— Что?

— Да-да. Никаких наличных, но там ее мобильный телефон и идентификационная карта. Сумочку нашли в Ганнибале, представляете? На берегу реки, к югу от пароходной пристани. Мы допускаем, что кто-то хотел создать впечатление, будто сумочка сброшена с моста по пути в Иллинойс.

— Создать впечатление?

— Она не побывала в воде. На внешней стороне есть отпечатки пальцев, рядом с застежкой-молнией. Конечно, иногда отпечатки могут сохраняться после контакта с водой, но обычно… Не буду вдаваться в научные тонкости, просто скажу: согласно нашей версии сумочку бросили на берегу с тем расчетом, чтобы ее обязательно нашли.

— Похоже, что вы это рассказываете не просто

так.

— Ник, отпечатки пальцев, которые мы нашли, ваши. Не такой уж и абсурд — мужья иногда роются в сумочках своих жен. Но не это главное… — Она хихикнула, как будто испытала озарение. — У меня есть вопрос. Вы ведь ездили недавно в Ганнибал?

Она произнесла эти слова с такой убежденностью, что я на миг представил «жучок» где-нибудь под днищем моего автомобиля, который полиция вернула мне в то утро, когда я ездил на родину Марка Твена.

— Чтобы избавиться от сумочки моей жены, нужно было ехать в Ганнибал!

— Предположим, вы убили жену, инсценировали место преступления в доме, чтобы заставить нас поверить, будто на нее напал посторонний. А когда сообразили, что оказались под подозрением, решили дать нам еще один ложный след. Некоторые из наших ребят уже настолько уверены в вашей причастности, что охотно примут это допущение за рабочую версию. Так позвольте же помочь вам. Вы были недавно в Ганнибале?

— Вам следует обратиться к моему адвокату, — покачал я головой. — К Таннеру Болту.

— К Таннеру Болту? Уверены, что вам это надо,

Ник? Мне кажется, мы были с вами вполне честны, вполне открыты. Болт, он… последний довод. К его услугам прибегают те, кто виновен.

— Ха! Но ведь ясно же, Ронда, что я ваш главный подозреваемый. Вынужден защищаться как могу.

— Вы не против, если мы соберемся все вместе, когда он прибудет? Нужно поговорить.

— Само собой. Мы так и планировали.

— Планировали, стало быть, — кивнула Бони. — Я буду ждать с нетерпением. — Она поднялась, на прощание бросив: — Мазь из ведьмина ореха хорошо помогает при крапивнице.

Спустя час раздался звонок в дверь, на пороге возник Таннер Болт в светло-голубом костюме, и что-то подсказало мне, что он всегда так одевается, отправляясь в южные штаты. Адвокат обозревал окрестности, пожирая глазами автомобили на дороге и близлежащие дома. Своим видом он напомнил мне Эллиотов, вечно изучающих и анализирующих. Мозги без выключателя.

— Показывайте, — потребовал Таннер, не дав мне даже поздороваться. — Просто покажите, где сарай, а провожать не надо. Не стоит там топтаться. А потом расскажете все-все.

Мы собрались на первом этаже за кухонным столом. Я, Таннер Болт и Го, разбуженная и сгорбившаяся над первой чашкой. Я разложил на столе все записки из охоты за сокровищами, подобно пугающим картам Таро.

— Итак, Ник, поведайте мне свою историю. — Болт повернулся ко мне, мышцы его шеи напряглись. — Ваша жена якобы срежиссировала целое расследование. Давайте, доказывайте! — Он постучал указательным пальцем по столу. — Поскольку я не собираюсь искать приключения на свою жопу, идя на процесс с вашей дикой историей о подставе. Если только вы не сумеете убедить меня. Если только я не пойму, что это сработает.

Я вздохнул поглубже, собираясь с мыслями. Описывать ситуацию я всегда предпочитал на бумаге, а не вслух.

— Перед тем как я начну, вы должны узнать самое главное про Эми. Она охерительно умна. Ее мозг постоянно в работе, она никогда не планирует одноходовки. Она как бесконечные археологические раскопки. Когда думаешь, что достиг самого нижнего слоя, приборы показывают, что дальше есть еще что-то, и ты находишь более глубокий уровень. С туннелями, лабирин-

тами и бездонными колодцами.

— Хорошо, — кивнул Болт. — Дальше.

— Вторая особенность Эми, о которой я хочу упомянуть, — это ее страсть к справедливости. Она из тех людей, которые не сомневаются в своей правоте и любят давать уроки, отмеряя наказание.

— Так-так. И что же это за?..

— Позвольте расскажу историю, она короткая. Года три назад мы ездили в Массачусетс. Движение на шоссе было ужасным, сплошное хамство. И вот один грузовик подрезал Эми. Она не пропускала, а он газанул и подрезал. Ничего опасного, мы отделались секундным испугом. Знаете эту надпись на задних бортах грузовиков: «Как я вожу?» Эми настояла, чтобы я позвонил по указанному телефону и сообщил номер машины. Я думал, на этом все и закончится. Но два месяца спустя — два месяца спустя! — я заглянул в спальню. Эми звонила по телефону, повторяя госномер досадившего ей водителя. Она сочинила целую драму: мол, путешествовала с двухлетним малышом и грузовик едва не столкнул ее в кювет. Эми сказала мне, что звонит уже четвертый раз. Ей даже пришлось изучить маршруты компании-перевозчика, чтобы выбирать правдоподобные

места для вымышленных аварийных ситуаций, когда могло случиться непоправимое. Она все продумала. И твердо решила добиться, чтобы парень вылетел с работы.

— Ну ни хрена себе… — пробормотала Го.

— Весьма поучительная история, — согласился Таннер Болт.

— Просто пример.

— А теперь давайте сведем все части головоломки вместе, — сказал адвокат. — Эми узнаёт, что вы ей изменяете. Она инсценирует свою смерть. Место преступления готовит таким образом, чтобы вызвать подозрение или хотя бы недоумение. Она подставляет вас с кредитной карточкой, страховкой и складом маленьких мужских радостей на заднем дворе. Еще?

— Она громко кричала на меня вечером накануне своего исчезновения и при этом стояла у открытого окна. Чтобы соседи наверняка услышали.

— О чем кричала?

— О том, что я эгоист и мудак. Это наша самая привычная тема для обсуждения. Вот чего наши соседи не слышат — как Эми потом просит прощения. Ей не нравится проявлять слабость при посторонних. Помнится, я даже обалдел — так

быстро мы еще никогда не мирились. В то утро Эми была само очарование, готовила для меня блинчики. Это после шумного скандала!

Я снова увидел Эми у плиты, слизывающую сахарную пудру с пальца и напевающую под нос, и вообразил, как подхожу, хватаю ее и трясу, пока…

— Ладно, а охота за сокровищами? — продолжал Болт. — Что у вас за версия?

Все подсказки лежали развернутые на столе. Адвокат взял одну за другой несколько штук, а потом положил на место.

— Это все завуалированные посылы на хер, — пояснил я. — Поверьте, я хорошо знаю свою жену. Она понимала, что если не подготовит охоту за сокровищами, то внезапность исчезновения будет казаться подозрительной. И подготовила, но вложила восемнадцать разных смыслов. Взгляните на первый ключ.

Хочу быть твоей ученицей,
Учитель, красавец, мудрец.
Отдам тебе разум и тело,
Не нужно букетов, за дело.
Зови на ковер в кабинет
Скорей, доказать я хочу —

Чему-то и я научу.

— Вот ярчайший пример ее изощренности. Я читаю и думаю: эй, парень, да жена заигрывает с тобой! Но нет! Она на самом деле намекает на то, что я изменял ей с Энди. Гребаный первый номер! Я еду в колледж, иду в свой кабинет вместе с Джилпином, и что меня там ждет? Женские трусы! Причем с первого взгляда видно, что это не размер Эми. А я еще недоумевал, почему копы все время спрашивают, который номер она носит.

— Но Эми не могла знать заранее, что с вами будет Джилпин, — нахмурился Болт.

— Она взяла и рискнула! — воскликнула Го. — Подсказка номер один находилась непосредственно на месте преступления, полиция не могла не знать о ней. Ее занесли в протокол и должны были проверить кабинет, о котором там говорится. Не важно, с Ником или без него.

— И чьи же это труселя? — поинтересовался Болт.

При слове «труселя» Го поморщилась.

— Откуда мне знать? — ответил я. — Вначале думал, что Энди. Но, скорее всего, их купила Эми. Главное, что не ее размер. Они наводят на предположение, что в моем кабинете происходило нечто не вполне приличное и вовсе не связанное

с моей женой. Вот гребаный номер два.

— А если бы детектив не поехал с вами в колледж? Или не заметил трусы?

— Да ей плевать на это, Болт! Охоту за сокровищами Эми устраивает для собственного развлечения. А все прочее ей не важно. Она затеяла все это, чтобы лишний раз показать мне: у нее в запасе миллион всяких намеков и улик. Опять же нужно знать мою жену. Та еще перестраховщица.

— Хорошо. Теперь подсказка номер два.

Представь себе, что брежу я тобой.

Туман покрыл грядущее с судьбой

Сюда привел меня ты, чтобы поболтать,

О детстве в кепке с козырьком повспоминать.

Все остальные за чертой отныне,

Целуй меня, как будто встретились впервые.

— Ганнибал, — пояснил я. — Однажды мы с Эми съездили туда на выходных. Это я понял с первого раза. Но, кроме того, в этом городе у меня была связь с Энди.

— И никакой звоночек не зазвонил? — удивился Таннер Болт.

— Нет, я в то время совсем растаял от записок, которые мне писала Эми. О боже! Она видит меня насквозь! Наверняка знает, что я хотел бы прочитать. «Ты великолепный! Ты остроумный!» Как, должно быть, она наслаждалась тем, что все еще способна трахать мне мозги. Даже дистанционно. Ну, а я… Господи, да я почти влюбился в нее снова!

Мимолетный спазм сжал мне горло. Дурацкая история о мерзком полуголом ребенке ее подружки Инсли. Эми знала, что мне больше всего нравилось в наших прошлых взаимоотношениях. Не романтическая составляющая, не трогательные мгновения, а тайные шутки, понятные лишь нам двоим. И сейчас она вовсю использовала их против меня.

— Кстати, угадайте, что случилось недавно, — сказал я. — В Ганнибале нашли сумочку Эми. И копы наверняка докажут, что я там был. Черт побери! Я заплатил за билет кредиткой. Еще одна улика. Эми нужна была гарантия, что меня свяжут с сумочкой.

— А если бы сумочка не нашлась?

— Не важно, — ответила Го. — Она гоняет Ника

кругами, забавляется. Как пить дать, она счастлива, представляя, как Ник путешествует по местам, где нашкодил, читает милые послания и кается: он изменял жене, а она сбежала от него.

Я едва не скривился от ее брезгливой интонации: «нашкодил».

— А если бы вместе с Ником в Ганнибал отправился, скажем, Джилпин? — рассуждал Таннер. — К примеру, детектив не отходил бы от него ни на шаг и точно знал бы, что сумочку Ник не подбрасывал. Что тогда?

— Эми слишком хорошо меня знает, чтобы предвидеть: я постараюсь избавиться от общества Джилпина. Она прекрасно понимает, что я не захочу читать записки от нее, когда посторонний заглядывает через плечо, наблюдает за моей реакцией.

— Правда? Откуда вы знаете?

— Знаю. — Я пожал плечами, не в силах объяснить. Просто я знал, и все тут. — Подсказка номер три. — Я сунул бумажку в руки адвокату.

За то, что взял меня сюда, ты можешь ощущать вину.

И я, приходится признать, всех чувств, конечно, не пойму.

Хоть выбрать мы могли края отсюда вдалеке,

Решились ехать мы сюда, в наш город на реке.

Давай же приведем любовь в коричневый тот дом,

Давай порадуем «Гудвил», супруг мой дорогой.

— Обратите внимание: я снова изначально неправильно понял. Решил, что она, когда писала «взял меня сюда», имела в виду Карфаген. Но нет, Эми указывает на дом моего отца и…

— Это еще одно место, где вы трахали малютку Энди, — заявил Таннер Болт и, повернувшись к Го, добавил: — Простите за грубость.

Сестра отмахнулась: без проблем.

— Итак, Ник, — снова заговорил адвокат, — она компрометирует вас женскими трусами в вашем кабинете, где вы трахали Энди, сумочкой в Ганнибале, где вы трахали Энди, свалкой вещей, купленных по кредитной карточке, в дровяном сарае, где вы трахали Энди.

— Ну да… В общем-то, правильно.

— Что же тогда лежит в доме отца?

Эми Эллиот-Данн

Спустя семь дней.

Я беременна! Благодаря дурехе Ноэль Хоторн об этом знает весь мир. Всего день прошел с тех пор, как она сыграла отведенную роль на ночном бдении в мою честь (плохо, что она почти затмила меня на мероприятии, — выступления уродов иногда производят фурор), а ненависть общества к Нику взмыла в небеса, точно на воздушном шаре. У него, поди, аж дух захватывает от льющейся со всех сторон неприязни.

Я заранее знала, что ключиком к моей великой известности, к круглосуточному неистовому, кровожадному обсуждению моей персоны на «Шоу Эллен Эббот» станет беременность. Удивительная Эми сама по себе интереснейшая личность, а уж Залетевшая Эми и вовсе неотразима. Американцы любят что попроще, а что может быть проще симпатии к беременным женщинам? Они как кролики, утята или щенки. Хотя мне досадно, что американцы столь неоригинальны в своей массе и совершенно предсказуемы. Можно подумать, такой труд — раздвинуть ноги и позволить

мужчине кончить внутри тебя.

А знаете, что трудно? Сфальсифицировать беременность.

Будьте внимательны, это стоит того. Началось все с Ноэль. На Среднем Западе полно таких пустышек. Ни рыба ни мясо — лепи из нее что хочешь.

Ее музыкальные пристрастия полностью исчерпывались купленными в «Поттери барн» сборниками. Ее книжная полка — всякая дребедень с журнальных столиков: «Ирландцы в Америке», «Футбольная команда университета Миссури: История в картинках», «Мы помним 9/11» и какая-то муть про котят. Для реализации своего плана я нуждалась в податливой подруге, чтобы грузить ее ужасными историями о Нике. Она должна быть легковнушаемой и не слишком рассудительной; она должна крепко привязаться ко мне. Достаточно, если простофиля почувствует себя привилегированной особой, став моей подругой. Лучшего претендента на эту роль, чем Ноэль, трудно было пожелать. Когда она поделилась секретом, что снова беременна — как будто тройни им мало! — я поняла, что тоже смогу «забеременеть».

Порыться в Интернете и найти способ осушить

унитаз как бы для ремонта.

Пригласить Ноэль на лимонад. На неимоверное количество лимонада.

Ноэль просится в туалет. Бачок не работает… Мы обе так смущены!

Взять баночку, и вот уже моча Ноэль хранится в моем туалетном столике.

Не зря я распускала слухи о том, что до одури боюсь вида крови.

Осталось прийти в больницу с бутылочкой мочи в сумке и получить назначение врача. «О нет, я не могу согласиться на анализ крови. Такая фобия к уколам… А вот тест с мочой, пожалуй, мне подходит. Я так благодарна вам, доктор…»

И вот уже в моей медицинской карточке запись о беременности.

Я мчусь с благой вестью к Ноэль!

Сработало великолепно. У Ника новый мотив для убийства; я милая беременная женщина, которая исчезла; родители мои страдают еще больше. И Эллен Эббот никак не может устоять. Если честно, то я даже горжусь, что мои труды оценила Эллен, выбрав меня из сотен горемык. Напоминает талант-шоу. Вы для начала выкладываетесь по максимуму, а дальше от вас уже ничего не зависит — все в руках строгих судей.

И вот она ненавидит Ника и любит меня. Жаль, конечно, родителей — столько неприятностей обрушилось на них. Я видела их в выпуске новостей — мама ужасно исхудала, вены на шее вьются, как ветви деревьев. Отец раскраснелся от волнения, глаза круглые, а широкая улыбка приклеена к лицу. Мужчина он представительный, но в похожих ситуациях становится карикатурным, смахивая на безумного клоуна. Но вряд ли они заслуживают сочувствия: я всегда была для них не более чем персонаж, ходячий идеал. Удивительная Эми во плоти. Не ударь в грязь лицом, ты же Удивительная Эми! Наша единственная. В существовании единственного ребенка есть своя суровая несправедливость. Вы растете, сознавая, что не имеете права разочаровать родителей. Вам даже умереть нельзя. И нет никакой альтернативы. Вы изо всех сил пытаетесь стать безупречной, а еще вас опьяняет власть. Вот так и воспитывают тиранов.

Нынче утром я отправилась в офис Дороти, чтобы попросить лимонада. Она обитала в комнатушке, облицованной деревянными панелями. По-моему, у письменного стола одно-единственное предназначение — служить витриной для коллекции сувениров. Дороти собирает стек-

лянные шары с падающим снегом и картинкой внутри. Всяческие курорты — Галф-Шорс в штате Алабама, Хайлоу в Арканзасе… Когда я вижу сувениры, то представляю себе не райские уголки, а обожженную солнцем деревенщину, которая тянет одной рукой безвкусно наряженное орущее чадо, а в другой сжимает огромный, не разлагающийся в земле полистироловый стакан с теплым напитком из кукурузного сиропа.

А еще у нее есть постер из семидесятых с котенком на дереве — «Держись!». Постеры эти она развешивает со всей истовостью. Может, нарвется на какую-нибудь самовлюбленную лахудру из Уильямсбурга, с челкой а-ля Бетти Пейдж и очками «кошачий глаз», которая повесила у себя такой же точно плакат ради стеба. Хотелось бы послушать их беседу. Сарказм обычно куда-то девается, напоровшись на идиотскую серьезность, — это его ахиллесова пята.

Еще один плакат Дороти пристроила на боку автомата для газировки — дитя, едва начавшее ходить, заснуло на горшке: «До того устал, что и пописать не могу». Не стянуть ли эту картинку? Всего-то трудов — подцепить ногтем желтый скотч, отвлекая Дороти болтовней. Готова спорить, на «еВау» я бы получила за такой винтаж

приличную сумму. Но как бы ни хотелось пополнить денежный запас, приходится быть острожной. Продажа оставит электронный след, если верить прочитанным мною бесчисленным детективам. Электронные следы — это очень плохо. Нельзя использовать зарегистрированный на ваше имя мобильный телефон, поскольку он выдает местонахождение владельца. Не снимайте деньги в банкомате, не пользуйтесь кредитной карточкой. Входите в Интернет только через общественные компьютеры, предоставляющие услуги за деньги. Остерегайтесь камер видеонаблюдения, которые обычно ставятся возле банковских учреждений, оживленных перекрестков и питейных заведений. Ну, у нас тут нет никаких питейных заведений, да и ни одной видеокамеры во всем коттеджном комплексе. Это я выяснила совершенно точно, расспрашивая Дороти о мерах безопасности.

— Наши клиенты уж точно не нуждаются в присмотре Большого Брата, — ответила она. — Не то чтобы они преступники. Просто не все хотят мелькать на виду.

Конечно, им не понравилось бы наблюдение. Например, моему приятелю Джеффу, который исчезает в темное время суток и появляется с

уймой рыбы, явно приобретенной незаконным путем. Добычу он хранит в больших ящиках со льдом. Джефф весьма подозрительная личность. В самой дальней хижине живет пара. Им лет по сорок, но метамфетамин состарил их до шестидесяти. Они почти не кажут носа наружу, лишь изредка посещают прачечную — с дико выпученными глазами пробегают по гравийной дорожке к парковке, неся грязное белье в мешках для мусора. Как зверюшки, убирающие весной свою норку. Они дважды кивают на бегу — привет, привет! — и мчатся дальше. Всегда два кивка, всегда два «привета». Мужчина иногда берет с собой, намотав на шею, боа-констриктора, хотя ни я, ни бегун насчет змеи до сих пор не обмолвились ни словом.

В довесок к постоянным обитателям время от времени появляются одинокие хорошенькие женщины, как правило со следами побоев. Некоторые выглядят растерянными, а другие ужасно печальными.

Одна прибыла только вчера. Довольно молодая кареглазая блондинка с разбитой губой сидела на веранде перед своей хижиной — прямо напротив моей — и курила сигарету. Когда мы встретились глазами, девушка гордо расправила плечи,

выпрямилась и задрала подбородок. Никаких оправданий. Тогда я подумала, что нужно ее изучить, стать ею на время. Вот кто я — обиженная, но сильная духом, пережидающая неурядицы.

Несколько часов с пультом от телевизора в руке прождав любых известий о судьбе Эми Эллиот-Данн, я натягиваю влажное бикини и отправляюсь к бассейну. Поплаваю, дам передышку хищному мозгу. Новость о беременности просто чудесна, но о многом я еще не знаю. Я так тщательно все распланировала, и все же кое-что выходит из-под контроля, искажая мои расчеты. Например, до сих пор не появилась на сцене Энди. Возможно, стоит слегка подтолкнуть полицию к поиску моего дневника. Копы пока не арестовали Ника. Не уверена, что они все нашли, и мне это не нравится. Так и подмывает позвонить на «телефон доверия» и слегка намекнуть… Нужно подождать еще несколько дней. Сегодня на стенном календаре я отсчитала три дня и обвела дату красным, приписав сбоку: «Позвонить». Ровно столько я согласна ждать. Как только копы найдут дневник, события закрутятся с неимоверной скоростью.

Снаружи жарко, как в джунглях; стрекочут цикады. Мой надувной матрас, розовый, с русал-

ками, маловат для моего роста: ноги по колено в воде. Зато он позволяет проводить на воде целый час — оказывается, «я» это люблю.

Вначале я замечаю белокурую голову, пересекающую парковку, а потом девушка с разбитой губой перешагивает через оградительную цепь у входа. В руках у нее купальное полотенце, не больше кухонного, пачка сигарет «Мерит» и солнцезащитный крем «СПФ-120». Похоже, рака кожи она боится больше, чем рака легких. Она усаживается и тщательно натирается, разительно отличаясь от других женщин, которые скрывались здесь. Те по большей части пользовались маслом для младенцев, оставляя жирные пятна на шезлонгах.

Девушка кивнула мне — так люди приветствуют друг друга, оказываясь в баре за одним столиком. Она читает «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери. Блондинка любит фантастику. Конечно, побитым женщинам свойственно бежать от действительности.

— Неплохая книга, — бросаю я, начиная ни к чему не обязывающий пляжный разговор.

— Кто-то забыл ее в моей комнате. Так что у меня был выбор — Брэдбери или «Черный Красавец». — Она надевает массивные темные очки.

— Тоже неплохо. Но «Черный скакун» лучше.

Она смотрит на меня через очки — огромные черные глаза пчелы. Хмыкает и резко утыкается в книгу — «вы что, не видите — я читаю?». Такое движение мне частенько случалось замечать в самолетах, когда из соседнего кресла задают глупый вопрос: «По делам или развлечься?»

— Меня зовут Нэнси, — называюсь новым именем.

Джеффу я представлялась Лидией.

Не слишком разумно в этой тесноте, но так уж получилось. Подчас мое подсознание вдруг действует само по себе. Вначале я подумала о разбитой губе и печальных глазах девушки, потом о преступлениях и проституции, а после о мюзикле «Оливер!» Любимый спектакль моего детства. Несчастная проститутка Нэнси обожала своего жестокого мужчину, пока не приняла смерть от его руки. Много раз я задумывалась, с чего бы это моей феминистически настроенной маме слушать со мной арию Нэнси «Что я ему нужна, пока еще нужна…», которая, без преувеличения, воспевает семейное насилие. А в итоге поняла, что Эми из Дневника также убита ее мужчиной и у нее немало общего с…

— Меня зовут Нэнси, — повторила я.

— Грета.

Не слишком правдоподобно.

— Рада познакомиться, Грета.

Я отплываю подальше и слышу щелчок ее зажигалки. Вскоре дым плывет над водой.

Минуты через четыре Грета садится на край бассейна и болтает ногами в воде.

— А ведь горячая. — У нее сильный голос, напоминающий о выкуренных сигаретах и ветрах прерий. — Вода.

— Как в ванне.

— Не лучший способ освежиться.

— В озере не намного холоднее.

— Ну, да я все равно плавать не умею.

Я никогда не встречала людей, которые совсем не могут плавать.

— Да я и сама едва-едва умею, — вру не задумываясь. — По-собачьи.

Она двигает ногами. Волны колеблют мой матрас. Спрашивает:

— Ну и как тут, вообще?

— Ничего так. Тихо.

— Хорошо. Это мне как раз и нужно.

Обернувшись, я смотрю на нее. Две золотые цепочки на шее, кровоподтек размером со сливу у левой груди и татуировка в виде трилист-

ника чуть выше линии бикини. Купальник новехонький, дешевый, вишнево-красный. Из мини-маркета рядом с причалом для яхт, где я покупала матрас.

— Вы здесь одна? — интересуюсь я.

— Абсолютно.

Ну и о чем говорить дальше? Может, есть условные фразы, которыми обмениваются подвергшиеся насилию женщины, а я их не знаю?

— Проблемы с парнем? — Она зыркает на меня исподлобья. Кажется, я угадала. — У меня тоже.

— Как будто нас не предупреждали, — говорит Грета, зачерпывая воду и выплескивая себе на грудь. — Мама, отправляя меня первый раз в первый класс, сказала: «Детка, держись подальше от мальчиков, они или камнями бросаются, или норовят забраться тебе под юбку».

— Надо сделать футболку с такой надписью.

— Это точно, — смеется она. — Хотя… Нет, это прописная истина. Моя мамочка живет в лесбийской деревне где-то в техасской глуши. И если подумать, для меня было бы неплохо к ней присоединиться. Там все жители кажутся счастливыми.

— Лесбийская деревня?

— Ну, эта, как ее… коммуна. Несколько лесби-

янок выкупили участок земли, организовали общину. Мужчинам вход запрещен. Здорово, как по мне. Мир без кобелей? — Грета снова зачерпывает воду, но уже одной рукой и, приподняв очки, умывается. — Жалко, что мне не нравятся киски. — У нее хриплый смех всякого навидавшейся женщины. — А есть тут вообще парни, с которыми можно общаться? Это у меня судьба такая. Убежать от одного, чтобы напороться на другого.

— Здесь почти все время ни души. Есть Джефф, бородатый такой, он вроде нормальный. Раньше меня поселился.

— А сколько еще ты собираешься тут пробыть?

Не знаю, что ответить. Удивительно, но я сама не представляю, до каких пор нужно здесь задержаться. Изначально я планировала пожить в уединении, пока Ника не арестуют, но вот поди угадай, когда это случится.

— Пока он не перестанет искать? — высказывает догадку Грета.

— Что-то в этом роде…

Она внимательно и серьезно смотрит на меня. Я напрягаюсь, ожидая услышать: «Где-то я тебя видела».

— Никогда не возвращайся к мужчине, пока не сойдут синяки, — подводит итог Грета. — Не

доставляй ему такой радости.

Она встает, собирает вещи, вытирает ноги о полотенце. Говорит:

— День прошел, и черт с ним.

Не знаю почему, но я поднимаю большой палец, чего не делала никогда в жизни.

— Хочешь, приходи ко мне, когда накупаешься, — прощается она. — Посмотрим телик вместе.

Свежий помидор, полученный от Дороти, я держу на ладонях, словно подарок на новоселье. Грета отворяет дверь и, похоже, поначалу меня не узнает. Будто мы не виделись несколько лет. Потом хватает помидор с моих рук:

— Великолепно! Как раз сэндвичи делаю. Устраивайся.

Она кивает на кровать — гостиных тут нет, — а сама отправляется на кухоньку, где все как и в моей: такая же пластмассовая разделочная доска, такой же тупой нож. Нарезает помидор ломтиками. Пластиковый поднос с легкой закуской стоит на столе; желудочно-сладкий запах расползается по комнате. Грета укладывает два скользких сэндвича на одноразовые тарелки, насыпает рядом по горсточке крекеров и несет угощение в спальню. Потом сидит с «лентяйкой» и меняет один шум на другой.

Мы сидим на краешке кровати, бок о бок, и пялимся на экран.

— Увидишь что-нибудь интересное, скажи, — роняет Грета.

Я кусаю сэндвич. Помидор падает и скользит по бедру.

«Деревенщина из Беверли-Хиллз». «Непредсказуемая Сьюзен». «Армагеддон».

«Шоу Эллен Эббот».

Моя фотография на весь экран. Я — основа сюжета. Опять. Смотрюсь великолепно.

— Ты это уже видела? — спрашивает Грета, не оборачиваясь. Звучит так, будто мое исчезновение — повторный показ телесериала. — Женщина пропала в день пятилетнего юбилея ее свадьбы. Муж с самого начала ведет себя странно — весь в улыбках и по уши в дерьме. Оказывается, застраховал ее жизнь на огромные деньжищи, а тут еще выяснилось, что она беременная была. И при этом парень детей не хотел.

На экране мелькают крупным планом обложки книг об «Удивительной Эми».

— Знаешь эти книги? — поворачивается Грета.

— Еще бы!

— Понравились?

— Они всем нравятся, — отвечаю я. — Такие

интересные.

— Такие неестественные, — фыркает Грета.

Дают мою фотографию крупным планом.

Я жду, скажет ли Грета, как я красива.

— Ха, а она неплохо смотрится для своего возраста, — говорит блондинка. — Хорошо бы мне так сохраниться к сорока.

Эллен рассказывает мою историю аудитории. Фотография остается на экране.

— Похоже, она была испорченной девчонкой, — заявляет Грета. — Богатая, высокомерная и злобная.

Как по мне, это просто несправедливо. Я никому не давала повода считать меня такой. С тех пор как перебралась в Миссури — ну ладно, с тех пор как принялась реализовывать свой план, я вела себя исключительно осторожно, ни капли высокомерия, само добродушие и жизнерадостность. Ведь именно этого окружающие хотят от женщины. Я приветливо махала соседям, выполняла мелкие поручения подруг Мо, а иногда привозила колу какому-нибудь чумазому Стаксу Бакли. Я навещала папу Ника, и любая медсестра могла засвидетельствовать, сколь мила и любезна Эми Данн, а я тем временем нашептывала снова и снова в перепутанные извилины Билла Данна:

«Приходите к нам жить, я вас люблю, приходите к нам жить».

Таких, как отец Ника, в «Комфорт-Хилле» называют бродягами. Его вечно куда-то черти несут. Но я обожаю представлять, как Билл Данн — материальное воплощение всех страхов Ника — снова и снова появляется на нашем пороге.

— Почему она тебе кажется злобной? — спрашиваю я.

Грета пожимает плечами. По телевизору крутят рекламу освежителя воздуха. Женщина распыляет его из баллончика, делая свою семью счастливой. Потом начинается ролик про тончайшие прокладки, благодаря которым женщина может надеть обтягивающее, потанцевать, встретить мужчину и уже с ним, распыляя освежитель воздуха, обрести счастье.

Уборка и месячные. Месячные и уборка.

— Ну, я просто так сказала, — отвечает Грета. — Вот слушаю, и почему-то думается про богатую скучающую суку. Вроде тех богатых сук, которые тратят деньги мужей на бизнес типа кафешек, магазинчиков и прочее дерьмо. Сплошные бутики.

Некоторые из моих нью-йоркских подруг любили строить из себя бизнес-леди. Им нравилось рассказывать всем, что они тоже работают, хотя

на самом деле это была игра в работу, забава. Придумать новое пирожное, заказать канцелярские принадлежности, выбрать эффектное платье в собственном магазине.

— По всему, она из таких, — заявляет Грета. — Богатая сучка задрала нос выше некуда.

Она на минутку выходит в уборную, а я на цыпочках пробираюсь в кухню, открываю холодильник, плюю в ее молоко, в апельсиновый сок, в контейнер с картофельным салатом и так же тихонько возвращаюсь.

Звуки опорожняемого бачка. Грета входит в комнату:

— Я не хочу сказать, что это оправдывает убившего ее мужа. Просто еще одна женщина ошиблась с выбором мужчины.

Она внимательно смотрит на меня, и я ожидаю слов: «Эй, погоди-ка…»

Но Грета поворачивается к телевизору, устраиваясь на животе, как ребенок. Подбородок опирается на руки, взгляд не отрывается от моего изображения на экране.

— Нет, ты только глянь! — говорит она. — Охренеть, как этого парня все ненавидят.

Шоу в разгаре; я испытываю облегчение. Вот оно — торжество Эми.

Кэмпбелл Макинтош, подруга детства: «Эми такая заботливая — готовая мать семейства. Ей нравилось быть женой. Я уверена, из нее получилась бы замечательная мама. А Ник… Сразу ясно, что Ник не прав, никоим образом. Холодный и отстраненный. Нет, в самом деле, он казался таким расчетливым — возникало чувство, что он совершенно точно знает, сколько денег у Эми».

Кэмпбелл врет. Она всегда восхищалась Ником, боготворила его. Но я уверена: мысль о том, что он женился на мне только ради денег, ей всегда нравилась.

Шона Келли Норт, жительница Карфагена: «По мне, так он ведет себя странно. Так легкомысленно относиться к поискам жены… Знаете ли, складывается впечатление, что он просто болтает, проводит время с удовольствием. Даже со мной флиртовал, хотя мы едва знакомы. Я пыталась говорить с ним об Эми, но он не проявлял ни малейшего интереса».

Уверена, эта прожженная старая стерва при Нике обо мне даже не вспомнила.

Стивен Бакли по прозвищу Стакс, друг детства моего мужа: «Она была очень хорошей. Милой, добросердечной. А Ник? Мне тоже не показалось, что он огорчился из-за исчезновения Эми. Он

оставался таким же самовлюбленным, как всегда. Немножко выпендривался. Типа того, каким крутым он стал в Нью-Йорке, а мы должны ему теперь кланяться».

Я презираю Стакса Бакли — что за гребаное имя?

Ноэль Хоторн выглядит так, будто располагает новейшими сведениями: «Я уверена, Ник ее убил. Никто не хочет об этом говорить, а я скажу. Он издевался над ней, рукам волю давал. Вот и убил в конце концов».

Ах ты моя славная собачка.

Грета поворачивается ко мне вполоборота, пальцы вдавливаются в щеку, свет от телевизора падает на лицо.

— Надеюсь, это ошибка, — говорит она. — Он ее не убивал. Хочется думать, что она просто скрылась, сбежала от него подальше и прячется в тихом, укромном местечке.

Она шевелит ногами вверх-вниз, подобно пловцу, а я не могу понять — играет она со мной в кошки-мышки или нет?

Ник Данн

Спустя восемь дней.

Мы обыскали каждый закоулок в доме моего отца, что не заняло много времени, поскольку мебели там почти не оставалось. Пустые комнаты и уборная. Я приподнимал за углы ковровые дорожки, чтобы убедиться — там ничего нет. Заглянул в стиральную машину и сушилку, пошарил рукой в дымоходе. Даже в сливной бачок посмотрел.

— Прямо «Крестный отец», — сказала Го.

— Был бы «крестным», уже нашел бы, что мы ищем, и вышел, строча из автомата.

Таннер Болт стоял посреди гостиной и теребил кончик лаймового галстука. Мы с Го перемазались в пыли и грязи, но воротничок белоснежной адвокатской сорочки сиял, как будто впитал в себя гламур нью-йоркских сполохов. Таннер Болт глядел в угол комнаты, пожевывая губу и мучая галстук, и молчал. Должно быть, долгие годы оттачивал этот взгляд: «Заткнись, клиент, я думаю…»

— Не нравится мне это, — наконец сказал он. — В вашем деле множество загадок, и я не пойду

в полицию, пока сам не разберусь с ними. Мое первое побуждение — опередить развитие ситуации, сообщить о барахле в сарае, пока его не обнаружили! Но мы не знаем замысла Эми. Что мы должны здесь найти согласно ее плану? И нам неизвестно, что происходит в голове у Энди. Ник, вы можете предположить, что происходит в голове у Энди?

— Она бесится, — пожал я плечами.

— Вот поэтому и я сильно нервничаю. Мы попали в весьма щекотливую ситуацию. Наш долг — заявить в полицию о находке. Нам необходимо сработать на опережение. Но я хочу, чтобы вы понимали последствия такого шага. Копы всерьез возьмутся за Го. Есть два варианта действий полиции. Первый: Го ваша сообщница, которая помогает вам скрывать следы преступления и, по всей вероятности, знает, что вы убили Эми.

— Постойте, вы не можете говорить это всерьез!

— Ник, такая версия для нас была бы подарком. Но копы могут интерпретировать улики, как им заблагорассудится. Вот, например. Это Го воровала у вас деньги, пользуясь вашей кредитной карточкой. Накупила всю эту ерунду. Эми узнала, между ними произошла ссора. Го убила Эми.

— Значит, нам действительно нужно их опередить. Рассказать о дровяном сарае и о том, что Эми меня подставляет.

— Думаю, это вообще плохая идея. Особенно если Энди не на нашей стороне. Ведь нам придется рассказать правду о ней…

— Зачем?

— Если мы пойдем к полицейским с вашей историей о том, что Эми…

— Почему вы говорите «с вашей историей», как будто я это все придумал?

— Ха! Отличное замечание! Если мы начнем объяснять копам, что Эми вас подставляет, то вынуждены будем объяснить, почему она это делает. А правда, почему? Все очень просто! Она узнала, что вы завели хорошенькую молодую подружку на стороне.

— И нам в самом деле придется это рассказать?

— Эми подсовывает все улики, как будто вы ее убили, из-за чего? Ну? Из-за чего?

Я закусил губу.

— Нам нужно показать, что у Эми был повод, — продолжал адвокат. — Иначе ничего не получится. Но есть проблема. Если мы принесем им к порогу Энди, завернутую в подарочную упаковку, а они не проглотят наживку с версией

инсценировки, значит мы дадим веское основание для версии убийства. Нехватка денег, раз. Беременная жена, два. Любовница, три. Вот она, триада убийцы. И вы на самом дне, Ник. Женщины выстроятся в очередь, чтобы выцарапать вам глаза. — Таннер принялся расхаживать по комнате. — Но если мы будем сидеть и ждать, Энди может вступить в игру самостоятельно.

— И что же нам делать? — спросил я.

— Думаю, если мы прямо сейчас заявим, что Эми вас подставляет, — от хохота копов развалится здание полиции. Я вам верю, но у вас слишком слабая позиция.

— Но подсказки в охоте за сокровищами… — начал я.

— Ник, эти подсказки даже я не могу понять! — воскликнула Го. — Это ваш с Эми междусобойчик. Есть только твое слово, что они заманивают тебя… в криминальную ситуацию. Я серьезно: каким образом детство и кепка с козырьком могут намекать на Ганнибал?

— Или упоминание о коричневом доме должно привести к дому вашего отца. Хотя он на самом деле синий, — добавил Таннер Болт.

Я ощущал недоверие адвоката. Следовало представить ему характер Эми во всей красе,

ее лживость, мстительность, мелочность. Мне требовалась помощь, чтобы доказать миру: моя жена не Удивительная Эми, а Мстительная Эми.

— Давайте сегодня же попробуем связаться с Энди, — подытожил Таннер Болт.

— Постойте, а это не опасно? — спросила Го.

— Да, мы рискуем, — кивнул он. — Но нужно действовать быстро. Если появятся новые свидетели, если полиция получит ордер на обыск дровяного сарая, если Энди сама пойдет к копам…

— Она не пойдет.

— Она укусила вас, Ник.

— Энди не пойдет. Она может беситься от злости, но… я не могу представить, чтобы она выступила против меня. Она знает, что я невиновен.

— Ник, вы говорили, что провели с Энди целый час в то утро, когда исчезла Эми. Так?

— Да. Приблизительно с десяти тридцати и почти до двенадцати.

— Хорошо. А где вы были с семи тридцати до десяти? — спросил Таннер. — Ведь вы всем говорили, что вышли из дому в семь тридцать. Куда вы направились?

Я молчал, покусывая щеку.

— Где вы были, Ник. Я должен знать.

— Это не важно.

— Ник! — возмутилась Го.

— Я делал то же, что делаю каждое утро. Притворился, что уезжаю на работу, а сам направился в заброшенную часть нашего жилого квартала и… Там в одном из домов не запирается гараж…

— И?.. — настаивал Таннер Болт.

— И читал там журналы…

— Простите?

— Я читал журнал, где раньше работал. Старые номера…

Да, я тосковал по своему журналу — прятал экземпляры, как порнографию, и читал тайком, поскольку не хотел, чтобы кто-то меня жалел.

Теперь я заметил, что и адвокат, и Го глядят на меня с состраданием, как на больного.

Домой я вернулся лишь после полудня и обнаружил, что улица забита фургончиками разных телеканалов, — репортеры ночевали под открытым небом прямо на моем газоне. Из-за столпотворения я не смог подъехать к дому и был вынужден припарковаться у обочины. Набрав в грудь побольше воздуха, я выскочил из машины. Журналисты набросились на меня, как стервятники на падаль; они то сбивались в плотную

кучку, то рассыпались в разные стороны.

— Ник, а вы знали, что Эми беременна?

— Ник, а у вас есть алиби?

— Ник, это вы убили Эми?

Проскочив мимо них, я запер двери. Опустил жалюзи на окнах по обе стороны крыльца. Все это время камеры репортеров щелкали и слепили меня. Рефреном звучал самый главный вопрос: «Ник, это вы убили Эми?» Но сотворенная мною мгла имела эффект платка, накинутого на клетку с канарейкой. Шум остался снаружи.

Поднявшись по лестнице, я встал под душ, о котором давно мечтал. Закрыл глаза и позволил теплым струям смывать с тела грязь отцовского дома. Но когда поднял веки, сразу увидел розовую бритву Эми, лежащую на мыльнице. Она казалась зловещей, а может быть, даже злорадной. Моя жена безумна. Я женился на сумасшедшей.

Вот она, мантра любого засранца: «Я женился на психически больной суке». Но ко мне пришло мерзкое легкое удовлетворение. Ведь я в самом деле женился на суке, причем именно на психически больной. Позвольте представить мою дорогую жену: лучшая в мире трахальщица мозгов! Похоже, я не такой мудак, как полагал до сих пор. Нет, конечно мудак, но не в мировом

масштабе. Измена — теперь уже вполне понятно — стала подсознательной защитной реакцией на пять лет жизни с психопаткой. Конечно, меня потянуло к простой добросердечной девочке из моего родного города. Точно так же человеку с нехваткой железа в крови жутко хочется мяса с кровью.

Когда я вытирался после душа, зазвонил дверной звонок. Приоткрыв дверь ванной, я услышал голоса репортеров:

— Вы верите своему зятю, Мэрибет?

— Ранд, что вы почувствовали, когда узнали, что будете дедушкой?

— Как вы думаете, Мэрибет, это ваш зять убил Эми?

Они стояли на моем пороге. С решительными лицами и сведенными напряжением спинами. Рядом вилась дюжина папарацци, но шуму, что они создавали, хватило бы на вдвое большее число журналистов.

— Вы верите своему зятю, Мэрибет?

— Ранд, что вы почувствовали, когда узнали, что будете дедушкой?

Эллиоты вошли и пробормотали «привет», а я тем временем захлопнул дверь прямо перед камерами. Ранд протянул мне руку, но под при-

стальным взглядом Мэрибет тут же ее отдернул.

— Простите, я был в душе…

С моих волос капала вода, промочив плечи футболки. Мэрибет, небрежно одетая, с засаленной головой, глядела на меня как на чокнутого.

— Таннер Болт? — спросила она. — Вы серьезно?

— Что вы имеете в виду?

— Ник, вы хорошо подумали, прежде чем наняли Таннера Болта? К его услугам прибегают только преступники. — Мэрибет пригляделась и схватила меня за подбородок. — Что с вашей щекой?

— Крапивница. Это от нервов. — Я отстранился. — У вас не вполне верные сведения о Болте, Мэрибет. Все не так. Он лучший в своем деле. И мне нужны его услуги. Полиция сжимает кольцо вокруг меня.

— Это случайно не… — протянула она. — Похоже на отметину от зубов.

— Это крапивница.

Мэрибет судорожно вздохнула и направилась в гостиную:

— Все произошло здесь? — Ее лицо превратилось в несколько мясистых складок: мешки под глазами, обвислые щеки, опущенные уголки рта.

— Ну, мы так полагаем. Какая-то ссора… борьба. На кухне тоже.

— Потому что там кровь. — Мэрибет потрогала оттоманку, приподняла ее на пару дюймов и отпустила. — Напрасно ты навел тут порядок. Теперь кажется, будто ничего не было.

— Мэрибет, ему приходится здесь жить, — вмешался Ранд.

— Все же не понимаю, каким образом… Я хочу сказать, вдруг полиция не все нашла? А что, если… Нет, не знаю. Мне кажется, детективы сдались. Если их больше не интересует дом, любые следы…

— Я уверен, они ничего не упустили из виду, — сказал Ранд, сжимая ее локоть. — Почему ты не спросишь, можем ли мы посмотреть на вещи Эми и выбрать себе что-нибудь на память? — Он глянул на меня. — По-моему, тут нет ничего дурного, а, Ник? Нам бы хотелось взять что-то из вещей Эми. Например, синий свитер, который связала для нее Нана. — Последние слова он адресовал жене.

— Мне не нужен синий свитер, Ранд! — вскричала она, отбрасывая руку мужа, и зашагала по комнате, пиная мебель. — Это та оттоманка, Ник? Та самая, о которой полицейские говорят, что ее

нельзя перевернуть, а она была перевернута?

— Да, это она.

Не переставая шагать, Мэрибет пнула оттоманку снова, удостоверилась, что ту нелегко свалить.

— Мэрибет, Ник очень устал. — Рэнд ободряюще улыбнулся. — Мы все вымотались. Давай поскорее сделаем то, ради чего приехали, и…

— Я и делаю то, ради чего приехала! Не нужен мне дурацкий свитер, я не трехлетняя, чтобы ходить с ним в обнимку! Мне нужна моя дочь! Мне не нужны ее вещи. Они ничего не значат для меня. Я хочу, чтобы Ник сказал нам, черт побери, что здесь происходит, поскольку дело начинает дурно пахнуть! Я никогда, слышишь, никогда в жизни не чувствовала себя в таком идиотском положении! — Она сорвалась на крик, сопровождаемый рыданиями. — Мы доверили вам свою дочь! Ник, скажите же правду! — Мэрибет нацелила дрожащий палец на кончик моего носа. — Это правда? Вы не хотели ребенка? Вы разлюбили Эми? Вы причиняли ей боль?

Как же хотелось ей врезать! Это они с Рэндом воспитали Эми. Она в буквальном смысле плод их трудов. Они ее создали. Как же хотелось ответить ей: «Ваша дочь — чудовище во плоти!» Но

пока мы не поставили в известность полицию, я не мог идти на конфликт с Эллиотами. Я стоял как истукан и пытался найти нужные слова. Выглядело это так, будто я ушел в глухую защиту.

— Мэрибет, я никогда в жизни… — пробормотал я через силу.

— «Я никогда…» «Я не мог бы никогда…» Вот и все, что вылетает из вашего проклятого рта! Знаете, мне не хочется даже видеть вас! С вами явно что-то неладно. Чего-то не хватает в душе, раз вы так себя ведете. Даже если в конце концов окажется, что вы абсолютно невиновны, я никогда не прощу вас за то, с какой легкостью вы относитесь к происходящему. Как будто задрипанный зонтик потеряли! Эми для вас столько сделала, на такие жертвы пошла, а вы отвечаете ей неблагодарностью. Я вам не верю, Ник! Вот, чтобы сказать это, я и приехала сегодня. Я больше не верю вам. И не поверю никогда.

Она разрыдалась окончательно и кинулась вон из дома, на радость репортерам, бросившимся снимать ее. Когда Мэрибет нырнула в машину, двое журналистов принялись стучать по стеклу, уговаривая ее выглянуть и сказать им пару слов. К нам в гостиную доносились их настойчивые голоса: «Мэрибет… Мэрибет…»

Ранд стоял, засунув руки в карманы и пытаясь разобраться, какую же роль должен играть он. В моих ушах звучали слова Таннера Болта: «Нам нужно удержать Эллиотов на своей стороне». Снова и снова, точно хор в греческой трагедии.

Тесть открыл было рот, но я опередил:

— Ранд, скажите, что я должен делать.

— Просто ответьте.

— Что ответить?

— Я не хочу спрашивать, а вы — отвечать на этот вопрос. Это естественно. Но я должен знать. Я хочу услышать, что вы не убивали мою дочь. — Он улыбался и кривился от душевной боли одновременно. — Господи… У меня голова кружится. — Сквозь густой загар на щеках проступили багровые пятна. — Я просто не понимаю, что случилось. Не понимаю, и все! — Ранд все еще пытался улыбнуться. Слезы скатывались с подбородка на воротник рубашки. — Просто ответьте, Ник.

— Ранд, я не убивал Эми и никогда не причинял ей боли.

Он не отрываясь смотрел на меня.

— Вы верите, что я не причинял ей физического вреда?

Ранд хохотнул:

— Знаете, что я собирался сказать? Я хотел сказать, что не знаю теперь, кому верить. А потом подумал, что это слишком похоже на сцену из кинофильма. Именно в кино я был бы обязан это сказать, вот и задумался: уж не в фильме ли я? Можно ли из него вырваться? Теперь знаю, что не могу. Но на одну секунду показалось: вот скажу что-то другое, и сюжет изменится… Но ведь не изменится, да? — Резко кивнув на прощание, Ранд развернулся и следом за женой ушел к машине.

Мне бы расстроиться, а я вместо этого насторожился. Еще до того, как Эллиоты отъехали от моего дома, подумалось: «Нужно идти в полицию, и чем скорее, тем лучше».

Следует опередить Ранда и Мэрибет, которые вот-вот начнут публично обсуждать потерю доверия ко мне. Кровь из носу нужно доказать, что моя жена вовсе не такая, какой все это время притворялась. Что она не Удивительная Эми, а Мстительная Эми. И тут я вспомнил о Томми О'Хара, который трижды пытался ей дозвониться и который когда-то обвинялся в изнасиловании Эми. Таннер раздобыл кое-какую информацию о нем. Томми О'Хара вовсе не был брутальным ирландцем, как я представлял парня с таким именем. Не пожарный и не коп. Он писал для

юмористического веб-сайта в Бруклине. Там даже нашлась его фотография. Костлявый тип в темных очках и футболке с надписью «Бинго», с чуть кривоватой улыбкой и копной непослушных черных волос.

Он ответил с первого звонка:

— Да?

— Это Ник Данн. Вы звонили мне, очевидно, по поводу моей жены Эми Данн. Эми Эллиот. Я готов с вами поговорить.

Томительная пауза. Вот сейчас он повесит трубку, как это сделала Хилари Хэнди.

— Перезвоните мне через десять минут, пожалуйста.

Я перезвонил. Судя по фоновым звукам — болтовня пьяниц, стук ледяных кубиков, голоса, требующие еще выпивки или приветствующие друзей, — О'Хара сидел в забегаловке. С легкой тоской я вспомнил о собственном «Баре».

— Спасибо за звонок, — сказал он. — Пришлось зайти в ближайший бар. Под стаканчик скотча беседа пойдет лучше. — Его голос зазвучал громче, как бы приблизился. Я догадался, что парень прикрыл трубку ладонью, склонившись над напитком.

— Итак, — начал я, — я видел ваши вызовы.

— Верно. Она все еще не вернулась? Эми, в смысле.

— Нет.

— Могу я поинтересоваться, что произошло, по вашему мнению? — спросил он. — С Эми.

Мать его! Захотелось хлебнуть чего-нибудь. Я отправился на кухню, которая занимала вторую после бара позицию в списке любимых мест, и набулькал в стакан, стараясь соблюдать разумную умеренность, ведь обстановка располагала — аромат виски, полутьма после яркого солнца…

— А могу я поинтересоваться, зачем вы звонили? — вопросом ответил я.

— Я видел передачи. Вы в дерьме.

— Это точно. Я хотел бы с вами поговорить, потому что… вы попытались выйти на связь, и это мне показалось интересным. Учитывая то, что было. Обвинение в изнасиловании…

— Ах, вы уже в курсе?

— Я знаю, что вас обвинили в изнасиловании. Но это не значит, что я считаю вас насильником. Я хотел выслушать вашу версию событий.

— Да… — Он шумно отхлебнул виски, кубики льда цокнулись друг о дружку. — Я переключал вечером каналы и наткнулся на новости. Про вас с Эми. Лежу себе в койке, жую тайскую еду, ду-

маю о своих делишках. И тут — херак по мозгам! Опять она. Через столько лет… — Он попросил у бармена еще выпивки. — Адвокат сказал, чтобы я не вздумал с вами разговаривать, но… Что тут скажешь? Сам-то я очень легко отделался. Грешно смотреть, как вы тонете, и не помочь. Жаль, курить запретили в барах. Скотча к такому разговору мало, сигарета нужна.

— Расскажите, — попросил я. — Про обвинение. Про изнасилование.

— Я же говорю: увидел сюжет в новостях. Масс-медиа поливают вас дерьмом. Это потому, что вы муж. Не надо бы мне в это лезть, не хватало еще, чтобы эта женщина снова в моей жизни нарисовалась. Даже на секунду. Но черт возьми… Хотел бы я, чтобы мне тогда кто-нибудь оказал такую услугу.

— Вот и окажите ее мне.

— Во-первых, вы знаете, что она отказалась от обвинений?

— Знаю. А вас было в чем обвинять?

— Мать вашу! Конечно нет! А вас?

— Нет.

— Вот и отлично.

Томми снова потребовал виски. Потом спросил:

— Ваш брак был удачен? Эми была счастлива?

Я молчал.

— Ладно, можете не отвечать, сам угадаю. Эми не была счастлива. По какой причине? Не собираюсь выяснять. Могу догадываться, но спрашивать не стану. Когда Эми не удовлетворена, она играет в бога. В ветхозаветного бога.

— В смысле?

— Карает виновных, — сообщил Томми. — И сурово карает. — Он рассмеялся в трубку. — Жаль, что вы меня не видите. Я совсем не похож на склонного к насилию альфа-самца. Я похож на чмо. Собственно, я и есть чмо. Когда в караоке пою песню «Sister Christian», я плачу в голос. Смотрю по телику «Крестного отца-два» и рыдаю. Каждый раз. — Он закашлялся, поперхнувшись виски.

Похоже, пора его слегка раскрепостить.

— Фредо? — спросил я.

— Да, Фредо. Я знаю, Фредо, это ты.

— Ты разбил мне сердце…

Большинство мужчин использует спортивную терминологию как секретную речь «крутых чуваков». Этот обмен цитатами из фильма имел сходство с воспоминаниями о каком-то крутейшем матче. Мы оба знали диалоги, и тот факт, что мы их знали, сблизил нас, и он стоил целого дня

пустой болтовни.

— Это все было, мать его, таким абсурдом… — О'Хара сделал еще глоток.

— Расскажите, пожалуйста.

— А вы не записываете? Никаких диктофонов? Мне это совершенно ни к чему…

— Только ты. И я на вашей стороне.

— Ну ладно… Я познакомился с Эми на вечеринке. Лет семь тому назад. Она была обалденно крутая. Веселая, необычная и… отпадная. Мы сразу поладили. Знаете, я редко завожу отношения с девчонками… Ну по крайней мере с такими, как Эми. Пожалуй, я… Ну да, я слишком робкий. Не охотник, знаете ли. Но мы начали встречаться. Два месяца, три месяца, а потом я вдруг осознаю… Она совсем не та девчонка, за которую я ее принимал. Сыплет сплошными цитатами, а самой не смешно. И вообще не любит смеяться. Да еще не хочет, чтобы я смеялся или хохмил, а мне это не в жилу, я же профессиональный юморист. Все эти шутки — пустая трата времени, так она считала. Я не понимал, зачем вообще она со мной связалась. Ясно же, что я ей не нравлюсь. Вы меня понимаете?

— Да. — Я кивнул, сделав большой глоток скотча. — Понимаю.

— Я не мог просто взять и порвать с ней, ведь я идиот, а она само совершенство. Надеялся, что все произойдет само по себе. Но причины не ходить на свидания я придумывал с завидной регулярностью. То я загружен работой, то не успеваю к сроку, то друг позвал за город, то заболела моя обезьяна… Не важно, что угодно. И я познакомился с другой девушкой. Просто случайные встречи, ничего серьезного. Ну, по крайней мере, я так думал тогда. Но Эми пронюхала. Каким образом — не знаю до сих пор… Должно быть, следила за мной. Вот дерьмо…

— Хлебните еще.

Мы оба отпили по чуть-чуть.

— Как-то вечером она явилась ко мне домой. С той, другой девушкой я встречался уже почти месяц. Эми была сама любезность — это ее привычный образ. Принесла пиратский диск с моим любимым комиком — он выступал на андеграундном концерте в Дареме — и целый пакет гамбургеров. Мы сели смотреть фильм, и вдруг ее нога оказалась на моей. А потом… Простите. Эми ваша жена. Но она всегда знала, как меня завести. В общем, все закончилось…

— Сексом?

— Сексом по обоюдному согласию. Все было

отлично, она попрощалась. Поцелуй на пороге…

— А дальше?

— Утром нагрянули два копа и предъявили обвинение в изнасиловании. У Эми, сказали они, зафиксированы повреждения, подтверждающие насильственный половой акт. Гематомы на запястьях… Они обыскали мою квартиру и нашли на спинке кровати два привязанных галстука, запрятанные под матрас. Вот она, причина гематом на запястьях.

— Вы связывали ее?

— Да нет, секс был самым обычным… Должно быть, она привязала галстуки, когда я вышел в уборную. Короче, вляпался я серьезно. Все улики были против меня. А она вдруг отказалась от обвинений. Еще две недели спустя я получил записку. Анонимную, распечатанную на принтере. «Может, в следующий раз ты прежде хорошенько подумаешь». Вот что было в той записке.

— И вы больше с ней не разговаривали?

— Никогда.

— И не пытались выдвинуть против нее обвинение?

— Мм… Нет, мать ее так, нет. Я просто радовался, что мы расстались. И вот на прошлой неделе я лежу на кровати, смотрю новости, трескаю

тайскую еду… А там Эми. И вы. Идеальная жена, годовщина свадьбы, тело не найдено, натуральное бурление говн. Ей-богу, меня прямо в жар бросило. Я понял: опять Эми чудит, на этот раз сымитировала свое убийство. Срань господня! Я серьезно! Спорим, она все это подстроила, чтобы обгадить вас по полной программе. Я вам не завидую.

Эми Эллиот-Данн

Спустя восемь дней.

Катаясь на бамперной лодке, я вся вымокла. И это за каких-то пять долларов. Паре разомлевших на солнце малолеток неинтересно было следить, что мы вытворяем на воде, они предпочитали листать журнал со сплетнями в сигаретном дыму. Поэтому добрых полчаса мы мотались туда-сюда на наших лодочках с мотором как у газонокосилки, выписывая сумасшедшие виражи и тараня друг друга, а потом устали и ушли сами.

Грета, Джефф и я — странная компания в необычном месте. Грета и Джефф сдружились за один день, что немудрено для людей, которым совершенно нечем заняться. Думаю, Грета размышляет, не сделать ли Джеффа очередным пунктом в перечне ее неудачных половых связей. Джефф не отказался бы. Он предпочитает ее. Она гораздо симпатичнее меня, той, какая я здесь и сейчас. Дешевая красота. Грета носит верх от бикини и джинсовые шорты, а свернутую тенниску засовывает в задний карман на тот случай, если вдруг захочется зайти в сувенирную

лавку (резьба по дереву, декоративные камни, футболки с надписями) или кафе (гамбургеры, барбекю, сласти).

Она предлагает сфотографироваться в антураже Старого Запада, но я отказываюсь — неохота подцепить вшей после какой-нибудь деревенщины.

В конце концов мы решаем сыграть пару раундов в мини-гольф на заброшенном поле. Искусственный газон весь в прорехах, мельницы и механические аллигаторы, наверное, когда-то двигались, а сейчас просто стоят. Джефф развлекает нас, раскручивая крылья ветряной мельницы и заставляя аллигаторов щелкать челюстями. Некоторые лунки совершенно непопадабельны: дерн пошел складками, как старый ковер, а фермерский домик с манящей мышиной норкой полуразвалился. Мы беспорядочно блуждаем по лужайке. Никто не ведет счет.

Это раздражало бы Прежнюю Эми — она не терпела бессмысленного времяпрепровождения. Но я учусь плыть по течению, и учусь старательно. Я купаюсь в бесцельности бытия, я веселушка и альфа-самочка, предводительница банды умирающих со скуки детей, которые бродят по пустынному парку, и каждый очухивается после

измены любимых. Я замечаю, как Джефф (рога, развод, запрет видеться с ребенком) хмурит брови, пока мы проходим мимо «Любовного тестера». Крепко возьмитесь за металлическую рукоять и подождите, пока термометр нагреется от уровня «просто интрижка» до уровня «родственные души». Эта ассоциация — чем сильнее давит, тем больше любит, — напоминает мне о побоях Греты, которая нет-нет да и прикоснется пальцем к гематоме на груди, как будто это кнопка и ее можно нажать.

— Теперь ты! — говорит мне Грета.

Блондинка вытирает мяч о шорты — уже дважды он угодил в глубокую лужу с мутной водой.

Я занимаю позицию, пару раз примериваюсь и бью. Мой ярко-красный мячик летит точно в отверстие скворечника. Исчезает на секунду, а потом появляется и скатывается в лунку. Исчезает и появляется. Меня охватывает смутное беспокойство. В этом мире все то исчезают, то появляются, даже я. А беспокоюсь я потому, что вынуждена изменить план.

До сих пор я меняла план всего два раза. Первый раз из-за пистолета. Сперва хотела раздобыть ствол и в утро исчезновения выстрелить в себя. Ничего опасного — икра или предплечье. Зато

осталась бы пуля с частицами моей плоти и крови. Да, борьба была нешуточной! Эми застрелили! Но через какое-то время я поняла, что мне попросту не хватит решимости. Рана будет болеть не меньше недели, а я не слишком-то люблю боль. Порез, слава богу, уже почти не беспокоит. Но окончательно от идеи насчет пистолета я не отказалась. Получился отличный сюжетный поворот: пускай Эми не застрелили, зато напугали. Я принарядилась и в День святого Валентина отправилась в бывший торгово-развлекательный центр Карфагена. Там не могли не запомнить меня. Пистолет я не купила, ну и не беда, поскольку план все равно изменился.

А во-вторых… и это уже гораздо серьезнее. Я раздумала умирать.

Нет, у меня хватит силы воли, чтобы свести счеты с жизнью, но я не могу примириться с несправедливостью. А разве будет справедливо, если я умру? Умру по-настоящему? Не хочу. Да и не заслуживаю. Я же не сделала ничего плохого.

Сейчас главная моя проблема — деньги. Прикольно… Из всех обрушившихся на меня забот главной остаются деньги. Но пока у меня имеется запас — девять тысяч сто тридцать два доллара. А нужно больше. Сегодня утром я пошла погово-

рить с Дороти. Поговорить, как всегда, с носовым платком в руках, чтобы не оставлять отпечатков. Я соврала, что это платок моей бабушки. Пусть считает меня девицей из семьи южных разорившихся аристократов, кем-то вроде Бланш Дюбуа. Облокотившись на ее стол, я узнала уйму подробностей о каком-то разжижителе крови, который для нее непозволительная роскошь. Эта женщина — ходячий справочник по нетрадиционным лекарствам. А потом я заявила:

— Да, прекрасно вас понимаю. Сама не знаю, чем буду платить за следующую неделю.

Она глянула на меня, потом на телевизор. Показывали викторину — люди азартно вопили. Дороти ко мне относилась почти по-матерински. Наверное, позволила бы остаться. Все равно половина домиков пустует.

— Тогда тебе лучше устроиться на работу, — продолжая пялиться в телевизор, посоветовала она.

Там кто-то дал маху и под громкий стон зрителей остался без приза.

— Работа? А что можно найти поблизости?

— Убирать в доме. Сидеть с ребенком.

Мне прямо предлагали стать домохозяйкой за деньги. Какая ирония! Хватило бы на миллион

постеров «Держись!».

В нашем небогатом штате Миссури мне никогда не приходилось планировать семейный бюджет. Да, я не могла купить новый автомобиль просто потому, что мне так захотелось, но я не задумывалась о ежедневных мелких расходах, не вырезала купоны, не покупала продукты в социальном магазине и даже не разбиралась в ценах на молоко. Мои родители не удосужились обучить меня этому, и я вышла в реальный мир совершенно неподготовленной. К примеру, когда Грета пожаловалась, что на пристани для яхт галлон молока стоит целых пять долларов, я поморщилась, потому что мальчишка, торговавший там, всегда брал с меня десять. Мне и в голову не приходило, что прыщавый засранец просто удваивал внаглую цену — а вдруг заплачу.

Итак, мне пришлось распланировать бюджет. Согласно найденным в Интернете ценам, на имеющиеся деньги я могла прожить от шести до девяти месяцев. Но гладко было на бумаге…

Когда гольф надоедает (конечно, я победила, совершенно уверена, поскольку вела счет в уме), мы идем к лотку с хот-догами. Я сворачиваю за угол, чтобы достать деньги из пояса с кармашками, который все время ношу под рубашкой.

Уже застегивая молнию, замечаю увязавшуюся следом Грету.

— Ты когда-нибудь слышала о кошельках? — ворчит она.

Да, это дилемма — человеку в бегах требуется много наличных денег, но человеку в бегах обычно негде их прятать. К счастью, Грета не продолжает разговор. Она понимает, что обе мы жертвы. Сидим под солнышком на металлических скамейках около поля и жуем хот-доги — завернутые в нечто белое цилиндры из фосфатов, а приправа такая ядовито-зеленая, что прямо оторопь берет. Но для меня на свете нет ничего вкуснее, потому что я Мертвая Эми и мне на все наплевать.

— Угадай, что Джефф нашел в своем домике для меня? — спрашивает Грета. — Еще одну книгу того парня, что написал «Марсианские хроники».

— Рэй Брадбурроу, — поясняет Джефф.

«Брэдбери», — мысленно поправляю я.

— Да, точно, — говорит Грета. — «Надвигается беда». Ничего так.

Будто это все, что можно сказать о книге. Ничего так. Никаких комментариев насчет стиля, темы, сюжета. Просто ничего так. Как хот-дог.

— Я ее прочитал, как только поселился, — до-

бавляет Джефф. — Классная книга. Аж жуть берет.

Заметив, что я гляжу на него, он корчит рожицу, как гоблин: глаза выпучены, язык высунут. Это не мой тип мужчины. Слишком колючая шерсть на лице, и потом эта подозрительная рыбалка. Но он симпатичный. Глаза излучают тепло в отличие от ледышек Ника. Интересно, мне бы понравился секс с ним? Мягкие размеренные движения тела, прижатого к другому; его рот дышит мне в ухо, борода щекочет щеку. Смена позиций… А вовсе не как с Ником, когда наши тела едва соприкасаются: он или сзади под прямым углом, или буквой «L» спереди. А потом он почти сразу встает с кровати и мчится в душ, оставляя меня разгоряченную и неудовлетворенную.

— И чего молчим? — спрашивает Джефф.

Он никогда не называет меня по имени, как будто доказывая тем самым, что прекрасно раскусил мое вранье. Он всегда говорит «леди», или «красотка», или «вы». Я прикидываю, как бы он мог называть меня в постели? Может, «детка»?

— Просто задумалась.

— О-о-о! — Он снова улыбается.

— Могу поспорить, ты думала о парне, — вмешивается Грета.

— Возможно.

— Вроде мы договорились держаться подальше от этих мудаков какое-то время, — говорит она. — Вернемся к нашим цыплятам.

Вчера вечером после «Шоу Эллен Эббот» я была слишком взвинчена, чтобы идти домой спать. Мы распили шестибаночную упаковку пива и расфантазировались об уединенной жизни в качестве единственных натуралок, в лесбийской деревне Гретиной мамы, — как бы мы выращивали кур и сушили белье на веревке. Как бы за ними деликатно, платонически ухаживали пожилые тетеньки с узловатыми пальцами и снисходительными смешками. Коттон и вельвет, никаких забот о косметике, прическе или маникюре, размере груди или бедер, и никакой необходимости изображать из себя заботливую домохозяйку, верную спутницу жизни мужчины, обожающую все, что нравится ему.

— Не все парни козлы, — бросает Джефф, а Грета неопределенно хмыкает.

Мы возвращаемся в наши хижины, усталые до дрожи в ногах. Я чувствую себя пляжным мячом, забытым на солнцепеке. Единственное желание — сидеть под трескучим оконным кондиционером, овевающим мою кожу прохладным

воздухом, и смотреть телевизор. Я отыскала канал повторных показов, где не крутили ничего, кроме сериалов семидесятых и восьмидесятых годов: «Куинси», «Лодка любви», «Восьми достаточно»… Но для начала — «Шоу Эллен Эббот», с недавних пор моя любимая передача!

Ничего нового, ничего нового… Конечно, Эллен не прочь погреть руки на моей беде, она приглашает толпы каких-то незнакомцев из моей прошлой жизни, которые клянутся, что они — мои друзья. Все говорят обо мне добрые слова, даже те, кто никогда не любил меня. О мертвых только хорошее.

Когда раздается стук в дверь, я понимаю, что это Грета и Джефф. Выключаю телевизор. Они беззаботно переминаются на моем пороге.

— И чё делаем? — спрашивает Джефф.

— Читаю, — вру я.

Он выкладывает на мой стол упаковку пива.

— А мы как будто телик слышали, — ворчит позади Грета.

В маленькой комнате три человека — толпа. На секунду перекрывают дверной проем, вызывая у меня нервозность — зачем блокируют выход? — а потом проходят и загораживают от меня прикроватный столик. В ящике столика

спрятан денежный пояс — чуть больше восьми тысяч долларов. Сотки, пятидесятки, двадцатидолларовые банкноты. Он ужасен — телесного цвета, пухлый. Я не могу носить все мои деньги сразу, приходится прятать в комнате. Но я стараюсь не расставаться с большей частью, а потому чувствую себя как девочка на пляже с дорогущим телефоном. Видно, по характеру я транжира, по любому поводу вытаскиваю двадцатку и испытываю извращенное удовольствие от мысли, что остается все меньше денег, которые могут быть украдены или просто потеряются.

Джефф жмет кнопки «лентяйки». На экране Эллен Эббот и Эми. Он кивает, улыбаясь своим мыслям.

— Хочешь смотреть Эми? — спрашивает Грета.

Я не уверена, что в ее предложении нет запятой.

— Не-а… Может, принесете гитару, Джефф, и посидим на веранде?

Они обмениваются взглядами.

— Э-э-э… но ты же это смотрела, нет? — говорит Грета, указывая на экран, где мы с Ником в мире и согласии. Мои волосы собраны в пучок, и оттого я сильно похожа на меня теперешнюю, подстриженную.

— Скукотища, — отвечаю я.

— Да ну! — Грета шлепается на кровать. — А мне так не кажется.

А я думаю, что как последняя дура впустила этих двоих. Наверное, подсознательно верила, что могу ими управлять. Они дикие существа, привыкшие бороться за место под солнцем и использовать чужие слабости. А для меня такое поведение в новинку. Какое разочарование, должно быть, испытывают люди, держащие в квартире пуму или шимпанзе, когда вдруг питомец вонзает клыки им в горло.

— Знаете, ребята, — говорю я, — что-то не в кайф мне гостей принимать. Паршиво себя чувствую — наверное, перегрелась на солнце.

Они выглядят удивленными и немного обиженными. Закрадывается мысль: а вдруг я ошиблась, они совершенно ни при чем, а у меня паранойя. Хотелось бы верить.

— Да-да, конечно… — кивает Джефф.

Они убираются из моей комнаты, прихватив пиво. Через пару минут я слышу голос Эллен Эббот из домика Греты. Обвиняющие вопросы:

— Почему вы сделали то-то?

— Почему не сделали того-то?

— Как вы могли бы объяснить?..

Как я могла сблизиться со здешними людьми? Почему не держалась особняком? Если мой обман раскроют, что я буду говорить, как объясняться?

Я не могу допустить, чтобы меня раскусили. Если это случится, на планете не найдется женщины, которую ненавидели бы сильнее. Из существа милого, доброго, обиженного, из беременной жертвы эгоиста, из обманутой жены я превращусь в свирепую стерву, которая вволю поиздевалась над нежными сердцами американских граждан. Эллен Эббот посвятит мне не одно шоу, куда будут приходить сердитые люди и давать выход своему негодованию. «Вот вам, Эллен, еще один пример испорченной богатой девчонки, которая что хочет, то и вытворяет, не щадит ничьих чувств, кроме собственных. Поэтому, я думаю, остаток дней ей лучше провести в тюрьме!» Ну или что-то вроде этого. В Интернете есть разные сведения, зачастую противоречивые, насчет того, какое наказание полагается за фальсификацию своей смерти или за доведение мужа до электрического стула, но общественное мнение, я знаю наверняка, будет беспощадным. Чем бы я ни занималась потом — кормила с ложечки сирот, промывала язвы прокаженным, — история запомнит меня как мерзавку, которая инсцени-

ровала собственную смерть и подставила мужа.

Все, что угодно, только не это.

Несколько часов спустя я все еще не спала, размышляя в темноте. В дверь постучали. Осторожный стук. Стук Джеффа. Помедлив в раздумьях, я открываю; сейчас буду просить прощения за мою недавнюю грубость. Он теребит бороду и смотрит на коврик для ног, а потом поднимает на меня янтарные глаза:

— Дороти говорит, вам нужна работа.

— Ну… пожалуй.

— Могу предложить дельце. Пятьдесят долларов.

Эми Эллиот-Данн даже не пошевелится за пятьдесят зеленых, но Лидия, или Нэнси, нуждается в заработке. Я киваю.

— Пара часов, пятьдесят баксов. — Джефф пожимает плечами. — Мне, вообще-то, без разницы, но я подумал, что стоит предложить.

— А что за работа?

— Рыбалка.

Я пребывала в уверенности, что Джефф водит пикап, но он указывает мне на сверкающий «форд»-хетчбэк. Потрясающе! Автомобиль выпускника колледжа с большими планами и

скромным бюджетом, а не взрослого мужика. У меня под сарафаном купальник, как и приказано. «Не бикини, а полный, — проворковал Джефф. — Чтобы можно было плавать». Я никогда не замечала его поблизости бассейна, но он круто разбирался в моем гардеробе, что льстило и тревожило одновременно.

Джефф оставляет окна открытыми, и, пока мы проезжаем заросшие деревьями холмы, пыль грунтовой дороги ложится на мои короткие волосы. Точно в клипе кантри — девочка в сарафане высовывается из автомобиля, чтобы ощутить ветерок летней ночи в «красном» штате. Выглянули звезды. Джефф что-то напевает тихонько.

Мы паркуемся неподалеку от ресторана на сваях — барбекю и здоровенные порции алкогольных коктейлей с пугающими названиями: «Сок из аллигатора» и «Блицмалек». Об этом я догадалась по выброшенным стаканам; изломанные, они плавают вдоль всего берега, бликуя в неоновых лучах рекламы заведения «Сом Карла». У ресторана есть веранда, нависающая над водой. Посетители могут набрать полные пригоршни корма из расставленных у перил баков и швырнуть его вниз, прямо в жадные пасти здоровенных сомов.

— Джефф, а как это будет выглядеть?

— Вы ловите сетью, а я глушу. — Он выбирается из автомобиля, поднимает дверцу багажного отделения, которое заполнено холодильными камерами. — Складываем их сюда, на лед, а потом я продаю.

— Продаете? А кто покупает ворованную рыбу?

— Да есть у меня типа клиентура. — Джефф улыбается, как ленивый кот.

И тут я понимаю. Он вовсе не Гризли Адамс, не гитарист, не миролюбивый хипарь. Он браконьер-деревенщина, который пытается изображать из себя нечто большее.

Джефф вытаскивает сеть, коробку «Найн лайвз» и грязное пластмассовое ведро.

Участвовать в бизнес-проекте по незаконному лову рыбы нет ни малейшего желания, но любопытство побеждает. Многие ли женщины могут заявить, что браконьерствовали наравне с мужиками? Для меня это игра. После смерти снова пришел азарт. Всё, что я не любила или опасалась, все внутренние ограничения исчезли.

Я могу себе позволить практически что угодно. У призраков есть такая привилегия.

Мы спускаемся с холма, проходим под верандой «Сома Карла» к плавучим причалам. Их лениво

покачивает волна от моторной лодки, проплывающей под музыку Джимми Баффета.

Джефф сует мне в руки сеть:

— Действовать надо быстро. Заходите в воду, опускаете сетку, захватываете как можно больше рыбы и передаете ее мне. Это тяжело, рыба вырывается, так что не зевайте. И не кричите, что бы ни случилось.

— Я не закричу. А в воду не хочу. Я могу и с пристани.

— Хоть платье снимите, чтобы не испортить.

— Да ничего.

Похоже, Джефф сердится — он начальник, а я наемный работник, должна подчиняться. Но потом он сует мне коробку с кошачьим кормом и, отвернувшись, как исключительный скромняга, стаскивает футболку через голову. А я переворачиваю коробку над водой и трясу ее. В тот же миг вода у пристани вскипает, в ней кишит сотня по-змеиному извивающихся тел. Хвосты неистово взбивают воду. Открываются пасти, чтобы хватать кусочек за кусочком, словно сомы дрессированные.

Я швыряю сеть в самую гущу стаи, приседаю пониже и изо всех сил тяну добычу. Когда ловушка появляется из воды, в ней отчаянно дергаются

полдюжины усатых блестящих сомов, они высовывают голову из нейлоновых ячеек, хватают ртом воздух и раскачивают совместными усилиями сеть.

— Тащи их! Детка! Тащи!

Я подставляю колено под сеть и передаю ее Джеффу, который выдергивает рыбин двумя руками, облаченными для лучшей хватки в шершавые перчатки. Зажимает скользкое тулово у хвостового плавника, взмахивает, как дубиной, и бьет о причал, разбивая рыбе башку. Брызги крови разлетаются во все стороны, хлещут мне по ногам, твердый кусочек мяса попадает в волосы. Джефф швыряет рыбину в ведро и берется за следующую ловким привычным движением.

Полчаса мы работаем в тишине, нарушаемой лишь хриплыми выдохами, вытягиваем четыре полные сети, и вот уже мои руки дрожат от изнеможения, а все ящики со льдом полны. Джефф зачерпывает ведром озерную воду и смывает с пристани рыбью кровь и внутренности. Сомы внизу жадно заглатывают кишки погибших сородичей.

Доски отмыты дочиста. Последнее ведро Джефф выплескивает нам на окровавленные ноги.

— Зачем вы их убиваете? — спрашиваю я.

— Не могу смотреть, как мучатся, — отвечает он. — Окунетесь по-быстрому?

— Я чистая.

— На вас больше грязи, чем кажется. Еще испачкаете мне салон. Окунитесь.

Мы спускаемся с пристани к скалистому берегу. Пока я осторожно захожу в воду по колено, Джефф разгоняется и ныряет, дико взмахивая руками. Когда он отплывает подальше, я снимаю сарафан, отстегиваю денежный пояс и заворачиваю его в одежду. Укладываю узел на берег, а сверху опускаю очки. Захожу в воду, наслаждаясь ее теплыми прикосновениями к бедрам, животу, шее, а потом задерживаю дыхание и ныряю.

Я плыву быстро и далеко, так долго оставаясь под водой, что приходится напоминать себе: это не попытка самоубийства! Хотя я знаю, что, если понадобится, смогу себя пересилить. Выныриваю, перевожу дух и вижу, что Джефф размашисто гребет обратно к берегу. Я должна плыть стремительно, как дельфин, чтобы раньше его выбраться на камни, к моему поясу.

Ник Данн

Спустя восемь дней.

Поговорив с Томом, я тут же позвонил Хилари Хэнди. Если совершенное мною убийство — ложь, совершенное им изнасилование — тоже ложь, то почему поведение Хилари, захотевшей «стать Эми», не может быть выдумкой моей жены? Социопатке в ней нужно ведь было где-то точить зубки? Так почему не в строгих мраморных залах «Академии „Уикшир“»?

— Это Ник Данн, — быстро сказал я, как только она приняла вызов. — Муж Эми Эллиот. Мне очень нужно поговорить с вами.

— Зачем?

— Мне позарез нужна информация. О вашей…

— Только не говорите «дружбе». — В ее голосе я распознал недобрую усмешку.

— Не буду. Просто я хочу выслушать вашу версию. Не потому звоню, что полагаю, будто вы имеете сейчас какое-то отношение к моей жене, к сложившейся ситуации. Но я очень хотел бы знать, что между вами произошло. Услышать правду. Надеюсь, разговор с вами поможет мне

лучше понять поведение Эми.

— И что именно вас интересует в ее поведении?

— Иногда с людьми, которые вызывали ее недовольство, происходили очень неприятные вещи.

Она тяжело вздохнула в трубку и начала:

— Еще два дня назад я бы не стала с вами разговаривать. Но потом вышло так, что я отдыхала с друзьями, а по телевизору показывали передачу про ваше дело. И сказали, что Эми беременна. Все, кто был в комнате, прямо-таки взъелись на вас. Настоящая ненависть. И я подумала: а ведь мне известно, каково это в ощущениях. Ведь она не мертва, да? Просто исчезла. А тела не нашли, верно?

— Верно.

— Тогда разрешите рассказать вам кое-что об Эми. Какой она была в школе. И что между нами произошло. Подождите…

Я услышал в трубке звуки мультфильма — кривляющиеся голоса и веселая музыка. Вдруг они смолкли. Потом раздалось нытье и строгий ответ: «Идите смотреть вниз. Вниз, я сказала!»

— Итак, я первокурсница. Девчонка из Мемфиса. Все остальные, клянусь, с Восточного побережья. Знаете, как тяжело быть белой воро-

ной? Все уикширские девочки как будто в одном инкубаторе росли — говор, прически, одежда; не то чтобы я была изгоем, но я ощущала себя… неуверенно. А Эми уже была Девочкой с большой буквы. С первого дня, который я помню, все говорили о ней, все знали ее. Она была Удивительной Эми — мы все читали эти книги, мы выросли на них. А кроме того, она была великолепна сама по себе. Я хочу сказать, что она…

— Я знаю.

— Ну да. Довольно скоро она проявила ко мне интерес, взяла под свою опеку, что-то типа того. Сначала это говорилось в шутку: раз она Удивительная Эми, то я ее ближайшая подружка Сьюзи. Потом стала называть меня Сьюзи, а другие тотчас взялись подражать. Меня это устраивало… Я была вроде прислуги — добудь стакан сока, когда Эми пить захотелось, отнеси ее белье в прачечную… Подождите.

Мэрибет привезла несколько семейных альбомов на тот случай, если нам понадобится больше фотографий Эми. Она показывала Эми и Хилари, улыбающихся щека к щеке. Поэтому сейчас я вполне мог представить себе Хилари Хэнди. Такие же волосы цвета сливочного масла, только лицо попроще и мутно-карие глаза.

— Джейсон, я разговариваю по телефону. Дай им фруктовое мороженое. Неужели это так трудно? — И снова мне: — Простите, пожалуйста, наши дети сегодня не в школе, а муж так и не научился с ними обращаться, вот и дергает меня. Итак… я была малышкой Сьюзи, и мы играли несколько месяцев — август, сентябрь, октябрь… Это было здорово. Смахивало на крепкую дружбу. Мы были неразлейвода. А потом вдруг косяком пошли странные события, на которые она отреагировала слишком уж негативно.

— Что именно?

— С нами на осеннем балу познакомился парень из соседней школы, но после он позвонил не Эми, а мне. Я уверена, он просто не рискнул ей позвонить, но все равно… А через несколько дней нам поставили оценки за семестр, и мои оказались чуть-чуть лучше. Четыре целых одна десятая против четырех ровно. Еще через некоторое время одна наша общая подруга предложила мне провести День благодарения с ее семьей. Меня, а не Эми. И вновь, я не сомневаюсь, так случилось потому, что человек побаивался Эми. Общаться с ней было нелегко, многие попросту робели, ведь надо было все время производить на нее впечатление. В наших отношениях что-то

изменилось. Я видела, как Эми злится, хотя она это всячески отрицала. И вдруг начала склонять меня к странным поступкам. Тогда я не понимала, что это были подставы. Надоумила меня покрасить волосы, чтобы были почти как у нее. Утверждала, что мой мышино-серый смотрится неважно, надо бы поярче. Принялась жаловаться на родителей. Эми всегда это делала, но тут будто с цепи сорвалась. Они, мол, любят ее только как персонаж и возможность заработка, а не как личность, не как человека. Потом намекнула мне, что хочет немного поморочить голову родителям. Уговорила наведаться к ним домой и заявить, что теперь я буду Удивительной Эми. Мы сели в поезд и махнули на выходные в Нью-Йорк. Она осталась снаружи, а я вошла в дом и заявила мамочке, что хочу избавиться от Эми и сама стану ее новой Эми, и тому подобную чепуху…

— Вы правда так сказали?

— Это было глупым ребячеством. В ту пору еще не было мобильников и киберхулиганства. Просто способ убить время. Мы горазды были на дурацкие приколы. Выпендривались друг перед дружкой, показывали, какие мы рисковые и изобретательные.

— И что дальше?

— Дальше Эми начала отстраняться от меня. Появился холодок в отношениях. Я подумала… я подумала, что разонравилась ей. Девчонки в школе взялись меня туркать, я ведь уже не входила в круг отпадных. Ну и черт бы с ним! Но однажды меня вызвали в кабинет директора. С Эми стряслась беда — вывих лодыжки, перелом руки и ребер. Она скатилась по лестничному пролету и заявила, что это я ее столкнула. Подождите. — А затем в сторону: — Сейчас же идите. Кому говорю! Вниз! По ступенькам! Идите вниз!!! — Опять мне: — Простите, меня отвлекли. Никогда не заводите детей…

— Так Эми сказала, что это вы ее столкнули?

— Да. Потому что я «чо-о-окнутая»… Я ее преследовала, я хотела быть Сьюзи, а потом и Сьюзи мне оказалось мало — я захотела стать Эми. И все свидетельства были в ее пользу — она несколько месяцев планомерно подставляла меня. Ее родители видели, как я кружу около их дома. Я обратилась к ее маме и нагородила чепухи. Перекрасила волосы и купила одежду, такую же как у Эми. Я не могла доказать, что это она уговорила меня. Все подружки подтвердили, что Эми меня боится вот уже целый месяц. Короче, полное дерьмо. Я выглядела сущей маньячкой.

Ее родители добились, чтобы мне официально запретили появляться рядом с ней. Я клялась, что все не так, но меня до того затюкали, что захотелось уйти из этой школы. Захотелось вообще оказаться подальше. Тут очень кстати моя семья затеяла переезжать обратно, ну я и не стала возражать. Вы, поди, уже догадались, что юная Эми сама переломала себе кости. Я ее боялась — пятнадцатилетняя соплюха ухитрилась одурачить друзей, родителей и преподавателей.

— И это все из-за мальчика, оценок за семестр и Дня благодарения?

— Я вернулась в Мемфис и через месяц получила письмо. Анонимное, напечатанное на машинке, но, вне всяких сомнений, от Эми. В нем был перечень всех обид, которые я ей нанесла. Дикий список. Например, я не подождала ее после урока английского, два раза. Забыла, что у нее аллергия на клубнику, два раза.

— Ничего себе!

— Но я склонна считать, что истинная причина была не в этом.

— А в чем же?

— Мне кажется, Эми хотела, чтобы люди думали, будто она — само совершенство. Поскольку мы были подругами, я поняла ее лучше всех. Она

не была совершенством. Вы же знаете свою жену? Она очаровательна и остроумна. Но в то же время властолюбива, подвержена навязчивым идеям. Эми отличная актриса и немного лгунья. Мне это казалось вполне нормальным. Но не ей. Она избавилась от меня, потому что я видела: она не идеал. Это и ваш случай, мне кажется.

— Мой случай? Почему?

— Друг видит большинство недостатков друга. Муж видит все недостатки жены, до последнего. Если она не побоялась скатиться по лестнице, чтобы наказать школьницу, с которой была знакома несколько месяцев, то что она может сделать мужчине, достаточно опрометчивому, чтобы жениться на ней?

Я прервал связь, когда кто-то из отпрысков Хилари взял трубку второго телефона и запел детскую песенку. И немедленно перезвонил Таннеру Болту, пересказав ему свои разговоры с Томми и Хилари.

— Значит, у нас есть пара историй, здорово, — заключил адвокат. — Да это просто здорово! — Мне не показалось, что он обрадован. — Вы побеседовали с Энди?

— Нет.

— Мой человек находится неподалеку от ее

квартиры. Осторожно следит.

— Я и не знал, что у вас есть здесь люди.

— Что нам на самом деле нужно, так это найти Эми. — Он будто и не слышал моего замечания. — Трудно представить, чтобы такая женщина могла скрываться слишком долго. Какие у вас соображения?

Воображение рисовало Эми на балконе шикарного отеля, в белом платье, потягивающую дорогое «Монраше» из бокала и в то же время следящую за моим падением — в Интернете, по кабельному, на страницах газет. При этом она наслаждается безудержным пиаром Эми Эллиот-Данн. Все равно что побывать на собственных похоронах. Интересно, она хоть догадывается, что сплагиатила идею у Марка Твена?

— Я вижу ее на берегу океана, — начал я, но осекся, сообразив, что говорю как уличный экстрасенс. — Нет, она может быть где угодно. И вряд ли мы найдем ее до того, как она сама решит вернуться.

— Что кажется маловероятным. — Таннер Болт раздраженно вздохнул. — Давайте встретимся с Энди и посмотрим, к чему это приведет. У нас больше нет свободы маневра.

Настал час ужина, а за ним пришел закат. Я

сидел один в своем «доме с привидениями» и напряженно размышлял о лживой Эми. Может, и беременность — ложь? Несмотря на то что у нас был секс от случая к случаю, по моим расчетам, забеременеть она могла. С другой стороны, она же знала, что я попробую рассчитать.

Правда или ложь? Если она соврала, то исключительно для того, чтобы втоптать меня в грязь.

Я всегда надеялся, что у нас с Эми будут дети. Одной из причин, по которым я сделал ей предложение, как раз и было желание иметь общих ребятишек. Помнится, впервые я подумал об этом месяца через два после того, как мы начали встречаться. Я шагал из Кипс-Бея, где жил тогда, к любимому крошечному парку на берегу Ист-Ривер, мимо гигантской лего-конструкции — штаб-квартиры ООН; флаги мириада стран вились на ветру. «Как бы это понравилось малышу», — подумал я тогда. Яркие цвета — так легко запомнить, какой флаг какой стране принадлежит. Вот тебе Финляндия, а вот Новая Зеландия. Мавритания — улыбка циклопа. А потом я понял, что это должно понравиться не какому-то ребенку, а НАШЕМУ — моему и Эми. Наш ребенок валялся бы на полу в гостиной с затрепанной энциклопедией, как я когда-то. Но он был бы

не один. Я пристроился бы рядом. Помогал бы запоминать флаги, а не вариться в собственном недовольстве, чему я научился у отца. Я бы хотел стать хорошим папой.

Потом я представил, как Эми устроилась рядом с нами на полу: улеглась на живот и ногой указывает на флаг Палау — желтый, чуть в стороне от центра, кружок на синем фоне. Почему-то я подумал, что этот флаг станет ее любимым.

С тех пор образ мальчика был вполне реальным (иногда девочки, но чаще всего — мальчика). Неизбежным. Меня мучили хронические боли неутоленного отцовства.

Через месяц после свадьбы, стоя с зубной нитью во рту перед аптечкой в ванной, я неожиданно подумал: «Она хочет детей, верно? Надо спросить. Конечно, я должен спросить». И когда я впервые задал вопрос — издалека, обтекаемо, — она ответила: «Да-да, конечно-конечно… Когда-нибудь». И каждое утро глотала пилюлю перед тем, как почистить зубы. Три года подряд она принимала противозачаточное. А я мучился, изводил себя, но так и не смог твердо заявить: «Хочу, чтобы у нас был ребенок!»

С началом безработицы мне подумалось, что мечты могут исполниться. У нас появился досуг.

Однажды за завтраком Эми оторвала взгляд от своего гренка и заявила: «Я больше не принимаю таблетки». Просто и буднично сообщила о свершившемся факте. Она не употребляла противозачаточных три месяца, но ничего не произошло. Через некоторое время после переезда в Миссури она настояла на медицинском обследовании нас обоих. Когда Эми бралась за дело, для нее не существовало полумер. «Мы скажем, что пытались завести ребенка целый год». Я, как последний дурак, согласился — в то время мы вроде даже не прикасались друг к другу, но по-прежнему считали, что ребенок нам нужен. Как же иначе?

— Предупреждаю, тебе тоже придется сдавать анализы, — сказала Эми по пути в Сент-Луис. — Сперму, в частности.

— Знаю. А почему таким тоном?

— Ну, я думала, ты для этого слишком гордый. Или стеснительный.

На самом деле во мне кипела дрянная смесь того и другого. Тем не менее я покорно явился в медицинский консультативный центр и направился в специальную полутемную комнатку. Мужики приходили сюда с одной-единственной целью: полирнуть сучок, передернуть затвор, по-

гонять лысого, подергать корнишон, придушить одноглазого удава, потеребить моржа, попеть соло, замочить бельишко в собственном соку… Я часто прибегаю к юмору в целях самозащиты.

В кабинете стояло обитое винилом кресло, телевизор с видеопроигрывателем и стол, на котором лежала пачка чистых салфеток и коробка с дисками. Судя по женским прическам (и вверху и внизу), порнофильмы снимались в начале девяностых. Действо было умеренно жестким. Вот интересный вопрос: а кто же подбирает фильмы для пунктов приема спермы? Кто определяет, что понравится мужчине, но чтобы не слишком унизить женщин, кроме тех, что внутри этих стен: медиков и жен, полных надежд и накачанных гормонами?

Еще дважды я посещал этот кабинет — в консультативном центре любят перестраховываться. А Эми между тем не делала ничего. Должна была принимать гормоны, но все не начинала. Она вообще палец о палец не ударила. Это ей предстояли беременность и роды, поэтому пару месяцев я старался не грузить ее, не перегибать палку. Просто поглядывал на пузырек с пилюлями — не уменьшается ли уровень. Наконец, одним зимним вечером, выпив несколько кружек пива, я

поднялся на крыльцо, вошел в дом, сбросил обледеневшую одежду и, устроившись рядом с Эми на кровати, ткнулся носом ей в плечо, прошептав в теплую кожу: «Давай сделаем ребенка, Эми, давай сделаем малыша…» И она ответила: «Нет». Я ожидал смятения, нервозности, неуверенности: «Ах, Ник, смогу ли я быть хорошей мамой?» А тут холодное, обезоруживающее «Нет». И никакой лазейки. Я ожидал нервозности, опасений, переживаний. «Ник, а я смогу быть хорошей мамой?» Очередное, которое ее больше не интересовало. «Я поняла, что на меня навалится самое трудное, — рассуждала она. — Все эти подгузники, врачи, воспитание… А ты будешь витать, как вольный ветерок, и изображать веселого папочку. Мне придется вкалывать, чтобы вырастить из них хороших людей, но ты обязательно все испортишь. И все равно они будут тебя любить, а меня ненавидеть».

Я пытался доказать Эми: все будет совсем не так, но она не верила. Убеждал ее, что не просто хочу ребенка — ребенок мне совершенно необходим. Я должен был убедиться, что способен любить всей душой и что со мной маленькое существо всегда будет чувствовать себя желанным в этом мире. Я хотел доказать, что могу лучше исполнять

отеческий долг, чем мой беспутный родитель. Я выращу человека, не похожего на меня.

Но как я ни старался, Эми оставалась непоколебима.

Год спустя я получил извещение из клиники. Врачи предупреждали, что не будут хранить мою сперму, если мы не свяжемся с ними. Я оставил распечатанное письмо на обеденном столе как откровенный упрек. Через три дня увидел его в мусорном ведре. Больше мы эту тему не затрагивали.

К тому времени я уже пару месяцев тайно встречался с Энди, а потому не имел морального права проявлять недовольство. Но боль оставалась, я продолжал мечтать о нашем — моем и Эми — ребенке. Я привязался к нему. Я был уверен: у нас с Эми получился бы замечательный малыш.

Марионетки настороженно следили за мной черными глазами. Выглянув в окно, я убедился, что фургоны с телевизионщиками закрылись, и вышел в теплую ночь. Самое время прогуляться. Даже если попадусь на глаза какому-нибудь репортеру-одиночке из желтой прессы, плевать.

Я пересек наш пригород, потом шагал три четверти часа по Ривер-роуд и наконец по шоссе через Карфаген. Полчаса среди грохота моторов и

ядовитого выхлопа. Мимо автосалонов с грузовиками, выставленными на продажу, как коробки с конфетами. Мимо забегаловок быстрого питания, винных магазинчиков, мини-маркетов и заправок. И вот я в центре. Ни одного пешехода за все это время, только безликие силуэты за стеклами скользящих мимо автомобилей.

Время подбиралось к полуночи. Я миновал «Бар», несмотря на то что очень хотел зайти. Один-два репортера наверняка там торчат, поджидая меня. Я бы на их месте так и поступил. Но мне хотелось в какой-нибудь другой бар. Побыть среди людей, посмеяться, снять напряжение. Минут за пятнадцать я добрался до другого питейного заведения, на противоположном краю городского центра, где обычно собиралась молодежь, — дешевле и шумнее, чем у нас, зато и по субботам к утру все уборные заблеваны. Но здесь любят околачиваться сверстники Энди. Вдруг кто-то из друзей вытащил ее этим вечером развеяться? Встреча с ней была бы подарком судьбы. Хотя бы оценить ее настроение. Ну а если нет, то хлебнуть какого-нибудь пойла.

Я потусовался в баре. Энди не видать. Бейсболка с длинным козырьком частично скрывала мое лицо, и все равно, пробираясь в толпе, я нет-нет

да ловил пристальный взгляд. Меня узнавали. «Это тот самый парень? Нет, правда?»

Середина июля. Если так пойдет и дальше, к октябрю Ник Данн приобретет настолько дурную славу, что под него начнут рядиться на Хеллоуин. Копна светлых волос, книга «Удивительная Эми» под мышкой. Го сказала, что ей полдюжины раз звонили и спрашивали, нельзя ли купить в «Баре» сувенирную футболку? Только этого нам и не хватало.

Присев у стойки, я попросил виски. Бармен, парень приблизительно моего возраста, слишком долго и пристально разглядывал меня. Явно размышлял, стоит ли обслуживать этого типа. В конце концов с откровенной неохотой, раздувая ноздри, поставил передо мной стаканчик. Когда я потянулся за бумажником, халдей торопливо выставил перед собой ладонь:

— Парень, мне твои деньги не нужны. Вообще.

Я все равно оставил плату на стойке. Вот же гандон…

Когда я дал знак, что не прочь бы повторить, он зыркнул на меня, покачал головой, а потом склонился к женщине, с которой о чем-то болтал. Пару секунд спустя она покосилась на меня, притворяясь, что просто смотрит по сторонам.

Кивнула, в то время как губы шевельнулись: «Да, это он. Ник Данн».

Бармен ко мне так и не подошел.

И нельзя заорать, нельзя стукнуть кулаком по стойке: «Эй, мудила! Ты мне дашь гребаного вискаря или нет»? Нельзя становиться в глазах людей, которые и так о тебе невысокого мнения, законченным дерьмом.

Значит, единственный вариант — сидеть и терпеть. И я не уходил. Склонился над пустым стаканом и сделал вид, будто глубоко задумался. Проверил запасной телефон, вдруг звонила Энди. Не звонила. Потом вытащил основной мобильник и разложил пасьянс, притворяясь, будто занят очень важным делом. И все это со мной сотворила моя жена. Превратила в человека, который не может купить выпивку в родном городе. Господи, как же я ее ненавидел…

— Это был скотч?

Рядом со мной стояла девушка не старше Энди. Азиатская внешность, черные длинные волосы, деловой прикид. Очень симпатичная.

— А?

— Что вы пили? Скотч?

— Да. Возникла маленькая проблема…

Она отошла к дальнему концу барной стойки,

улыбкой привлекла внимание бармена и вернулась с виски, и не в наперстке, а в нормальном большом стакане.

— Держите! — Она протянула выпивку, и я не стал отказываться.

Она подняла свой стакан. Мы чокнулись.

— Можно присесть?

— Я ненадолго, уже собирался уходить. — Я огляделся, ожидая увидеть нацеленную на нас фотокамеру.

— Да ладно… — проговорила она, улыбаясь через силу. — Я могла бы притвориться, будто не знаю, что вы Ник Данн. Но я не собираюсь унижать вас. Между прочим, я на вашей стороне. Вы угодили в очень непростую ситуацию.

— Спасибо. Да, времена непростые.

— Я серьезно. Слыхали про эффект Си-эс-ай?[8] Присяжные насмотрелись этого сериала и уверовали: наука может доказать что угодно.

— Слыхал.

— Угу. А еще есть «эффект злого мужа». Граждане видели так много детективов, где убийца — муж, что теперь слепо верят: муж всегда будет

---

[8] Примечания: 8

«C.S.I.: Место преступления» (*англ.* CSI: Crime Scene Investigation) — телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.

плохим парнем…

— Спасибо, — кивнул я. — Очень похоже на правду. Сразу приходит в голову Эллен Эббот…

— Сука она, — сказала моя новая знакомая. — Эллен Эббот, мягко говоря, косная дура, мужененавистница, корчащая из себя Фемиду. — Она снова подняла стакан.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Еще скотча?

— Отличное имя.

Представилась она Ребеккой. У нее была кредитная карточка и привычка пить виски как воду: «Повторим? Еще по одной?» Родилась она в штате Айова, в Мускатине — тоже городок на реке Миссисипи, — и переехала в Нью-Йорк после колледжа, чтобы писать, как и я. Работала помощником редактора в трех периодических изданиях: свадебный журнал, журнал для работающих мам, журнал для девочек-подростков. Все они закрылись в последние годы, и ей пришлось устроиться в криминальный блог под названием «Whodunnit»; вот она и решила (Хи-хи!) во что бы то ни стало получить у меня интервью. Блин, а ведь мне понравилась ее детская настырность: «Взяла и полетела в Карфаген — ни у кого во всем Интернете нет интервью Ника Данна, а у меня

будет, хоть в лепешку расшибусь!»

— Я долго ждала вместе со всеми около вашего дома, потом у полицейского участка. И вдруг решила: срочно надо выпить. И тут вы заходите. Просто невероятно, да? Так не бывает в жизни.

Она заложила волосы за уши. Серьга в виде золотого колечка мелко тряслась.

— Мне пора идти, — вздохнул я.

Слова будто прилипали к языку — похоже, я опьянел.

— А вы не скажете, почему сюда пришли? Должна заметить, что это смелый поступок — появляться без друга и вообще без поддержки. На вас тут хреново смотрят.

Я пожал плечами: подумаешь, горе.

— Люди берутся судить, ничего о вас не зная. По фотографиям, сделанным в парке мобильником. Я хочу сказать, что вы, наверное, похожи на меня — росли благопристойным членом общества. Никто не хочет знать истинную историю. Все хотят только… прикола. Вы меня понимаете?

— Я устал от людей, осуждающих меня по той единственной причине, что я подхожу под определенный шаблон.

Ребекка подняла брови, ее серьги задрожали.

Я представил Эми, сидящую в своем тайном убе-

жище, хрен знает где, за режиссерским пультом этого спектакля. Рассматривает меня под разными углами, даже на расстоянии видит каждое мое шевеление. Могу я что-нибудь сделать, чтобы она захотела положить конец этому безумию?

— Все думают, — начал я, — что наш брак дышал на ладан. А на самом деле Эми незадолго до своего исчезновения подготовила для меня охоту за сокровищами.

Моя жена добивается одного из двух. Или я должен получить достойный урок и понести наказание, как плохой непрощенный мальчишка. Или я должен получить достойный урок и вернуть ее любовь, как послушный прощенный мальчишка.

— И это очень необычная охота, — улыбнулся я.

Ребекка покачала головой, продолжая сверлить меня хмуроватым взглядом.

— Моя жена так делала в каждую годовщину нашей свадьбы. Первая подсказка приводит туда, где я найду следующий намек, и так далее. Эми… — Я попытался выдавить слезу, а потом сделал вид, будто смахиваю ее. Часы над входной дверью показывали ноль тридцать семь. — Прежде чем исчезнуть, она разложила все подсказки.

Все намеки на события последнего года.

— Прежде чем исчезнуть в день вашей годовщины?

— Только это и помогает мне держаться. Я чувствую нашу близость.

Ребекка вынула флип-камеру:

— Дайте мне интервью, пожалуйста. Под запись.

— Плохая идея.

— Я добавлю свои комментарии. Те, в которых вы нуждаетесь. Я клянусь, Ник. Мои объяснения будут для вас очень полезны. Скажите хоть несколько слов.

— Слишком опасно, — покачал я головой.

— Повторите на камеру то, что сейчас говорили мне. Ник, я серьезно. Я полная противоположность Эллен Эббот. Я Анти-Эллен-Эббот. Вы нуждаетесь во мне, как никогда в жизни. — Пожирая меня глазами, она подняла камеру; на меня уставился красный огонек.

— Я не шучу, выключите…

— Ну помогите девочке. Если я возьму интервью у Ника Данна — моя карьера состоялась. Значит, одно доброе дело в этом году вы уже сделали. Ну пожалуйста. Ник, одна минута. Всего лишь минута. Я клянусь, вы будете выглядеть

положительно.

Она кивнула на ближайшую кабинку, где мы могли бы укрыться от взглядов зевак. Я согласился. Мы перебрались, и все это время огонек целился в меня.

— Что вы хотите узнать? — спросил я.

— Расскажите об охоте за сокровищами. Это звучит так романтично! Увлекательно, заманчиво, вдохновляюще, располагающе.

«Возьми развитие сюжета в свои руки, Ник, — подумал я. — Подыграй общественности и жене. Сейчас я должен быть любящим мужем, который обязательно разыщет свою пропавшую половинку. Я любящий муж и хороший парень. Такому можно верить. Я далек от совершенства, зато моя жена — само совершенство. Впредь я буду очень и очень послушным».

Мне это удастся легче, чем изображать грусть. Я уже упоминал, что могу быть светлым, как солнце в ясный день. Едва я заговорил, спазм сжал мое горло.

— Могу честно признать, моя жена — самая отпадная девчонка, которую я когда-либо встречал. Сколько парней могут заявить то же? Я женился на самой отпадной девушке из всех, что когда-либо встречал.

«Гребаная сука, гребаная сука, гребаная сука… Вернись домой, чтобы я мог задушить тебя собственными руками…»

Эми Эллиот-Данн

Спустя девять дней.

Я проснулась с натянутыми нервами. Нет. Нельзя, чтобы меня здесь нашли! Вот отчего я просыпаюсь — эти слова так и вспыхивают в мозгу, а вот денежки мои как раз наоборот, спешат растаять, и к тому же Джефф с Гретой выдвинули свои алчные антенны. А еще я провоняла рыбой.

Что-то не то в поведении Джеффа, в том, как он греб тогда к берегу — к моему свернутому платью и денежному поясу. И в том, как Грета пристрастилась к «Шоу Эллен Эббот». Эта парочка заставляет меня нервничать. Или это уже паранойя? Я похожа на Эми из Дневника: ах, муженек действительно хочет меня убить или я все придумала?! Впервые мне всерьез стало жалко ее.

Я делаю два звонка на прямую линию помощи в розыске Эми Данн. Разговариваю с двумя разными людьми, даю им два разных совета. Не угадать, как скоро волонтеры обратятся в полицию, — они кажутся совершенно равнодушными.

В библиотеку я направилась в мрачном настроении. Нужно собирать вещи и сматываться

отсюда. Вымыть комнату с хорошим чистящим средством, полностью уничтожить все отпечатки пальцев, собрать все волосинки. Стереть воспоминания об Эми (о Лидии и Нэнси тоже) и дать деру. Быстрое отступление — залог спасения. Даже если Джефф и Грета подозревают, кто я на самом деле, пока не поймана во плоти, я в порядке. Эми Эллиот-Данн похожа на йети — сказочное существо, которое все мечтают увидеть, а они — два мошенника из Озарка, которых просто поднимут на смех вместе с их путаной историей. Уеду сегодня же. Такое вот решение окончательно созрело в моей голове, когда я входила в прохладную и почти всегда безлюдную библиотеку с тремя всегда свободными компьютерами. Мне нужно войти в Сеть, чтобы справиться о судьбе Ника.

Начиная с ночного сборища в парке, сведения о Нике не отличались разнообразием. Крутились одни и те же факты, дело приобретало все более скандальную окраску, но никакой новой информации. А сегодня вдруг все изменилось. Едва я набрала имя мужа в поисковике, как посыпались ссылки на блоги, где судачили о том, как Ник напился в баре и дал безумное интервью какой-то девчонке, обладательнице флип-камеры. О боже, идиот не способен учиться…

ВИДЕОПРИЗНАНИЕ НИКА ДАННА!!!
НИК ДАНН — ПЬЯНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ!!!

Мое сердце подпрыгнуло, в горле встал ком. Мой муж снова сам себя поимел!

Загружаю видео. В самом деле Ник. У него осоловелые глаза, как обычно, когда выпьет, набрякшие веки и всегдашняя кривая улыбка. Он говорит обо мне, и он при этом похож на человека. Даже на счастливого человека.

— Моя жена — самая отпадная девчонка, которую я когда-либо встречал, — говорит он. — Сколько парней могут заявить то же? Я женился на самой отпадной девушке из всех, что когда-либо встречал.

В животе возникает легкий трепет. Не ожидала. Я легонько улыбаюсь.

— Чем же она так отпадна? — спрашивает девочка за кадром.

У нее голос чирлидерши — высокий, звонкий.

Ник начинает рассказ об охоте за сокровищами. О том, что у нас это давняя семейная традиция, о том, что я все время помнила наши «внутренние» шутки и сейчас от меня ему остался лишь этот поиск. Необходимость завершить игру он воспринимал как священную миссию.

— Сегодня утром я добрался до финала, — говорит Ник с хрипотцой, — осип, заглушая толпу.

Будь я дома, он попросил бы нагреть воды и насыпать соли сколько надо — сам-то не умеет. Полоскание ему всегда делала мама.

— И мне пришлось… многое осознать. Она единственный человек в этом мире, которому дана способность удивлять меня. Вы понимаете? Беседуя с другими людьми, я заранее могу угадать, что они скажут. Потому что все говорят одно и то же. Мы смотрим одни и те же передачи. Мы слушаем одни и те же новости. Все время повторяется одно и то же. Но Эми… Она по-своему удивительная и самодостаточная личность. Эми — совершенство. Только ей дана такая власть надо мной…

— А как вы думаете, Ник, где она сейчас?

Мой муж молчит, глядя на свое обручальное кольцо, и проворачивает его дважды.

— Вы в порядке, Ник?

— Честно? Нет, не думаю. Я очень сильно подвел свою жену. Я совершил безобразный поступок. Надеюсь, что еще не слишком поздно все исправить. Не слишком поздно для меня. Для нас.

— Ведь вы сейчас на грани, да? Эмоционально?

— Я просто хочу вернуть жену. — Ник смотрит прямо в камеру. — Хочу, чтобы она была здесь, со

мной. — Он вздыхает. — Мне не слишком хорошо удается проявлять чувства, и я это знаю. И хочу, чтобы она была жива и здорова. Она должна вернуться. Мне так много надо сделать для нее.

— Например?

Ник смеется знакомым горьким смехом. В лучшие дни я называла его смехом для ток-шоу; даже сейчас мой муж кажется притягательным. Очи долу, палец небрежно потирает уголок рта; усмешка, сопряженная со вздохом. Так ведет себя обаятельная кинозвезда, прежде чем рассказать потрясающую байку.

— А вот это вас не касается, — улыбается он. — Просто я должен загладить вину. Я был не слишком хорошим мужем. Да, нам выпало несколько нелегких лет, и я… дал слабину, потерял стремление. Я прекратил стараться. Я хочу сказать, что… люди повторяли это тысячу раз: «Я прекратил стараться». Каждый знает, что это конец брака. Прописная истина. Но я действительно прекратил. Я, и только я. Я не стал таким мужем, каким должен был стать.

Веки Ника тяжелы, речь не совсем разборчива. Он хорошо выпил, еще стаканчик, и будет совсем пьяный. Щеки раскраснелись от алкоголя. Мои пальцы помнят жар его кожи после нескольких

коктейлей.

— Как вы собираетесь искупить вину? — Камера несколько секунд дрожит, это девочка хватает свой коктейль.

— Как я собираюсь искупить вину? Для начала собираюсь разыскать Эми и вернуть домой. Готов биться об заклад, у меня получится. А потом? Я дам ей все, что потребуется. И так будет всегда. Поскольку, добравшись до финала охоты за сокровищами, я стою на коленях. Совершенно раздавленный. Никогда моя жена не была так откровенна, как сейчас. А я никогда раньше не имел настолько ясного представления о том, что должен сделать.

— Если бы вы могли сейчас обратиться к Эми, что бы вы ей сказали?

— Я люблю тебя. Я найду тебя. Я…

Уверена, он хотел процитировать Дэниела Дей-Льюиса из «Последнего из могикан» — «Останься в живых… Я найду тебя». Вечное желание вместо искренних слов использовать кусочек киношного диалога. Я прямо чувствую, как его подмывает. Но Ник пересиливает себя:

— Я всегда буду любить тебя, Эми.

Звучит искренне. И так не похоже на моего мужа.

Трое местных на скутерах — не просто жирдяи, а настоящие горы сала — отделяют меня от чашки утреннего кофе. Задницы у них свисают с сидений, напоминая шляпки грибов, но тем не менее толстяки хотят слопать еще по макмаффину с яйцом. Эта компания припарковалась передо мной гуськом возле «Макдоналдса».

Но на самом деле мне наплевать. Несмотря на досадные помехи в реализации моего плана, я испытываю удивительную бодрость. От выложенного в Интернет видео уже разбегаются круги настороженно-положительных отзывов. «А вдруг парень все-таки не убивал свою жену?» Это, дословно, наиболее частый рефрен. Ведь когда Ник снимает защитную броню и дает волю эмоциям, он просто сама искренность. Никто из просмотревших видео не заподозрил лицедейства. Ни малейшей фальши любительского театра. Мой муж меня любит. Ну, по крайней мере вчера он меня любил. В то время как я, сидя в комнатушке, пропахшей застиранными полотенцами, выполняла план, ведущий его к гибели, он продолжал меня любить.

Этого, конечно, мало. От своего замысла я отказываться не намерена. Мой муж прошел до конца охоту за сокровищами, и он меня любит. А еще он,

похоже, здорово страдает. Готова поклясться, на щеке у него из-за треволнений выскочил прыщ.

У самого порога своей комнаты я встречаю Дороти, стучащую в дверь; ее зализанные назад, как у дельцов с Уолл-стрит, волосы мокры от пота. Я заметила за ней привычку стирать капельки с верхней губы, а потом облизывать указательный палец. Дороти поворачивается ко мне, не вынимая пальца изо рта.

— А вот и она! — говорит администратор. — Задолжница!

Да, я задержалась с оплатой жилья. На два дня. Хочется расхохотаться: «Я — и не заплатила вовремя!»

— Простите меня, Дороти. Через десять минут все отдам.

— Если нетрудно. Я буду ждать.

— Я не уверена, что хочу остаться. Наверное, стоит рассчитаться полностью.

— Но все равно вы должны за эти два дня. Итого восемьдесят долларов, пожалуйста.

Нырнув в комнату, я беру свой ненадежный денежный пояс. Сегодня утром я пересчитала всю наличность, разложила ее на кровати, потратив довольно много времени, тщательно осматривая каждую банкноту, — такой себе возбуждающий

экономический стриптиз. В итоге оказалось, что у меня осталось восемь тысяч восемьсот сорок девять долларов. Жизнь в нынешние времена недешевая.

Когда я открываю дверь, чтобы вручить Дороти деньги (остаток — восемь тысяч семьсот шестьдесят девять долларов), то вижу Джеффа и Грету, сидящих на ее веранде и наблюдающих за процессом передачи наличных. Джефф не играет на гитаре, Грета не курит. Кажется, они на веранде только для того, чтобы следить за мной. Оба машут мне: «Привет, детка!» Я машу в ответ, закрываю дверь и начинаю собираться.

Удивительно, как мало у меня теперь вещей по сравнению с прошлой жизнью. Суповая тарелка и венчик для взбивания мне не принадлежат. Простыни и полотенце мои, но одеяло опять же чужая собственность. Да! У меня еще есть ножницы, чтобы подравнивать волосы. Вспомнив о них, я улыбаюсь, ведь, когда мы съехались с Ником, у него ножниц не было. Ни ножниц, ни утюга, ни даже степлера. Я спросила тогда, считает ли он себя цивилизованным человеком, не имея в доме ножниц. Он ответил: конечно же нет. Набросился на меня, повалил на кровать и сам упал сверху. Я хохотала, поскольку тогда все еще была отпадной

девчонкой. Смеялась, потому что не понимала, к чему это может привести.

Вот мой совет всем женщинам: никогда не выходите замуж за человека, у которого нет дома приличных ножниц. Ни к чему хорошему это не приведет.

Я собрала одежду и уложила в рюкзачок — один из тех, что купила перед побегом и спрятала в автомобиле месяц назад, чтобы ничего не нести из дому в последний момент. Добавим походную зубную щетку, календарь, расческу, лосьон, пузырек снотворного, который я приобрела, рассчитывая утопиться. Дешевые купальники. Полные сборы заняли мало времени.

После я натянула латексные перчатки и протерла все-все. Вынула сеточки из раковин, чтобы не оставить ни одного волоса. Я не думаю, что Джефф или Грета меня опознали, но не хочу оставлять никаких следов. Твержу это себе постоянно. «Если утратишь бдительность, если начнешь считать ворон, тебя поймают, и правильно сделают. Значит, ты глупая девчонка, достойная того, чтобы быть пойманной. И что, если остались отпечатки пальцев в машине Джеффа или на кухне Греты? С чего ты, детка, так расслабилась?» Я воображаю, как полиция детально исследует

комнату и ничего не находит, а после представляю крупный план, точно в кинофильме, — мой волос мышиного цвета, один-единственный, медленно опускается на бетонное дно бассейна, чтобы выдать меня с потрохами.

Вскоре мысли начинают двигаться в другом направлении: «Но ведь никто не станет разыскивать тебя здесь. Если несколько мошенников заявят о том, что они видели живую и здоровую Эми Эллиот-Данн в дешевом коттедже в дикой глуши, кто им поверит? Никчемные люди, которые решили повысить свою значимость. Все только это и подумают».

Раздался решительный стук в дверь. Так родители стучат перед тем, как ворваться в детскую. Он означает: я здесь хозяин.

Я молча замерла посреди комнаты, лихорадочно размышляя. Бац, бац, бац! Только сейчас я осознаю, почему в фильмах ужасов так часто используют этот прием, — таинственный удар в дверь обладает кошмарным воздействием. Вы не знаете, что вас ждет, но чувствуете, что обязаны открыть. И вы подумаете так же, как и я: «Тот, кто замыслил дурное, стучать не будет».

«Эй, дорогуша, мы знаем, что ты дома. Открывай!»

Стаскиваю перчатки и тяну ручку на себя. Грета и Джефф стоят на моей веранде. Солнце светит им в спину, а потому лица затемнены.

— Эй, милая леди, мы зайдем? — спрашивает Джефф.

— Ну, я, вообще-то… хотела попрощаться с вами, ребята. — Пытаюсь придать голосу легкомысленность и легкую усталость. — Сегодня вечером уезжаю или ночью, уже завтра. Получила весточку из дому, просят вернуться.

— Из дому в Луизиане или из дому в Саванне? — интересуется Грета.

Они явно обсуждали меня.

— Луизиа…

— Это не важно, — заявляет Джефф. — Пустите нас на секундочку, попрощаемся.

Он шагает прямо ко мне. Я подумываю, не захлопнуть ли дверь, а может, позвать на помощь? Но вряд ли что-то получится. Уж лучше делать вид, будто дела идут прекрасно, и надеяться, что так оно и есть.

Грета затворяет за собой дверь и прислоняется к ней спиной. А Джефф прохаживается, непринужденно рассуждая о погоде, по крохотной спальне и такой же кухне.

Распахивает дверцы и выдвигает ящички.

— Вам придется навести здесь порядок, — говорит он. — Иначе Дороти не вернет залог. Она просто помешалась на чистоте. — Это он сообщает холодильнику и морозильной камере. — Даже бутылку с кетчупом нельзя оставлять. Всегда считал это глупостью несусветной. Кетчуп же не портится.

Он открывает шкафчик, берет простыни, которые я сложила, встряхивает их:

— Я всегда трясу простыни. Просто чтобы убедиться — не забыл ли чего. Например, носок или трусы. Или еще что-нибудь.

Джефф открывает прикроватную тумбочку, заглядывает в ее нутро, опустившись на колени.

— А вы неплохо потрудились, — наконец заявляет он, поднимаясь с улыбкой и вытирая ладони о джинсы. — Вычищено идеально.

Джефф осматривает меня с головы до ног и спрашивает:

— Где они, детка?

— О чем вы?

— О бабках. — Он пожимает плечами. — Не злите меня. Они нам очень нужны.

Грета молчит за моей спиной.

— У меня долларов двадцать…

— Врете. Вы за все платите наликом, даже за

аренду. Грета видела у вас целую кучу денег. Отдайте их нам, и можете убираться восвояси. Надеюсь, мы больше не увидим друг друга.

— Я заявлю в полицию.

— Да пожалуйста. — Джефф ждет, скрестив руки на груди и спрятав пальцы под мышками.

— У тебя очки фальшивые, — говорит Грета. — Простые стекла.

Я не отвечаю, пристально глядя на нее и надеясь, что она одумается. Эта парочка выглядит слегка взвинченной, в любой миг они могут заявить, что разыграли меня, и мы вместе весело посмеемся, и каждый при этом будет знать, что притворяется.

— У тебя волосы отросли. Корни у них светлые, гораздо симпатичнее, чем этот сусличий цвет. Кстати, стрижка ужасная, — заявляет Грета. — Ты прячешься. Не знаю, от парня или еще от кого, но в полицию не пойдешь. Так что отдай деньги.

— Это Джефф тебя подговорил?

— Это я подговорила Джеффа.

— Выпустите меня! — Я шагаю к двери.

— Сначала деньги, — заступает дорогу Грета.

Я пытаюсь схватиться за ручку, но Грета толкает меня к стене, одной рукой хватает за лицо, а другой задирает платье и вцепляется в денеж-

ный пояс.

— Не надо, Грета! Прекрати! Я серьезно.

Ее горячая соленая ладонь распластана по моему лицу, зажимая нос; один из ногтей раздирает веко. От толчка я бьюсь головой о стену и прикусываю кончик языка. Но мы не издаем ни звука.

Я отчаянно цепляюсь за пояс, но не могу бороться, поскольку слезы заливают глаза. Вскоре Грета разжимает мои пальцы, оставив болезненные царапины на суставах. Снова толкает меня, расстегивает молнию и вытаскивает деньги.

— Оба-на! — восклицает она. — Да здесь же… — Грета считает. — Больше тысячи — две или три! Срань господня! Подруга, ты что, банк ограбила?

— Может, с кассой драпанула? — предполагает Джефф. — Хищение?

В художественном фильме из тех, которые так любил Ник, я должна была бы ударить ребром ладони Грету по носу, а когда она, заливаясь кровью, без чувств рухнет на пол, наотмашь вырубить Джеффа. Но суть в том, что я не умею драться, а эти двое наверняка умеют. Нечего даже и пытаться. Если я попробую убежать, они схватят меня. Буду дергаться и вырываться, как ребенок, — рассердятся по-настоящему и изобьют до полусмерти. Я не умею драться. Я боюсь, что

мне сделают больно.

— Если хотите заявить в полицию, — снова говорит Джефф, — то идите и заявляйте.

— Мать вашу… — шепчу я.

— Не держи на нас зла, — извиняется Грета. — И впредь будь осторожнее. Не надо быть похожей на девочку, которая путешествует одна и прячется.

— Все будет хорошо. — Джефф гладит меня по руке, и они уходят.

На тумбочке у кровати лежат четвертак и десятицентовик. Вот и все деньги, что остались у меня.

Ник Данн

Спустя девять дней.

С добрым утром!

Я сидел на кровати с ноутбуком на коленях, наслаждаясь интернет-обзорами моего неожиданного интервью. Левый глаз слегка пульсировал — расплата за дешевый скотч, но в остальном я чувствовал себя совершенно довольным. Прошлым вечером мною сделан первый шаг, чтобы вернуть жену. «Прости меня, я готов искупить вину, я буду делать все, что ты пожелаешь, я поведаю всему миру, какая ты замечательная».

А все потому, что если моя жена так и не объявится, то я окажусь в полном дерьме. Детектив Таннера Болта — жилистый серьезный парень, а вовсе не пьяница, похожий на сыщика из фильмов-нуар, как я предполагал, — пока еще не нарыл ничего, Эми отлично скрывалась. Поэтому я и убеждаю ее вернуться, улещивая комплиментами и признанием собственного поражения.

Если можно полагаться на комменты, то я сделал правильный ход. Комменты были хорошими. Даже очень.

«Ледяной человек оттаял!»
«Я ЗНАЛ, что Ник — хороший парень».
«Истина в вине!»
«Может, он ее все-таки не убивал».
«Может, он ее все-таки не убивал».
«Может, он ее все-таки не убивал».

И они перестали называть меня Лэнсом.

Журналисты, окружавшие мой дом, волновались. Каждый хотел получить парочку слов от парня, который, «может, ее все-таки не убивал».

Они кричали через опущенные жалюзи:

— Эй, Ник, выходите и расскажите нам об Эми. Эй, Ник, расскажите об охоте за сокровищами!

Для них это стало всего лишь новой жилой в золотоносном месторождении новостей, но мне нравилось куда больше, чем «Ник, а правда, вы убили свою жену?».

А потом вдруг репортеры принялись выкрикивать имя Го. Они полюбили Го за то, что она не может сохранять бесстрастное выражение лица, — всегда ясно и понятно, грустит она, сердится или волнуется. Придумай соответствующий заголовок, и дело сделано. «Марго, а правда, что ваш брат невиновен?» «Марго, расскажите нам о…» «Таннер, ваш клиент невиновен?» «Таннер…»

Зазвонил входной звонок. Я открыл, прячась за дверью, поскольку до сих пор не привел себя в порядок: волосы торчали во все стороны, а мятые трусы говорили сами за себя. Вчера вечером, в объективе, я выглядел восхитительно — детская непосредственность, усиленная поиском истины в вине. Сейчас же смахивал на алкаша. Прикрыв дверь, приготовился услышать еще два пылких отклика на мое вечернее представление.

— Вы никогда — никогда! — не повторите ничего подобного! — начал Таннер Болт. — Что, черт побери, вы творите, Ник?! Мне кажется, вас нужно засунуть в ходунки, как младенца. Почему совершаете такие глупости?

— А вы читали комменты к видео? Людям понравилось. Я сумел перебороть общественное мнение, как вы и советовали.

— Но вы больше никогда не совершите подобного поступка, не посоветовавшись. А вдруг оказалось бы, что она работает на Эллен Эббот? А если бы она принялась задавать вам вопросы похитрее этого: «Что бы вы хотели передать своей жене, дорогуша?» — дурашливо протянул адвокат, имитируя девичьи интонации.

Его лицо под аэрозольным оранжевым загаром приобрело целую палитру радиоактивных

красок.

— Я доверяю своим инстинктам. Таннер, я ведь журналист, и уж поверьте, я способен почуять подвох. А она была искренней.

Адвокат уселся на диван и закинул ноги на оттоманку, которая сама нипочем не перевернулась бы.

— Да уж, пример тому — ваша жена. А кроме того, Энди… Как щека?

Она все еще болела, укус вроде даже запульсировал, когда адвокат напомнил о нем. Я повернулся к Го в поисках поддержки.

— Не вполне умный поступок, Ник, — сказала она, усаживаясь напротив Таннера Болта. — Допустим, в этот раз тебе повезло — ты повернул мнение о себе к лучшему. Но ведь этого могло и не случиться.

— Эй, ребята, вы слишком сильно реагируете. Почему бы нам просто не порадоваться маленькому просвету в черной полосе? Всего тридцать секунд радости за девять дней…

— Ну ладно, давайте. — Таннер Болт уставился на свои часы.

Когда я попытался заговорить, он строго нацелил на меня палец и шикнул, как расшалившемуся ребенку. Очень медленно его палец опустился

и уткнулся в циферблат:

— Все. Тридцать секунд прошло. Порадовались? — Он подождал, не скажу ли я чего.

Так замолкает учитель, задав на уроке чересчур голосистому ученику вопрос: «Ты высказался?»

— Теперь можем поговорить. Мы подошли к той точке в нашем деле, когда все, абсолютно все решает правильный выбор момента.

— Согласен.

— Вот как? Спасибо, — хмыкнул адвокат. — Я намерен в самое ближайшее время известить полицию о содержимом дровяного сарая. Раз уж толпа снова…

«Только не толпа, — подумал я. — Нельзя говорить „толпа“. Насчет этого Эми меня правильно научила».

— …Вас полюбила. Или, прошу прощения, не снова, а наконец-то. Репортеры подбираются к дому Го, и мне кажется, что опасно держать в тайне дровяной сарай и его содержимое. Как насчет Эллиотов?

— На их поддержку можно больше не рассчитывать. Вообще.

Опять повисла пауза. Таннер Болт не стал читать нотацию, даже не спросил, как же это произошло.

— А значит, мы должны наступать. — Я чувствовал себя злым и решительным, готовым к борьбе.

— Ник, всего лишь единичный успех, и ты уже чувствуешь себя непобедимым. — Го вынула из сумочки и вложила мне в руку что-то общеукрепляющее. — Избавляйся от иллюзий.

— Все будет хорошо. — Я отправил пилюли в рот и повернулся к Болту. — Итак, что мы предпримем? Давайте планировать.

— Итак, к делу! — призвал Таннер Болт. — Это совершенно невероятно, но мне удалось. Таков уж я. Завтра мы даем интервью Шэрон Шайбер.

— Ух ты! Это точно?

Шэрон Шайбер — практически предел мечтаний. Самый высокий рейтинг (среди возрастной категории от тридцати до пятидесяти пяти лет) в Сети (более широкий охват, чем у кабельного) среди журналисток (я все-таки могу иметь добрые отношения с людьми, обладающими женскими первичными половыми признаками). Все знали, что в грязном белье она роется не часто, но зато каждый случай знаменовал торжество справедливости. Два года назад она взяла под свое нежное крыло молодую маму, которая отбывала срок в тюрьме за то, что закачала насмерть ребен-

ка. Шэрон Шайбер проводила целеустремленное и вполне законное расследование этого случая на протяжении нескольких вечеров. Женщина вернулась в свой дом в Небраске, вышла замуж и теперь снова ждет ребенка.

— Гарантирую. Она заинтересовалась вашим делом, когда по Интернету поползло видео.

— Значит, видео помогло? — не сдержался я.

— Да, оно вывело на новый виток. До его появления все были уверены, что исчезновение Эми — дело ваших рук. Но теперь возникло крошечное сомнение. Вчера вы казались… искренним. Уж не знаю, как вам это удалось.

— Потому что вчера он имел конкретную цель — вернуть Эми, — пояснила Го. — Вот и перешел в контратаку. А прежде были слабые эмоции: самооправдание, жалость к себе, стремление уйти от ответственности.

Я послал сестре благодарную улыбку.

— Ну вот и не забывайте о том, что служит конкретной цели, — сказал Таннер Болт. — Я не буду вертеть жопой, Ник. То, что мы делаем, совершенно из ряда вон. Другой адвокат заставил бы вас держать язык за зубами. Но я давно хотел испробовать этот трюк. Массмедиа влияют на правовое сознание. С такими выдумками Интернета, как

Facebook, YouTube и тому подобное, понятие «беспристрастный суд» исчезло. Никакой непредвзятости. В восьмидесяти-девяноста случаях из ста дело решено еще до начала судебного слушания. Так почему бы нам не воспользоваться этим? Почему не взять развитие событий под свой контроль? Но вы должны понимать: это рискованно. Я хочу заранее спланировать каждое слово, каждый жест, каждый бит информации. Вам придется быть естественным, вызывать симпатию, иначе последствия могут получиться прямо противоположные.

— Быть на сто процентов естественным, — кивнул я. — Что может быть проще.

— Нужно соблюдать предельную осторожность в высказываниях. И мы предупредим Шэрон, что на определенного рода вопросы вы отвечать не станете. Она будет спрашивать, но мы заранее научим вас, что говорить. Например: «По некоторым причинам, связанным с полицейским расследованием, я не имею права в настоящее время отвечать на этот вопрос». И произносить эти слова придется очень убедительно.

— Как попугай?

— Конечно. Как попугай, который не хочет угодить за решетку. Ник, если Шэрон Шайбер

возьмется за ваш случай, то мы в шоколаде. Это совершенно невероятно, но таков уж я, — повторил Таннер.

Адвокат явно гордился этой фразой, своим девизом. Он замолчал и приподнял бровь, изображая раздумья. Я понял: сейчас услышу нечто не слишком приятное.

— Что? — подтолкнул его я.

— Вы должны рассказать Шэрон Шайбер об Энди, потому что этого шила нам в мешке не утаить.

— Ну вот на́ тебе. Я только начал возвращать любовь людей, а теперь должен уничтожить ее собственными руками?

— Ник, я заявляю со всей ответственностью… Ведь сколько дел я довел до конца? И всегда — не одним боком, значит другим — такие нюансы выходят на поверхность. Мы сохраним контроль над ситуацией. Вы расскажете об Энди и покаетесь. Так искренне, будто от этого зависит ваша жизнь. Да, вы наделали глупостей. Но вы мужчина — с присущими мужчинам слабостями и заблуждениями. И вы любите жену, хотите добиться ее прощения. Вы даете интервью, оно выходит в эфир на следующий вечер. Его содержание до тех пор разглашению не подлежит; говорить об Энди

в анонсах телевизионщики не смогут. Разве что обещать информационную бомбу.

— Так вы уже сказали Шэрон об Энди?

— Еще чего! Я лишь предупредил: мы приготовили обалденную бомбу. Итак, после интервью у нас в запасе приблизительно сутки. Незадолго до выхода передачи в эфир мы сообщаем Бони и Джилпину об Энди и о дровяном сарае. И черт побери, мы объединим эти два события: «Эми жива-здорова и пытается подставить Ника! Она обезумела от ревности и потому хочет подставить Ника! Страсти Господни!»

— А почему бы сразу не сказать Шэрон Шайбер? Ну, о том, что Эми все подстроила?

— Во-первых, вы признаетесь, что имели связь с Энди, просите не судить строго; вся нация тронута, желает простить вас, сопереживает вам. Американцы любят смотреть на кающихся грешников. Но нельзя никоим образом выставлять вашу жену в плохом свете. Кому понравится, как муж-кобелина в чем-то обвиняет жену? Пусть лучше на следующий день это сделает кто-нибудь другой: «Из достоверных источников, связанных с полицией, стало известно, что жена Ника, которую он обожает и в любви к которой поклялся принародно, подставляет его!» Для телевидения

самое то.

— А во-вторых?

— Слишком сложно объяснить, как именно Эми вас подставляет, чтобы все поняли. Особенно тяжело это сделать на словах в кадре. Для телевидения это плохо.

— Голова кругом идет, — вздохнул я.

— Ник, ты… — начала Го.

— Знаю, знаю… Я должен это сделать. Но вы представьте себя на моем месте: открыть всему миру свою самую большую тайну. Нет, я понимаю, что без этого не обойтись и в конечном итоге мое признание сработает во благо. Возможно, нам удастся вернуть Эми таким путем. Она хочет, чтобы я публично унизился…

— Был наказан, — прервал меня Таннер. — Слово «унизился» звучит так, будто вы жалеете себя.

— И публично принес извинения, — закончил я. — Похоже, мне предстоит крайне хреновая процедура.

— Прежде чем мы приступим, я хочу откровенно заявить, — сказал адвокат. — Ник, излагать полиции всю историю ваших отношений с Эми рискованно. Большинство копов, однажды выбрав подозреваемого, так и будут гнуть свою линию: им хоть кол на голове теши. Так что су-

ществует опасность: мы перед ними откроемся, а они рассмеются и арестуют вас прямо в участке. Получится, что мы подсказали им, на чем будет основана наша защита. И тогда они смогут спланировать, как разгромить ее в суде.

— Погодите, Таннер, ведь это плохо, очень плохо! — воскликнула Го. — Нам нет смысла признаваться.

— Но позвольте мне закончить. Я считаю, что вы, Ник, не виноваты. И думаю, Бони тоже сомневается, что вы убийца. Мне кажется, она способна принять альтернативную версию. У нее репутация справедливого копа с неплохим чутьем сыщика. Я с ней беседовал, и впечатление осталось положительное. Улики указывают на вас, но нутром она чувствует: что-то здесь не так. Более важно то, что, если дойдет до суда, я не смогу использовать версию о подставе для вашей защиты.

— Вы о чем?

— Я уже говорил: игра такая запутанная, что судьи просто не смогут в ней разобраться. Если это плохо для телевидения, то плохо и для суда, уж поверьте. Мы попробуем повторить дело О.

Джей Симпсона.[9] Простая линия защиты: копы некомпетентны, она пытается свалить на вас вину, доказательства недостаточны, все шито белыми нитками и прочая пурга.

— Вот эта «прочая пурга» особенно вдохновляет, — пробормотал я.

— Ник, судьи любят меня, — лучезарно улыбнулся адвокат. — Я похож на них.

— Но вы на другой стороне баррикады, Таннер.

— Скажем иначе. Они бы хотели быть похожими на меня.

После разговора мы — я, Го и Таннер Болт — покинули дом, пройдя сквозь строй вопящих, слепящих фотовспышками папарацци. «Не смотрите высокомерно, — инструктировал адвокат. — Не улыбайтесь, но и не смущайтесь. Не бегите, просто шагайте. Пусть себе снимают. И конечно, никаких резких слов. За закрытой дверью можете высказать все, что о них думаете».

Мы собирались поехать в Сент-Луис, где и должно было состояться интервью, чтобы я мог порепетировать выступление с женой Таннера Бетси, бывшей ведущей теленовостей, которая

---

[9] Примечания: 9

Орентал Джеймс Симпсон — известный игрок в американский футбол и актер. Получил скандальную известность после обвинения в убийстве своей бывшей жены и ее друга. Был оправдан, невзирая на улики.

переквалифицировалась в адвокаты. Именно она была вторым Болтом на вывеске «Болт и Болт».

Нас набрался внушительный караван — мы с Таннером, потом автомобиль Го, а следом полдюжины фургончиков с репортерами. Но к тому времени, как над горизонтом выросла арка, я и думать забыл о папарацци.

Приближаясь к гостиничному пентхаусу, который снимал Болт, я полностью настроился на работу — нужно разобраться с этим интервью. Жаль, нет у меня собственной музыкальной темы — она бы так подошла к кадрам, где я готовлюсь к великой битве. Чем бы заменить боксерскую пневмогрушу, вот вопрос.

Двери открыла чернокожая красавица шести футов ростом:

— Привет, Ник! Я Бетси Болт.

Я мысленно представлял супругу Таннера миниатюрной миловидной блондинкой, уроженкой юга.

— Ничего, все удивляются при первой встрече со мной, — рассмеялась Бетси, перехватив недоумевающий взгляд, и пожала мне руку. — Таннер и Бетси — звучит так, словно мы должны быть на обложке «Официального путеводителя по выпускникам дорогих частных школ», верно?

— «Справочника по выпускникам школ», — поправил Таннер, целуя ее в щеку.

— Слышали, да?! — воскликнула она. — Он у нас всезнайка!

Бетси впустила нас в шикарный люкс — гостиная освещалась окнами во всю стену шириной, а спальные комнаты выходили на обе стороны.

Таннер утверждал, что не мог остановиться в «Дэйзе» из уважения к родителям Эми, но мы с Го подозревали, что все объясняется проще: ближайший пятизвездочный отель находится в Сент-Луисе.

Мы занялись приготовлениями: побеседовали о семье Бетси, ее учебе и карьере (всюду первые места, списки лучших и прочее великолепие), утолили жажду — содовая и «Кламато» (как решили мы с Го, этот напиток был пунктиком Таннера, причудой адвоката, его особой фишкой, подобно моим поддельным очкам в школе). А потом мы с сестрой утонули в кожаном диване, Бетси устроилась напротив нас, сдвинутые ноги под углом, как знак дроби. Красавица/профессионалка. Таннер Болт стал у нас с Го за спиной, чтобы слушать.

— Ладно, давайте начнем, — сказала Бетси. — Ник, я могу быть откровенной с вами?

— Конечно.

— Вы и телевидение. За исключением спонтанного интервью, которое вы дали в баре девочке с детективного сайта, у вас всегда неважный вид.

— Именно по этой причине я ушел в «бумажную» журналистику, — согласился я. — Как только вижу камеру, лицо застывает.

— Верно, — кивнула она. — Вы становитесь похожи на бесчувственного владельца похоронного бюро. У меня есть одна хитрость, — возможно, она вас выручит.

— Выпивка? В «барном» интервью это сработало.

— А здесь не сработает, — заявила Бетси, устанавливая видеокамеру. — Давайте для начала сделаем пробную съемку. Я буду изображать Шэрон. Задам вопросы, которые, скорее всего, задаст она, а вы отвечайте как обычно. Таким образом мы определим, насколько вы далеки от идеала. — Она снова рассмеялась. — Ну, держитесь.

На Бетси было синее платье-футляр, а из ридикюля она вытянула нитку жемчуга. Униформа Шэрон Шайбер.

— Таннер?

Муж застегнул ожерелье у нее на шее. Убедив-

шись, что все в порядке, Бетси сверкнула зубами:

— Я добиваюсь максимального сходства. Если не считать акцента штата Джорджия и черной кожи.

— Я вижу перед собой настоящую Шэрон Шайбер, — польстил я.

Она нацелила камеру, включила ее, села передо мной, глубоко вздохнула, заговорила сочным дикторским голосом:

— Ник, в вашем деле виден ряд несоответствий. Для начала не могли бы вы рассказать нашей аудитории, как прошел день, когда исчезла ваша жена.

— Здесь, Ник, вы должны поведать о вашем праздничном завтраке для двоих, — вмешался Таннер. — Все как было. Не нужно задавать временные рамки, а также описывать происходившее до или после. Делайте акцент только на замечательном последнем завтраке. Ладно, начали.

— Да… — Я откашлялся.

На камере мигал красный огонек. Бетси надела маску благожелательного журналиста.

— Ну-у… Знаете, это была пятая годовщина нашей свадьбы. Эми встала спозаранку и принялась готовить блинчики…

Рука Бетси дернулась. Что-то больно ударило меня в щеку.

— Ай! Что это?! — воскликнул я, испуганный и сбитый с толку.

У себя на коленях я обнаружил вишнево-красный желейный боб и поднял его.

— Каждый раз, когда вы напрягаетесь и превращаете свое красивое лицо в холодную маску, я бросаю конфету, — как само собой разумеющееся пояснила Бетси.

— И вы думаете, от этого я стану меньше напрягаться?

— Это помогает, — сообщил Болт. — Так она и меня учила. Хотя тогда это вроде были камешки.

Болты обменялись многозначительными супружескими улыбочками. Я уже не сомневался: передо мной одна из тех парочек, которые предпочитают играть главные роли в своем собственном ток-шоу.

— Давайте сначала, но больше внимания блинчикам, — продолжала Бетси. — Это ваше любимое блюдо? Или ее? Что вы сделали для своей жены в то утро, когда она готовила блинчики?

— Спал.

— Какой подарок вы купили для нее?

— Я не успел ничего купить.

— Ох, мистер Данн! — Она закатила глаза и повернулась к мужу. — Тогда в самом деле придется вовсю расхваливать блинчики. Хорошо? И говорить о том, что вы намеревались подарить ей, придя вечером домой. Поскольку я уверена, вы не собирались возвращаться без подарка.

И мы начали сначала. Я описал нашу блинную традицию, которой, в сущности, не было. Я поведал о том, насколько тщательно, с душой, подходила Эми к выбору подарков (в этот миг еще одно драже стукнуло меня по носу, и я немедленно расслабил челюстные мышцы), и о том, как я, туповатый провинциал («Нам надо вовсю эксплуатировать тему незадачливого мужа», — настаивала Бетси), без конца ломал голову, чем бы этаким супер-пупер-обалденным угодить благоверной.

— И все никак не получалось. Ей нравились не просто дорогие подарки, а чтобы с фантазией… — пустился я в рассуждения, и тут уже Таннер швырнул в меня бумажным шариком.

— Что теперь?

— Прошедшее время. Прекратите говорить о своей жене в гребаном прошедшем времени.

— Как поняла, — вставила Бетси, — у вас с женой были кое-какие коллизии.

— Да, эти годы дались нелегко. Мы оба потеряли работу.

— Вот, хорошо! — воскликнул Таннер. — Потеряли оба!

— Мы переселились сюда, чтобы заботиться о моих родителях: у папы болезнь Альцгеймера, а мама умерла от рака. К тому же я очень много времени отдавал новой работе.

— Хорошо, Ник, хорошо, — подбодрил Таннер.

— И не забудьте упомянуть, как близки вы были с мамой, — поддержала его Бетси, хотя я раньше при ней не упоминал о матери. — Никто же не станет это отрицать, верно? Никаких параллелей с «Дорогой мамочкой» и «Дорогим Сонни»?

— Нет-нет, мы с мамой в самом деле были очень дружны.

— Отлично. Тогда упомяните о ней. И о том, что вы владеете баром на двоих с сестрой. Одно дело, если бар — целиком ваша собственность. Тогда вы игрок. А вот если на паях с любимой сестрой-близнецом, тогда вы…

— Ирландец.

— Продолжаем.

— Таким образом, все это накапливалось… — заговорил я.

— Нет, — вмешался Болт. — Если накаплива-

лось, значит рванет.

— Таким образом, мы слегка сбились с пути, но я надеялся, что празднование пятилетнего юбилея возродит наши отношения…

— Восстановит наши отношения, — поправил меня адвокат. — Возрождают что-то мертвое.

— Восстановит наши отношения…

— И как в эту идиллическую картину вписываются потрахушки с двадцатитрехлетней девчонкой? — спросила Бетси.

— Ты слегка вышла из образа, Бет! — Таннер Болт бросил в нее драже.

— Простите, парни, но я женщина. И это дело отвратно воняет. На милю несет тухлятиной. «Восстановит наши отношения» — нормально. Но когда Эми исчезла, та девочка все еще была с вами. Женщины возненавидят вас, Ник, если признаетесь в этом. Будьте искренни, не останавливайтесь. Можно вот так: «Мы потеряли работу, мы переселились, мои родители умерли. А потом мне сорвало крышу. Мне полностью сорвало крышу. Я потерял себя и, к несчастью, заставил Эми расплачиваться за мои ошибки». Лучше всего признать, что вы слабак, что виной всему ваши косяки.

— Обычно от мужиков именно это и требуется.

Бетси подняла раздраженный взгляд к потолку:

— А вот с таким отношением, Ник, надо быть очень и очень осторожным.

Эми Эллиот-Данн

Спустя девять дней.

Я в бегах и без денег. Как в гребаном фильме-нуар. Если не считать того, что сижу я в «форде-фиеста» на самом дальнем краю автопарковки, рядом с комплексом фастфуда, на берегу Миссисипи. В воздухе плывет запах соли и мяса с ближайшей агрофирмы. Близится ночь. Я потратила уйму часов, но так и не придумала, куда же податься. Кажется, что автомобиль становится меньше и меньше с каждым часом, — пришлось скорчиться в позе эмбриона, ноги затекли. Само собой, нынче ночью мне не поспать. Двери заперты, но я все время жду тихого стука в окно. Я знаю, что выгляну и увижу или кривозубого маньяка (разве не насмешка судьбы — умереть сейчас в самом деле?) из дешевого сериала, или копа, который потребует удостоверение личности (а быть обнаруженной здесь в образе грязной бродяжки для меня едва ли не хуже, чем смерть). Пылающее название заведения никогда не меркнет, парковка освещена, как футбольное поле. Вновь подумываю о том, что у заключенного с

суицидальными наклонностями в камере двадцать четыре часа в сутки горит свет. Бензобак заполнен едва ли на четверть, и от этой мысли совсем тошно. В любом направлении я могу ехать не больше часа и поэтому тщательно выбираю сторону света. Юг — Арканзас. Север — Айова. Запад — снова Озарк. Или махнуть на восток, пересечь реку и оказаться в Иллинойсе? Всюду, куда бы я ни направилась, река. Не то я следую за ней, не то она преследует меня.

Внезапно я понимаю, как нужно поступить.

Ник Данн

Спустя десять дней.

День, предшествующий интервью, мы провели в запасной спальне номера Болтов, работая над сюжетом моего рассказа и моим имиджем. Бетси поколдовала с одеждой, а Го подстригла волосы над ушами маникюрными ножницами. Жена Таннера убеждала меня воспользоваться пудрой, чтобы уменьшить блеск кожи. Все мы говорили шепотом, поскольку команда Шэрон ошивалась поблизости — разговор должен был состояться в гостиной с видом на арку Сент-Луиса.

Ворота запада. Я не уверен, было ли у них еще какое-то предназначение, кроме как служить неофициальным символом середины страны: «Вы здесь!»

— Самая малость пудры вам просто необходима! — не терпящим возражений тоном заявила Бетси, подбираясь ко мне с пуховкой. — Когда нервничаете, у вас потеет нос. Никсон выборы проиграл из-за вспотевшего носа.

Таннер наблюдал за процедурой, словно режиссер.

— Еще чуть-чуть с той стороны, Го, — подсказывал он. — Бет, осторожнее с пудрой. Лучше пусть будет слишком мало, чем слишком много.

— Вот бы ботокс, — вздохнула она.

Должно быть, ботокс не только против морщин хорош, но и против потливости. Кое-кто из клиентов соглашался на уколы под мышки. Болты порекомендовали эту процедуру и мне — мягко и ненавязчиво. Мол, хуже не будет, когда дойдет до суда.

— Ну конечно, репортерам просто необходимо пронюхать, что я подкачался ботоксом, пока моя жена отсутствовала, — усмехнулся я. — То есть отсутствует. — Я знал, что Эми жива, знал, что она прячется вне моей досягаемости, но женой она для меня была в прошедшем времени.

— Правильная оговорка, — кивнул Таннер. — В следующий раз постарайтесь вспомнить о ней до того, как откроете рот.

В пять часов пополудни его телефон зазвонил. Адвокат взглянул на экран:

— Бони. — Он перенаправил вызов в голосовую почту. — Перезвоню ей позже.

Он не хотел никаких новых сведений, допроса, пустой болтовни — ничего, что вынудило бы нас менять стратегию интервью. Я его понимал. Мне

тоже не хотелось забивать голову общением с Бони.

— А разве нам не нужно знать, чего она хочет? — спросила Го.

— Она хочет еще больше затрахать мне мозги, — ответил я. — Мы поговорим с ней. Через пару часов. Подождет.

Таким образом, мы прониклись единым мнением, как бывает в толпе, что звонок детектива — пустяк, плюнуть и растереть. На полминуты в комнате повисла тишина.

— Должна заметить, что я ужасно волнуюсь, — сказала Го. — Лицом к лицу с Шэрон Шайбер… Она замечательная. Не то что эта Конни Чанг.

Я расхохотался. Наша мама обожала Шэрон Шайбер и терпеть не могла Конни Чанг. Не простила ей случай с мамашей конгрессмена Ньюта Гингрича, которая назвала Хилари Клинтон «су-у-укой». Саму передачу я не помню, но мамино возмущение оказалось незабываемым.

В шесть вечера мы вошли в комнату, где друг против друга стояли два стула. На заднем фоне пылала арка (оказывается, время рассчитано очень точно и краски заката в оконных стеклах не затмевают ее сияния). «Один из главных моментов моей жизни, — подумал я, — опреде-

ляется положением солнца над горизонтом». Продюсер, чье имя не сохранилось у меня в памяти, как только услышала, процокала ко мне на опасно высоких каблуках и объяснила, чего следует ожидать. Вопросы мне могут задавать по нескольку раз, чтобы интервью проходило как можно глаже, вдобавок им надо снимать реакцию Шэрон. Я не вправе обращаться к адвокату перед тем, как отвечать. Разрешается перефразировать ответ, но не менять его суть. Выпейте воды — и к микрофону.

Пока мы шли к стульям, Бетси подтолкнула меня под локоть, а когда я оглянулся, указала на полный карман желейных бобов.

— Не напрягайтесь! — погрозила она пальцем.

Внезапно двери люкса распахнулись, и плавно, будто несомая лебединой стаей, вошла Шэрон Шайбер. Она выглядела подлинной красавицей. Словно никогда не была подростком. Словно ее нос никогда не потел. Пышные темные волосы падают на плечи, а в огромных карих глазах не то кроткая нежность, не то порочность.

— Это же Шэрон… — трепеща, прошептала Го, вероятно пытаясь подражать нашей матушке.

Телеведущая повернулась, подошла к Го и величественно кивнула.

— Я Шэрон, — произнесла она низким бархатистым голосом, беря кисть моей сестры в руки.

— Наша семья очень вас любит, — сказала Го.

— Мне очень приятно, — ответила Шэрон, придав голосу теплое звучание.

Она повернулась ко мне, хотела что-то сказать, но тут продюсер на высоких каблуках снова процокала и зашептала ей на ухо. Подождала реакции и снова тихо произнесла пару слов.

— Господи… О господи… — пробормотала Шэрон и повернулась ко мне, куда-то подевав улыбку.

Эми Эллиот-Данн

Спустя десять дней.

Я собиралась позвонить, и я позвонила. Встреча состоится только вечером — возникли предсказуемые сложности, поэтому я убиваю день прихорашиваясь.

Я вымылась в уборной «Макдоналдса» зеленым жидким мылом и вытерлась бумажными полотенцами, переоделась в дешевый тонкий сарафан. Придумываю, что буду говорить. Как ни странно, я вся горю от нетерпения. Дерьмовая жизнь изрядно надоела: стирка в общественной машине (вверху барабана обязательно застрянет чье-нибудь исподнее, и надо мучительно выковыривать его непослушными пальцами), всегда подозрительно сырой угол ковра в комнате, подкапывающий кран в ванной.

В пятом часу я выдвигаюсь на север, к месту встречи — речному казино под названием «Аллея подков». Заведение возникает передо мной неожиданно — мерцающая неоном двойная вывеска посреди редковатого леса. Подъезжаю на пустом баке (прежде для меня это было лишь

фигурой речи), паркую автомобиль и озираюсь по сторонам. Горстка стариков — ползут на яркие огни, подобно искалеченным насекомым, переставляя «ходунки» и костыли, дыша кислородом из баллонов. За восьмидесятилетними — мальчики в дешевых костюмах, насмотревшиеся фильмов о Лас-Вегасе и пытающиеся косить под знаменитостей из «крысиной стаи» в занюханном казино среди лесов Миссури.

Я прохожу под сверкающим бигбордом — возрожденная ду-уоп-группа пятидесятых, всего два концерта. Внутри казино толчея и уныние.

Монетки со звоном летят в прорези автоматов, а те радостно дребезжат, и это никак не соответствует унылым, обрюзгшим лицам игроков, что сидят и затягиваются сигаретами, сдвинув кислородные маски. Монетка за монеткой, монетка за монеткой. Дзинь, дзинь, дзинь… Монетка, монетка… Просаженные здесь деньги идут на скудное финансирование общественных школ, где за партами маются дурью внуки этих старикашек. У кого-то мальчишник; стайка молодых бездельников с влажными от выпивки губами на нетвердых ногах фланирует мимо и даже не замечает меня, шелушащуюся и с мальчиковой стрижкой. Долетают обрывки их болтовни — что-

то насчет снять девок. Но здесь, за исключением меня, сплошь «золотые шестидесятые». Никого они не склеют, только наклюкаются от расстройства еще больше и сядут за руль — дай бог им по дороге домой никого не угробить.

Как и условились, я сижу в небольшом баре слева от входа, наблюдая, как ансамбль из престарелых пацанов музицирует перед такими же длинноседоволосыми слушателями, а те хлопают и топают и выуживают артритными пальцами дармовой арахис из чаш. Скелетообразные певцы, натянувшие блестящие смокинги на свои мощи, неторопливо и осторожно кружатся в танце смерти.

Поначалу я думала, что назначить встречу в казино — хорошая идея. Недалеко от шоссе, вокруг полно пьяных и старых, ни те ни другие не отличаются зоркостью. Но теперь беспокойство переполняет меня, в голову лезут мысли о камерах наблюдения на каждом углу и на дверях, которые в любой миг могут захлопнуться и отрезать мне пути отхода.

Он появился, когда я уже почти собралась уходить.

— Эми.

Да, я позвонила Дези, чтобы сделать его своим

помощником (и соучастником). Я никогда полностью не порывала с ним, и, что бы там ни говорила Нику и своим родителям, этот парень нисколько мне не досаждает. Дези — еще один мужчина с берегов Миссисипи. Я всегда знала, что рано или поздно он мне пригодится. Типичный рыцарь на белом коне, он без ума от несчастных женщин. На протяжении многих лет, после окончания «Уикшира», я справлялась о его личной жизни, и всякий раз, какой бы ни была новая девушка, он отвечал: «К сожалению, она недостаточно хороша». Я догадывалась, что понятие «хороша» включает расстройства желудочно-кишечного тракта, тягу к болеутоляющим снадобьям, склонность к суициду. Счастливее всего Дези бывает, когда находится у постели. Не в постели, а рядом: с бульоном, свежевыжатым соком и бархатным голосом: «Бедная малышка…»

Сейчас он спешил ко мне в белом костюме для середины лета (Дези обновляет гардероб ежемесячно — то, что можно носить в июне, совершенно не годится для июля; меня всегда восхищала щепетильность Коллингсов в отношении к одежде). Он выглядит хорошо, а я не очень. Я прекрасно знаю о своих запотевших очках и лишнем жире на талии.

— Эми. — Он гладит меня по щеке, а потом обнимает.

Обнимает — неточное слово. То, что делает Дези, напоминает плетение кокона точно по твоему размеру.

— Дорогая, ты не представляешь. Этот звонок! Я думал, что сойду с ума. Я думал, что потерял тебя навеки! Как я мечтал, чтобы с тобой ничего не случилось, и вдруг… этот звонок. У тебя все хорошо?

— Сейчас да, — отвечаю я. — Сейчас я чувствую себя в безопасности. Какой ужас… — И тут я разрыдалась.

На самом деле разрыдалась, чего вовсе не собиралась делать. Но слезы чудесно соответствуют текущему моменту и приносят такое облегчение, что я даже не пытаюсь сдерживаться. Я до того измотана — тщательное планирование на пределе нервов, боязнь быть пойманной, потеря денег, полная беспомощность, испытанная впервые в жизни.

Обычно после непродолжительного — не больше двух минут — плача я выгляжу довольно неплохо. Под слегка распухшим носом мокро, но зато губы стали полнее, глаза увеличились, щеки раскраснелись. Я отсчитываю, рыдая на

хрустящем плече Дези: «Раз Миссисипи, два Миссисипи»… Опять эта река… И справляюсь со слезами ровно через минуту и сорок восемь секунд.

— Прости, что я не мог приехать раньше, дорогая, — говорит Дези.

— Я знаю, как плотно Жаклин наполняет твой график… — нерешительно отвечаю я.

Мамочка Дези — щекотливая тема в наших взаимоотношениях.

Он пытливо смотрит на меня:

— А ты выглядишь совершенно… по-другому. Особенно лицо. И твои бедные волосы… — Дези спохватывается: — Эми, я никогда не думал, что могу так радоваться. Расскажи, что произошло.

Я рассказываю готическую сказку о злобе и одержимости мужа, о провинциальной брутальности Среднего Запада, о босоногой беременности и животном доминировании. О насилии и таблетках, о пьянстве и побоях. Об острых носах ковбойских сапог на твоих ребрах, о страхе и предательстве, о последних словах Ника: «Я найду тебя. Сколько бы на это ни ушло времени. Ты моя».

О том, как мне пришлось удариться в бега ради спасения моей жизни и жизни будущего малыша.

О том, что мне необходима помощь Дези. Ты мой спаситель! Моя история целиком удовлетворяет его стремлению защищать обиженных женщин, поскольку в ней мне досталось больше, чем им всем, вместе взятым. Когда-то давно, в общежитии, я рассказала ему об отце, который по ночам приходит в мою спальню, о себе в розовой длинной ночнушке, о том, как не отрывала взгляда от потолка, пока отец не уйдет. Я знаю, после этой лжи Дези втрескался в меня. Он фантазировал, что занимается со мной любовью нежно и умиротворенно, гладя при этом по голове. Воображал, как я тихо плачу, отдаваясь ему.

— Я никогда не смогу вернуться к прежней жизни, Дези. Ник меня убьет. Я и сейчас не чувствую себя в безопасности. Но и не хочу, чтобы он попал в тюрьму. Я просто решила спрятаться. И не ожидала, что полиция заподозрит его в убийстве.

Я устремляю томный взор на эстраду, где семидесятилетний скелет поет о любви. Сидящий неподалеку парень с прямой как палка спиной и аккуратными усиками бросает пластиковый стакан в мусорное ведро, что стоит возле нашего столика. Брик! (Это из умных словечек, что я нахваталась от Ника.) Пожалуй, едва ли я могла бы выбрать более живописное местечко.

Потом парень смотрит, склонив голову, прямо на меня, с преувеличенным недоумением. Был бы он мультяшным персонажем, почесал бы в затылке с резиновым скрипом. Почему-то мне кажется, что он похож на полицейского. Поворачиваюсь к нему спиной.

— Ник — последняя причина, из-за которой тебе стоит беспокоиться, — заявляет Дези. — Давай сюда беспокойство, теперь оно мое. — И протягивает руку в привычном жесте. Он хранитель моих забот, это у нас ритуальная игра еще с подростковых времен.

Я делаю вид, будто что-то кладу ему на ладонь, он сжимает кулак, и я в самом деле чувствую себя уверенней.

— Надеюсь, Ника ждет смерть за ту боль, которую он тебе причинил, — говорит Дези. — В любом разумном обществе такой негодяй должен быть наказан.

— Так-то оно так, но мы живем в безумном обществе — придется мне скрываться и дальше. Как ты думаешь, я совершила ужасную глупость?

Я заранее знаю ответ.

— Конечно нет, дорогая. Ты сделала то, что должна была сделать. Глупостью было бы поступить как-то иначе.

Дези ничего не спрашивает о беременности. Я предвидела, что он не станет проявлять любопытство.

— Никто, кроме нас двоих, не должен знать, — говорю я.

— Я позабочусь о тебе. Чем могу помочь?

Изображаю нерешительность, покусываю губу, отвожу взгляд, а потом заявляю прямо:

— Мне нужно немного денег на жизнь. Я даже подумывала, не устроиться ли на работу…

— О нет! Не надо! Твои фото мелькают повсюду. Во всех выпусках новостей, во всех журналах. Кто-нибудь обязательно тебя узнает. Даже с этой, — он прикасается к моим волосам, — новой спортивной стрижкой. Красивой женщине спрятаться очень трудно.

— Ты прав, к сожалению, — киваю я. — Но мне бы не хотелось, чтобы ты думал, будто я решила просто воспользоваться… Я не знаю, к кому еще обра…

Официантка — самая обычная брюнетка, изображающая из себя симпатичную брюнетку, — ставит на наш столик заказанные напитки. Отворачиваясь от нее, замечаю, что усатый молодчик продолжает следить за мной с легкой улыбкой. Я слишком беспечна. Прежняя Эми ни-

когда бы не появилась здесь. Мой мозг одурманен запахом диетколы и собственного пота.

— Я заказала тебе джин-тоник.

Дези деликатно кривится.

— Что-то не так? — спрашиваю я, хотя уже догадываюсь.

— Это мой весенний напиток. Летом я пью «Джек Дэниелс» с имбирным пивом.

— Ну давай закажем «Джек» с имбирем, а я выпью твой джин.

— Нет-нет, все отлично, не волнуйся!

Краем глаза я снова замечаю подглядывающего:

— Тот парень, ну, с усами, следит за мной?

— Он смотрит на… певцов, — кинув взгляд в его сторону, заверяет Дези. И причем последнее слово произносит с сомнением: — Тебе нужны не только деньги. Ты устала от всей этой беготни. Устала прятать лицо от людей, с которыми… — он обвел рукой казино, — с которыми не имеешь ничего общего. Устала жить в скотских условиях.

— Мне еще лет десять так жить. Пока моя история не забудется.

— Ха! И ты готова ждать эти десять лет, Эми?

— Ш-ш-ш! Не произноси моего имени.

— Ну, Кэтти, или Дженни, или Меган, или еще

как-нибудь. Не смеши меня.

Дези сует вернувшейся официантки двадцатку и жестом отпускает ее. Она уходит, улыбаясь. Двадцатка на чай! Как это непривычно. Я отпиваю из стакана. Подозреваю, «ребенок» не станет возражать.

— Не думаю, что Ник выдвинет обвинения против тебя, если вернешься, — неожиданно сообщает Дези.

— Что?

— Твой муж приезжал поговорить со мной. Кажется, он чувствует свою вину…

— Он приезжал к тебе? Когда?

— На той неделе. Слава богу, до того, как я с тобой поговорил.

Вот это да! За последние десять дней Ник проявил больше интереса ко мне, чем за пять лет. Мне всегда хотелось, чтобы мужчины боролись за меня — и боролись насмерть. Ник решил допросить Дези — отличное начало!

— И что он говорил? Как выглядел?

— Вел себя как последняя гнида. Хотел повесить твое исчезновение на меня. Рассказал какую-то безумную историю о том, как я…

Мне всегда нравилась моя выдумка, будто Дези собирался покончить с собой. Да, он сильно пе-

реживал из-за нашего разрыва, был подавлен и опустошен, блуждая возле школьного городка в надежде встретить меня.

Пожалуй, он вполне способен на суицид.

— А что Ник говорил обо мне?

— Думаю, он догадывается, что теперь, когда весь мир узнал о твоей беде, ему не удастся причинять тебе боль. Общество не позволит. Ты можешь безбоязненно к нему вернуться, потом развестись и выбрать подходящего спутника жизни. — Он пригубил бокал.

— Но мне нельзя возвращаться, Дези! Даже если люди поверили в виновность Ника. Окажется, что обманщица я, — они меня возненавидят. Я стану самой неприкасаемой из неприкасаемых…

— Ты моя неприкасаемая. Я люблю тебя, несмотря ни на что. Я защищу тебя от всего. Не нужно беспокоиться ни о чем.

— Но ведь мы не сможем ни с кем общаться…

— Если захочешь, уедем из страны. В Италию или Испанию, на твой выбор. Будем есть манго на солнышке, спать допоздна, играть в скрэббл, лениво листать книги и плавать в океане.

— А когда умру, что от меня останется, строчка петитом? Нет, Дези, у меня еще есть гордость.

— Я не позволю тебе жить в кемпинге. Ни в

коем случае. Хочешь, отвезу в дом на озере? Там вокруг ни души. Буду доставлять все, что тебе понадобится. Поживешь тайно, пока мы не придумаем, что делать дальше.

Дом, о котором говорил Дези, на самом деле стоял в глухом углу. А желание обеспечивать меня всем необходимым я ощущала словно исходящий от него жар. Дези аж корчился под дорогим костюмом, так хотел, чтобы я согласилась. По сути своей он был типичным коллекционером. Четыре автомобиля, три дома, уйма костюмов, а обуви и вовсе не счесть. Теперь ему приспичило поместить меня под стеклянный колпак. Предел мечтаний рыцаря в белом: вырвать затюканную принцессу из плена злополучных обстоятельств и запереть в золотом неприступном замке.

— Нет, я не могу на это пойти… А что, если копы будут меня разыскивать и по какой-то причине заявятся к тебе?

— Эми, полиция считает, что ты мертва.

— Нет, все-таки я должна какое-то время пожить самостоятельно. Можешь просто дать мне немного наличных?

— А если я откажусь?

— Тогда я буду знать, что твое участие — притворство. Буду знать, что ты не отличаешься от

Ника, хочешь всего лишь власти надо мной.

Дези через стиснутые зубы высосал джин-тоник.

— Это чудовищное обвинение.

— Чудовищно так поступать.

— Я не хочу получить власть над тобой. Я хочу помочь тебе. Поживи в доме на озере. Если почувствуешь давление с моей стороны или другое неудобство — просто уедешь. Самое страшное, что может с тобой произойти, — это несколько дней отдыха. Расслабишься немного.

Вдруг рядом с нашим столиком возникает давешний усач. На его лице смущенная улыбка.

— Простите, мэм, вы не из семьи Энлоу, часом?

— Нет, — отворачиваюсь я.

— Еще раз простите, но вы так похожи…

— Мы приехали из Канады, — решительно заявляет Дези. — Уж извините.

Парень закатывает глаза, чертыхается вполголоса и возвращается к барной стойке. Но продолжает искоса поглядывать на меня.

— Нужно ехать, — говорит Дези. — Давай отправимся в дом на озере. Отвезу тебя прямо сейчас.

В особняке у Дези шикарная кухня. Там есть спальня, по которой хоть на коне скачи, такая она огромная. Там есть Wi-Fi и кабельное телевидение

— чего еще можно желать? Ах да, вместительной ванны, махрового халата и кровати, которая не скрипит, будто вот-вот развалится.

Правда, ко всему этому прилагается Дези. Но Дези вполне управляем.

Усач теперь смотрит на меня пристально и вовсе не доброжелательно.

Я наклоняюсь и легонько целую Дези в губы. Он должен понять, что это и есть мой ответ.

— Ты замечательный мужчина. Прости, что втянула тебя.

— А я вовсе и не прочь.

Мы направляемся к выходу, мимо особенно депрессивного бара, — там во всех углах бубнят телеящики. И тут я вижу Шлюшку.

Шлюшка устроила пресс-конференцию.

Энди выглядит юной и невинной. Похожа на няньку, но не сексуальную няньку из порнофильмов, а настоящую — ту, что в самом деле играет с детьми. Я знаю, что эта Энди ненастоящая, ведь я интересовалась ее повадками. В реальной жизни она носит открытые блузки, выгодно подчеркивающие грудь, и обтягивающие джинсы; ее волосы длинные и волнистые. В реальной жизни она выглядит, как пишут в Интернете, — «я бы вдул».

Сейчас на ней скромное платье спортивного

покроя, волосы зачесаны за уши. Похоже, она недавно плакала — под глазами розовые припухлости. Она выглядит усталой и задерганной, но очень симпатичной. Гораздо красивее, чем я думала. Никогда не смотрела ей прямо в лицо. Оказывается, у любовницы моего мужа веснушки.

— Ох, дерьмо… — говорит одна из женщин своей подружке с волосами цвета дешевого каберне.

— Да уж… А я начала было сочувствовать этому парню, — отвечает та.

— У меня кое-какая хрень в холодильнике старше, чем эта девчонка. Ну и засранец!

Энди стоит перед микрофоном и сквозь опущенные ресницы смотрит на листок бумаги, дрожащий в ее руке. На верхней губе капельки пота блестят в свете софитов. Она смахивает пот указательным пальцем и говорит, откашлявшись:

— Вот мое заявление. У меня была связь с Ником Данном. Все началось в апреле две тысячи одиннадцатого и продолжалось по июль этого года, до того дня, когда исчезла его жена Эми Данн. Ник был моим преподавателем в колледже Северного Карфагена. У нас завязалась дружба, которая переросла в более серьезные отношения.

Энди прерывается, чтобы еще раз прочистить горло. Брюнетка позади нее — не намного старше — протягивает стакан с водой. Энди принимает трясущейся рукой, пьет.

— Мне ужасно стыдно оттого, что я позволила себе связь с женатым мужчиной. Это против всех моих убеждений. Но я верила, что на самом деле его люблю. — Она всхлипывает, голос срывается. — Думала, что люблю Ника Данна, а он любит меня. Он утверждал, что они с женой охладели друг к другу и скоро разведутся. Я не знала, что Эми Данн ждет ребенка. Сейчас я сотрудничаю с полицией по любым вопросам, связанным с делом об исчезновении Эми Данн, и готова помогать всеми силами.

Голосок у нее тоненький, детский. Она смотрит на ряд камер и вдруг оборачивается, словно в испуге. Румянец, красный, как яблоко, расплывается пятнами на щеках.

— Я… я… — Энди плачет.

Ее мать — а это видно по таким же огромным анимешным глазам — кладет ладонь ей на плечо. Девушка продолжает читать по бумажке:

— Мне стыдно за свой поступок. Я хочу попросить прощения у родственников Эми за то, что внесла свою лепту в их боль. Я сотрудничаю с

полицией по любым вопро… Ой, я это уже говорила.

Она неуверенно улыбается, а собравшиеся репортеры подбадривают ее смешками.

— Бедная дурочка, — говорит красноволосая.

Она мелкая шлюшка, за что ее жалеть? Представить трудно, чтобы кто-то пожалел Энди. Буквально отказываюсь в это поверить…

— Я двадцатитрехлетняя студентка, — продолжает она. — Я прошу об одном: дайте мне справиться с болью, дайте мне немного времени…

— Удачи тебе, — бормочу я, глядя, как Энди уходит, а полицейский, сопровождающий ее, отказывается отвечать на вопросы журналистов.

Ловлю себя на том, что поворачиваюсь влево, будто желаю проследить за ними.

— Бедная овечка, — говорит пожилая женщина. — Она выглядит напуганной.

— Наверное, он все-таки убийца.

— Он был с ней больше года.

— Подонок!

Слегка толкнув меня локтем, Дези спрашивает одними глазами: «Ты знала? Ты в порядке?» Мое лицо перекошено яростью — какая еще, к матери, бедная овечка! — но я притворяюсь, что всему ви-

ной известие об измене Ника. Я киваю, улыбаясь. Да-да, я в порядке… Но когда мы собираемся идти дальше, я вижу своих родителей, приближающихся к микрофону. Как всегда рука об руку, как всегда — пара. Похоже, что мама недавно подровняла волосы. Я задумываюсь, стоит ли обижаться на то, что она находит время заниматься собой, когда ее дочь исчезла. Когда кто-нибудь умирает, а его родня продолжает вести привычный образ жизни, всегда слышишь: имярек этого как раз и хотел. А вот мне этого почему-то не хочется.

— Наше заявление будет очень коротким, — говорит мама. — На вопросы отвечать не станем. Для начала мы бы хотели поблагодарить за огромную поддержку, оказанную нашей семье. Кажется, что весь мир любит Эми так же, как и мы. Эми, мы помним твой нежный голос, твой мягкий юмор, твой живой ум и доброе сердце. Ты и в самом деле удивительная. Мы вернем тебя. Я уверена, у нас все получится. Это во-первых. Во-вторых, мы поняли, что совсем не знали нашего зятя Ника Данна до сегодняшнего утра. С самого начала этого кошмара он был менее внимательным, менее заинтересованным, менее обеспокоенным, чем следовало. Трактуя сомнения в его пользу, мы приписывали отстра-

ненность Ника душевному потрясению. Теперь же мы знаем, как обстоят дела в действительности. Мы отказываемся поддерживать Ника. Впредь мы будем самостоятельно заниматься поисками Эми, не переставая надеяться, что ты, доченька, вернешься к нам. Твоя история не закончена. Весь мир ждет новой главы.

«Аминь», — слышится мне чей-то голос.

Ник Данн

Спустя десять дней.

Шоу закончилось. Энди и Эллиоты скрылись из виду. Продюсер Шэрон, топнув ногой, выключила телевизор. Все, кто был в помещении, повернулись ко мне, как будто я гость на вечеринке, который нагадил на полу. Шэрон улыбалась чересчур бодро, отчего ботоксное лицо пошло складками не там, где нужно.

— Ну? — прозвучал в тишине ее хорошо поставленный голос. — Как это, мать вашу, понимать?

— Это и была наша бомба! — шагнул вперед Таннер. — Ник подготовлен, он может немедленно прокомментировать их заявления. Жалко, что опоздали, но в некотором роде для вас, Шэрон, так даже лучше. Вы первая, кто получит объяснения Ника.

— Будет лучше, если Нику найдется что сказать в свое гребаное оправдание, — процедила она, вставая, и добавила, не обращаясь ни к кому: — Сделаем это. Сделаем прямо сейчас.

Шэрон Шайбер вернулась и круто взялась за меня. По Нью-Йорку ходили слухи, что она в

свое время хорошо погуляла, но вернулась к мужу, — одна из многих кулуарных историй журналистского мирка. Это произошло лет десять тому назад, но, как я догадывался, желание оправдывать свой поступок оставалось. А теперь понял, что не ошибся. Она сияла, проявляла заботу, льстила и подначивала. Она искренне улыбалась мне полными блестящими губами, опираясь подбородком на сцепленные пальцы, и задавала прямые, жесткие вопросы, на которые мне удалось дать достойные ответы. Конечно, как лгун я в подметки не гожусь той же Эми, но, когда клюнет жареный петух, способен на многое. Я вошел в образ мужчины, который любит жену, обидел ее своей изменой и готов на все, чтобы искупить вину.

Минувшей ночью я нервничал и потому не мог уснуть. Пришлось залезть в Интернет и посмотреть заявление Хью Гранта в шоу Джея Лено в 1995 году, где он винился перед всей американской нацией за постыдный инцидент с проституткой. Он запинался, заикался, корчился, будто кожа стала на два размера меньше и немилосердно жмет. Но никаких оправданий типа: «Я думаю, вы знаете, что есть плохие поступки и есть хорошие поступки, и вот я совершил плохой

поступок… — так уж получилось». Черт возьми, парень сработал отлично — он выглядел робким, неуверенным, до того расстроенным, что всем так и хотелось проявить участие и поддержать. «Эй, приятель, ну чего такого ты натворил? Не изводи себя…» Именно такого эффекта я и добивался. Я так долго пересматривал ролик, что опасался подцепить британский акцент.

Я был абсолютно фальшив: муж Эми, который раньше не умел каяться, наконец-то научился, использовав слова и эмоции, позаимствованные у актера.

И ведь получилось!

— Знаете, Шэрон, я совершил дурной поступок, можно сказать непростительный. Мне нет оправданий, я пал в собственных глазах — никогда не думал, что смогу изменить жене. Мне нет прощения… Нет прощения, но я хочу, чтобы Эми вернулась, и тогда я остаток жизни проведу, искупая вину, ухаживая за ней так, как она этого заслуживает.

«Уж она бы получила от меня по заслугам!»

— Но вот что я хочу сказать, Шэрон. Я не убивал Эми. Я бы в жизни не причинил ей боли. Мне кажется, вот что происходит на самом деле… Всю шумиху, связанную с моим именем, я мысленно

называю (смешок) эффектом Эллен Эббот. Плоды не самой достойной и ответственной журналистики. Муж. Я думаю, общественность просто приучили к этой мысли, даже полиция принимает такое положение дел как данность. С самого начала все были уверены, что я убил свою жену. Почему? Да просто нам вдалбливали это раз за разом. Это плохо, с точки зрения морали неправильно. Я не убивал Эми. Я хочу вернуть ее.

Я знал наверняка: Шэрон захочет выставить Эллен Эббот беспринципной охотницей за высокими рейтингами и дешевыми сенсациями. Для ее величества Шэрон, двадцать лет проработавшей в массмедиа, прославившейся интервью с Арафатом, Саркози и Обамой, оскорбителен сам факт существования Эллен Эббот. Я-то журналист (вернее, был им), у меня есть свой опыт. Когда я произнес слова «эффект Эллен Эббот», губы Шэрон дрогнули, тонкая бровь чуть приподнялась, все лицо просветлело. Я попал в десятку.

В конце интервью Шэрон заключила мою руку в свои ладони, прохладные и немного шершавые — я слышал, она заядлая гольфистка, — и пожелала мне удачи:

— Я буду пристально следить за вами, друг мой.

После поцеловала в щеку Го и покинула нас, показав спину, стянутую множеством булавок, призванных избавить лицевую часть платья от самых мельчайших морщин.

— У тебя, мать твою, отлично вышло! — заявила сестра, когда мы шли к выходу. — Ты выглядел совершенно другим. Решительным, но не самоуверенным. Даже челюсть была не такая… дебильная.

— Избавился от ямки на подбородке.

— Ну да, почти. Ладно, пойдем домой! — Она крепко хлопнула меня по плечу.

Я узнал, что интервью, записанное Шэрон, завтра будет показано сразу двумя источниками — кабельной сетью и эфирной. А потом и другие подхватят новость — раскаяние и прощение разбегутся по принципу домино. Наконец-то мне удалось получить контроль над ситуацией. Я не собирался и впредь довольствоваться ролью виноватого мужа, или эмоционально подавленного мужа, или бессердечного мужа-изменщика. Я стал человеком, в шкуре которого бывали многие мужчины, да и женщины тоже: «Я изменял жене, вел себя как последний говнюк, но я готов приложить усилия, чтобы все исправить. Ведь я настоящий мужчина».

— А ведь у нас все хорошо, — подытожил Таннер Болт, когда мы вернулись ко мне домой. — Теперь, благодаря Шэрон, эпизод с Энди не выглядит так ужасно, как могло бы быть. Нужно только держаться на шаг впереди.

Зазвонил телефон. Номер Го. Она говорила тонким, ломающимся голосом:

— Здесь полиция с ордером на обыск дровяного сарая. В дом папы они тоже отправились. Я боюсь.

Когда мы приехали, Го, сидя на кухне, курила сигарету за сигаретой. Судя по уродливой пепельнице из семидесятых годов, она приканчивала вторую пачку.

Нескладный, узкоплечий ребенок в полицейской форме и стрижкой «ежик» сидел рядом с ней на барном табурете.

— Это Тайлер, — проговорила сестра. — Он родом из Теннесси. Его лошадку зовут Кастро…

— Кастер, — поправил полицейский.

— Да, Кастер. И у него аллергия на арахис. Не у лошади, а у Тайлера. О! Еще у него была порвана губа — обычная травма для подающего в бейсболе. Но он не помнит, как ее получил.

Тайлер попытался строго на меня взглянуть, но потупился и принялся рассматривать сияющие

ботинки.

Сквозь стеклянную раздвижную дверь черного хода в дом проникла Бони:

— Отличный день, парни! Очень жаль, Ник, что вы не удосужились сообщить нам о своей подружке. Могли сэкономить кучу времени.

— Мы будем просто счастливы обсудить с вами этот аспект, а также содержимое сарая. Все равно собирались об этом поговорить, — сказал Таннер. — Если бы вы известили нас об Энди, многих проблем удалось бы избежать. Но вы предпочли устроить пресс-конференцию, стремились к огласке. Довольно мерзко использовать девчонку для подобных целей.

— Верно, — кивнула Бони. — Вернемся к дровяному сараю. Не желаете пройти со мной?

Она зашагала первой по пожухлой к концу лета траве. Паутина свисала с детектива, напоминая свадебную вуаль. Когда я замешкался, она нетерпеливым жестом призвала поторопиться:

— Идемте-идемте. Я вас не укушу.

Дровяной сарай, освещенный несколькими лампами-переносками, выглядел более зловеще, чем обычно.

— Когда вы были здесь последний раз, Ник?

— Недавно. Очередная подсказка охоты за со-

кровищами, написанная моей женой, привела меня сюда. Но все, что здесь находится, — не мое. И я не прикасался ни к чему…

— Мой клиент и я, — прервал меня Таннер Болт, — хотим предложить новую версию… — И замолчал.

Все мы невольно поежились, настолько фальшив и неуместен был этот тон вне стен телестудии.

— О да! Вы обещали бомбу, — согласилась Бони.

— Мы собирались поставить вас в известность…

— Да неужели? Вы удачно выбрали время. Оставайтесь здесь, пожалуйста.

Дверь шаталась на петлях. С дужки свисал сломанный замок. Внутри копошился Джилпин, составляя опись найденного.

— Это так вы не играете в гольф? — ухмыльнулся он, похлопав по блестящим железкам.

— Ничего из того, что здесь находится, не принадлежит мне. Ничего я сюда не приносил.

— Забавно, — улыбнулась Бони, — поскольку перечень товаров совпадает с чеками покупок по вашей кредитной карточке, которая, наверное, тоже вам не принадлежит. Мы видим то, что

принято называть мужской берлогой. Мужская берлога в процессе создания; ее час придет, когда жена покинет мужа. Вы планировали весело проводить время, Ник, как я погляжу. — Она вытащила из кучи три большие картонные коробки и поставила к моим ногам. — Что там?

Детектив брезгливо, кончиками пальцев, несмотря на перчатку, открыла одну из них. В коробке лежали десятки дисков DVD с порно. Обложки украшала обнаженная плоть всех размеров и цветов.

— Жму руку, Ник! — рассмеялся Джилпин. — Оно конечно, у мужчин бывают свои потребности…

— Мужчины такие визуалы, сказал мой бывший, когда я застала его за просмотром порнухи, — добавила Бони.

— Мужчины, конечно, визуалы, но Ник… — покачал головой Джилпин. — Меня даже слегка затошнило, хотя я не слишком чувствительный.

Он развернул несколько дисков веером, будто уродливые карты. В большинстве названий речь шла о насилии: «Жесткий анал», «Глубокий минет», «Униженные проститутки», «Шлюхи-садистки трахаются», «Шлюха, изнасилованная толпой», а также серия под названием «Накажи

эту суку», с первого по восемнадцатый выпуски. На каждой обложке женщины корчились от боли, затравленно глядя на хохочущих мужчин, которые засовывали в них разные вещи.

Я отвернулся.

— Ах, какие мы стеснительные, — оскалился Джилпин.

Но я не ответил, поскольку смотрел, как Го ведут через двор и усаживают на заднее сиденье патрульного автомобиля.

Через час мы встретились в участке. Таннер отговаривал меня, но безрезультатно. Я взывал к его внутреннему борцу за мораль, к его эго ковбоя и миллионера. Пришла пора сказать копам правду.

Я мог им позволить издеваться надо мной, но не над сестрой.

— Ник, я соглашаюсь только потому, что считаю ваш арест неизбежным. Если скажем, что согласны на откровенный разговор, то, возможно, узнаем побольше — что они накопали против вас. Тела нет, им захочется получить чистосердечное признание. Поэтому постараются завалить вас фактами и уликами. И может быть, дадут нам достаточно материала для построения правильной защиты.

— Но мы тоже все им отдадим, так ведь? — отозвался я. — И подсказки Эми, и кукол-марионеток. — Я нервничал, подгоняемый отвратительной картиной: моя сестра потеет в допросной под голой лампочкой.

— Если позволите вести беседу мне. Я сам расскажу о подставе, и тогда копы не смогут использовать это в суде против нас. Но нам понадобится другая линия защиты.

Меня тревожило то, что даже мой адвокат считал правду совершенно неправдоподобной.

Джилпин встречал нас на ступеньках участка с бутылкой кока-колы в руке — поздний ужин. Когда он повернулся, приглашая следовать за собой, я увидел, что его рубашка на спине промокла. Хоть солнце и зашло, воздух оставался сырым и горячим. Детектив взмахнул руками, рубашка отлипла от кожи и снова вернулась на место.

— Все еще жарковато, — сказал он. — Похоже, зной и не думает спадать.

Бони дожидалась в конференц-зале, том самом, памятном по первой ночи. Той Самой Ночи. Она заплела жидкие волосы во французскую косу и пришпилила ее к затылку; получилось довольно своеобразно. А еще она накрасила губы. Уж не на свидание ли собралась? «Давай встретимся после

полуночного допроса…»

— У вас есть дети? — спросил я, пододвигая стул.

Она настороженно зыркнула и показала один палец.

Вот и все. Ни имени, ни возраста. Бони была настроена по-деловому. И спуску нам давать не собиралась.

— Первое слово вам, — сказал Таннер, — расскажите, что вы обнаружили.

— Само собой, — кивнула Бони. — Итак… — Она включила диктофон и произнесла все положенное по процедуре. — Ник, вы утверждаете, что не покупали ничего из вещей, обнаруженных в дровяном сарае у дома вашей сестры, и даже ни к чему не прикасались.

— Да, мы утверждаем, — ответил за меня адвокат.

— Ник, ваши отпечатки обнаружены практически на всех вещах из сарая.

— Неправда! Я ни к чему там не прикасался! За исключением подарка на годовщину свадьбы, который Эми спрятала внутри.

Таннер дотронулся до моей руки: заткнись, мать твою.

— Подарок мы привезли сюда, — сказал он.

— Ник, ваши отпечатки и на клюшках для гольфа, и на дисках с порнографией, на часах и даже на телевизоре.

И тут я прозрел. Как же Эми отлично все устроила! Использовала против меня все. Включая мой глубокий самодовольный сон, которым я так хвастался перед ней, доказывая, что будь она поуравновешеннее, как я, избавилась бы от бессонницы. Я увидел точно наяву: вот она, стоя на коленях рядом с кроватью, прижимает мои пальцы то к одной покупке, то к другой под аккомпанемент громкого храпа. И так несколько месяцев кряду. Может, она даже подсыпала мне какую-то дрянь. Помню, как-то утром я с трудом разлепил глаза, а Эми сказала: «Знаешь, а ведь ты спишь как убитый. Или как под наркозом». Да, я был и тем и другим одновременно, но только раньше не догадывался.

— Вы можете объяснить найденные нами отпечатки пальцев? — спросил Джилпин.

— Что вы еще нашли? — продолжал давить Таннер Болт.

Бони выложила на столешницу толстую тетрадь в кожаном переплете с обугленными краями.

— Узнаете?

Я покачал головой, пожал плечами.

— Это дневник вашей жены.

— Хм… а разве Эми вела дневник?

— Да, Ник, вела. Она вела дневник на протяжении семи лет, — сообщила Бони.

Похоже, вот-вот случится что-то очень плохое. Моя жена вновь перехитрила нас.

Эми Эллиот-Данн

Спустя десять дней.

Мы перегнали мой автомобиль через границу штата Иллинойс, на кошмарную окраину обнищавшего городка на реке, название которого я не знала. Потратили еще приблизительно час, стирая отпечатки пальцев, а потом бросили его с ключами в замке зажигания. Это называется «круговорот жизни». Сначала тачкой пользовалась подозрительная парочка из Арканзаса, потом скрытная Эми из Озарка. Пускай теперь кто-нибудь из бедняков Иллинойса порадуется находке.

Потом мы ехали в Миссури по дороге среди холмов, пока я не разглядела за стволами деревьев сверкающую гладь озера Хэннафан. Дези, живущему с семьей в Сент-Луисе, нравится думать, что эта местность освоена в те же времена, что и Восточное побережье, но он заблуждается. Озеро Хэннафан названо так не в честь государственного деятеля девятнадцатого столетия или героя Гражданской войны. Это искусственный водоем, вырытый в 2002 году маслопромышленником

Майком Хэннафаном, которому понадобилось незаконно избавляться от токсичных отходов. Негодующая общественность пытается подыскать для озера новое название. Слово «Коллингс», уверена, всплывало не раз.

Однако ни превосходно спланированный водоем, по которому можно лишь плавать под парусом, но не с мотором, ни грандиозный прибрежный особняк — швейцарское шато, но в американских размерах, — не покорили меня. В этом и заключается извечная проблема Дези. Как по мне, будь ты хоть тысячу раз миссурийцем, не следует делать вид, будто озеро Коллингс — это озеро Комо.

Он облокотился о крышу «ягуара» и замер, рассматривая дом, так что и я вынуждена была постоять и полюбоваться.

— Мы заказали его по образу и подобию чудного крошечного шале, где жили с мамой в Бринзерси, — говорит Дези. — Единственное, без чего пришлось обойтись, — это горы на заднем плане.

«Серьезный минус», — думаю я, но кладу ладонь ему на запястье, будто желаю сказать: покажи мне дом изнутри, он наверняка восхитителен.

Дези проводит для меня бесплатную экскурсию, похохатывая при этом над словом «бесплатная».

Кухня, размером с добрый собор, вся из гранита и хрома, гостиная — с двумя каминами и дверью, ведущей на открытую площадку (на Среднем Западе это называют палубой), с видом на озеро и лес. Развлекательный комплекс в подвале — бильярдный стол, дартс, стереосистема, небольшой бар — с выходом еще на одну площадку, которую местные именуют второй палубой. Тут же сауна и винный погребок. На верхнем этаже пять спален. Из них вторая по величине переходит полностью в мое распоряжение.

— Я все здесь перекрасил, — заявил он. — Знаю, что ты любишь цвет пыльной розы.

Я никогда не любила цвет пыльной розы… Ну разве что в школе последний раз.

— Ты такой милый, Дези, спасибо тебе, — улыбаюсь я, стараясь изобразить совершенную искренность.

Благодарить людей мне очень тяжело. Чаще я вообще об этом забываю. Люди выполняют свои обязанности, а потом ждут от тебя высокую оценку сделанному — как обслуга в кафе-мороженых, выставляющая на столики стаканчики для чаевых.

Дези реагирует на похвалу как кот на почесывание, разве что спину не выгибает. Ну, с меня

не убудет.

Я опускаю рюкзак на пол в своей комнате, давая понять, что не прочь отдохнуть. Хочется узнать, как общественность будет реагировать на признание Энди и не арестован ли наконец-то Ник. Но, похоже, одним «спасибо» я не отделалась. Дези натягивает на лицо загадочную улыбку и принимается развлекать меня: «Хочу показать тебе кое-то очень интересное». Тащит вниз: «Надеюсь, тебе это понравится». По коридору мимо кухни: «Пришлось потратить много усилий, но оно того стоило».

— Надеюсь, тебе понравится, — повторяет он и распахивает двери настежь.

Передо мной комната со стенами из стекла. Оранжерея. На полу тюльпаны — сотни тюльпанов всевозможных расцветок. Цветущие тюльпаны в середине июля в доме на озере, принадлежащем Дези. Да, это очень необычный сюрприз для девушки, которая сама сюрприз, да еще какой.

— Я знаю, что ты любишь тюльпаны, но у них такой короткий сезон, — говорит он. — Для тебя я это исправил. Теперь они будут цвести круглый год.

Он обнимает меня за талию и подводит ближе

к цветам, чтобы я могла оценить подарок по достоинству.

— Тюльпаны каждый день… — говорю я, стараясь, чтобы глаза лучились радостью.

Я любила их, когда училась. В конце восьмидесятых от тюльпановой радуги все были без ума. Сейчас мне безумно нравятся орхидеи — полная противоположность тюльпанам.

— Разве Нику приходило в голову сделать для тебя нечто подобное? — шепчет мне в ухо Дези, в то время как цветы слегка покачиваются — на потолке заработали форсунки автополива.

— Ник даже не вспоминал никогда, что мне нравятся тюльпаны, — вздыхаю я.

И это правильный ответ.

Такой приятный жест, более чем приятный. Моя, и только моя комната, заполненная цветами, будто в волшебной сказке. И все же я слышу шепоток внутреннего голоса. Я позвонила Дези чуть меньше суток тому назад, но тюльпаны не выглядят недавно посаженными, да и в спальне не пахнет свежей краской. Возникает вопрос, подкрепленный его прошлогодними письмами, их вкрадчивым тоном. Как давно он задумал привезти меня сюда? И на какой срок планирует задержать? Достаточно долго, чтобы любоваться

цветущими тюльпанами круглогодично?

— Я так благодарна, Дези, — говорю я. — Словно в сказку попала.

— Эта твоя сказка. Я хочу, чтобы ты видела, какая жизнь может ждать тебя.

В сказках всегда фигурирует золото. Я рассчитываю, что Дези даст мне карточку с выходом на небольшой банковский счет. Но экскурсия рисует петли и круги по дому таким образом, что я могу высказать все охи и ахи по поводу мелочей, упущенных при первом осмотре, и в конце концов мы возвращаемся в мою спальню — атлас, шелк, розовый бархат и плюш, — похожую на комнату для девочки, обожающей зефир и сладкую вату. Я украдкой выглядываю в окно и лишний раз убеждаюсь: особняк окружен высокой стеной.

— Дези, ты можешь дать мне немного денег? — бросаю я взвинченно.

— Зачем деньги? — Он притворяется удивленным. — Здесь тебе деньги не нужны. Жилье оплачивать не нужно, продуктов в доме тоже достаточно. Я могу купить и привезти новую одежду. Но я не хочу сказать, что ты не нравишься мне в одежде из дешевых магазинов…

— Имея немного налички под рукой, я бы себя чувствовала спокойнее. Вдруг случится что-то

непредвиденное? Тогда мне придется действовать быстро.

Он открывает бумажник и достает две купюры по двадцать долларов. Мягко кладет их на мою ладонь. Снисходительно произносит:

— Получай.

И я задумываюсь: не совершила ли я очень большую ошибку?

Ник Данн

Спустя десять дней.

Я совершил ошибку, позволив себе чрезмерную самоуверенность. Клянусь адом, этот дневник был призван растоптать меня. Я уже практически видел обложку детективного романа — наша черно-белая свадебная фотография на кроваво-красном фоне и аннотация на клапане суперобложки: «Шестнадцать фотографий Эми Эллиот-Данн, ранее никогда не демонстрировавшихся, и страницы ее дневника — голос с того света». Я должен был догадаться, в чем причина странных и на первый взгляд невинных развлечений Эми. Все эти дрянные детективы, которые я часто находил то здесь, то там в нашем доме. Я-то думал, она просто время убивала за легким чтением.

Но нет. Оказывается, она училась.

Джилпин развернул стул, уселся на него верхом, положив скрещенные руки на спинку и глядя на меня в упор, как копы из кинофильмов. Время перевалило за полночь, и это ощущалось.

— Скажите, ваша жена испытывала недомога-

ние в последние месяцы?

— Недомогание? Нет, Эми никогда не болела. Ну, может, простужалась раз в год.

Бони взяла со стола дневник и раскрыла на закладке:

— В прошлом месяце вы смешивали коктейли для себя и Эми на веранде, субботним вечером. Здесь она упоминает, что напитки получились до невозможности сладкими, и описывает, как ей показалось, аллергическую реакцию. «Мое сердце колотилось в груди, язык онемел и почти не ворочался во рту. Ноги отнимались, поэтому Ник помог мне подняться по ступенькам». — Бони ткнула в страницу пальцем, поглядывая на меня, как будто я мог отвлечься и не слушать. — Когда она проснулась утром: «Голова болела, живот крутило непонятным образом, ногти были светло-голубыми, а заглянув в зеркало, я обнаружила, что и губы посинели тоже. После этого я не могла мочиться почти два дня и испытывала постоянную слабость».

Я с отвращением покачал головой. О Бони я был лучшего мнения, даже успел к ней привязаться.

— Это почерк вашей жены? — спросила детектив, поворачивая тетрадь, чтобы я мог разглядеть рукописные строки — неровные, как кардио-

грамма.

— Да. Думаю, да.

— Наши эксперты по почерку того же мнения.

Вдруг я осознал: Бони произнесла фразу с оттенком гордости. Эти двое впервые получили повод обратиться к экспертам, расследуя дело, прибегли к помощи профессионалов, да еще таких экзотических, как почерковеды.

— Ник, когда мы показали этот текст медицинскому эксперту, знаете, что он нам ответил?

— Отравление, — брякнул я, а Таннер нахмурился: «Спокойнее».

В течение секунды Бони не знала, что сказать, поскольку не эти слова рассчитывала от меня услышать.

— Точно, Ник. Спасибо. Это отравление антифризом. Классика. Эми повезло, что она выжила.

— Она выжила потому, что этого просто не было. Вы же сами сказали — классика. Симптомы с легкостью находятся в Интернете.

Детектив нахмурилась, но не стала спорить.

— При чтении дневника складывается не слишком хорошее впечатление о вас, Ник, — сказала она, водя пальцем по закладке. — Насилие — однажды вы толкнули ее. Ссоры — вы очень вспыльчивый. Сексуальные отношения, грани-

чащие с изнасилованием. В конечном итоге она стала вас бояться. Читать это весьма неприятно. Последняя ее запись: «Этот мужчина, я думаю, способен меня убить». Ее собственные слова: «Этот мужчина способен меня убить».

Горло сжалось, захотелось вскочить. Накативший сперва страх сменился волной ярости. «Проклятая сука, проклятая сука, мать твою, мать твою, мать твою…»

— Какое удобное замечание, чтобы поставить финальную точку в дневнике, — сказал я.

Адвокат снова взял меня за руку, призывая успокоиться.

— Похоже, что вы готовы убить ее опять, прямо сейчас, — заявила Бони.

— Вы все время лжете нам, Ник, — добавил Джилпин. — Например, сказали, что провели все утро на пляже, но опрос свидетелей показал: вы терпеть не можете пляжи. Потом говорили, что понятия не имеете, кто совершал покупки при помощи вашей кредитной карточки, и вдруг мы находим сарай, битком набитый покупками, и на каждой ваши отпечатки. Добавим к этому жену, страдающую от симптомов, идентичных отравлению антифризом, за несколько недель до своего исчезновения. Давайте выкладывайте

правду. — Он сделал паузу для пущего эффекта.

— Что-нибудь еще у вас есть? — спросил Таннер Болт. — Достойное внимания?

— Кое-что есть. Ник ездил в Ганнибал, а мы через несколько дней нашли там сумочку его пропавшей жены, — вступила Бони. — Прибавим соседей, которые слышали, как вы ругались в ночь перед исчезновением Эми. Нежелательная для вас беременность. Бар куплен на деньги вашей жены, и в случае развода она забрала бы его. Ну и конечно, тайная любовница, с которой вы встречались больше года.

— Пока еще мы способны помочь вам, Ник, — сказал Джилпин. — Но когда получим ордер на арест, будет поздно.

— Где вы нашли дневник? — спросил Болт. — В доме Билла Данна?

— Да, — кивнула Бони.

Адвокат покосился на меня — вот, а мы не сумели отыскать.

— Позвольте догадаться… анонимный звонок?

Полицейские промолчали.

— Могу я узнать, где именно в доме вы его нашли? — поинтересовался я.

— В отопительном котле. Вы, наверное, думали, что сожгли его. Да, дневник обгорел по краям,

но, к счастью, пламя оказалось слишком слабым, чтобы его уничтожить, — пояснил Джилпин.

Котел — это еще одна наша с Эми «внутренняя» шутка! Она всегда изумлялась, каким профаном я оказывался в вопросах, в которых мужчины, по ее мнению, должны разбираться лучше женщин. Сколько мы ни искали, но я даже не глянул в сторону старого котла в доме моего папы, с его трубами, проводами и кранами. И мысли не возникло!

— Дело тут вовсе не в счастье. Дневник положили нарочно, так чтобы вы его нашли, — заявил я.

Бони скривила в подобии улыбки левый уголок рта, откинулась на спинку стула и замерла, как звезда рекламы холодного чая. Я сердито мотнул головой Таннеру — давайте уже, работайте.

— Эми Эллиот-Данн жива. Она имитирует свое убийство Ником Данном! — торжественно произнес он.

Я крепко сплел пальцы и выпрямил спину, пытаясь произвести впечатление, будто полностью с ним согласен. Бони не отрываясь смотрела на меня. Я остро нуждался в трубке, очках, которые мог бы эффектно снять, и стопке энциклопедий под рукой. На меня накатило веселье. Только бы не расхохотаться.

— Что вы говорите? — переспросила Бони.

— Эми жива-здорова и пытается создать впечатление, будто Ник ее убил, — повторил мой поверенный.

Копы обменялись взглядами над столом — можем ли мы доверять словам этого парня?

— Зачем ей это надо? — Джилпин устало потер глаза.

— Это очевидно. Она ненавидит его. Ник был дрянным мужем.

— С этим утверждением я могу согласиться, — вздохнула Бони, потупившись.

— Ну конечно, — буркнул Джилпин.

— Она сошла с ума, Ник? — доверительно поинтересовалась Бони. — Ведь если то, что вы говорите, правда, налицо признаки безумия. Вы слышите меня? Ей потребовалось полгода, а то и год, чтобы все подготовить. Она ненавидела вас, желала вам наказания — неотвратимого, жестокого наказания на протяжении целого года! Знаете, как тяжело скрывать в течение длительного срока такую жгучую ненависть?

«Эми могла это сделать. Она могла…»

— Ну, почему бы просто не развестись? — спросила Бони.

— Это не соответствует ее понятиям о… спра-

ведливости, — ответил я.

Таннер покосился на меня.

— Боже! Ник, вы не устали от всего этого? — удивился Джилпин. — Ведь мы ясно читали слова вашей жены: «Этот мужчина способен меня убить».

Наверное, один из пунктов их инструкции требует почаще называть подозреваемого по имени. Это льстит ему, позволяет чувствовать собственную значимость. Таким приемом часто пользуются торговцы.

— Ник, ведь вы недавно были в доме своего отца, так? — расспрашивала Бони. — Девятого июля, скажем.

Мать вашу! Вот зачем Эми изменила код сигнализации. Меня накрыла новая волна отвращения к себе — жена переиграла меня дважды. Я не только купился на ложь, что она все еще любит меня. Эми и в остальном водила меня за нос. Ну сущая ведьма. Я захохотал в душе. Господь всеблагой, я ненавидел эту суку, но не мог не восхищаться ею.

— Эми расставляла подсказки в охоте за сокровищами, вынуждая моего клиента посещать определенные места, — заговорил Таннер Болт. — В этих местах она разместила улики против него.

В Ганнибале, в доме Билла Данна. Таким образом, складывается впечатление, что Ник виновен. Мы принесли эти ключи для вас. В знак нашей готовности сотрудничать.

Он вынул «подсказки» и «любовные» записки Эми и разложил их перед детективами, будто карты. Пока они читали, пытаясь разгадать тайный смысл, давно ставший понятным для меня, я взмок от пота.

— Значит, вы утверждаете, что Эми ненавидела вас так сильно, что несколько месяцев подряд фабриковала улики, которые позволили бы обвинить вас в ее смерти? — голосом разочарованного родителя спросила Бони в полной тишине.

Я ответил ей невозмутимым выражением лица.

— Ник, но ведь непохоже, что это писала озлобленная женщина. Она находит в себе силы попросить у вас прощения, выразить желание начать все сначала, рассказать, как она любит вас. «Ты теплый, ты мое солнце, ты великолепный, ты остроумный».

— Да уж, мать ее так!

— Хм… довольно странное замечание для невиновного человека, — уколола меня Бони. — Мы сидим здесь, зачитывая вслух ласковые слова ва-

шей жены — возможно, ее последние слова, а вы кажетесь весьма сердитым. Я хорошо помню тот самый первый вечер. Эми пропала, вы приходите в участок, и мы беседуем в этой комнате почти сорок пять минут, а у вас такой вид, будто скучаете. Мы просматривали запись — складывается впечатление, будто вы сейчас ляжете и уснете.

— Это не имеет никакого отношения к делу… — начал адвокат.

— Я пытался сохранять спокойствие.

— Вы казались даже чересчур спокойным, — сказала Бони. — И действовали… неуместно, можно сказать. Бесстрастно и легкомысленно.

— А вы не думали, что я такой и есть? Я флегматик даже слишком. К несчастью, Эми об этом знает… Вечно попрекала меня. Что я не открыт для общения, замкнут в себе, стараюсь не показывать сложные эмоции — печаль, стыд… Она знала, что я буду выглядеть чертовски подозрительным. Срань господня! Поговорите с Хилари Хэнди! Что может быть проще? Поговорите с Томми О'Хара. Я же сумел с ними связаться! Они расскажут вам, на что способна моя жена.

— Мы с ними беседовали, — сказал Джилпин.

— И что?

— Хилари Хэнди совершила две попытки само-

убийства уже после окончания школы. Томми О'Хара дважды прошел курс реабилитации.

— Скорее всего, из-за Эми.

— Или из-за того, что они люди с расшатанной психикой, снедаемые чувством вины, — возразила Бони. — Давайте вернемся к охоте за сокровищами.

Джилпин нарочито монотонно прочитал вслух подсказку номер два:

Сюда привел меня ты, чтобы поболтать,

О детстве в кепке с козырьком повспоминать.

Все остальные за чертой отныне,

Целуй меня, как будто встретились впервые.

— И вы утверждаете, эти строки подсказали вам, что нужно ехать в Ганнибал? — удивилась Бони.

Я кивнул.

— Но тут нет ни слова о Ганнибале. Даже никаких намеков.

— Кепка с козырьком — наша «внутренняя» шутка…

— О, «внутренняя» шутка! — перебил Джил-

пин.

— А в следующей подсказке упомянут коричневый дом, — продолжала Бони.

— Дом моего отца.

— Ник, но ведь дом вашего отца синий! — Она повернулась к Таннеру, закатывая глаза: «Что вы мне подсунули?» — Со стороны выглядит, будто вы сами придумываете «внутренние» шутки в этих подсказках. Я имею в виду, когда вам выгодно. Мы узнаём, что вы съездили в Ганнибал, и оказывается, туда вас привела разгадка ключа.

— А вот итог охоты за сокровищами. — Адвокат поставил на стол коробку. — Довольно прозрачный намек. Куклы. Панч и Джуди. Уверен, вы знаете, в спектакле Панч убивает Джуди и ее ребенка. Эти вещи обнаружены моим клиентом. Мы передаем их вам.

Бони подтянула коробку к себе, надела латексные перчатки и подняла одну из марионеток:

— Тяжелая…

Осмотрела платье женщины и пестрый наряд мужчины. Подняв Панча, потрогала толстую деревянную рукоятку с углублениями для пальцев.

Помедлила с марионеткой в руках, потом взяла куклу Джуди, перевернула так, чтобы юбка задралась.

— В ней нет рукоятки. — Бони повернулась ко мне. — Ведь тут была рукоятка?

— Откуда мне знать?

— Это как дважды два — четыре. Толстая и тяжелая рукоятка с удобными желобками для надежного захвата, — с нажимом проговорила она. — Рукоятка похожа на дубинку. — Бони, не отрывая глаз, смотрела на меня, и я догадывался, что она думает: «Прохвост. Социопат. Убийца».

Эми Эллиот-Данн

Спустя одиннадцать дней.

Вечером я дожидалась разрекламированного интервью Шэрон Шайбер с Ником. Хотела посмотреть его, приняв ванну и откупорив бутылку хорошего вина, попутно записывая передачу, чтобы не пропустить ни малейшего вранья. Надо запечатлеть каждую выдумку, каждую недоговоренность, каждую гребаную хитрость, которая проскользнет в его словах. Так я смогу подпитать свою ненависть к Нику. Она начала затухать после интервью в Сети — одно случайное интервью в пьяном виде! — и я не могу позволить, чтобы она исчезла окончательно. Я же не полная дура! И еще мне очень хочется услышать его оправдания по поводу Энди, которая во всем призналась. Как он будет выкручиваться?

Смотреть телевизор я хочу в одиночестве, но Дези весь день увивается вокруг меня. В какую бы комнату я ни отправилась, он появляется там, неизбежный, как смена погоды. Я не могу попросить, чтобы оставил меня в покое, ведь это его дом. Пыталась намекнуть, но ничего не вы-

шло. То он поясняет, что ему просто необходимо проверить трубы в подвале, то должен заглянуть в холодильник, узнать, какие еще понадобятся продукты.

«Так и будет продолжаться, — думаю я. — Вся моя жизнь будет так продолжаться. Он станет навязывать свое общество, когда сочтет нужным, приходить, когда захочет, и уходить, когда ему заблагорассудится. Усядется, кивком предложит присоединиться, откроет бутылку вина. Мы будем ужинать вместе, и я не знаю, как положить этому конец».

— Я в самом деле устала, — говорю я.

— Ну, будьте благосклонны к своему защитнику хотя бы еще немного, — просит он и проводит пальцем по стрелке на брючине.

Он знает о предстоящем интервью Ника, поскольку уходит и возвращается с моей любимой едой: сыр манчего, шоколадные трюфели, бутылка охлажденного «Сансера». И даже, выгнув бровь, приносит «Фритос» с сыром и чили, который я ела, когда играла роль Эми из Озарка. Наливает вина. У нас негласный договор: не упоминать о моем ребенке. Мы оба хорошо помним, сколько выкидышей было в моей семье и не к чему бередить рану.

— Интересно послушать, что же эта свинья намерена сказать в свое оправдание, — говорит Дези.

Он редко ругается вслух, предпочитая слово «свинья», которое в его устах звучит очень едко.

Спустя час нас ждал легкий ужин, который Дези приготовил, и вино, которое Дези принес. Он дал мне ломтик сыра и один трюфель. Отсчитал ровно десять чипсов, а остальные запрятал глубоко в сумку. Утверждает, что ему не нравится запах, раздражает его, но я догадываюсь, чем он недоволен на самом деле, — моим весом. Потом мы сидим на диване, откинувшись на подушки и укрыв ноги теплым пледом, — Дези включил кондиционер на полную мощность, у нас тут осень в июле. Полагаю, он это сделал нарочно, чтобы иметь повод разжечь камин и пристроиться рядом со мной под одеялом. Похоже, ему грезится бархатный сезон в моем обществе. Даже подарок для меня приготовил — мохнатый свитер-водолазку фиолетового цвета. Я замечаю, что он гармонирует с пледом и насыщенно-зеленым свитером самого Дези.

— Знаешь, так было на протяжении многих веков: жалкие мужчины издевались над сильными женщинами, поскольку видели в них вызов сво-

ей псевдомужественности, — говорит он. — У них столь хрупкая психика, что просто необходимо иметь власть над…

Я задумываюсь о жажде власти иного рода. О жажде власти под видом заботы. «Вот тебе свитер, моя дорогая, согрейся, и заодно будешь выглядеть так, как хочется мне».

Ник так не поступил бы. Ник, по крайней мере, позволял мне делать то, что я сама хочу.

А сейчас я хочу, чтобы Дези сидел молча. Он нервничает и суетится, будто его соперник где-то рядом, в одной комнате с нами.

— Тсс, — говорю я в тот миг, когда мое симпатичное фото появляется на экране.

За ним еще одно и еще. Коллаж Эми.

— Любая девушка мечтала бы оказаться на ее месте, — слышен за кадром голос Шэрон Шайбер. — Красивая, остроумная, яркая и очень богатая. Он был парнем, которым восхищались все мужчины…

— Вот уж не все, — бормочет Дези.

— …Красивый, интересный, яркий, обаятельный. Но пятого июля их казавшийся идеальным мир рухнул. Эми Эллиот-Данн исчезла в день пятилетней годовщины собственной свадьбы.

Информация, информация, информация. Мои

фотографии. Фотографии Энди, Ника. Сканы теста на беременность и счетов с кредитной карточки. Я действительно проделала отличную работу. Это все равно что написать картину, отойти, посмотреть и сказать: «Идеально!»

— А сейчас, эксклюзивно, Ник Данн нарушит молчание. Он расскажет не только об исчезновении жены, но и о своей измене, и обо всех прочих слухах…

Я испытываю прилив теплого чувства по отношению к Нику — он надел мой любимый галстук, который я сама и купила, а муж все время считал его по-девчачьему ярким. Он и правда вызывающе-фиолетовый, и рядом с ним глаза Ника приобретают фиолетовый оттенок. За минувший месяц он растерял брюшко откормленного засранца. Живот стал почти плоским. Щеки не такие пухлые, да и подбородок он перестал выпячивать. Волосы подрезаны, но это не дело рук парикмахера. Перед моим мысленным взором возникает образ Го, глубоко вошедшей в роль мамы Мо. Она суетится вокруг Ника перед выходом на публику, напоследок даже стирает что-то с его подбородка наслюнявленным большим пальцем. На нем подаренный мною галстук, а когда Ник поднимает руку, здороваясь, я вижу, что и часы

на запястье те, что покупала ему я. Винтажные «Булова спейсвью», полученные от меня на тридцатилетие. Раньше он не носил их, считал, ему не идут, хотя, на мой взгляд, идут идеально.

— Он слишком тщательно следит за собой для человека, у которого внезапно исчезла жена, — кривится Дези. — Надеюсь, не пропустил очередной маникюр.

— Ник никогда не делал маникюр, — отвечаю я, покосившись на отполированные ногти Дези.

— Давайте во всем разберемся, Ник, — начинает Шэрон. — Скажите, вы как-то причастны к исчезновению вашей супруги?

— Нет. Никоим образом. Сто процентов, нет, — говорит Ник, твердо глядя в камеру. — Я не имею права заявить, что я идеальный муж, или безупречный муж, или даже просто хороший муж. Но если бы я не переживал так за Эми, то мог бы сказать, что от ее исчезновения есть определенная польза…

— Простите, Ник, но большинству наших слушателей трудно будет осмыслить последнюю фразу, тем более что ваша жена пропала без вести.

— Это самое ужасное чувство из тех, что я когда-либо испытывал. Больше всего на свете мне

хочется вернуть ее. Я пережил отвратительнейшее саморазоблачение. Обычно никто не желает признавать, что он не самый хороший человек, пока не случится нечто ужасное и не вырвет из замкнутого круга эгоизма, не сбросит пелену заблуждения, — и тогда ты понимаешь, как же тебе, скотина, повезло. У меня была женщина, не уступавшая мне ни в чем, а то и превосходившая меня, с какой стороны ни посмотреть. А я позволил своим слабостям — безработный, неспособный содержать семью, немолодой — все это затмить.

— Скажи на милость… — начал было Дези, но я шикнула на него.

Ник заявил на весь мир, что он не такой уж хороший парень?! Да это маленькая смерть для него, нет, в самом деле микросмерть.

— Но позвольте об этом сказать открыто, Шэрон. Позвольте сказать прямо сейчас. Я совершил измену. Я проявил неуважение к жене. Мне не хотелось оставаться тем, в кого я превратился, но вместо того, чтобы работать над собой, я предпочел легкий путь. Поэтому я изменил ей с девчонкой, которую едва знал. С ней я мог притворяться тем мужчиной, которым мечтал быть, — решительным, сильным, успешным, —

потому что ей было не с кем сравнивать. Эта девочка не видела, как я плакал посреди ночи в ванной и утирал слезы полотенцем, когда потерял работу. Она не знала о моих недостатках и слабостях. Я, как последний дурак, убедил себя, что если не стану идеальным, то жене будет не за что любить меня. Мне хотелось выглядеть героем в глазах Эми, а когда я лишился работы, то утратил и чувство собственного достоинства. Если я не герой, то меня вообще нет больше. Шэрон, я умею отличать хорошее от плохого. И я… я поступил плохо.

— Что бы вы сказали вашей жене, если бы она, предположим, могла увидеть и услышать вас сегодня?

— Я скажу: Эми, я тебя люблю. Ты самая замечательная из всех женщин. Ты заслуживаешь лучшего, нежели то, что я давал тебе прежде, поэтому возвращайся, и остаток жизни я проведу в попытках искупить вину перед тобой. Мы вместе отыщем способ, как оставить в прошлом весь этот ужас, а я стану твоим верным спутником на жизненном пути. Вернись домой, Эми, вернись ко мне.

На секунду он прижимает фалангу указательного пальца к ямочке на подбородке — наш

секретный знак. Так мы давали понять друг другу, что не врем, — мол, платье в самом деле идет, а статья и впрямь получилась удачной. Знак означал: сейчас я искренен на сто процентов и не собираюсь дурить тебе голову.

Дези тянется к «Сансеру», чтобы отвлечь меня от происходящего на экране:

— Еще вина, дорогая?

— Тсс!

Он выключает у телевизора звук:

— Эми, у тебя доброе сердце. Я знаю, как ты восприимчива ко всем этим… оправданиям. Но каждое его слово — ложь.

— Нет, Ник говорит то, что я всегда хотела услышать. Наконец-то.

Дези поворачивается ко мне анфас, полностью закрыв собой телевизор:

— Ник устроил спектакль. Хочет выглядеть в глазах общественности милым раскаявшимся парнем. Должен признать, он отлично справляется со своей задачей. Но это не имеет ничего общего с действительностью — он даже не подумал прощения попросить за то, что избивал тебя, оскорблял. Я догадываюсь, что за власть этот парень приобрел над тобой. Что-то вроде стокгольмского синдрома.

— Знаю, — отвечаю я. Хотя на самом деле имею в виду, что всегда знаю, какие слова нужно говорить в присутствии Дези. — Ты прав. Ты целиком и полностью прав. Я давно не чувствовала себя в безопасности, Дези, и я все еще… Я вижу его и… борюсь с этим, но он столько лет меня подавлял…

— Может, не следует больше смотреть? — говорит он, гладя мои волосы, наклонившись слишком низко.

— Нет, оставь. Мне не избежать встречи с этим. Но с твоей помощью я смогу преодолеть себя.

Я вкладываю в его ладонь свою кисть. Только бы ты, мать твою, заткнулся.

«Ты самая замечательная из всех женщин. Ты заслуживаешь лучшего, нежели то, что я давал тебе прежде, поэтому возвращайся, и остаток жизни я проведу в попытках искупить вину перед тобой».

Ник меня прощает — я обидел тебя, ты обидела меня, давай вместе отыщем путь к примирению. А что, если его раскаяние чистосердечно? Ник хочет, чтобы я вернулась. Ник стремится снова обрести меня, чтобы ухаживать за мной. Ник мечтает провести оставшуюся жизнь в заботах обо мне, как я того заслуживаю. Звучит заманчиво. Мы могли бы вернуться в Нью-Йорк. После моего

исчезновения продажи серии «Удивительная Эми» поползли вверх — три поколения читателей вспомнили, что любят меня. Мои жадные, глупые, безответственные родители снова положат деньги в мой «стабилизационный фонд». Все отдадут, и с процентами.

На самом деле, мне хочется вернуться к прежней жизни. Точнее так: к прежней жизни с новым Ником. С Ником, осознавшим понятия «любовь», «честь» и «долг». Возможно, он усвоил урок. Возможно. Я мечтала (в тесной комнатушке в Озарке, в особняке-западне Дези хватало свободного времени, чтобы помечтать) о том Нике, каким он был в первое время нашего знакомства. Раньше я думала, что буду мечтать о том, как Ника трахнут в задницу в тюрьме, но, оказывается, желание мести постепенно отступало. Я вспоминаю те далекие-далекие дни, когда мы лежали рядом в постели — обнаженные тела на прохладной простыне. Ник смотрит на меня не отрываясь, его палец легонько скользит по моей челюсти, от подбородка к уху, вынуждая меня извиваться; щекочет мочку, а потом пробегает по всем изгибам уха и касается волос. Ник захватывает одну прядь, как сделал, когда мы поцеловались в первый раз, и дважды нежно дергает, как будто

звонит в колокольчик. И он говорит: «Ты удивительнее любой книги, ты удивительнее всего, что может быть создано человеческими руками».

Ник «приземлял» меня. Он не походил на Дези, который доставлял мне все, что пожелаю (например, вино или тюльпаны), вынуждая сделать так, как хочется ему, — полюбить его. Ник просто хотел, чтобы я была счастливой, и больше ничего. Может, я заблуждаюсь, конечно, и все дело в его лени. «Я хочу, чтобы ты была счастлива, Эми, — просто потому, что это облегчит мне жизнь». Возможно, я несправедлива к нему. Ну ладно, справедлива, но слегка ошибаюсь. Ни один человек, который любит, не действует согласно утвержденному плану. Так с чем же мне сравнивать?

И вот в чем заключается правда. Пришлось пройти через страшные испытания, чтобы это осознать. Мы с Ником дополняем друг друга. Чего у меня легкий переизбыток, того у него — небольшой недостаток. Я, как шиповник, ощетинилась колючками из-за лишка родительской заботы, а у него миллион колотых ран от отцовских обид. И мои шипы идеально сочетаются с ними.

Я должна вернуться домой.

Ник Данн

Спустя четырнадцать дней.

Я проснулся на кушетке в доме сестры, страдая от похмелья и желания собственными руками удавить жену. Такое со мной бывало довольно часто после того общения с полицией. Я воображаю, как отыскал Эми, расположившуюся в шезлонге со стаканом ананасового сока на каком-нибудь курорте Западного побережья. Ее заботы и тревоги воспарили куда-то ввысь, к безукоризненно синему небу, и тут появляюсь я — грязный и вонючий после долгого путешествия без удобств. Я вырастаю перед ней, заслоняя солнце, и жду, когда же она заметит меня, а потом сжимаю пальцы вокруг совершенного горла с его сухожилиями, трахеей и пульсирующими венами и медленно душу. При этом мы глядим в глаза друг другу и наконец-то приходим к взаимопониманию.

Я ждал ареста. Если не сегодня, то завтра, а если не завтра, то послезавтра. Сперва я воспринял тот факт, что меня беспрепятственно выпустили из участка, как добрый знак, но Таннер быстро вернул меня на грешную землю: «Без найденного

тела выдвинуть обвинение в убийстве чрезвычайно сложно. Им придется расставить все точки над „i“. Так что советую переделать за эти дни все важные дела — после ареста у нас будет жуткая запарка».

Прямо за окном переговаривались репортеры. Ребята с кинокамерами желали друг другу доброго утра, словно рабочие на фабрике. Кое-кто неуемный щелкал аппаратом, снимая с разных ракурсов дом Го. Многие прозевали тот момент, когда копы нашли «берлогу» на участке сестры, и мой арест стал делом времени. Теперь никто из нас не рисковал выходить под прицел камер.

Одетая во фланелевые трусы-боксеры и оставшуюся от школьных лет футболку «Батхоул серферз», с ноутбуком на сгибе руки, в комнату вошла Го.

— Опять все ненавидят тебя, — сказала она.

— Будь проклято непостоянство толпы, — ответил я.

— Вчера вечером кто-то слил информацию о сарае, сумочке Эми и дневнике. Теперь ты снова Ник-лжец, Ник-убийца, Ник-предатель. Шэрон Шайбер только что разразилась пространным заявлением: она потрясена до глубины души и ужасно разочарована тем, в каком направлении

двинулось наше дело. Ах да! И все говорят о порно — «Убитые стервы».

— «Избитые стервы».

— О, прости, пожалуйста. «Избитые стервы». Таким образом, Ник — сексуальный маньяк, предрасположенный к садизму. Эллен Эббот впала в дикий раж. Всем известно, она безумный противник порнографии.

— Не сомневался. Уверен, что Эми тоже прекрасно осведомлена об этом.

— Ник… — голос сестры дрогнул, — это плохо.

— Го, не имеет ни малейшего значения, кто и что обо мне думает. Мы можем наплевать на всех. Сейчас важно одно: что думает Эми. Изменила ли она отношение ко мне.

— Ты правда веришь, Ник, что она способна так быстро перейти от ненависти к теплым чувствам?

Пять лет назад мы уже беседовали на эту тему.

— Да, Го, я верю. Эми никогда не обладала особым даром чувствовать ложь. Когда ей говоришь, что она великолепно выглядит, она верит этому безоговорочно. Когда ей заявляют, что она неотразима, то в ее понимании это не лесть, а непреложный факт. В общем, есть основания полагать, что она верит: я осознал свои ошибки

и снова люблю ее. Видит Бог, разве я могу поступить иначе?!

— А если она развила у себя внутренний детектор лжи?

— Но ты же знаешь Эми — она нуждается в победе. Ее не то зацепило, что я изменил, а то, что предпочел ей другую женщину. Она захочет вернуть меня только для того, чтобы почувствовать себя победительницей. Увидев, как я умоляю ее вернуться, чтобы я мог искупить свою вину, она не в силах будет устоять. Как ты думаешь?

— Думаю, идея неплохая, — сказала Го с таким лицом, как если бы желала выигрыша в лотерее.

— А ты можешь предложить какой-нибудь другой гребаный способ?

Мы давно уже не разговаривали с сестрой в таком тоне. Полиция, обнаружив дровяной сарай, устроила Го жесткий допрос. Как, собственно, Таннер Болт и предсказывал. «Вы знали? Вы соучастница?»

Я ждал, что после той ночи она вернется, бурля от ярости, и разразится проклятиями. Но Го лишь смущенно улыбнулась и проскользнула мимо меня в свою комнату. Комнату в доме, который она заложила, чтобы оплатить задаток моему адвокату.

Из-за моего дерьмового поведения сестра оказалась перед лицом финансовых трудностей и вступила в конфликт с законом. Сложившаяся ситуация наполняла Го обидой, а меня стыдом — взрывоопасная смесь для двух человек, замкнутых в тесном пространстве.

— Я вот подумал, не позвонить ли Энди?.. — Я попробовал сменить тему.

— Это просто гениально, Ник! А потом она идет к Эллен Эббот…

— Она не ходила к Эллен Эббот. Она дала пресс-конференцию, где присутствовала Эллен Эббот. Она не держит зла, Го…

— Она дала пресс-конференцию потому, что захотела помочь тебе. Я прямо удивляюсь, что ты не продолжаешь ее трахать.

— Ну, спасибо.

— И что бы ты ей сказал?

— Прощения попросил бы.

— Ага… Ты и правда здорово накосячил.

— Просто мне не нравится, чем все закончилось.

— В последний раз, когда ты общался с Энди, она тебя цапнула, — проговорила сестра нарочито терпеливым голосом. — Не думаю, что у вас найдется какая-то тема для разговора. Вы оба —

главные подозреваемые в убийстве. Вы потеряли возможность расстаться мирным путем. Думай головой, Ник!

У нас развилась неприязнь друг к другу, хотя еще недавно такое показалось бы мне немыслимым. И это терзало больше, чем внешние проблемы. Непосредственная опасность, в которую я втравил сестру. В те десять секунд неделю назад, когда я стоял на пороге дровяного сарая и ожидал, что Го прочтет мои мысли, она решила, что я — убийца жены. Я перехватил ее взгляд — так же обжигающе-холодно она смотрела на нашего отца. Еще один дерьмовый мужик, вторгшийся в ее пространство. И я тоже умудрился взглянуть на нее жалкими глазенками нашего папаши — еще одна ничего не стоящая женщина, вздумавшая обижаться на меня.

Я глубоко выдохнул и пожал руку Го. Она стиснула мои пальцы в ответ.

— Поеду-ка домой, — сказал я, сдерживая подступающую тошноту. — Не могу больше терпеть. Жду ареста, уже устал ждать.

Прежде чем она сумела помешать, я схватил свои ключи, рывком распахнул дверь и оказался прямо перед объективами фотокамер. Вспышки ослепили меня, а вопросы репортеров, которых

оказалось даже больше, чем я ожидал, оглушили:

— Эй, Ник, вы убили жену?

— Эй, Марго, вы помогали брату прятать улики?

— Гребаные стервятники! — возмутилась Го.

Она выбежала мне на помощь в трусах-боксерах и футболке «Батхоул серферз».

Несколько протестующих потрясали плакатами. Белокурая женщина в солнцезащитных очках развернула в мою сторону транспарант: «Ник, где Эми?»

Крики усилились с появлением моей сестры:

— Марго, ваш брат убил жену?

— Ник убил жену и ребенка?

— Марго, вы под подозрением?

— Ник убил жену?

— Ник убил ребенка?

Я стоял, пытаясь проявить остатки твердости, и сопротивлялся желанию юркнуть обратно за порог. Вдруг Го за моей спиной присела на корточки, откручивая вентиль крана, торчавшего возле ступенек. Сильная струя из поливного шланга ударила по толпе операторов, демонстрантов, смазливых журналисток в костюмах, надетых специально для выступления по телевидению,

разгоняя их, будто стадо.

Таким образом, Го прикрыла мой бросок к автомобилю. Упав на сиденье, я дал газ. Вдогонку летел пронзительный смех сестры.

Не меньше десяти минут мне понадобилось, чтобы по подъездной дорожке проехать в гараж. Пришлось продвигаться еле-еле сквозь толпу возмущенных людей. К телеоператорам, которые дежурили под моими окнами, добавились демонстранты — человек двадцать, и в их числе моя соседка Джен Теверер. Мы столкнулись лицом к лицу, и она показала мне плакат: «Где Эми, Ник?»

Наконец автоматические ворота гаража с гудением опустились. Тяжело дыша, я сидел в тесном и жарком пространстве.

Везде я чувствовал себя как в тюрьме. Дверь открылась, дверь закрылась. Дверь открылась, дверь закрылась.

И везде меня преследовал страх.

Оставшуюся часть дня я фантазировал, как убиваю Эми. Ни о чем другом, кроме новых способов душегубства, я и думать не мог. С каким наслаждением я бы вышиб ее не знающие ни сна ни отдыха мозги! Надо отдать Эми должное: сам я

тоже был теперь абсолютно свеж и бодр по сравнению с предыдущими годами, прошедшими, похоже, в сонном мороке. Вновь, как в первые дни нашего брака, я был наэлектризован.

Я хотел что-нибудь делать, подгонять события, но ничего не происходило. Вечер сменялся ночью, репортеры потихоньку сворачивались, но я все еще опасался выйти из дому. Хотелось прогуляться по округе, но я до одури боялся.

Энди предала меня. Мэрибет восстала против меня. Го перестала мне доверять. Бони копает под меня. Эми уничтожила меня. Я плеснул себе виски. Пригубил, сжимая пальцами гладкое стекло, а потом запустил им в стену, с интересом наблюдая, как разлетаются сверкающие осколки, прислушиваясь к звону, вдыхая аромат скотча. Ярость во всех органах чувств. «Ах вы, гребаные суки!»

На протяжении всей жизни я пытался быть правильным парнем, человеком, который любит и уважает женщин, мужчиной без пунктиков. А теперь сижу и ненавижу сестру, тещу, любовницу. Воображаю, с каким наслаждением раскроил бы череп жене.

Неожиданно раздался стук в двери. Громкий, частый, как очередь из автомата, он пробрал

меня до печенки.

Я распахнул дверь настежь, готовый встретить яростью ярость.

На крыльце стоял мой отец — ни дать ни взять ужасающий призрак, вызванный моим разгневанным разумом. Он взмок и запыхался. Оторванный рукав рубашки висел на одной нитке, всклоченные волосы торчали во все стороны, но глаза не утратили обычной цепкости, из-за чего Билл Данн казался дьявольски умным.

— Она здесь? — отрывисто спросил отец.

— Кто, папа? Кого ты ищешь?

— Сам знаешь кого…

Он оттеснил меня плечом и зашагал через гостиную, оставляя грязные следы на полу. Шел со сжатыми кулаками, наклоняясь вперед так сильно, что, если бы остановился, едва ли удержался бы на ногах. При этом отец бормотал: «Сука-сука-сука-сука…» А пахло от него мятой. Настоящий мятный аромат, не химическая подделка. И на брюках я заметил пятна зелени, будто Билл продирался через чей-то заросший сад.

«Мелкая сука, мелкая сука…» — продолжал бубнить он.

Через столовую, на кухню. Щелкнул выключателем. По стене промчался усатый таракан.

Я тащился следом за отцом, пытаясь его успокоить:

— Папа, папа, почему бы тебе не присесть? Папа, может, стакан воды? Папа…

Он продолжал топать, роняя комья грязи с подошв. У меня сжались кулаки. Вечно этот подонок является когда не надо и делает только хуже!

— Папа! Папа, черт побери! Тут нет никого, кроме меня! Только я!

Он настежь распахнул дверь комнаты для гостей, а потом вернулся в гостиную, не обращая на меня внимания.

— Папа!!!

Я не хотел прикасаться к нему. Боялся, что не сдержусь и ударю. Или не сдержусь и расплачусь.

Когда Билл попытался подняться наверх, в спальню, я заступил ему путь. Одной рукой вцепился в перила, другой — уперся в стену. Человек-преграда.

— Папа! Посмотри на меня…

Его слова яростно вылетали изо рта вместе с брызгами слюны:

— Скажи ей, этой мелкой суке, что еще не все кончено. Скажи, что она не лучше меня. Она не слишком-то хороша для меня. И плевать, что она

думает. Тупая сука получит хороший урок…

Клянусь, я секунду видел чистую, нетронутую белизну, а потом настал миг полного прозрения. Я перестал отгораживаться от голоса отца и позволил ему пульсировать в ушах. Я не боялся женщин, не испытывал к ним неприязни. Я терпеть не мог всего лишь одну-единственную женщину. Я ненавидел Эми, фокусировал всю злость и яд на ней одной, на женщине, которая вполне заслуживала подобного отношения. Но это не уравнивало меня с безумцем-отцом. Это делало меня нормальным человеком.

«Мелкая… мелкая… мелкая… сука… сука… сука…»

Больше всего я ненавидел отца за то, что он заставил меня полюбить эти слова.

«Мерзкая сука, гребаная сука…»

Я крепко взял его за руку, затолкал в автомобиль и захлопнул дверцу. Всю дорогу до «Комфорт-Хилла» он непрерывно повторял свое заклинание. Припарковавшись на стоянке для санитарных машин, я подвел его ко входу и втолкнул в дверной проем.

Потом повернулся и отправился домой.

«Мерзкая сука, гребаная сука…»

Я ничего не мог поделать. Моя сука-жена не

оставила мне иного выхода, кроме как униженно молить ее о возвращении домой.

Пресса, Интернет, телевидение… Надежда оставалась только на них. Если Эми увидела меня в роли мужа-паиньки, который говорит то, что ей хочется услышать: «Я сдаюсь, капитулирую. Вернись, пожалуйста, я был не прав. Вернись домой».

Ты, траханая дырка! Вернись домой, чтобы я смог убить тебя собственными руками!

Эми Эллиот-Данн

Спустя двадцать шесть дней.

Дези опять здесь. Он приезжает едва ли не каждый день, натянуто улыбается, слоняется вокруг дома, стоит на кухне, где солнце освещает его профиль таким образом, чтобы я могла восхититься в полной мере, тащит меня за рукав в оранжерею с тюльпанами, ожидая очередной порции похвалы, напоминает, что я теперь окружена заботой и любовью.

По заверениям Дези, я в полной безопасности, но он не позволяет мне уйти, поэтому безопасности я не ощущаю. Ключей от машины у меня нет, так же как и ключей от дома. Я не знаю кода, открывающего ворота. Я в полном смысле слова узница. Особняк окружен забором высотой пятнадцать футов, и я не видела ни одной лестницы, хотя искала. Наверное, я смогла бы подтащить к ограде кое-что из мебели и перебраться на ту сторону, а спрыгнув, отползти или проковылять на сломанной ноге куда-нибудь подальше. Но это не выход. Если я дорогой гость, как утверждает Дези, то я должна располагать свободой переме-

щения. Несколько дней назад я попыталась это обсудить.

— А что, если мне нужно будет уехать? Срочно.

— Может, мне стоит перебраться сюда насовсем… — рассуждает он. — Тогда я мог бы охранять тебя все время, а если бы что-то случилось, мы поехали бы вместе.

— А если твоя мама заподозрит что-то, приедет и увидит, что ты меня прячешь? Страшно подумать…

Его мама. Да я умру, если его мать узнает правду, поскольку она немедленно заявит в полицию. Эта женщина презирает меня, а все из-за того случая в школе — несмотря на давность лет, она все еще держит зло. Тогда я расцарапала себе лицо и сказала Дези, что его мать набросилась на меня (она говорила со мной так высокомерно, так холодно, что вполне могла и ударить). Они не разговаривали почти месяц. Потом, конечно, помирились.

— Жаклин не знает код, — отвечает он. — Это мой дом. — Дези выдерживает паузу, притворяясь, будто размышляет. — Нет, в самом деле мне нужно жить здесь. Ты не должна столько времени проводить в одиночестве — вредно для здоровья.

Но я не считаю, что нахожусь в одиночестве.

За минувшие две недели у нас возникло нечто вроде распорядка дня. Распорядка, установленного Дези, моим шикарным тюремщиком, моим извращенным придворным. Обычно он является после полудня, неся шлейф ароматов из дорогого ресторана, где они обедают с Жаклин. В такой же ресторан он мог бы водить и меня, если бы мы переехали в Грецию. Это еще одно предложение, которое приходится регулярно выслушивать, — хорошо бы нам переехать в Грецию. Почему-то он решил, что меня никто не опознает в крошечном рыбачьем поселке на берегу Средиземного моря. Он воображает, как мы потягиваем вино, лениво занимаемся любовью на закате дня, а на веранде копошатся осьминоги.

Он пахнет легкими закусками. Как будто слегка помазал гусиным паштетом за ушами. Мать Дези всегда пахла сексом. Еда и страсть — вот ароматы семейки Коллингс.

Он входит, и у меня сразу текут слюнки. Ах, эти запахи! Он принес мне что-то вкусное, но не настолько изысканное, как ел сам. Дези хочет, чтобы я худела, — он всегда предпочитал тощеньких. Итак, передо мной отличная зеленая карабмола, колючие артишоки и шипастые крабы, — похоже, что диета детально продумана

именно для меня. Я практически вернула свой обычный вес, волосы отросли. Я покрасила их в привычный, светлый тон (принесенной Дези краской), зачесываю назад, удерживая обручем (опять же от Дези).

— Думаю, ты будешь лучше чувствовать себя, если вернешь прежний облик, дорогая, — говорит он.

Налицо забота о моем благополучии, но, скорее всего, он хочет видеть перед собой Эми образца 1987 года.

Я ужинаю, а Дези крутится поблизости, дожидаясь похвалы. И приходится то и дело повторять: «Спасибо!» Не помню, чтобы Ник когда-либо замолкал, дожидаясь от меня благодарности. После еды Дези прибирает со стола как умеет. Мы оба лентяи, не привыкшие ухаживать за собой. Поэтому вскоре дом приобретает вид слегка запущенного: подозрительные пятна на столах, пыль на подоконниках…

После обеда Дези какое-то время посвящает мне — моей прическе, моему лицу, моей одежде, моим мыслям.

— Взгляни на себя, — говорит он, заправляя мои локоны за уши, как ему нравится, и расстегивая одну пуговицу на моей рубашке, чтобы выгляды-

вали ямки над ключицами. Потом прикасается пальцем к одной из них. Довольно непристойный жест, на мой взгляд. — Как этот Ник мог причинять тебе страдания, изменять тебе, не любить тебя? — Он постоянно талдычит об этом, основательно намозолив мне уши. — Разве не было бы наилучшим выходом позабыть о Нике, отбросить эти ужасные пять лет? Ты можешь начать жизнь заново с мужчиной, который подходит тебе. Многие ли женщины похвастаются подобной возможностью?

Да, я хочу начать жизнь заново с мужчиной, который подходит мне. С новым Ником. Его дела сейчас идут не самым лучшим образом. И только я могу спасти Ника от самой себя. Но я угодила в ловушку.

— Если однажды я приеду, а тебя здесь не окажется, мне придется обратиться в полицию, — продолжает Дези. — У меня не останется выбора. Я должен буду убедиться, что с тобой ничего не произошло, что Ник не… не сделал с тобой что-то против твоей воли. Не обидел тебя.

Угроза, замаскированная под заботу.

Теперь я смотрю на Дези с нескрываемым отвращением. Иногда кажется, что моя кожа пылает от презрения и усилий его скрыть. Рань-

ше я только думала, что знаю этого человека. Манипулирование, мурлыкающее принуждение, деликатное запугивание. Он считает мягкую силу эротичной. Ник, по крайней мере, был достаточно решителен, чтобы брать то, что считал нужным. А Дези подталкивает тонкими восковыми пальцами, пока не получит желаемое.

Я полагала, что смогу управлять им, но ошиблась. Наверное, стоит ожидать чего-то очень нехорошего.

Ник Данн

Спустя тридцать три дня.

Долго тянулись скучные, ничем не примечательные дни, а потом обыденность разбилась вдребезги. Августовским утром я прошелся по магазинам, а когда вернулся, то обнаружил в своей гостиной Таннера Болта в компании Бони и Джилпина. На столе в прозрачном пластиковом пакете лежала тяжелая рукоятка с желобками для пальцев.

— Мы нашли это на отмели недалеко от вашего дома еще в начале расследования, — пояснила Бони. — Тогда не поняли, что это за вещь. Мало ли странных обломков выносит река. Но мы на всякий случай сохранили ее. После того как вы показали нам кукол — Панча и Джуди, — все стало на свои места. Мы отправили дубинку в лабораторию.

— И?.. — спросил я, сохраняя бесстрастность.

Бони встала, глядя мне в глаза, и печально произнесла:

— На ней обнаружена кровь Эми. Теперь мы можем рассматривать дело как убийство. Мы

полагаем, что перед нами орудие преступления.

— Погодите, Ронда!

— Игра окончена, Ник, — сказала она. — Игра окончена.

Начиналась следующая глава.

Эми Эллиот-Данн

Спустя сорок дней.

Я нашла кусок старой бечевки и пустую бутылку из-под вина. И само собой, немного вермута. Я все приготовила.

Решимость. Потребуется решимость и сила воли. Задача поставлена.

Я прихорашиваюсь, чтобы нравиться Дези, — изящный цветок. Немного духов. Месяц взаперти — и моя кожа приобрела изысканную бледность. Косметики самую малость: чуть-чуть туши на ресницы, немного нежно-розовой пудры на щеки, блеск для губ. Облегающее розовое платье, которое он купил для меня. Ни лифчика, ни трусиков. Босиком, несмотря на выстуженное кондиционером помещение. Я вся горю и окружена облаком аромата, когда Дези, незваный и непрошеный, заявляется после ланча. Радостно приветствую, обнимаю, прячу лицо на его шее. Трусь щекой о его щеку. Трачу на него гораздо больше любезности, чем за все минувшие недели, и это его удивляет.

— Что случилось, дорогая? — спрашивает Дези

растерянно, и я чувствую что-то похожее на угрызения совести.

— Ночью мне приснился жуткий кошмар, — шепчу я. — Там был Ник. Когда проснулась, мне так захотелось, чтобы ты был рядом. Даже утром. Весь день ждала твоего прихода.

— Если тебе хочется, я могу быть здесь все время.

— Мне хочется, — отвечаю и поворачиваю лицо, и Дези ничего не остается, как поцеловать меня.

Прикосновение его губ взывает тошноту, они скользкие и дрожащие, как рыба. В этом весь Дези — вежливый насильник, подавляющий женщину. Он снова целует меня холодными мокрыми губами. Ладони едва касаются моего тела. Поскольку я играю страсть, то притягиваю его к себе, засовываю язык в рот. Мне хочется его укусить.

Дези отстраняется.

— Эми, — говорит он, — это так неожиданно, все происходит так быстро. Я не желаю, чтобы ты принуждала себя, если тебе не хочется, если ты не решилась…

Я знаю, что он жаждет прикоснуться к моей груди, войти в меня; я хочу, чтобы это произошло

как можно быстрее, едва сдерживаюсь, чтобы не впиться в него ногтями. Мой план реализуется слишком медленно.

— Решилась, — отвечаю я. — Кажется, я решилась давно, еще когда нам было по шестнадцать лет. Но тогда я боялась.

В моих словах никакого смысла, но ему они придадут уверенности.

Снова целую его, а потом предлагаю подняться в спальню.

Там Дези начинает раздевать меня, целуя места, никоим образом не связанные с эрогенными зонами, — то плечо, то ухо. А я в это время виртуозно отвлекаю его внимание от моих запястий и щиколоток. Просто трахни меня, и дело с концом! Через десять минут я хватаю его руку и сую себе между ногами.

— Ты в самом деле этого хочешь? — спрашивает он, слегка отстраняясь.

Прядь волос падает ему на лоб, как в школьные времена. Будто мы вернулись в комнату общежития, но уже с более успешным Дези.

— Да, любимый, — отвечаю я и застенчиво беру его за член.

Еще через десять минут Дези наконец-то расположился у меня между ногами и начинает

нежно, медленно-медленно двигаться. Время от времени останавливается для поцелуев и поглаживаний, пока я не хватаю его за ягодицы, чтобы помогать.

— Трахни меня, — шепчу я. — Трахни меня как следует.

Он замирает:

— Может, не следует так, Эми? Я же не Ник…

Это уж точно.

— Я знаю, любимый, но я очень хочу тебя. Хочу, чтобы ты заполнил меня. Я чувствую себя такой пустой.

Он подчиняется. Я кривляюсь над плечом Дези, а он дергается еще пару раз и кончает. О, этот жалкий звук, который он издает… Я едва не запаздываю с имитацией охов и ахов, коротких удовлетворенных вскриков. Пытаюсь выдавить слезу, потому что он, скорее всего, представлял меня плачущей после первого секса с ним.

— Ты плачешь, любимая… — говорит он, выскальзывая из меня, и губами собирает слезинки.

— Это от счастья, — отвечаю.

Он уверен, что женщины должны так говорить.

После я сообщаю, что приготовила пару кок-

тейлей, — Дези любит пить изысканные напитки в это время суток. Он порывается вскочить, накинуть рубашку и принести их, но я прошу его не покидать постель.

— Хочу услужить тебе хотя бы для разнообразия.

Сбежав на кухню, я наливаю в два стакана мартини. В свой добавляю немного джина и одну маслину. В стакан Дези — три маслины, джин, оливковый сок, вермут и три растолченные таблетки снотворного из тех, что у меня еще остались.

Когда я приношу коктейль, он долго принюхивается, пока я отпиваю из своего стакана. Мне необходимо слегка приглушить напряжение.

— Тебе не нравится мой мартини? — спрашиваю я, когда он делает первый глоток. — Я всегда мысленно представляла себя твоей женой и готовила для тебя коктейли. Понимаю, что это глупо… — Напускаю на лицо легкое недовольство.

— О нет, любимая, вовсе не глупо. Я всего лишь неторопливо предвкушал. Но… — Дези залпом опрокидывает стакан. — Если это так важно для тебя!

Его голова кружится от успеха. Он победитель.

Член лоснится от свершений. То есть Дези сейчас неотличим от большинства мужчин. Вскоре он начинает клевать носом и засыпает.

Я могу приступать.

Часть третья
ПАРЕНЬ ВОЗВРАЩАЕТ ДЕВУШКУ (ИЛИ НАОБОРОТ)

Ник Данн

Спустя сорок дней.

Будьте на связи, ожидайте вызова в суд. Меня забрали и отпустили, подвергнув стандартной процедуре. Зачитали права, взяли отпечатки пальцев, сфотографировали. Вся эта круговерть заставляла почувствовать себя не живым существом, а какой-то промышленной продукцией, которую собирают на конвейере. Они производили Ника Данна, убийцу.

До начала судебных слушаний могли пройти месяцы. (Суд — одно это слово грозило довести меня до психоза, превратить в визгливого хохотуна.) Считалось, что я должен испытывать благодарность за оказанное доверие. Но ведь я не пытался скрыться, даже когда арест стал неизбежным. Возможно, Бони замолвила за меня доброе слово. Меня выпустили под залог и разрешили прожить эти месяцы в собственном доме, а потом я прокачусь в тюрьму, чтобы выслушать смертный приговор и быть уничтоженным государственной машиной.

Да я просто везунчик.

На удивление, календарь все еще не перевалил за середину августа. «До сих пор лето, — думал я. — Столько всего случилось, а даже осень пока не наступила».

Сохранялась жара. Погода для безрукавки, как сказала бы мама, — она всегда больше заботилась о комфорте для своих детей, чем о температуре воздуха на улице. Погода для безрукавки, погода для пиджака, погода для пальто, погода для куртки — своя одежка для каждого сезона.

Меня же в обозримом будущем ждет погода для наручников, погода для оранжевой робы. А то и погода для савана. Я не собирался в тюрьму. Уж лучше самоубийство.

Таннер Болт собрал команду аж из пяти детективов, чтобы выследить Эми. Пока что их работа не дала результата. Каждый день на протяжении многих недель я вносил в общий труд и свою ложку дегтя — записывал на веб-камеру обращение к Эми и выкладывал в блоге Ребекки на детективном портале. Снимая видео, я надевал одежду, которую Эми покупала для меня, зачесывал волосы, как ей нравилось, пытался угадать ее мысли. Моя ненависть к ней выступала детонирующим шнуром.

Команды телевизионщиков по-прежнему ок-

купировали по утрам газоны под моими окнами. Мы напоминали солдат из противоборствующих армий, которые засиделись в окопах без единого выстрела и достигли уже некой противоестественной привязанности. Был среди них парень с резким голосом мультипликационного персонажа; к этому парню я привязался, так и не увидев ни разу его лицо. Он ухаживал за девушкой, и она ему действительно очень нравилась. Каждое утро его голос проникал сквозь мои окна. Судя по всему, отношения развивались весьма успешно. Хотелось бы мне знать, чем они закончатся.

Очередной вечер я завершил обращением к Эми. Надел зеленую рубашку — Эми считала, что она мне идет. Пересказал историю нашего первого свидания — вечеринка в Бруклине, моя ужасная попытка познакомиться. «Маслина там, правда, только одна, но все-таки…» Всякий раз, когда Эми вспоминала эту фразу, я смущался. Я говорил о том, как мы покинули квартиру, где происходила вечеринка, и вышли в морозное утро, о нашем поцелуе в сахарном облаке. Эти события относились к числу немногих, которые мы оценивали одинаково. Я излагал их, как сказку на ночь — выученную наизусть, но успокаивающую. И заканчивал всегда одинаково: «Вернись

домой, Эми. Вернись ко мне».

Выключив камеру, я прилег на банкетку. Я всегда записывал видео, сидя на банкетке, под ужасными непредсказуемыми часами с кукушкой, поскольку знал: если не покажу часы с кукушкой, Эми задумается, а не выбросил ли я их, а потом убедит себя в том, что я от них избавился, а уж после этого любые ласковые слова, вылетающие из моего рта, будут дезавуированы одним простым утверждением: «Он вышвырнул мои часы с кукушкой!» Кстати, механической птице уже пора бы и высунуться, над головой что-то хрустело и поскрипывало — звук, от которого в прежние времена у меня неизменно сводило челюсти… В этот миг толпа журналистов под окнами испустила громкий раскатистый вопль, похожий на удар цунами по побережью.

Кто-то явился нежданным. Голоса нескольких репортерш вплетались в общий шум, напоминая крики чаек.

«Что-то пошло не так», — подумал я.

Трижды пропищал входной звонок. Ник-ник! Ник-ник! Ник-ник!

Я резко поднялся. Прошлый месяц выбил из меня нерешительность. Неприятности нужно встречать быстро.

Дверь отворилась.

На крыльце я увидел жену.

Она вернулась.

Эми Эллиот-Данн босая стояла на пороге в тонком розовом платьице, которое липло к телу, будто мокрое. Ее щиколотки были сплошь в багровых кровоподтеках. С запястья свисал обрывок бечевы. Волосы были коротко подстрижены и размочалились на кончиках, что навевало мысли о тупых ножницах. Лицо испуганное, губы припухшие. По щекам текли слезы.

Когда Эми протянула руки ко мне, я заметил бурые кровяные пятна на лифе платья. Она пыталась что-то сказать, но рот открывался и закрывался беззвучно, будто у выброшенной на берег русалки.

— Ник! — наконец сумела выкрикнуть она (эхо пробежало меж пустых домов) и упала в мои объятия.

Как же мне хотелось убить ее!

Если бы мы оказались наедине, мои пальцы, возможно, сами сомкнулись бы вокруг ее шеи, сминая нежную плоть. С каким наслаждением я бы ощутил, как пульсирует ее кровь под моими ладонями… Но нас окружали люди, вооруженные фотокамерами, и они прекрасно знали, кто эта

вернувшаяся блудная дочь. Толпа приходила в движение так же неотвратимо, как и механизм часов с кукушкой. Несколько щелчков, несколько вопросов, а потом сущая лавина света и шума. Камеры впились в нас, репортеры, выкрикивая имя Эми, мчались к дому с микрофонами. От гвалта заложило уши. Поэтому я сделал то, что должен был сделать по всем законам жанра, — крепко обнял ее и выкрикнул:

— Эми! Боже мой! Эми!

После уткнулся ей в ухо и, выигрывая у папарацци каких-то пятнадцать секунд, прошептал едва слышно:

— Ты мерзкая сука…

Погладил жену по волосам, нежно взял ее лицо в ладони, а потом втащил гадину в дом.

За стенами нашего жилища бесновалась толпа, и мне это напоминало рок-концерт.

— Эми! Эми! — Кто-то запустил горсть щебня в наше окно. — Эми! Эми!

Моя жена восприняла внимание толпы как должное. Помахала свободной рукой бушующей за окном своре гиен. Затем повернулась ко мне с победоносной улыбкой. Улыбка жертвы, пережившей жестокое насилие; сверкающая улыбка финальной сцены из старых телефильмов;

улыбка, когда мерзавцу-антагонисту воздали по заслугам и мы точно знаем, что бедняжка-героиня может дальше свободно идти по жизненному пути. Стоп-кадр.

Я указал на бечевку, обрезанные волосы, засохшую кровь:

— Итак, твоя версия, супруга?

— Я вернулась, — всхлипнула Эми. — Я вернулась к тебе. — И потянулась, чтобы обнять меня.

Я шагнул назад:

— Твоя версия, Эми.

— Дези… — шепнула она дрожащими губами, — Дези Коллингс похитил меня. Это было утром… В день нашей годовщины. Позвонили в дверь. Я подумала… Ну не знаю, я подумала, что это ты прислал цветы.

Я вздрогнул. Эми всегда умеет найти, чем бы уколоть. Я очень редко дарил ей цветы, а вот Ранд Эллиот присылал жене букет еженедельно на протяжении всей их супружеской жизни. Две тысячи четыреста сорок четыре букета против моих четырех.

— Цветы или еще что-то… — продолжала она. — Я, не раздумывая, открыла. Там стоял Дези, и взгляд у него был очень странный. Решительный. Как будто он наконец надумал что-то

осуществить. А у меня в руках была рукоятка от марионетки, от Джуди… Ты нашел марионеток? — Эми застенчиво улыбнулась и выглядела при этом ужасно милой.

— О! Я нашел все, что ты припрятала для меня.

— А я тогда подобрала рукоятку от Джуди. Наверное, она выпала… Когда я открыла дверь, то замахнулась и попыталась ударить Дези. Он отобрал рукоятку и стукнул меня. Сильно. Следующее, что я увидела…

— Ты сымитировала свое убийство и сбежала.

— Ник, я все могу объяснить.

Нестерпимо долгое мгновение я смотрел на нее. Перед глазами проплыли дни отдыха под горячим солнцем и песок побережья, руки Эми на моей груди, семейные обеды в доме ее родителей, когда Ранд, подливая мне в стакан, дружески похлопывал по плечу. Я видел нас, распростершихся на ковре в моей небогатой нью-йоркской квартирке, глядящих на ленивые лопасти вентилятора. Видел мать моего будущего ребенка и ту жизнь, о которой я некогда мечтал. Один или два удара сердца я от всей души не хотел, чтобы она говорила правду.

— Почему-то я не думаю, что ты сможешь объяснить все. Но интересно посмотреть, как ты

попытаешься.

— Выслушай меня…

Она хотела взять меня за руку, но я отскочил. Отвернулся, перевел дух, а после опять встал лицом к лицу с Эми. К моей жене опасно поворачиваться спиной.

— Ну, давай же, Ник. Выслушай меня прямо сейчас.

— Ладно, хорошо. Почему каждая новая подсказка в охоте за сокровищами была спрятана в том месте, где я имел… э-э-э… отношения с Энди?

Она вздохнула, опустила глаза. Я заметил, что ноги у нее мокрые.

— Я ничего не знала об Энди. Ну, пока не увидела ее по телевизору. Тогда я была привязана к кровати в доме Дези. В его особняке на озере.

— Значит, это не что иное, как совпадение?

— Я прятала подсказки в местах, которые так или иначе были значимы для тебя. — По щеке Эми скатилась слеза. — Твой кабинет, где ты хоть как-то удовлетворял свою тягу к журналистике. — (Я фыркнул.) — Ганнибал, который, как я все-таки поняла, имеет для тебя огромное значение. Дом твоего отца — твоей полной противоположности, причинившей тебе столько страданий. Дом твоей мамы, где сейчас живет Го. Эти две женщины

сумели вырастить тебя хорошим человеком. Но… я не удивлена, что ты прошелся по тем же местам с… — Она склонила голову к плечу. — Скажем, с подругой. Ты всегда любил повторяться.

— А почему во всех этих местах обнаружились улики, подтверждающие мою виновность в твоей смерти? Женские трусы, твоя сумочка, дневник. Кстати, о дневнике. Эми, как ты объяснишь все то вранье, которым он наполнен?

Она улыбнулась и покачала головой, словно жалея меня.

— Я все могу объяснить, — повторила Эми.

Я смотрел в ее заплаканное симпатичное личико, опустил взгляд на платье, запятнанное кровью:

— Эми, а что с Дези?

Она снова покачала головой, улыбаясь с едва заметной грустинкой.

И тогда я решил позвонить в полицию, но стук в двери подсказал, что копы прибыли незваными.

Эми Эллиот-Данн

Вечер возвращения.

Внутри меня все еще сперма Дези, подтверждающая, что он насиловал меня, так что медкомиссия получит все необходимые данные. Запястья, израненные веревкой, поврежденное влагалище, синяки на теле — учебник по судмедэкспертизе. Пожилой врач с влажным дыханием и толстыми пальцами производит осмотр полостей таза и одновременно чистку. А детектив Ронда Бони в это время держит меня за руку — ее холодная кисть напоминает цепкую птичью лапку, так что тепла и поддержки я не ощущаю.

Она улыбается всякий раз, когда считает, что я не вижу ее. Похоже, детектив радуется, что Ник не такой плохой парень, каким его сделали. О да! Все женщины Америки вздыхают одновременно.

В особняк Дези отправили полицейский наряд. Его найдут голым и бездыханным, с миной удивления на лице и несколькими белокурыми волосками, зажатыми в кулаках. Постель пропиталась кровью. Нож, которым я его зарезала, а также избавилась от пут, валяется на полу непо-

далеку от спальни — я его бросила, направляясь в гараж. Там я забралась в антикварный «ягуар», все еще оставляя кровавые следы, и двинула прямиком домой, к любимому мужу. Мои инстинкты были низведены до животного уровня — я ни о чем не думала, кроме возвращения к Нику. Так возвращается, намыкавшись, потерявшаяся собачонка.

Пожилой доктор возносит благую весть — серьезных повреждений нет, а также нет необходимости в чистке матки: я сбросила плод раньше. Бони продолжает сжимать мою руку, бормоча при этом:

— Господи, вы столько пережили… Найдете ли силы, чтобы ответить на несколько вопросов?

Хороший переход — от соболезнований к допросу. Я всегда знала, что некрасивые женщины или чрезмерно почтительны, или излишне бестактны со мной.

> Тест. Вы Удивительная Эми. Вы пережили ужасное похищение, а следом череду изнасилований. Вы убили похитителя и вернулись к мужу, который, как оказалось, изменял вам. Вы:
>
> а) пожелаете прийти в себя и попроси-

те немного времени, чтобы собраться с силами;

б) потерпите немного, поскольку так, и только так можно помочь полиции в расследовании;

в) выберете, кому в первую очередь дать интервью; компенсация за перенесенные страдания в виде, скажем, договора на книгу не будет лишней.

Ответ: б).

Удивительная Эми всегда ставит интересы других людей выше собственных.

Вымывшись в больничной душевой, я натянула одежду, которую Ник привез из дому. Джинсы со складками из-за того, что слишком долго лежали сложенными, и хорошенькая блузка, пропахшая пылью. Направляясь в полицейский участок, мы с Бони молчим в машине, пока я не спрашиваю слабым голосом о родителях.

— Они ожидают вас в участке, — отвечает детектив. — Когда я сообщила, что вы живы, они рыдали. От нахлынувшего счастья и облегчения. Мы позволим вам побывать в крепких родных объятиях до того, как пристанем с вопросами.

Репортеры уже окружили здание полицейского

участка. Площадка для автомобилей радостно сияет огнями, как олимпийский стадион. Здесь нет подземной парковки, поэтому мы подъезжаем прямиком к крыльцу, где бушует безумная толпа. Я вижу мокрые губы и брызги слюны — каждый старается перекричать других; сверкают фотовспышки, горят лампочки видеокамер. Толпа напирает и давит всем скопом, качаясь то вправо, то влево на пару дюймов. Каждый хочет подобраться ближе ко мне.

— Я боюсь выходить, — говорю я Бони, в то время как к стеклу припечатываются мясистые ладони фотографа, пытающегося удержать равновесие. — Их слишком много.

Она гладит меня по руке и просит чуть-чуть подождать. Двери полицейского участка открываются, и выбегают копы в форме и касках, выстраиваясь в две линии, защищая меня с обеих сторон и удерживая прессу. Этакий почетный караул. Мы с Рондой бежим внутри коридора, взявшись за руки, как молодожены, прямо к моим родителям, которые ждут на пороге. Тут уж каждый репортер имеет возможность сделать фотографию, как мы с мамой обнимаемся, и она шепчет мне в ухо: «Деточка моя, деточка моя, деточка моя…» И мой папа, рыдающий так громко,

что едва не срывается на кашель.

Потом меня повели дальше, как будто я не наездилась за сегодня вдоволь. Устроили в комнатушке с удобными, но дешевыми офисными стульями. Мне всегда кажется, что их обивку делали из вторсырья. Никаких окон. В углу мигает видеокамера.

Вовсе не это я себе представляла. Обстановка не располагает к тому, чтобы чувствовать себя защищенной.

Мне составляют компанию Бони, ее напарник Джилпин, два агента ФБР из Сент-Луиса, которые хранят молчание практически все время. Мне дают воды, а потом Бони начинает разговор.

Б.: Итак, Эми, для начала позвольте вас поблагодарить за то, что согласились встретиться с нами сразу после возвращения. В случаях, подобных вашему, очень важно провести опрос как можно раньше, пока свежи воспоминания. Вы даже не представляете себе, насколько это важно. Так что наша беседа принесет огромную пользу. Мы выясним все подробности, и тогда вы с Ником вернетесь к нормальной жизни.

Э.: Я только этого и хочу.

Б.: И вы это заслужили. Итак, если вы готовы начинать, я хотела бы уточнить время. В кото-

ром часу Дези появился на вашем пороге? Вы помните?

Э.: Думаю, около десяти утра или чуть-чуть позже, поскольку я слышала, как Тевереры разговаривали, направляясь к автомобилю, чтобы ехать в церковь.

Б.: Итак, вы открыли дверь. Что было дальше?

Э.: Я сразу почувствовала что-то неладное. Прежде всего хочу сказать, что Дези с юных лет писал мне письма. Но в последние годы его одержимость пошла на спад. Он сумел убедить меня, что является просто моим старым приятелем, заявлять в полицию было не о чем, и мне пришлось примириться с ним. Я даже помыслить не могла, что он способен на прямое физическое насилие. Хотя я испытывала дискомфорт от близкого соседства. Географического, я имею в виду. Возможно, именно это и толкнуло его на преступление. Понимание того, что я нахожусь так близко. Он вошел в дом… взмокший и нервничающий, но выглядел решительно. Когда он позвонил, я была наверху, собиралась погладить платье, и вдруг заметила на полу тяжелую деревянную рукоятку от марионетки Джуди. Я поняла, что выронила ее. Сами куклы я к тому времени уже спрятала в дровяном сарае, поэтому я просто подняла палку.

И держала ее, когда открывала дверь.

Б.: У вас очень хорошая память.

Э.: Спасибо.

Б.: И что же было дальше?

Э.: Дези вошел. Он расхаживал по гостиной, все больше и больше волнуясь, даже впадая в неистовство, я бы сказала. Потом он проговорил: «А как вы подготовились к юбилею?» Я испугалась. Он знал, что в тот день была годовщина нашей свадьбы, и это бесило его. Вдруг он рванулся ко мне, сжал запястье и выкрутил руку. Мы боролись. Я хочу сказать, мы отчаянно боролись.

Б.: А дальше?

Э.: Я оттолкнула его и на секунду вырвалась. Побежала на кухню. Там мы опять сцепились. Дези ударил меня деревянной рукояткой от Джуди по голове. Я упала, и он ударил еще. Дважды или трижды. Помню, на несколько секунд я ослепла, голова кружилась, но я пыталась выхватить у него палку. Тогда Дези резанул мне по руке своим перочинным ножом. У меня остался шрам. Хотите посмотреть?

Б.: Да. Шрам упомянут в протоколе медицинского освидетельствования. Вам повезло, что это просто порез.

Э.: Поверьте, болит он совсем не как простой

порез.

Б.: А каким образом он ударил ножом? Угол наклона…

Э.: Я не помню точно: резал меня он или я напоролась на лезвие случайно — я потеряла ориентацию в пространстве. Я помню только дубинку, лежащую на полу, потом я опустила глаза и увидела, как ее заливает моя кровь. По-моему, после этого я потеряла сознание.

Б.: Где вы очнулись?

Э.: В гостиной, связанная по рукам и ногам.

Б.: Вы кричали? Пытались привлечь внимание соседей?

Э.: Конечно я кричала. Вы слышали, о чем я рассказывала? Я была избита, связана мужчиной, который преследовал меня больше десяти лет, мужчиной, который совершил попытку самоубийства в моей комнате общежития.

Б.: Хорошо-хорошо, Эми. Простите, мы ни в коей мере не хотели этим вопросом поставить под сомнение правдивость ваших показаний. Мы всего лишь пытаемся составить максимально подробную картину случившегося, чтобы завершить следствие и вернуть вас к привычной жизни. Хотите еще воды? Или кофе?

Э.: Чего-нибудь горячего. Я замерзла.

Б.: Нет ничего проще. Принесите, пожалуйста, кофе. Что же происходило потом?

Э.: Мне кажется, первоначально он намеревался схватить меня и увезти, но так, чтобы следы говорили о побеге жены от мужа. Я очнулась как раз в тот момент, когда Дези закончил вытирать кровь на кухне и поставил, как были, несколько антикварных рамочек, которые упали, пока мы боролись. Избавился от дубинки. Но как я понимаю, он очень торопился. Увидел кавардак в гостиной, подумал и принял решение так все и оставить. Пусть будет похоже на погром. Прежде всего, он оставил парадную дверь открытой, а вдобавок перевернул несколько предметов мебели. Ту же оттоманку. Вот поэтому сцена казалась такой двусмысленной. Там смешались правда и подделка.

Б.: Но каким образом Дези Коллингс оставил предметы, указывающие на виновность Ника, в тех же местах, где вы прятали подсказки к охоте за сокровищами? Кабинет Ника в колледже, Ганнибал, дом его отца, дровяной сарай рядом с домом Го?

Э.: Я не понимаю, о чем вы.

Б.: Женские трусы не вашего размера в кабинете Ника.

Э.: Ну, наверное, это трусы девушки, с которой он… за которой он ухаживал.

Б.: Не ее размер.

Э.: Ладно, я не могу это объяснить. Может, у Ника была не одна подружка?

Б.: В доме Билла Данна был найден ваш дневник. Обгоревший в печи.

Э.: А вы его читали, да? Это ужасно… Не сомневаюсь, Ник захотел от него избавиться. И я его не обвиняю. Ведь прочитав его, вы сразу сосредоточились на моем муже.

Б.: Мне интересно, почему он решил сжечь его в доме отца.

Э.: Хорошо бы спросить у Ника. *(Пауза.)* Ник часто ездил туда, чтобы побыть в одиночестве. Ему нравилось уединение. Я уверена, такое его поведение нельзя считать странным. И хочу сказать, в нашем доме он не мог сжечь дневник, ведь это место преступления и он ожидал повторного осмотра вашими людьми. О чем они подумают, если обнаружат пепел? Логичнее избавиться от тетради в отцовском доме. Думаю, это был весьма разумный поступок со стороны Ника, учитывая, что вы подозревали его.

Б.: Дневник сам по себе является уликой. Там описываются притеснения со стороны Ника и

ваши страхи. Ваш муж не хотел ребенка, и вы боялись, что он готов убить вас.

Э.: Мне бы самой хотелось, чтобы дневник сгорел. *(Пауза.)* Позвольте быть предельно откровенной. В дневнике описаны наши взаимные разногласия за минувшие несколько лет. Записи не с лучшей стороны характеризуют наш брак, но я хочу объяснить кое-что. Я не бралась за перо, когда была очень счастлива. Скорее, когда испытывала обиду или боль и хотела дать выход негативным эмоциям… Могу показаться не совсем правдивой, но это всего лишь мой личный взгляд на некоторые события. Я хочу сказать, что в дневнике правда слегка искажена. Однажды Ник толкнул меня, он не хотел ребенка, у него были проблемы с деньгами… Но чтобы я боялась его всерьез? Я должна признать — хоть и с болью в душе, — что все это мои домыслы. Да, от проблем никуда не деться. Я сталкивалась с насилием довольно часто и в прошлом, люди преследовали меня по разным причинам, поэтому у меня развилась небольшая паранойя.

Б.: И вы попытались купить огнестрельное оружие?

Э.: Ну ладно, большая паранойя. Простите меня. Если вы знакомы с моей историей, то должны

меня понять.

Б.: Есть одна запись о вечеринке с коктейлями, после которой вы заболели. И симптомы похожи на классические признаки отравления антифризом.

Э.: *(Длинная пауза.)* Странно… Да, я помню, что чувствовала себя плохо.

Б.: Ладно. Вернемся к охоте за сокровищами. Вы прятали кукол — Панча и Джуди — в дровяном сарае.

Э.: Да.

Б.: В ходе следствия мы узнали о долгах Ника, о значительных покупках, сделанных по его кредитной карточке. А потом мы обнаружили все эти покупки в дровяном сарае. О чем вы подумали, когда вошли в сарай и увидели их?

Э.: Я находилась на частной территории. Мы с Го никогда не были особо близки, да и не хотелось мне копаться в чужом грязном белье. Я тогда предположила, что она привезла все это из Нью-Йорка. А потом, когда я смотрела новости — Дези заставлял меня смотреть все выпуски новостей, — услышала, что все это покупал Ник. И знаете… у Ника всегда были определенные проблемы с деньгами, он расточительный. Думаю, ему просто было стыдно. Все эти вещи — сию-

минутная прихоть, он не мог от них избавиться и спрятал от меня, скорее всего рассчитывая со временем продать их.

Б.: А марионетки Панч и Джуди? Довольно зловещий подарок на годовщину свадьбы.

Э.: Я понимаю… То есть сейчас понимаю. Но я не читала целиком историю отношений Панча и Джуди. Просто увидела кукол — муж, жена и их малыш. Деревянные. Я как раз была беременной. Искала подарки в Интернете и наткнулась на Панча. И мне понравилось! Я решила, что это интересно, но совершенно не думала про скрытый смысл.

Б.: Итак, вы были связаны. Каким образом Дези затащил вас в автомобиль?

Э.: Он загнал машину в гараж, бросил меня в багажник и увез.

Б.: Вы кричали при этом?

Э.: Да, я кричала, но не очень громко. Я ужасная трусиха. Но если бы я знала, что на протяжении месяца каждую ночь Дези будет насиловать меня, а потом спать рядом, хлебнув снотворного с мартини, пока его не разбудит мой плач… Если бы я знала, что полицейские допросят его, но ни в чем не заподозрят и будут сидеть, не отрывая задницы от кресел, я орала бы что есть мочи. О,

как бы я орала!

Б.: Еще раз прошу простить меня… Мы можем взять у миссис Данн образец кожи для анализа? И почему до сих пор не принесли для нее кофе? А, спасибо… Итак, куда он повез вас, Эми?

Э.: Мы двигались по направлению к Сент-Луису. Насколько я помню, по дороге остановились в Ганнибале — я слышала пароходный гудок. Там он выбросил мою сумочку. Это еще один поступок, который он совершил, чтобы все походило на нечестную игру.

Б.: Очень интересно. Мне кажется, слишком много странных совпадений в этом деле. Например, Дези Коллингс выбросил сумочку именно в Ганнибале, куда потом приехал Ник по одной из ваших подсказок. Соответственно, мы предположили, что сумочку выбросил именно Ник. Или вот еще. Вы спрятали подарок в том же месте, где Ник скрывал тайные покупки, сделанные по его кредитке.

Э.: В самом деле? Вынуждена заявить вам, что, на мой взгляд, не наблюдается ни единого совпадения. А ваше заявление наводит на мысль о предубежденности полицейских, которые с самого начала намеревались повесить убийство на моего мужа. И сейчас, увидев меня живой и

здоровой, что подтверждает невиновность Ника, они выглядят полными идиотами и делают все возможное, чтобы прикрыть свои задницы. Вместо того, чтобы согласиться: расследование пошло по ложному пути из-за ваших совершенно некомпетентных действий. Ник оказался бы в гребаной камере смертников, а я закончила бы свои дни привязанной к койке, где меня насиловали бы каждую ночь.

Б.: Простите, но…

Э.: Я спаслась сама, спасла Ника и тем самым сберегла ваши придурочные задницы!

Б.: Вы совершенно правы, Эми. Сожалеем, что все так получилось… Мы потратили уйму времени на ваше дело, поэтому хотим выяснить все до мельчайших подробностей, дабы впредь не повторять ошибок. Но вы абсолютно правы, мы упустили главное. Вы героиня. Вы настоящая героиня.

Э.: Спасибо. Я высоко ценю ваше мнение.

Ник Данн

Ночь возвращения.

Когда я зашел в полицейский участок, чтобы забрать домой жену, пресса приветствовала меня, как рок-звезду, как властителя умов, как первого человека, высадившегося на Луне. Я с трудом удержался, чтобы не помахать им сцепленными над головой руками, — привычный ответ победителя. «Вижу-вижу, — думал я, — как все вы набиваетесь мне в друзья».

Оказавшись в гуще событий, я почувствовал себя будто на презентации, пошедшей наперекосяк. На одном из столов стояло шампанское — несколько бутылок — и бумажные стаканчики вокруг.

Полицейские хлопали меня по плечу и радостно окликали, раздавались аплодисменты, как будто не эти люди еще вчера беспощадно преследовали меня. Но приходилось подыгрывать. Подставлять спину для дружеских похлопываний. О да, теперь-то мы все друзья!

Единственное, что имеет значение, — Эми жива. Я повторял это про себя снова и снова. Я

понимал, что должен выглядеть как влюбленный до беспамятства муж, испытавший огромное облегчение, но пока не представлял себе, куда повернет расследование. Сумеет ли полиция распутать всю ее липкую паутину. «Притворяться, пока она не арестована, — рассуждал я холодно. — Пока она на свободе». Я дождусь ее ареста, обязательно дождусь, и тогда перспектива мгновенно расширится и откатится фон — мой личный хичкоковский зумм, — и я наконец осмелюсь сказать себе: «Моя жена — человекоубийца».

— Она его зарезала, — заявил молоденький коп, приставленный к нам для обеспечения контакта между родственниками (с которыми мне не хотелось общаться ни по какой причине). Он был как две капли воды похож на того юношу, который рассказывал о своей любимой лошадке, рваной губе и аллергии на арахис. — Перерезала сонную артерию. От такой раны умирают за шестьдесят секунд.

Целая минута… Этого достаточно, чтобы осознать, что ты умираешь. Я могу представить, как Дези зажимает разрезанное горло ладонью и кровь, пульсируя, струится между пальцами. А Дези страшно, он ощущает поток крови, который

все слабеет, и тогда приходит понимание: это конец. И все это время Эми стоит рядом, за пределами досягаемости, разглядывая дело рук своих с брезгливой миной школьницы, которая на уроке биологии стоит перед склизким зародышем свиньи. Стоит и держит ланцет в руке.

— Зарезала его здоровенным ножом, как у мясника, — говорит полицейский-дитя. — Парень заимел привычку сидеть рядом с ней на кровати, резать мясо и кормить ее. — Похоже, поведение Дези вызывало у него больше отвращения, чем убийство. — Однажды нож упал и затерялся в складках покрывала. А насильник и забыл про него…

— Как же она воспользовалась ножом, если все время была связана?

— Не знаю, мистер Данн. — Юный коп глянул на меня так, будто я отпустил сальную шутку о его мамаше. — Но уверен, эти подробности выясняют прямо сейчас. Главное, что ваша жена теперь в безопасности.

Ура! Малыш читает мои мысли.

Ранда и Мэрибет я увидел через дверной проем в том самом зале, где мы давали первую пресс-конференцию шесть недель назад. Они, как и обычно, склонились друг к другу. Ранд целовал

жену в макушку, а она уткнулась носом ему в плечо. Возмущение всколыхнулась во мне столь сильно, что я едва не запустил в них степлером. Вы, две почтенные, уважаемые задницы, создали это существо и выпустили его в мир! Это совершенное чудовище! И что, вас кто-то накажет? Нет, ни одна живая душа не станет вникать в ваши провинности. Напротив, Ранд и Мэрибет купаются во всеобщей любви и поддержке. К ним вернулась Эми, и все теперь восхищаются ими еще больше.

Моя жена и раньше была откровенным социопатом. В кого же она превратилась теперь?

«Осторожнее, Ник. Взвешивай каждый поступок».

Ранд перехватил мой взгляд и поманил. Долго тряс мне руку перед камерами оказавшихся поблизости репортеров.

Мэрибет хранила неприступность. Я для нее все еще оставался мужчиной, который изменял ее дочери. Сдержанно кивнула и отвернулась.

Наклонившись так близко, что я мог ощущать мятный аромат из его рта, Ранд сказал:

— Ник, мы так счастливы, что Эми вернулась. Должен попросить у вас прощения. От всего сердца. Конечно, мы предоставим Эми решать, быть

или не быть вашему браку, но я сожалею о том, как развивались события. Вы должны понять…

— Я вас понимаю.

Прежде чем Ранд смог продолжить тираду, появились Таннер и Бетси Болт, похожие на рекламу в «Воге», — широкие хрустящие штаны, расшитые стразами рубашки, сверкающие золотом часы и кольца. Таннер наклонился к моему уху:

— Позвольте мне разобраться в ситуации.

И тут же вбежала встревоженная Го, засыпав меня вопросами:

— Как это все понимать? Что произошло у Дези? Она появилась прямо у тебя на пороге? Ты в порядке? Что будет дальше?

Странные чувства я испытывал при виде этого сборища. Не то воссоединение семьи, не то ожидание в приемном покое больницы. Радость пополам с тревогой, как в азартной комнатной игре, чьих правил толком не знает никто из участников. Тем временем двое репортеров, которым Эллиоты позволили вторгнуться в святая святых, продолжали гвоздить меня вопросами:

— Что вы почувствовали, когда Эми вернулась?

— Сейчас вы ощущаете себя счастливым?

— Возвращение Эми принесло вам облегчение, Ник?

— О, я в высшей степени счастлив и испытываю чувство огромного облегчения… — машинально сыпал я газетными штампами, как вдруг распахнулась дверь и вошла Жаклин Коллингс — алый шрам вместо рта, дорожки от слез на напудренных щеках.

— Где она? — произнесла мать Дези, обращаясь ко мне. — Где эта лживая сучка? Она убила моего сына. Моего сына! — сорвалась она на крик, а репортеры не упустили случая сделать несколько снимков.

— Что вы почувствовали, когда узнали, что ваш сын виновен в похищении? — спросил один из них голосом шуршащим, как банкноты.

— Что я почувствовала?! — выкрикнула она. — Вы серьезно или как? Человек способен ответить на такой вопрос? Гнусная бессердечная девка вертела как хотела моим сыном всю жизнь… Запишите это! Она играла с ним, врала ему, а в конце концов убила! И даже теперь, когда мой сын мертв, гадина использует его…

— Миссис Коллингс, — решительно вмешалась Мэрибет, — мы родители Эми. — Она попыталась притронуться к плечу Жаклин, но та отдерну-

лась. — Мы сожалеем о вашей утрате.

— Но я не сдамся! — Жаклин гордо выпрямилась — она превосходила ростом Мэрибет — и яростно воззрилась на мою тещу сверху вниз, повторяя: — Я не сдамся!

— Простите за… все… — сказала Мэрибет, а потом рядом с ней встал Ранд.

Уж он-то был повыше, чем Жаклин.

— Что будет с вашей дочерью? — спросила Жаклин. Она повернулась к нашему юному «связному», пытавшемуся изобразить хладнокровие и непоколебимость. — Что будет с Эми? Она заявила, будто мой сын похитил ее. Это ложь, клевета! Она убила Дези, убила спящего. И что, никто не намерен воспринять это всерьез?

— Мы рассмотрим это дело со всей тщательностью, — заверил ее мальчишка.

— Несколько слов для прессы, миссис Коллингс! — вмешался репортер.

— Я только что сказала их. Эми Эллиот-Данн убила моего сына. Не было никакой самообороны. Она хладнокровно расправилась с Дези.

— У вас есть доказательства?

Конечно же, она не могла ничего доказать.

В репортаж журналистов войдут страдания заждавшегося мужа («Его помятое лицо свиде-

тельствует о бессонных ночах, наполненных тревогой») и радость Эллиотов («Родители прижались друг к другу, ожидая, когда же к ним вернется их дитя, которое они считали потерянным»), Массмедиа обсудят подробно все ошибки полиции («В этом расследовании хватало тупиков и ложных следов, а детективы упрямо продолжали собирать улики против невиновного человека»), В статье, возможно, разок и упомянут Жаклин Коллингс («После неуклюжей попытки выяснить отношения с родителями Эми Эллиот озлобленная миссис Коллингс покинула комнату, продолжая утверждать, что ее сын ни в чем не виноват»).

Она и в самом деле покинула нас, направившись в другую комнату, где ее показания записали, но вряд ли примут к рассмотрению. История победоносного возвращения Удивительной Эми нравится людям куда больше.

Когда моя жена вышла к нам, все пошло по второму кругу. Фото и слезы, объятия и смех. Шоу, рассчитанное на публику, на всех, кто желал видеть подробности.

— Эми, что вы чувствуете?

— Эми, что вы испытываете, вырвавшись из лап похитителя и вернувшись к мужу?

— Ник, что вы ощутили, когда вернулась ваша жена, а вместе с ней и свобода?

По большей части я молчал, пытался мысленно ответить на собственные вопросы, которые не отпускали меня уже несколько лет и служили зловещим рефреном нашей супружеской жизни: «О чем ты думаешь, Эми? Что ты чувствуешь? Кто мы? Что сделали друг для друга? Что нам еще предстоит сделать?»

Желание Эми вернуться домой, к брачному ложу, к своему мужу-изменнику воспринималось всеми как величественный поступок, жест прощения. Никто не возражал. Нас сопровождал целый эскорт репортеров, будто королевскую свадебную процессию. Мы проезжали по улицам Карфагена, озаряемым неоном заведений фастфуда, прямиком к нашему «макмэншну» у реки. Сколько грации в Эми, сколько отваги — ни дать ни взять принцесса из сказки! Ну, меня, само собой, воспринимали как отвратного мужа, которому предстоит каяться и прислуживать жене оставшуюся часть жизни. Пока ее не арестуют. Если, конечно, ее когда-нибудь арестуют.

Освобождение Эми взволновало всех. Даже не взволновало, а потрясло. Я видел полицейских, когда они выходили из комнаты, где беседовали

с ней почти четыре часа. Два парня из ФБР с ничего не выражающими лицами и стрижкой «под ежик». Джилпин выглядел так, будто проглотил самый большой бифштекс в своей жизни, а Бони, единственная из всех, хмурилась и напряженно сжимала губы. Проходя мимо, она кинула на меня взгляд и приподняла бровь.

А потом мы очень быстро вернулись домой, к Бликеру, который сидел в гостиной и наблюдал за нами блестящими глазами. На улице, по ту сторону занавесок, сияли прожекторы телевизионщиков, заливая комнату странным оранжевым светом. Казалось, будто горят свечи. Очень романтично. Эми выглядела красавицей. Я ненавидел ее. Я ее боялся.

— Мы не можем спать в этом доме… — начал я.

— Я хочу остаться здесь. — Она взяла меня за руку. — Хочу остаться с моим мужем. Хочу дать тебе шанс стать тем мужем, каким ты хочешь быть. И я прощаю тебя.

— Прощаешь меня? Эми, почему ты вернулась? Из-за моего интервью? Из-за видео?

— Разве ты не этого хотел? — ответила она. — Ты же сам записывал видео. Ролики были великолепны. Они напомнили мне то, что было между нами когда-то, особенное, личное.

— Но я просто говорил слова, которые ты хотела бы услышать.

— Я знаю. Это подтверждает, что ты все-таки хорошо меня изучил. — Эми прямо лучилась от счастья. Бликер принялся тереться о ее ноги, выписывая восьмерки и оглушительно мурлыкая. — Подумай об этом, Ник. Сейчас мы знаем друг друга лучше, чем кто бы то ни было в мире.

Положа руку на сердце, это чувство порой и меня посещало в минувшем месяце, в те мгновения, когда не хотелось убить Эми. Оно приходило неожиданно и некстати — то среди ночи, когда я поднимался, чтобы отлить, то утром за завтраком, перед тарелкой с хлопьями. Я испытывал вдруг восхищение и, более того, нежность по отношению к жене — такое тепло где-то внутри, в глубине живота. В точности угадать, что я захочу прочесть в тех записках, снова меня охмурить и даже предвидеть все мои ошибочные ходы… Эта женщина чертовски хорошо меня знала! Я все это время считал, что мы чужие. Раньше я полагал, что мы почти незнакомы, а оказывается, мы интуитивно изучили друг друга до последней клетки тела.

Есть в этом какая-то жуткая романтика. Романтика катастроф.

— Мы не сможем забыть все, что было между нами, Эми.

— А не надо думать о том, что было. Давай посмотрим, что есть сейчас. Ты любишь меня и не намерен повторять ошибки. Никогда.

— Ты сумасшедшая! Нет, ты правда чокнутая, если думаешь, что я останусь с тобой. Ты убила человека! — воскликнул я, отворачиваясь, но вдруг вообразил ее с ножом в руке и злобно сжатыми губами — ведь я ей не подчиняюсь.

Я тут же встал так, чтобы видеть Эми. К моей жене спиной лучше не поворачиваться.

— Чтобы спастись от него, — сказала она.

— Ты убила Дези, чтобы создать новую историю, чтобы вернуться в образе всеми любимой Эми и не нести ответственности за содеянное. Неужели не видишь иронии, Эми? Ведь ты всегда именно это во мне ненавидела — нежелание нести ответственность за свои проступки. Разве я не прав? Ну ладно, я получил довольно приключений на свою задницу, и вполне заслуженно. А как насчет тебя, Эми?! Ты убила человека. Человека, который, насколько я понимаю, любил тебя и помогал, а теперь хочешь, чтобы я занял его место — любил тебя, и помогал, и… Нет, я не могу. Я не могу на это пойти. Нет.

— Ник, ты делаешь выводы из непроверенной информации, — возразила она. — Меня это не удивляет, учитывая, сколько ходит сплетен. Но мы не должны реагировать на слухи, если хотим вместе жить дальше. А ведь мы хотим, да, Ник? Вся Америка хочет, чтобы наша история продолжалась. Весь мир хочет знать, что будет. А Дези плохой парень. Никому не нужны сразу два плохих парня. Ник, люди хотят любить тебя. Ты можешь оправдать их надежды лишь одним способом — остаться со мной. Другого пути нет.

— Расскажи мне все про Дези. Он помогал тебе с самого начала?

Эми вспыхнула. Ну как же, я предположил, что она нуждалась в помощи мужчины! Хотя яснее ясного, что нуждалась.

— Конечно нет! — воскликнула она.

— Тогда расскажи мне все. Ничего нет плохого в том, чтобы полностью мне довериться, потому что мы не сможем пойти дальше, если не откажемся от вымысла. Иначе я буду сопротивляться на каждом шагу, даже против своего желания. Я знаю, что ты все продумала, и не стану ловить тебя на противоречиях — я устал от попыток разгадать твои мысли, да и не нужно мне это. Просто я хочу знать, что на самом деле произошло.

Эми, я оказался в шаге от камеры смертников. Благодаря тебе моя жизнь теперь вне опасности. Я искренне благодарен — слышишь? — тебе. Я говорю спасибо вслух, чтобы ты потом не назвала меня неблагодарным. Но я должен знать правду. И ты понимаешь, что я должен ее знать.

— Раздевайся! — приказала она.

Прежде всего Эми убедилась, что я не припрятал подслушивающее устройство. Я разделся перед ней до нитки. Она внимательно осмотрела меня, провела ладонью от подбородка к груди, потом по спине. Огладила мои ягодицы и сунула руку между ногами, на миг захватив мошонку и вялый член. С любопытством глянула, не произойдет ли чего? Ничего не произошло.

— Ты чист, — кивнула она, по всей видимости полагая, что пошутила, цитируя фильмы, которые мы когда-то смотрели с ней, умирая от хохота. Но я промолчал, и Эми отступила на шаг, заметив: — Мне всегда нравилось смотреть на тебя голого. Я просто таяла от счастья.

— Ни от чего ты не таяла, — буркнул я. — Мне можно одеваться?

— Нет. Не хочу думать о том, что в манжетах или штанинах могут прятаться «жучки». Кроме того, мы пройдем в ванную и включим душ. Это

на тот случай, если прослушка где-то в доме.

— Ты насмотрелась детективных сериалов.

— Ха! Вот уж не думала, что услышу это от тебя.

Итак, мы заперлись в ванной и пустили воду. Вода брызгала на мою спину и на блузку Эми, пока она не отбросила ее прочь.

Она стянула всю одежду в манере веселого стриптиза и отправила ее в угол, продолжая улыбаться. Такую же игру она вела при первой нашей встрече — когда же это закончится?! После повернулась ко мне. Я ждал, что она закинет волосы за спину привычным движением, но они оказались слишком коротко обрезаны.

— Теперь мы равны, — проговорила она. — А то как-то нечестно стоять одетой перед тобой.

— Я думал, мы оставили условности в прошлом, — отозвался я.

«Смотри ей в глаза, и только в глаза. Не вздумай касаться ее. Не позволяй притронуться к тебе».

Она положила ладонь мне на грудь. Струйки воды сбегали между ее грудями. Эми слизнула капельку с верхней губы и улыбнулась. Раньше она терпеть не могла брызги из душа. Ей не нравилось прикосновение воды к коже, не нравилась влага на лице… Я знал это, поскольку мы

прожили в браке пять лет и я много раз пытался заигрывать с ней в душе, но всякий раз натыкался на отказ: «Понимаю, Ник, что тебе это кажется сексуальным, но мне не нравится. Это из тех вещей, которые люди придумали для кино». Сейчас Эми выказывала полную противоположность самой себе, будто забыла, насколько хорошо я помню ее привычки. Я отодвинулся:

— Расскажи мне все, Эми. Но для начала ответь: был ли ребенок?

Ребенок оказался ложью. Именно это известие расстроило меня больше всего. Осознание того, что моя жена — убийца, пугало, вызывало отвращение, но знать, что о беременности она наврала, было совершенно невыносимо. Ребенок — ложь, боязнь крови — ложь. В прошедшем году моя жена почти все время обманывала.

— Как тебе удалось подставить Дези? — спросил я.

— Нашла кусок бечевки в подвале. Разрезала на четыре куска…

— Он разрешал тебе пользоваться ножом?

— Если помнишь, мы с ним дружили.

А ведь верно. Под влиянием истории, изложенной ею копам, я совсем забыл об этом. Эми отличная рассказчица.

— Каждый раз, когда Дези уезжал, я наматывала веревки на запястья и щиколотки потуже, чтобы оставались борозды. — Она показала багровые линии, опоясывающие запястья наподобие браслетов. — Нашла пустую винную бутылку и мастурбировала ею ежедневно. Поэтому изнутри мое влагалище выглядело… как положено. Как и должно выглядеть у жертвы сексуального насилия. И наконец, сегодня я уговорила его заняться сексом со мной, чтобы внутри меня оказалась его сперма. И в завершение напоила его коктейлем со снотворным.

— Он позволил тебе хранить снотворное?

Эми вздохнула.

— Ах, верно, вы же были друзьями.

— А потом я… — Она жестом показала, как перерезает горло.

— Вот так легко, да?

— Главное — решиться. Тогда выполнить уже не так сложно. Целеустремленность. Твердость. Сосредоточенность. Ты никогда этого не понимал.

Похоже, она опять ожесточалась. Ну конечно я не понимал ее!

— Расскажи остальное, — попросил я. — Расскажи, как ты все подстроила.

Через час вода стала холодной, и Эми решила положить конец нашей беседе:

— Ты не станешь спорить, что это филигранная работа?

Я смотрел на нее не отрываясь.

— Ты мог хотя бы чуть-чуть похвалить меня, — подталкивала она.

— За сколько времени Дези истек кровью насмерть?

— Пора спать, — ушла от ответа Эми. — Можем поговорить завтра, если захочешь. А сейчас — в постель. Вместе. Мне кажется, это важно. Важно для завершения. То есть на самом деле для начала.

— Я проведу здесь эту ночь, Эми, — кивнул я. — Просто потому, что не хочу вызвать лишних вопросов своим уходом. Но спать буду внизу.

Она склонила голову к плечу, рассматривая меня:

— Ник, не забывай, что я еще способна сделать тебе гадость.

— Да! Хуже той, что ты уже сделала?

— А почему бы и нет? — Она изобразила удивление.

— Сомневаюсь.

Я двинулся к двери.

— Попытка убийства, — сказала она.

Я остановился.

— Я запланировала это с самого начала. Несчастная слабая женщина вновь и вновь испытывает приступы странной болезни. А потом все следы указывают на коктейли, которые готовил для нее муж.

— Как в дневнике.

— Затем я решила, что попытка отравления — это слишком мелко для тебя. Лучше бы что-нибудь посерьезнее. Однако мысль о яде никак не шла из головы. Я думала-думала и придумала. Ты спланировал убийство заранее. Сначала попробовал способ, которым пользуются трусы. Но я выжила…

— Думаешь, поверят?

— Как же меня рвало тогда, это просто кошмар! И бедная напуганная жена могла сохранить исторгнутое ее желудком. Просто на всякий случай. Не станешь же ты порицать ее за маленькую паранойю? Даже к запасному плану всегда нужно иметь запасной план.

— Так ты что, по-настоящему травануласъ?

— Неужели тебя это шокирует?

— Мне надо выпить, — покачал я головой и, прежде чем она вымолвила хоть слово, ушел.

Налив скотча, я расположился на оттоманке в гостиной. За занавесками двор ярко освещали прожекторы. Ночь шла на убыль. На меня накатывала утренняя депрессия, как бывало много раз.

Таннер Болт принял звонок сразу же.

— Она его убила, — сказал я. — Убила Дези, потому что он… по большому счету мешал ей. Начал свою игру, и Эми сообразила, что может безбоязненно вернуться к прежней жизни и все свалить на него. Она убила его, Таннер! Сама только что сказала. Призналась во всем.

— Как я понимаю, записать ее слова не было возможности? На телефон или что-нибудь еще…

— Мы стояли нагишом под душем, шумела вода, и Эми говорила шепотом.

— Даже спрашивать не хочу, — проговорил он. — Вы оба самые трахнутые на всю голову люди из всех трахнутых на всю голову людей, которых я когда-либо видел, а ведь я на них специализируюсь.

— А что полиция?

— Эми одурачила их всех, — вздохнул он. — Ее история смешная, но не более смешна, чем наша. Ваша жена, как правило, эксплуатирует самый надежный принцип социопатов.

— Какой?

— Чем больше ложь, тем легче в нее верят.

— Слушайте, Таннер, но ведь должна же быть какая-то зацепка.

Я прошел к лестнице, чтобы убедиться: Эми не подслушивает. И все равно мы разговаривали шепотом. Приходилось соблюдать крайнюю осторожность.

— Нужно рассмотреть все с самого начала, Ник. С ее показаний вы выглядите неважнецки. Эми утверждает: все, что написано в дневнике, — правда. Все вещи в дровяном сарае ваши. Вы купили их по своей кредитной карточке, а потом стеснялись признаться. Она всего-навсего маленькая богатая девочка, которая привыкла, чтобы о ней заботились. Откуда ей знать код кредитной карточки мужа? И боже мой, там же порнография!

— Она призналась, что беременности не было. Тесты подделаны. Она использовала мочу Ноэль Хоторн.

— Что ж вы раньше не сказали! Это здорово! Мы разговорим Ноэль Хоторн.

— Она ничего не знала.

Послышался громкий вздох. Адвокат даже не потрудился спросить о подробностях.

— Ладно, посмотрим. Поищем. Может, что-нибудь и найдется.

— Я не могу находиться в одном доме с этой тварью. Она шантажирует меня…

— Попыткой отравления? Антифриз, да? Я слышал, было что-то связанное с коктейлями.

— Меня могут арестовать, основываясь на этих показаниях? Она говорит, что спрятала немного рвоты. Улика. А что, в самом деле можно…

— Ник, не будем забегать вперед, ладно? Делайте хорошую мину при плохой игре. Мне неприятно это говорить, я сам себя ненавижу, но единственная подсказка юриста, которую я могу вам сейчас дать: не порите горячку.

— Не пороть горячку?! Это и весь совет? Мой супер-мега-адвокат советует мне не пороть горячку?! Мать вашу растак!

Охваченный яростью, я выключил телефон.

«Я убью ее, — думал я. — Убью мерзкую, подлую суку!»

И я снова окунулся в мечты, которые преследовали меня несколько последних лет, в то время как Эми энергично развивала во мне комплекс неполноценности. Мысленно я дубасил ее молотком, мозжа голову, пока она не переставала выкрикивать унизительные слова: «зауряд-

ный», «бесхарактерный», «неоригинальный», «непрезентабельный», «нетемпераментный», «недалекий». С преобладанием приставки «не». В воображении я лупцевал ее, пока она не становилась похожа на изломанную игрушку, бубнящую «не… не… не…». Но этого мне было мало, я воскрешал ее и начинал убийство заново. Сжимал пальцы на шее — она всегда любила крепкие объятия, — и душил, и чувствовал под пальцами ее пульс…

— Ник?

Обернувшись, я увидел Эми в длинной ночной рубашке на нижней ступеньке лестницы. Голову она склонила к плечу:

— Не надо пороть горячку, Ник.

Эми Эллиот-Данн

Ночь возвращения.

Он оборачивается и, увидев меня, приходит в ужас. Хоть что-то полезное. Потому что я не собираюсь его отпускать. Он, может быть, думает, что врал, когда говорил все те приятные вещи, упрашивая меня вернуться домой. Но я чувствую разницу. Ник не может вот так лгать. Знаю: когда он произносил те слова, к нему пришло понимание истины, — дзинь!

Мы не способны любить друг друга с прежним пылом, но чувство пропитало нас до мозга костей. Такая любовь, как наша, не может не проникнуть в плоть и кровь и даже в костный мозг. У нашей любви бывают ремиссии, но вылечиться невозможно. Это самая приятная разновидность рака на свете.

Вы не хотите верить? После всего, что было? Он врал. Он пускался в гребаные домыслы и озвучивал их. Ладно, пусть так, но он проделал чертовски важную работу, поскольку я теперь хочу к нему вернуться. Такого мужчину, каким он притворялся, любят женщины. И я его люблю.

Хочу, чтобы моим мужем был именно такой мужчина.

Мужчина, которого создала я. Мужчина, которого я заслуживаю.

А значит, он может добровольно вступить на путь любви ко мне или я сломаю его и заставлю стать тем самым мужчиной, за которого я выходила замуж. Мне надоели его увертки.

— Хорошая мина, Ник, — говорю я.

Он мне напоминает ребенка. Разозлившегося ребенка. Даже кулачки сжал.

— Нет, Эми.

— Я могу уничтожить тебя, Ник.

— У тебя уже получилось. — (Я вижу, как ярость дрожью поднимается в нем.) — Господи, ну почему ты решила со мной остаться? Я серый, посредственный, неинтересный, никакой. Я не соответствую твоему уровню. Сколько лет ты мне это твердила.

— Исключительно потому, что прекратил попытки. Со мной ты был само совершенство. Мы оба были само совершенство, когда начинали. А потом у тебя опустились руки. Почему?

— Я разлюбил тебя.

— Почему?

— Ты разлюбила меня. Мы с тобой как ядови-

тая лента Мёбиуса, Эми. Когда встретились и полюбили друг друга, мы не были собой, а когда перестали вдруг притворяться — наполнились отравой. И теперь пытаемся прикончить друг друга самыми отвратительными, самыми гнусными способами. На самом деле ты не любишь меня, Эми. Разведись со мной. Давай разведемся и попробуем найти свое счастье порознь.

— Ник, я не собираюсь разводиться с тобой. И готова поклясться: вздумаешь сбежать, я посвящу остаток дней тому, чтобы сделать твою жизнь чудовищной. И ты знаешь, что у меня получится.

— Но подумай, Эми! — зашагал он, как медведь по клетке. — Подумай, как плохо мы подходим друг другу, — пожалуй, в мире больше нет таких несовместимых людей, соединенных волею случая. Если ты не разведешься со мной, то подам на развод я.

— Правда?

— Я разведусь с тобой, Эми. Но это ты должна развестись со мной. Ведь я знаю, о чем ты думаешь. Тебе кажется, это не феерический финал. Удивительная Эми убивает захватившего ее насильника и возвращается домой… И тут обыденный, скучный развод. Ты считаешь, что в нем нет ничего триумфального.

Это и впрямь нетриумфально.

— Взгляни под другим углом, Эми. Твоя история — не калька с набивших оскомину сериалов о спасенных. Телевизионных сериалов девяносто второго года выпуска. Нет! Ты решительная, энергичная, независимая женщина. Устранив похитителя, ты взялась приводить в порядок собственный дом. Надо освободиться от лживого изменника-мужа. Женщины будут аплодировать тебе стоя. Ты не запуганный ребенок — ты боец, который не берет пленных. Подумай об этом. И ты поймешь, что я прав. Эра милосердия заканчивается. Она, как говорят французы, passe.[10] Вспомни всех обманутых знаменитых женщин — жен политиков, актрис. В наше время ни одна из них не смирилась бы с обманом, не стала бы жить с изменщиком.

Во мне вскипает ненависть к Нику. Как он пытается выкрутиться из нашего брака! Хотя я уже говорила — трижды, если считать это утро, — что развод невозможен. Он все еще полагает, что найдет силы.

— Значит, если я не разведусь с тобой, ты разведешься со мной? — спрашиваю я.

---

[10] Примечания: 10
Старомодная *(фр.).*

— Я не хочу быть женатым на такой женщине, как ты. Мне нужна обычная женщина.

Вот дерьмо!

— Вижу, ты скучаешь по ипостаси безвольного неудачника. Просто хочешь смыться? Нет! Ты не сможешь жить в манере скучного среднезападного американца с какой-нибудь местной скучной девчонкой. Ты пробовал уже — помнишь ту крошку? Даже если очень захочешь, у тебя ничего не выйдет. Ты прославишься на всю Америку как развратная жопа, бросившая в трудный момент жену — жертву похитителя и насильника. Думаешь, хоть одна нормальная женщина посмотрит на тебя? Ты добьешься всего лишь…

— Ты психопатка? Полоумная сука? — Он тычет пальцем в мою сторону.

— Не называй меня так!

— Сукой и психопаткой?

Ну да! Для него самый простой выход — предложить мне такой путь. Но от меня так легко не избавиться.

— Все, что я делаю, Ник, я делаю обдуманно. Все мои поступки подчинены плану, распорядку и дисциплине.

— Ты вздорная, эгоистичная, холоднокровная психопатка и сука…

— А ты мужчина средних способностей, ревнивый, трусливый, скучный подкаблучник. Без меня таким и остался бы. Занудой. Но я изменила тебя. Со мной ты стал лучше, и ты это знаешь. За всю свою жизнь ты нравился себе только тогда, когда притворялся человеком, достойным моей любви. А кто ты без меня? Без меня ты станешь своим отцом.

— Не говори так, Эми. — У него сжимаются кулаки.

— Думаешь, ему не причиняла боль женщина, как и тебе? — Я это говорю умиротворяющим тоном, будто общаюсь с собакой. — Он не считал, что заслуживает большего, как и ты? Ты в самом деле веришь, что твоя мать — его первая любовь? А почему же тогда он так ненавидел всех вас?

— Заткнись, Эми. — Ник шагает ко мне.

— Пораскинь мозгами, и поймешь, что я права. Даже если отыщешь милую заурядную девочку, ты будешь вспоминать обо мне ежедневно. Что, скажешь, не так?

— Не так.

— А вспомни, как ты даже думать забыл о своей Способной Энди, едва решил, что я снова тебя люблю. — Эти слова я произношу детским голоском, даже нижнюю губу выпячиваю. — Сколько

любовных записок тебе понадобилось, дорогуша? Одна? Две? Две записки о том, что я люблю тебя, и хочу восстановить отношения, и считаю тебя лучшим, чем ты есть на самом деле. «ТЫ ВЕЛИКОЛЕПЕН. ТЫ ОСТРОУМНЫЙ. ТЫ ТЕПЛЫЙ». И ты сразу размяк. Думаешь, когда-нибудь ты сможешь стать обычным мужчиной? Найдешь простую девчонку, но будешь вспоминать обо мне. Скучная, обыденная жизнь с дурочкой-женой и парой дурачков-детишек не удовлетворит тебя. Ты вспомнишь обо мне, посмотришь на жену и подумаешь: «Тупая сука».

— Заткнись, Эми. Это все, что я хочу сказать.

— Просто ты похож на своего отца. Мы все суки в конечном итоге, разве не так, Ник? Тупая сука, сука-психопатка.

Он хватает меня за руку и сильно дергает:

— Я та сука, которая помогает тебе стать лучше.

Ник замолкает. Все силы он тратит на то, чтобы не дать волю рукам. Глаза блестят от слез. Он шатается.

— Я та сука, которая делает тебя человеком.

И тогда он хватает меня за горло.

Ник Данн

Ночь возвращения.

Я ощутил пальцами ее пульс, о чем так давно мечтал. Сжал посильнее и повалил ее на пол. Эми царапала мои запястья и издавала звуки, напоминающие клекот. На десять секунд мы застыли лицом к лицу на коленях, будто в молитве.

«Гребаная сука-психопатка».

Слеза капнула с моего подбородка.

«Ты убийца, трахальщица мозгов, злобная сумасшедшая сука».

Эми смотрела не мигая яркими голубыми глазами.

И вдруг очень жуткая мысль пьяно вывалилась из глубин сознания: «Кем же я стану, если убью Эми?»

В глазах полыхнуло белым. Я отдернул руки от Эми, как от раскаленного железа.

Она рухнула на пол, задыхаясь и кашляя. Наконец дыхание вернулось к ней, хриплое и тяжелое, с каким-то странным, почти эротическим взвизгом в конце каждого вздоха.

«Кем же я стану?»

Вопрос не риторический. На него нельзя ответить чопорно: «Да, ты станешь убийцей, Ник. Ты станешь тем, за кого тебя все принимают».

Нет.

На самом деле вопрос бил в самую глубину души: «Кем же я стану без Эми?»

Ведь она права. Как человек я был наиболее ярок, когда любил ее, и еще ярче, когда ненавидел. Я знал Эми всего лишь семь лет, но уже не мог вернуться к жизни без нее. Она совершенно права: судьба обывателя для меня теперь недостижима. Я знал это до того, как услышал от Эми. Представлял себя рядом с обычной женщиной — милой, нормальной соседкой — и воображал, как рассказываю ей про Эми, про то, как жена наказала меня, а потом вернулась ко мне, — а обычная женщина в ответ тянет всякую банальщину: «О не-е-ет… Ну на-адо же-е…» И я знал, что буду смотреть на нее и думать: «Ты никогда не убивала ради меня. Ты никогда не создавала меня. Ты даже не представляешь себе, как начать то, что удалось Эми. Ты не способна на такую заботу обо мне».

Избалованный маменькин сынок не сможет обрести покой с обычной женщиной — очень скоро она перестанет казаться нормальной, опустится

в его глазах ниже некуда, и тогда у него в голове зазвучит голос отца: «Тупая сука».

И уже никогда не утихнет.

Эми как в воду глядела.

И похоже, для меня не существует выхода.

Эми — это яд, но я не могу представить свой мир без нее. Кем я стану, если она без следа исчезнет из моей жизни? Нет, не исчезнет. Выбор сделан. Но ее необходимо обуздать. Эми в тюрьме — вот отличный финал. Из камеры ей до меня не дотянуться, а я бы посещал ее время от времени. Или, по крайней мере, вспоминал о ней, вызывал в воображении. Родное сердце, бьющееся где-то вдали…

И отправить ее за решетку — мой долг. Я обязан искупить свою вину. Эми сделала меня лучше — это моя заслуга, а я позволил безумию жены расцвести буйным цветом.

На свете миллион мужчин, которые охотно согласились бы любить, уважать Эми и повиноваться ей, да еще при этом считали бы себя счастливчиками. Эти надежные, уверенные в себе настоящие мужчины не вынуждали бы ее играть чужую роль, а принимали бы ее как есть: по-своему совершенной, твердой, требовательной, умной, креативной, обворожительной,

хищной, маниакально эгоцентричной — как сейчас.

Эти мужчины обожали бы Эми.

И они, наверное, спасли бы ее от помешательства.

Судьба Эми могла пройти миллионом разных путей. Но был выбран тот путь, на котором оказался я, — случилось худшее из того, что могло случиться. А значит, и остановить ее предстоит мне.

Не убить, но остановить.

Посадить Эми в один из ее ящиков.

Эми Эллиот-Данн

Пять дней после возвращения.

Теперь я точно, совершенно точно знаю, что с Ником необходимо быть осторожнее. Он уже не такой ручной. В нем теперь есть что-то от электроприбора — и рубильник в положении «вкл.». Мне нравится. Но все равно нужно принять меры.

Вернее, нужна одна, но очень надежная страховка.

Чтобы обеспечить ее, понадобится время. Но я всегда планирую заранее. Я должна все тщательно распланировать, но это для меня дело привычное. А пока можно поработать над восстановлением отношений. Начнем с фасада. У нас будет счастливый брак, и точка.

— Ты уж постарайся полюбить меня снова, — сказала я наутро после того, как он едва не задушил меня. Кстати, в этот день Нику исполнилось тридцать пять, но он предпочел не напоминать об этом. Моих подарков мужу хватило с лихвой. — За вчерашнее я тебя прощаю, мы оба изнервничались. Но уж теперь изволь

постараться.

— Я знаю.

— Все должно быть по-новому.

— Знаю, — повторяет он.

Нет, он еще ничего не знает. Но скоро узнает.

Мои родители посещают нас ежедневно. Ранд, Мэрибет и Ник просто купают меня в заботе. Подушки… Каждый норовит подсунуть мне подушку. Просто какой-то массовый психоз — думают, после изнасилования и выкидыша я стала хрупкой и болезненной, пальцем меня тронь, и сломаются кости. И я кладу ноги на пресловутую оттоманку, я осторожно ступаю по кухонному полу, где пролилась моя кровь. За мной надо заботливо ухаживать.

Но меня непривычно нервирует, когда Ник разговаривает с кем-то посторонним. Такое чувство, что он вот-вот проболтается, — его словно распирает от проклятий.

Ник мне необходим, я это понимаю. Он нужен, чтобы моя история была максимально правдоподобной. Мой муж не должен винить меня и возмущаться, а должен признать, что это он накупил по своей кредитке и спрятал в сарае товары, что это он добился оформления страховки. Иначе останется недоверие к моей версии событий.

В моем стройном сюжете есть несколько проколов. В основном они связаны с людьми. Полиция и ФБР тщательно проверяют мои слова. Я знаю, Бони мечтает меня арестовать. Но копы так напортачили раньше, выставили себя такими дураками, что не посмеют тронуть меня, не имея на руках веских улик. У них есть только показания Ника, который клянется, что ни в чем не виноват, против моих, что он виноват.

Я подготовилась даже к появлению своих «друзей» из Озарка, Джеффа и Греты, в поисках славы или денег. Сообщила полиции, что Дези не сразу привез меня в особняк на озере, а продержал несколько дней с завязанными глазами, с кляпом во рту и под воздействием одурманивающих препаратов — это я так думаю, что несколько дней! — в какой-то комнате. Может быть, в мотеле? Или в квартире? Не уверена, все так расплывчато. Вы же понимаете, я была затерроризирована, да еще эта химия. Если Джефф и Грета все-таки притащатся и убедят копов отправить экспертов в «Убежище странника», то найденные отпечатки пальцев и другие следы станут лишним подтверждением моих слов.

Поэтому Ник — единственная проблема, но скоро я перетяну его на свою сторону. Я действовала

осторожно и не оставила свидетельств против себя. Может, полиция и не верит мне до конца, но поделать ничего не может. Я догадываюсь по злому голосу Бони, что она не успокоится и попробует найти улики. Но чем больше она будет рыть, тем больше людей отвернется от нее. Она уже сейчас похожа на фанатичку-конспирологиню, все зенки пучит и не приемлет никаких возражений. Осталось только шапочку из фольги нацепить.

В общем, расследование постепенно сходит на нет. А вот «Удивительная Эми», напротив, приобрела второе дыхание. Издательство прислало моим родителям униженную просьбу написать еще одну книгу и получило их согласие в обмен на щедрый гонорар. В который раз из меня будут тянуть психические соки ради звонкой монеты? Нынче утром они уехали из Карфагена. Заявили, что так будет лучше для Ника и для меня (именно в этом порядке). Нам-де надо побыть наедине, время лечит и прочее. Но я-то знаю правду.

Они хотят поскорее вернуться к работе. Сказали, что попытаются найти «нужный тон». И сообщить в этом «нужном тоне»: наша дочь была похищена и многократно изнасилована чудовищем, которому она потом перерезала горло… но

мы вовсе не хотим наварить на этом деньжат.

Мне не интересно, как они намерены восстанавливать свою жалкую империю, потому что каждый день мне звонят и просят изложить на бумаге собственную историю. Мою, мою, и только мою! Надо лишь выбрать самое выгодное предложение и садиться за работу. А еще надо сделать так, чтобы Ник дал согласие на мой вариант финала.

Мой вариант финала — счастливый.

Я знаю, любовь ко мне еще не возродилась в душе Ника, но куда он денется? Буду шантажировать его, пока не получу желаемый результат. Сейчас он ведет себя как прежний Ник, а я — как прежняя Эми. Как в ту пору, когда мы были счастливы. Когда не знали друг друга так, как знаем теперь.

Вчера, прохладным августовским утром, я стояла на веранде и любовалась рассветом. Ник выглянул из окна кухни с большой чашкой кофе — хочешь? Я кивнула, и мы стояли рядом, и пили кофе, и глядели на реку, и нам было нормально и спокойно.

Ник все еще не спит со мной. Ночует в гостевой комнате на первом этаже, запирая дверь. Но рано или поздно я его одолею, возьму измором, за-

стигну врасплох, и он разделит со мной постель. Посреди ночи я повернусь к нему, обовью, как цепкая лоза, и тогда он станет моим до самой последней частички души.

Ник Данн

Тридцать дней после возвращения.

Эми уверена, что держит ситуацию под контролем, но она заблуждается. Вернее, так: однажды она ошибется.

Бони, Го и я работаем в одной команде. Полиция, ФБР и все остальные утратили интерес к расследованию. Но вчера Бони неожиданно позвонила мне. Она не представилась, когда я принял вызов, словно мы старые друзья. Пригласила на чашку кофе. Я захватил Го из дому, и мы встретились в «Панкейк-хаусе». Детектив уже ждала в кабинке; при нашем появлении встала и вяло улыбнулась. Ей досталось от репортеров на орехи. Мы замялись, не зная, как теперь ее приветствовать — рукопожатиями или объятиями. Остановились на кивках.

Еще до того, как нам принесли заказ, она сказала:

— У меня есть дочь. Тринадцать лет. Миа. В честь Мии Хэмм. Она родилась в тот день, когда мы выиграли чемпионат мира. Вот такая у меня девчонка.

Я приподнял бровь: продолжайте, очень интересно.

— Вы как-то спросили, есть ли у меня дети, я не ответила… Повела себя грубо. Я была уверена, что вы не виноваты, но все были против вас, и я струсила. Вела себя как дура. Даже не хотела говорить имя дочери. — Она налила нам кофе из термоса. — Так вот, ее зовут Миа.

— Ладно, спасибо за откровенность.

— Нет, я хочу сказать… Вот ерунда какая… — Бони дунула вверх, отчего разметалась ее челка. — Я хочу сказать, я знаю, что Эми вас подставила. Я знаю, что она хладнокровно убила Дези Коллингса. Я знаю это точно. Но ничего не могу доказать.

— А чем занимаются остальные, пока вы расследуете дело? — спросила Го.

— Дело закрыто. Джилпина это полностью устраивает. А я получила распоряжение от руководства: прекратить возню с этим дерьмом. Прекратить, и точка. И так уже пресса сделала из нас безмозглых деревенских ослов. Я ничего не смогу сделать без вашей помощи, Ник. У вас что-нибудь есть?

— Я знаю то же, что и вы, — пожал я плечами. — Она мне призналась во всем, но…

— Призналась?! — воскликнула Бони. — Так это же здорово, Ник! Черт возьми, давайте мы будем записывать…

— Ничего не получится. Ничего. Она все продумала. Я хочу сказать, что она хладнокровно изучила все методы полиции. Она очень умная, Ронда.

Детектив полила вафли сиропом цвета электрик. Я в то же время ткнул вилкой в яичный желток и покрутил его — нарисовал на тарелке солнце с протуберанцами.

— Когда вы называете меня Рондой, хочется на стенку лезть.

— Моя жена очень хорошо учится, миссис детектив Бони.

Ронда опять вздыбила челку дуновением. Подцепила на вилку кусочек блинчика.

— Мне и микрофон для вас не выдали бы.

— Погодите, ребята! — вмешалась Го. — Но ведь должна быть какая-то зацепка! Ник, почему не переедешь от нее, все равно же от твоего пребывания в доме никакого проку?

— Нужно время, Го. Нужно, чтобы она снова стала мне доверять. Если она заговорит со мной откровенно не в ванной, когда мы оба голые…

Бони потерла глаза и обратилась к моей сест-

ре:

— Уж не знаю, надо ли мне интересоваться подробностями…

— Они разговаривают в ванной при включенном душе. А разве там нельзя поставить какой-нибудь «жучок»?

— Шума воды ей мало, она еще и на ухо шепчет, — сказал я.

— Да, она умная, — кивнула Бони. — И учится на отлично. Я осмотрела машину, на которой она вернулась, — «ягуар» Дези. Проверила багажник, в котором, как она утверждает, Дези ее перевозил. Думала, там ничего не найдется и я уличу ее во лжи. Нет, она нарочно повалялась в багажнике, Ник! Разыскная собака взяла ее след. И мы нашли три длинных белокурых волоса. Длинные белокурые волосы! До того, как она обрезала их. Как она сумела это сделать?!

— Долгосрочные планы. Наверняка припрятала волосы, чтобы потом еще больше ухудшить мое положение.

— О господи! Вы можете представить такую в роли своей мамаши? Нипочем ее не обманешь, она всегда на три шага впереди.

— Бони, а вы можете представить ее в роли жены?

— Она проколется, — ответила детектив. — Где-то обязательно проколется.

— Вряд ли, — покачал я головой. — А не могу я просто свидетельствовать против нее?

— Вам никто не поверит. Ваша судьба находится целиком в руках Эми. Она оправдала вас — она же может окончательно и уничтожить. Если захочет дать огласку истории с антифризом.

— Найти бы ту блевотину… Если я избавлюсь от рвоты и мы поймаем Эми на противоречиях…

— Нужно еще раз изучить дневник, — вставила Го. — Семь лет вела! Там обязательно найдутся нестыковки.

— Мы попросили Ранда и Мэрибет прочитать дневник — вдруг им что-то покажется странным, — сообщила Бони. — Угадаете, каков был ответ? Я думала, Мэрибет глаза мне выцарапает.

— А как насчет Жаклин Коллингс, или Томми О'Хара, или Хилари Хэнди? — продолжала Го. — Они знают настоящую Эми. Чем-нибудь да помогут.

— К сожалению, этого мало, — покачала головой Бони. — Им меньше веры, чем Эми. Это общественные симпатии в чистом виде, но именно их руководство сейчас принимает во внимание.

И она говорила правду. Жаклин Коллингс несколько раз спонтанно появлялась на разных телеканалах, настаивая на невиновности сына. Начинала она всегда хорошо, но, как правило, материнская любовь играла с ней дурную шутку. Через какое-то время ее уже воспринимали как несчастную сломленную женщину, которая отказывалась поверить в преступление сына. И чем больше ее жалели, тем пуще она кричала и злилась. В конце концов Жаклин полностью утратила сочувствие зрителей. Ее очень быстро списали. Томми О'Хара, а также Хилари Хэнди обращались ко мне, разъяренные безнаказанностью Эми, предлагали выступить со своими историями. Но никто не хотел их слушать — для толпы они были двумя психически неуравновешенными ничтожествами. «Крепитесь, — посоветовал я им, — и мы добьемся успеха». Хилари и Томми, Жаклин и Бони, я и Го — наш час еще придет. Я внушал себе, что верю в это.

— А что, если привлечь на нашу сторону Энди? — предложил я. — Уговорим ее засвидетельствовать, что во всех местах, где Эми спрятала подсказки, мы с Энди занимались сексом. Люди любят Энди, ей поверят.

После появления Эми к Энди вернулась ее бы-

лая жизнерадостность. О ее жизни я знал только из случайно попадавших на глаза заметок в желтой прессе. Она встречалась с парнем, своим ровесником, симпатичным, лохматым и всегда с наушниками на шее. Выглядела эта парочка просто классно — молодые, здоровые. Газетчики восхищались ими; самый лучший заголовок — «Любовь находит Энди Харди». Эту отсылку к фильму 1938 года с Микки Руни могли понять от силы двадцать человек.

Я отправил ей СМС: «Прости. За все». Ответа не получил. Но искренне желал ей только хорошего.

— Совпадение. — Бони пожала плечами. — Я имею в виду, странное совпадение, но… недостаточно впечатляющее, чтобы двигаться дальше в такой атмосфере. Ник, вы должны заставить жену проговориться. Вы — наша единственная надежда.

Го стукнула чашкой с кофе о стол:

— Я вот слушаю, слушаю — и ушам своим не верю. Ник, я не хочу, чтобы ты жил в этом доме. Ты не коп под прикрытием. Ты живешь с убийцей. Вали оттуда, к херам! Всем насрать на то, что она убила Дези, но мне лично не насрать, что она точно так же может поступить и с тобой. В

один прекрасный день пережаришь для нее сыр, а потом мне позвонят и скажут, что ты свалился с крыши и разбился насмерть. Вали оттуда!

— Не могу. Пока не могу. Она не отпустит. Ей слишком нравится игра.

— Так прекрати ей подыгрывать.

Но я не могу прекратить. Я ведь постепенно совершенствуюсь в этой игре. Буду рядом с Эми до тех пор, пока не подловлю на чем-нибудь. Я единственный человек, кому это по силам. Рано или поздно Эми размякнет и проговорится, а я смогу это использовать. Неделю назад я перебрался в нашу спальню. Секса у нас нет, мы стараемся даже не прикасаться друг к другу, но спим в одной постели как законные муж и жена, что ослабляет бдительность Эми. Иногда я поглаживаю ее волосы. Зажимаю локон между пальцами, слегка дергаю, будто звоню в звонок. Обоим это нравится. В этом-то и проблема.

Мы притворяемся, будто любим друг друга, делаем то, что нам нравилось, когда мы были влюблены; и наши взаимоотношения похожи на любовь, поскольку мы искусно играем роли. Романтика раннего этапа нашего брака восстанавливается как мышечная память. Когда я забываю — а я иногда могу ненадолго забыть,

кем же является моя жена, — то даже получаю удовольствие от общения с ней. Или с тем человеком, которым она притворяется.

Факт, что моя жена — убийца, иногда кажется забавным. Можно привести пример? Однажды вечером я, как в старые добрые времена, принялся изображать омара, а Эми делала вид, что ловит меня. Получился скетч в духе «Энни Холл», и меня это так увлекло, что пришлось на минуту выбежать из комнаты. В ушах отдавался стук сердца; снова и снова я твердил, как мантру: «Эми убила человека, она и тебя убьет, если не будешь очень-очень осторожным». Моя супруга — такая веселая, такая красивая убийца — запросто расправится со мной, если я ее чем-нибудь раздосадую.

Я понял тогда, что боюсь находиться в собственном доме. Например, делая сэндвич на кухне в обед и слизывая ореховое масло с ножа, я обернулся и, увидев ее, подкравшуюся тихо-тихо, на цыпочках, дернулся от испуга.

Я, Ник Данн, который привык забывать разные мелочи, теперь репетирую каждую фразу, чтобы ни в коем случае не задеть женины чувства. По вечерам я записываю свои наблюдения за Эми: что она любит, чего не любит. Это на тот случай,

если Эми устроит мне персональный опрос. Я теперь великолепный муж — по той простой причине, что очень не хочу принять смерть от руки своей благоверной.

Мы никогда не обсуждаем мою паранойю, ибо притворяемся, будто любим друг друга, и я делаю вид, что совсем не боюсь жену. А она временами бросает прозрачные намеки. Например: «Знаешь, Ник, ты можешь спокойно спать со мной в одной кровати. Просто спать. И все будет хорошо. Я обещаю. Случай с Дези — не прецедент. Закрывай глаза и спи».

Но я не могу уснуть. Не могу закрыть глаза, когда она рядом. Словно я в одной банке с пауком.

Эми Эллиот-Данн

Восемь недель после возвращения.

Меня так и не арестовали. Полиция перестала лезть с вопросами. Я чувствую себя в безопасности, а вскоре застрахуюсь и от грядущих неприятностей.

Мне до того спокойно, что я вчера нисколько не расстроилась, когда спустилась позавтракать и обнаружила на кухонном столе пустую банку, в которой хранила образец рвоты.

Ник — воришка — избавился от этой маленькой улики. Я поморгала и выкинула банку в мусорное ведро.

Она теперь не имеет никакого значения.

Потому что моя жизнь налаживается.

У меня подписан договор с издательством. Я официальный автор нашей истории. Это символично, и это здорово. Что собой так или иначе представляет любой брак? Просто всякую тягомотину: он сказал, она сказала? Нет уж, говорить будет она, а Нику придется улыбаться и соглашаться. Я напишу, каким хочу его видеть: романтичным и предупредительным, глубоко

раскаивающимся за все эти шалости с покупками в кредит и дровяным сараем. Пусть я так и не добилась, чтобы он попросил за все прощения вслух, — все равно он выскажется в моей книге. А потом Ник поедет со мной в рекламный тур и будет улыбаться, улыбаться, улыбаться…

Назову я книгу просто — «Изумительная». Вызывающая изумление, необыкновенная, восхитительная. Это будет вишенка на торте моей истории.

Ник Данн

Девять недель после возвращения.

Я отыскал рвоту. Эми спрятала банку у задней стенки морозильной камеры, в коробке с брюссельской капустой. Коробка обросла льдом, и немудрено, ведь она пролежала там несколько месяцев. Догадываюсь, что имею дело с очередной «внутренней» шуткой Эми: Ник не ест овощи, Ник не чистит холодильник, Ник и не подумает сюда заглянуть.

А Ник заглянул.

Ник теперь умеет чистить холодильник. Ник даже знает, как его правильно размораживать. Я вылил рвоту в канализацию, а банку поставил на видное место, чтобы Эми нашла ее.

Она бросила банку в мусорное ведро. И ни слова мне не сказала.

Что-то идет не так. Не знаю что, но догадываюсь: события разворачиваются не слишком выгодно для меня.

Моя жизнь похожа на книжный эпилог. Таннер Болт занялся новым делом. Певец из Нэшвилла узнал, что жена ему изменяет, и на следующий

день ее тело обнаружили на «Свалке Харди», неподалеку от их дома, а рядом — молоток с его отпечатками пальцев. Таннер вспоминает меня, аргументируя защиту: «Знаю, что дело выглядит нехорошо, но есть прецедент Ника Данна! Его дело выглядело не лучше, а чем все закончилось?» Я почти ощущаю, как он подмигивает мне через объективы видеокамер. А иногда от него приходят эсэмэски: «У вас порядок?» или «Ну что там?»

А ничего…

Мы с Бони и Го продолжали встречаться в «Панкейке», просеивая историю Эми через мелкое сито. Все пытались найти какую-то зацепку для обвинения. Мы изучили дневник от корки до корки, разыскивая нестыковки. Дошли до отчаянных придирок и копания в мелочах. Например, вот тут она упомянула Дарфур, а разве говорили о нем СМИ до 2010 года? А потом мы разыскали выпуск новостей с Джорджем Клуни — еще в 2006-м обсуждалась гуманитарная катастрофа в Судане.

А вот моя лучшая придирка:

— Вот тут Эми в июле две тысячи восьмого хохмит насчет задавленного бомжа, но мне кажется, эта шутка не была в ходу до две тысячи девятого.

— Передайте сироп, юморист, — отозвалась Бони.

Люди забыли о нас, вернувшись к своим проблемам. С нами осталась Бони. И Го.

Затем случилось кое-что еще. Умер мой отец. Ночью, во сне. В последний раз его кормила женщина. Койку ему в последний раз стлала женщина. Обмывала его мертвое тело женщина. И сообщила мне о его смерти тоже женщина.

— Он был хорошим человеком, — произнесла она обязательную тупую банальность.

— Нет, не был, — ответил я.

И она рассмеялась так, словно услышала лучшую шутку за месяц.

Раньше я думал, что испытаю облегчение, когда умрет отец, но теперь почему-то в груди поселилась огромная жуткая пустота. Всю жизнь я сравнивал себя с отцом, вот его не стало. И только Эми все еще борется со мной.

После немноголюдной тоскливой панихиды я не поехал к Го, а вернулся домой, где крепко обнял Эми. Все верно, я вернулся домой, к жене.

«Мне нужно покинуть эти стены, — думал я. — Мне нужно порвать с Эми раз и навсегда».

Сжечь все мосты и не возвращаться.

«Кем же я стану без Эми?»

Это я и должен выяснить. Я расскажу свою собственную историю. Как же все просто!

На следующее утро, когда Эми увлеченно защелкала клавиатурой, чтобы подарить миру свою «Изумительную», я перенес в гостиную ноутбук и уставился на сияющий белый экран.

Вот и начата первая страница моей книги.

«Я изменник, слабак и трус, и я герой этого повествования. А женщина, которой я изменял, моя жена Эми Эллиот-Данн, — убийца и социопатка».

Я перечитал строчки.

Годится. Я бы и сам не отказался почитать про такое.

Эми Эллиот-Данн

Десять недель после возвращения.

Ник до сих пор притворяется. Мы оба притворяемся, что беззаботны и счастливы, что любим друг друга. Но я слышу, как поздно вечером он стучит по клавиатуре ноутбука. Он пишет. Пишет свою историю, в этом нет сомнений. В лихорадочной спешке изливает мысли на клавиши, а те щелкают и цокают, как миллион насекомых. Когда Ник засыпает (хотя он сейчас спит беспокойно и настороженно, а я — крепко и спокойно, как он в прежние времена), я пытаюсь залезть в его файлы. Как бы не так — он усвоил урок. Перестал забивать в окно пароля день рождения — свой, или матери, или Бликера. Мне не удалось заглянуть в текст. Но я по-прежнему слышу, как он печатает быстро, без пауз, и представляю себе Ника, сгорбленного над клавиатурой, его плечи, торчащий между зубами кончик языка. Тогда я понимаю, что совершенно права, пытаясь лишний раз подстраховаться. Защитить себя.

Потому что пишет он отнюдь не любовный роман.

Ник Данн

Двадцать недель после возвращения.

Я не уехал. Я хотел поразить свою жену, которая не привыкла чему бы то ни было удивляться. Хотел вручить ей рукопись на крыльце, перед тем как отправлюсь заключать договор с издательством. Вот-вот весь мир узнает правду и обрушит накопившееся дерьмо тебе на голову, а ты и поделать-то ничего не сможешь. Возможно, ее так и не упрячут в тюрьму, поскольку книга — всего-навсего мое слово против ее слова. Но на своем примере я убедился, как важно общественное мнение, даже если закон молчит.

Итак, выходим на поле. Команда Ника против команды Эми. Игра продолжается. Хоть гребаными футболками торгуй…

Когда я шел к Эми, колени слегка дрожали. Ведь я намеревался выйти из ее сюжета.

Я показал ей рукопись, жирным шрифтом напечатанный заголовок «Сука-психопатка». Как бы очередная «внутренняя» шутка. Мы оба их любим. Я ждал, что она вцепится ногтями мне в лицо, разорвет рубашку, укусит меня.

— О, ты как раз вовремя, — бодро проговорила Эми, широко улыбаясь. — Могу я тебе кое-что показать?

Я заставил ее повторить опыт на моих глазах. Помочиться на полоску. При этом сидел рядом на корточках и следил, чтобы струя попадала точно на «тест», окрашивая его в голубой цвет — подтверждая беременность.

Затем я затолкал Эми в машину и повез к врачу. Следил, когда у нее брали кровь — а ведь она всем наврала, что не выносит вида крови! — и ждал два часа результаты анализа.

Эми была беременна.

— Ну уж точно не от меня, — возмутился я.

— А вот и от тебя, — опять улыбнулась она, пытаясь залезть ко мне в объятия. — Поздравляю, папочка.

— ЭМИ!!!

Я поверить не мог. Ведь с ее возвращения мы не занимались сексом.

И вдруг вспомнил — упаковка салфеток, кресло, обитое винилом, телевизор и диски с порно… И моя сперма, которая лежала в каком-нибудь больничном холодильнике. Когда пришла бумага насчет моего добровольного отказа от хранения, я оставил ее на столе, и она сразу же затерялась.

А вот моя жена не считала ворон, она живо смекнула, что такой материал может ей очень даже пригодиться.

Гигантский пузырь радости вздулся в груди — и я ничего не мог с этим поделать, — а потом радость сменилась металлическим привкусом ужаса.

— Я вынуждена кое-что делать для обеспечения собственной безопасности, Ник, — сказала Эми. — По одной-единственной причине: я не могу полностью доверять тебе. Ну, для начала ты должен уничтожить эту рукопись. А для полной гарантии поклянешься мне в том, что покупки в кредит, спрятанные в сарае, сделаны тобой и что ты считал, будто я тебя подставляю, но сейчас любишь меня, я люблю тебя и наши отношения в полном порядке.

— А если откажусь?

— Думаю, это будет просто ужасно… — Она положила ладонь на свой едва наметившийся животик и нахмурилась.

Мы потратили годы, пытаясь доказать друг другу, кто главнее в нашем семейном союзе, в нашей истории любви, в нашей судьбе. И вот я проиграл окончательно и бесповоротно. Я создал рукопись, а она создала жизнь.

Можно было бы посудиться за ребенка, но я знал, что мне не победить. Эми наслаждается войной — кто знает, какие резервы она еще приготовила? Когда она родит, я не буду даже «папой выходного дня», мне позволят общаться с ребенком только в присутствии инспектора по делам несовершеннолетних, лениво потягивающего кофе за соседним столиком. А возможно, Эми и на этом не остановится. Представляю себе обвинения в приставании из хулиганских побуждений к малолетним или даже в насилии, а тогда я точно никогда не увижу своего малыша, его упрячут далеко-далеко. И мать будет нашептывать ложь в маленькое розовое ушко.

— Между прочим, это мальчик, — добавила Эми.

Вот так я в конце концов угодил в плен. Эми завладела мной навсегда… по крайней мере до тех пор, пока сама не решит отпустить. Я должен был спасти сына, чтобы распутать, размотать, развязать сплетенную ею страшную паутину. Я готов был отдать жизнь за своего ребенка, что, собственно, и сделал. Чтобы стать человеком достойным уважения, я выращу сына.

Я уничтожил свою книгу.

Бони приняла звонок сразу же.

— В «Панкейке»? Через двадцать минут? — спросила она.

— Нет.

Я сообщил Ронде, что скоро стану отцом и поэтому прекращаю любые попытки расследования. Что я отказываюсь от всех обвинений, дезавуирую заявление, будто моя жена пыталась навлечь на меня подозрение в убийстве, соглашаюсь с отведенной мне ролью в покупке вещей в кредит.

Бони долго молчала. Потом пару раз хмыкнула.

Я представлял, как она жует щеку и расчесывает пальцами жидкие волосы.

— Берегите себя, Ник, — наконец сказала она. — Берегите и малыша тоже. — Потом рассмеялась. — А вашу Эми и правда на кривой козе не объедешь.

Сестре я рассказал новость не по телефону, а явившись к ней домой. Бодрился при этом: мол, на самом деле новости хорошие. Ребенок! Ты себе не представляешь, как я ждал этого ребенка! Можно ненавидеть обстоятельства, но как можно не любить малыша?

Я думал, Го мне врежет. Она придвинулась так близко, что я ощущал ее дыхание, и ткнула в грудину указательным пальцем.

— Ты просто хочешь оправдать свое желание остаться, — прошептала она. — У вас противоестественная тяга друг к другу. Не семейка, а бомба ядерная. И однажды она рванет, Ник. Еще как рванет! Ты правда веришь, что выдержишь еще восемнадцать лет? А о том, что она тебя угробить способна, не думаешь?

— Нет, пока я тот, кого она считает своим мужчиной. Я перестал им быть на время, но навыки остались.

— А тебе не приходило в голову, что ты сам способен ее убить? Что можешь сделаться таким же, как наш папаша, не задумывался?

— Го, ну как ты не понимаешь?! Это и есть мой шанс не превратиться в Билла Данна. Я должен стать самым лучшим мужем и отцом в мире!

После этих слов Марго разрыдалась. Впервые с тех пор, как мы перестали быть детьми, я видел ее плачущей. Она вдруг села на пол, будто отказали ноги. Я опустился рядом и прижался лбом к ее лбу. Сестра проглотила слезы и сказала, глядя на меня:

— Помнишь, Ник, я говорила: буду любить тебя, что бы ни?.. Так вот, я буду любить тебя без всяких там «что бы ни».

— Помню.

— Так вот, я тебя люблю. Но ты разбиваешь мне сердце. — Го всхлипнула очень громко, совсем по-детски. — Мы ведь не знали, что все так получится.

— Да уж, поворот сюжета… — Я старался говорить беззаботным тоном.

— Она ведь не попытается нас разлучить?

— Нет, — ответил я. — Не забывай, она тоже пытается играть положительную роль.

Итак, я наконец стал для Эми парой. Наутро, когда проснулся рядом с женой, долго рассматривал ее затылок. Пытался читать мысли. И в этот раз мне не казалось, будто смотрю на солнце.

Я поднимаюсь на ее уровень безумия. Чувствую, как она снова меняет меня. Вначале я был желторотым юнцом, потом мужчиной — и плохим и хорошим. И вот теперь я персонаж. Пустил корни в бесконечный батальный роман о нашем семейном житье-бытье.

Проклятие, мне уже не представить сюжет моей жизни без Эми. Она — мой вечный антагонист.

А все, что с нами происходит, — затянутая страшная кульминация.

Эми Эллиот-Данн

Десять месяцев, две недели и шесть дней после возвращения.

Говорят, не бывает любви с условиями. Так считает большинство людей. Но если у любви нет никаких границ, рамок и правил, как мы узнаем, что поступаем верно? Если меня будут любить несмотря ни на что, к чему тогда стремиться?

По идее, я должна любить Ника, несмотря на все его недостатки. По идее, и Ник должен любить меня со всеми моими закидонами. Но конечно же, это не имеет ничего общего с реальностью. И поэтому я думаю, что большинство людей ошибаются. У любви должна быть куча правил. Любовь требует от партнеров постоянного самосовершенствования. Любовь без условий — любовь без дисциплины. Как мы уже убедились, она не приносит счастья.

Еще больше рассуждений о любви вы сможете почерпнуть из моей новой книги «Изумительная». Очень скоро!

Но прежде всего материнство. Срок, определенный врачами, истекает завтра. По совпадению

завтра наш шестилетний юбилей. Шесть лет. Железо. Я хотела подарить Нику парочку отличных наручников, но, боюсь, он еще не созрел для такой шутки. Подумать только, год назад я едва не уничтожила своего мужа. Так странно… А сейчас я занята тем, что восстанавливаю его. И работа близится к концу.

Вот уже который месяц Ник не жалеет на меня времени: растирает мне живот маслом какао, ездит в магазин за солеными овощами, массирует мои ступни. Как будто влюблен без памяти. Он учится любить меня безоговорочно, на моих условиях. По-моему, мы на пути к взаимному счастью. Наконец-то я это поняла.

Этак мы скоро станем самой лучшей семьей в мире. Просто ядерной семьей.

Нужно только не прекращать усилий. Ник пока еще не достиг полного совершенства. Сегодня утром, поглаживая мои волосы, он спросил:

— Что еще я могу для тебя сделать?

— Черт побери, Ник! — воскликнула я. — Откуда вдруг такая заботливость?

Я ожидала, что он ответит: «Просто я тебя люблю, и ты достойна самого лучшего».

Но он сказал:

— Просто мне тебя жалко.

— Это еще почему?

— Потому что тебе приходится каждое утро просыпаться тобой.

Не надо было ему так говорить. Я все думаю и думаю над его словами. Не могу остановиться.

Больше мне добавить нечего. Я всего лишь хотела убедиться, что последнее слово осталось за мной. Думаю, я это заслужила.

Благодарности

Разрешите начать со Стефании Кип Ростан, чьи мудрые советы, взвешенные суждения и добрый юмор помогали мне во время написания всех трех книг. А кроме того, с ней просто приятно поболтать. Спасибо за помощь, растянувшуюся на все эти годы. Благодарю Джима Левина и Дэниела Гринберга, а также всех сотрудников «Литературного агентства Левина и Гринберга».

Мой редактор Линдси Санетт — просто чудо. Спасибо, что уделили мне свое профессиональное внимание, что позволили мне известную степень упрямства, что спорили со мной, чтобы улучшить мою книгу, а также подбадривали на заключительном этапе работы. Если бы не вы, мой текст навеки остался бы сделанным на 82,6 %.

Огромное спасибо Молли Штерн из издательства «Краун» за отзывы, поддержку, вдумчивые комментарии и неисчерпаемую энергию.

Благодарю также Эннсли Роснер, Кристину Коппраш, Линду Каплан, Рэйчел Мейер, Джей Соунс, Кэрин Шульц, Синди Берман, Джил Флэксман, Э. Бет Томас. Спасибо Кирсти Дансит и команде из

«Орион паблишинг».

Чтобы получше разобраться в работе полиции и вообще в юридических вопросах, мне пришлось обратиться к ряду весьма доброжелательных экспертов. Спасибо моему дяде, достопочтенному Роберту М. Шайберу, и лейтенанту Эммету Б. Хелричу, которые позволили обращаться к ним с любыми идеями. Огромное спасибо адвокату Молли Гастингс из Канзас-Сити, которая с исключительной любезностью разъясняла мне тонкости своей работы. И бесконечная благодарность детективу Крейгу Энлоу из отдела сухопутной полиции Оверленд-парка за подробные ответы на мои сорок две тысячи писем по электронной почте (и это по самым скромным оценкам) за минувшие два года. Если в текст и вкралась какая-то ошибка — это моя вина.

Спасибо по многим и разнообразным причинам Трише и Крису Бауэр, Кэти Колдуэлл, Джессике и Райану Кокс, Саре и Алексу Экерт, Уэйду Эллиоту, Райану Энрихту, Махку и Поле Хоторн, Саре Найт, Йокунде Лопес, Кэмерон и Шону Миллер, Адаму Нивенсу, Джошу Ноэлю, Джесс и Джеку О'Доннел, Лорен Оливер, Брайану Рафтери, Хавьеру Рамиресу, Кевину Робинету, Джулии Сабо, «Джиджи» Сэйки, Джо Сэмсону, Кэти Сайджельман, Сьюзен

и Эрролу Стоун, Деборе Стоун, Тэсс и Гэри Тодд, Дженни Уильямс, Джошу Уоку, Биллу и Келли Е, «Чикагской городской пивной» (в память о рождественском утре) и непотопляемой Кортни Макгвайр.

Моей родне из Миссури — всем Шайберам, Уэлшам, Флиннам и прочим. Спасибо за любовь, поддержку, улыбки, роллы с огурцом и бурбон со льдом… В общем, за образ Миссури, волшебного края, как называет его Ник.

Отзывы некоторых читателей — хороших моих друзей тоже были невероятно полезны. Маркус Сэйки дал мне остроумную подсказку насчет пивной и тайской еды. Дэвид Маклин и Эмили Стоун читали «Исчезнувшую» за считаные месяцы до их свадьбы. Похоже, это нисколько не повредило вам, ребята, а уж книга точно стала гораздо лучше. Так что спасибо. И счастливого путешествия на Каймановы острова.

Скотт Браун, спасибо вам за письменные комментарии к «Исчезнувшей», в особенности за те, что касаются Озарка. Я рада, что мы все-таки не потопили наш водный велосипед. В вашем лице я нашла вдумчивого читателя, который всегда способен разъяснить мне самой, что же я хотела сказать. Вы доброе чудовище и замечательный

друг.

Благодарю моего брата Трэвиса Флинна, который был всегда рядом и с готовностью подсказывал, как работают те или иные вещи. Также очень люблю Рут Флинн, Брэндона Флинна и Холи Бейли.

Спасибо моим родственникам со стороны мужа — Кэти и Джиму Нолан, Дженнифер Нолан, Меган, Пабло и Хави Маррокин, а также всем остальным Ноланам и Сэмсонам. Это большая удача, что я влилась в вашу большую семью. Спасибо за все. Кэти, мы догадывались, что у вас замечательное сердце, и за прошедшие годы не раз в этом убедились.

Благодарю моих родителей, Мэтта и Джудит Флинн. Вдумчивые, заботливые, остроумные, добрые, благосклонные… Прошу Божьего благословения для вас обоих. Спасибо, что вы так добры ко мне и что всегда находите новых читателей для моих книг.

Спасибо за то, что я уверена: быть Флинном замечательно. Глядя на вас, я сама становлюсь хорошей матерью.

И наконец, мои ребята.

Рой — милый котенок.

Флинн — малыш, я тебя обожаю. Если 2024 год

еще не наступил, то тебе рано брать в руки мою книгу.

Бретт! Мой муж! Отец моего ребенка! Лучший партнер по танцам, создатель самого вкусного поджаренного сыра. Мужчина, который умеет выбрать вино. Мужчина, который великолепно смотрится в смокинге. И в костюме зомби тоже. Мужчина, который весело смеется и прекрасно свистит. Мужчина, который на все может дать ответ.

Мужчина, который смешит нашего сына до упаду. Мужчина, который смешит до упаду меня. Мужчина, которому можно задавать самые неудобные и колкие вопросы о мужчинах, да еще не вовремя. Мужчина, который читал и перечитывал текст, а потом перечитывал еще раз. Все это ты, дорогой. Спасибо, что взял меня в жены.

Три вечных слова.